ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

О. Бауэра, Л. Будина, Н. Бухарина,
И. Г., Р. Гильфердинга, К. Каутского,
Г. Кунова, Карла Маркса, А. Паннекука,
К. Шмидта и Г. Экштейна

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Ш. ДВОЛАЙЦКОГО и И. РУБИНА

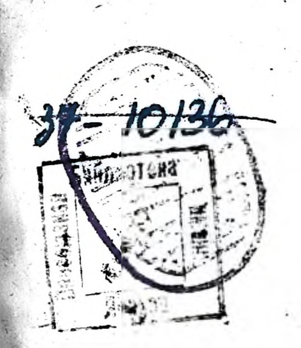
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

О. Бауэра, Л. Будина, Н. Бухарина,
И. Г., Р. Гильфердинга, К. Каутского,
Г. Кунова, Карла Маркса, А. Паннекука,
К. Шмидта и Г. Экштейна

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Ш. Дволайцкого и И. Рубина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО □ 1922

Гиз. 1529. (Р. Ц. Москва). № 171. Нап. 15.000 экз.

1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х., Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В конце XIX века, в период идейной борьбы с народничеством, мысль русских марксистов усердно и напряженно работала над дальнейшим развитием экономической теории Маркса. Не говоря уже об основном предмете спора: развитии капитализма в России и эволюции аграрных отношений в русской деревне, серьезному научному исследованию подвергались и чисто-теоретические проблемы. Горячие споры возбуждали вопросы теории трудовой стоимости, воспроизводства капитала, рынков, кризисов, отчасти ренты. Одно время русский марксизм претендовал на первое место в области экономической теории. Как известно, немецкие марксисты усматривали даже отличительную особенность русского марксизма в его приверженности к чисто-теоретическим проблемам, объясняя эту особенность его невольною оторванностью от практической жизни в самодержавной России, отсутствием для него точки действенного приложения своих сил в лице широкого массового рабочего движения. Это объяснение оказалось правильным, по крайней мере, в отрицательном виде: по мере роста с начала XX века мощного рабочего движения, мысль и воля русских марксистов направлялись на обслуживание насущных практических

нужд этого движения, на вопросы партийного и государственного строительства, в сторону от проблем теоретической экономии.

За последнее десятилетие лучшие и наиболее серьезные труды по экономической теории марксизма появились в немецкой литературе; достаточно назвать «Финансовый капитал» Рудольфа Гильфердинга и «Накопление капитала» Розы Люксембург. Помимо этих монументальных трудов, немецкая марксистская литература разрабатывала отдельные экономические вопросы в журнальных статьях, преимущественно в «Neue Zeit» и отчасти в органе австрийских марксистов «Kampf». Собранные вместе в настоящем сборнике эти статьи, на-ряду с большими монографическими исследованиями, дадут читателю представление о том, что сделано до сего дня в разработке экономической теории марксизма. В этом отношении настоящий сборник, надеемся, заинтересует и читателей, близко знакомых с экономическою системою Маркса и обладающих достаточною теоретическою подготовкою. С другой стороны, сборник окажется полезным в качестве пособия для изучения экономических идей Маркса также для читателей менее подготовленных, хотя, несомненно, некоторые статьи представят для них значительные трудности (например, найденная в бумагах Маркса в 1902 г. рукопись «Введение к критике политической экономии», статьи Гильфердинга об исторической подготовке экономической системы Маркса и о проблеме теоретической экономии у Маркса, статьи Экштейна о Рикардо и о методе политической экономии и некот. друг.). Наиболее доступно изложены следующие статьи: Бауэра о «Капитале», Кунова о методе Маркса,

Каутского о «загадке цены», статьи о теории предельной полезности, статьи Бауэра и Кунова о теориях прибавочной стоимости.

Настоящее издание разделяет обычную и неизбежную участь сборников подобного рода: собранные в нем статьи различаются не только, как указано, по степени доступности для читателя, но и по качеству, по силе мысли и способу изложения, а отчасти и по оттенкам взглядов на те или иные экономические проблемы. Эти статьи дают не столько популяризацию идей Маркса, сколько дальнейшее их развитие и разработку. Авторы их представляют столь крупные и более или менее оригинальные научные индивидуальности, что о полном совпадении их экономических и философских взглядов не может быть и речи; но все они исходят из основных экономических идей Маркса и оперируют в своих исследованиях его методом.

Некоторые из статей имеют отношение не только к тому отделу, в котором мы им отвели место, но и к другим. В частности статья Экштейна о «методе политической экономии» в большой своей части посвящена разбору и критике теории предельной полезности и может быть с пользою прочитана только после ознакомления с этой теорией. Статья Гильфердинга «Историческая подготовка политической экономии Маркса», которая анализирует метод, применяемый Марксом в его «теориях прибавочной стоимости», представляет вместе с тем интерес обще-методологический.

Из статей сборника только две: Кунова и Экштейна о теориях прибавочной стоимости, появились в свое время на русском языке, в другом

переводе. Все остальные статьи появляются на русском языке впервые.

Что касается перевода, считаем необходимым обратить внимание читателя, что термин «Wert» переведен нами словом «стоимость», за исключением статьи Н. Бухарина, который признает более правильным термин «ценность» и употребляет его в своих работах на русском языке. Также пользовались мы термином «ценность» в отдельных фразах, где речь идет о субъективной оценке и где употребление термина «стоимость» могло бы затемнить или исказить смысл фразы.

Ш. Дволайцкий. И. Рубин.

I

Предмет и метод политической экономии

Карл Маркс.

Введение к критике политической экономии [1].

Предисловие редактора ко второму, расширенному изданию.

Настоящее издание воспроизводит без изменений первое новое издание. Однако я расширил его, включив в него работу Маркса, которую я нашел в 1902 г. в его бумагах и которую опубликовал в 1903 г. в «Neue Zeit». Есть основание предполагать, что она представляет собой тот проект «общего введения», о котором Маркс в предисловии к «Критике» и т. д. говорит, что он его «*набросал*». Тетрадь, в которой находится эта работа, датирована 23 августа 1857 года. Она сама носит заглавие «Введение». Наконец, содержание вполне соответствует тому, что мы ожидали найти в подобном введении.

Оно фактически только «набросано», рукопись представляет простой конспект, который зачастую содержит лишь намеки фраз. Поэтому я позволил себе его проредактировать, произвести стилистические изменения, изменения слов, дать перевод англицизмов и т. п. Однако, по временам в рукописи имеются лишь намеки слов. Например, одна фраза выглядит так: «Auch d. VS. v. Pdktft. u Vrkhrsvssn. bes. (entwickelt) anschaulich in (H) d. Arm».

Взятые в скобки слова в рукописи зачеркнуты. Не все можно ясно разобрать. Последнее, например, может означать также Ann или Am. Я передаю фразу следующим образом: «Auch das Verhältnis von Produktivkraft und Verkehrsverhältnissen wird besonders anschaulich in der Armee» (точно так же отношение между производительными силами и средствами сообщения особенно наглядно в армии).

---

[1]) Настоящая статья переведена Е. Пашуканисом.

Работа была бы сделана неудобочитаемой, если бы я воспроизвел оригинал, как он есть, или даже отметил для читателя каждое редакционное исправление особым примечанием. Там, где не могло быть сомнения в правильности моих изменений и дополнений, я делаю их без оговорок. В сомнительных случаях я заключал мои вставки в квадратные скобки; слова, относительно которых я не был уверен в правильности своей расшифровки, снабжены мною вопросительным знаком, прочие изменения оговорены в подстрочных примечаниях. Последние в Введении принадлежат исключительно мне, почему и нет надобности указывать на это особо в каждом отдельном случае.

Я, разумеется, не позволил себе производить редактирование, выходящее за рамки сглаживания небольших шероховатостей формы. По существу я воспроизвожу оригинал, который, к сожалению, представляет собой не только первый набросок, но и всего лишь фрагмент, притом скоро обрывающийся. Ибо, как далее рассказывает Маркс в предисловии к «Критике», он отказался от общего введения; он потому оставил его незаконченным, что ему, при ближайшем рассмотрении, казалось вредным «всякое предвосхищение еще подлежащих доказательству выводов».

Для нас уже не существует этого основания к тому, чтобы отказываться от опубликования Введения в том месте, для которого оно было предназначено. Выводы, которые полстолетия тому назад еще нужно было доказывать, получили с того времени свое обоснование в богатой литературе; методы и основные результаты исследований Маркса, если и не получили еще в науке всеобщего признания, то, по крайней мере, пользуются всеобщей известностью.

О «предвосхищении еще подлежащих доказательству выводов» в Введении к Критике не может быть теперь речи.

Однако этим вовсе не сказано, что оно повторяет всем известные вещи. Несмотря на то, что со времени его написания протекло полстолетия, несмотря на то, что с тех пор Маркс и Энгельс дали обстоятельное изложение, обоснование и разностороннейшее и детальное применение своей философии, своего понимания истории, своего понимания капиталистического способа производства,—несмотря на все это, маленький фрагмент Введения с его отрывочными и незаконченными намеками открывает нам целое богатство новых взглядов. И, не являясь уже предвосхищением подлежащих еще доказательству

выводов, оно тем не менее углубляет и проясняет наши представления об уже достигнутых результатах. Оно представляет собой значительное обагощение марксистской литературы, а тем самым и настоящей книги.

Карл Каутский.

Берлин, апрель 1907 года.

Введение к критике политической экономии.

1. Производство вообще.

Предмет исследования—это прежде всего материальное производство.

Индивиды, производящие в обществе—а, следовательно, общественно-обусловленное производство индивидов—вот очевидно отправной пункт. Единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии химерам восемнадцатого века. Это—робинзонады, которые вовсе не являются,—как воображают историки культуры,—лишь реакцией против чрезмерной утонченности и возвращением к ложно понятой природе. Точно так же и «Общественный договор» Руссо, в котором взаимоотношение и связь между независимыми от природы субъектами устанавливается путем договора, ни в малой степени не покоится на подобном натурализме. Все это внешность и только эстетическая внешность, больших и малых робинзонад. Напротив того, мы имеем здесь дело с предвосхищением «буржуазного общества», которое начало развиваться с шестнадцатого столетия, а в восемнадцатом—сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости. В этом обществе свободной конкуренции отдельная личность является освобожденной от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали из нее составную часть некоторого ограниченного человеческого конгломерата. Пророкам восемнадцатого столетия, на плечи которых еще целиком опираются Смит и Рикардо, этот индивид восемнадцатого века, продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой—новых производительных сил, начавших развиваться в XVI веке,—представляется идеалом, существование которого отно-

сится к прошлому—не результатом истории, но ее исходным пунктом.

Так как этот индивид казался воплощением естественных свойств и отвечал воззрению на природу человека, то в нем видели нечто, не исторически возникшее, а установленное самой природой. Это заблуждение было до сих пор свойственно каждой новой эпохе. Стюарт, который, как аристократ, во многих отношениях, в противоположность восемнадцатому веку, стоит на исторической почве, избежал этой наивности. Чем глубже мы уходим в даль истории, тем в большей степени индивид, а следовательно, и производящий индивид является не самостоятельным, а принадлежащим к более обширному целому: сначала естественная связь соединяет его с семьей, и с семьей, развившейся в род; затем с обществом, различные формы которого возникли из столкновений и слияния родов. Лишь в XVIII веке, в «буржуазном обществе», различные формы общественных связей выступают по отношению к отдельной личности просто, как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, которая порождает эту точку зрения—отъединившегося индивида,—является как раз эпохой наиболее развитых общественных (т.-е. с этой точки зрения всеобщих) связей. Человек есть в буквальном смысле zoon politikon, не только общественное животное, но животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленных личностей вне общества—возможное, как редкое исключение для цивилизованного человека, случайно заброшенного в необитаемую местность и динамически уже в себе самом носящего общественные силы—такая же бессмыслица, как развитие языка вне *совместно* живущих и друг с другом говорящих индивидов.

На нем нечего поэтому долго останавливаться. Этой точки зрения можно было бы и вовсе не касаться, если бы нелепости, понятные у людей XVIII века и имевшие тогда смысл, не были бы снова, с самым серьезным видом, притянуты в экономию Бастиа, Кэри, Прудоном и т. д.

Прудону и другим, разумеется, очень удобно объяснять возникновение какого-либо экономического отношения, историческое происхождение которого ему неизвестно, путем создания мифа об Адаме или Прометее, которым данная идея явилась в готовом и законченном виде, затем она применена была в

действительность и т. д. Нет ничего более сухого и скучного, чем фантазирующий «locus communis».

Таким образом, если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной общественной ступени развития—о производстве индивидов, живущих в обществе. Может поэтому казаться, что для того, чтобы вообще говорить о производстве, мы должны либо заняться исследованием исторического процесса развития в его различных фазах, либо с самого начала заявить, что мы имеем дело с определенной исторической эпохой, например, с современным буржуазным производством, которое собственно и является фактически нашей темой. Однако, всем эпохам производства свойственны некоторые общие признаки, некоторые общие определения. Производство в общем—это абстракция, но абстракция, имеющая смысл, поскольку она действительно выдвигает общее, фиксирует его и тем избавляет нас от повторений. Кроме того, это общее и сходное, выделенное путем сравнения, само является многократно расчлененным и содержит в себе различные определения. Одни относятся ко всем эпохам, другие—общи лишь некоторым. Одни определения являются общими для современной и для древнейшей эпохи и без них невозможно мыслить себе производство; однако, хотя наиболее развитые языки, законы и определения имеют нечто общее с наименее развитыми, но именно то, что образует их развитие, и выделяет их из общего и сходного. Определения, которые приложимы к производству вообще, должны быть проанализированы, чтобы существенные различия не были забыты в виду единства, которое обусловлено уже тем, что как субъект—человечество, так и объект—природа существуют на всех ступенях. И, например, вся мудрость современных экономистов, доказывающих вечность и гармонию существующих социальных отношений, заключается в том, что они забывают об этих различиях, доказывая, напр., что никакое производство невозможно без орудий производства, хотя бы этим орудием была только рука, и что никакое производство невозможно без предшествующего накопленного труда, хотя бы этот труд представлял собою всего лишь сноровку, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся упражнений. Капитал есть также средство производства,—он также является результатом предшествовавшего объективировавшегося труда, следовательно, капитал есть всеобщее веч-

ное естественное явление; это можно утверждать, только откинув то специфическое, что одно лишь превращает «орудие производства», «накопленный труд»—в капитал.

Поэтому, например, Кэри вся история производственных отношений представляется, как ряд фальсификаций, учиненных злокозненными правительствами.

Если не существует производства вообще, то не существует также общего производства. Производство всегда представляет собою *особую* отрасль производства или некоторую совокупность их; например, земледелие, скотоводство, мануфактура и т. д. Однако политическая экономия—не технология. Отношение всеобщих определений производства на данной общественной ступени к отдельным формам производства надлежит развить в другом месте (впоследствии).

Наконец, производство не только выступает перед нами в своих конкретных формах. Но действующим лицом в более или менее обширной совокупности отраслей производства всегда является некоторый социальный организм, общественный субъект. Отношение научного изложения к реальному движению опять-таки сюда не относится. [Мы должны, следовательно. различать] производство вообще, особые отрасли производства, совокупность производства. В экономии вошло в моду предпосылать общую часть, которая как раз фигурирует под заглавием «производство» (см., например, у Дж.-Ст. Милля) и где трактуются общие условия всякого производства.

Эта общая часть состоит или якобы должна состоять:

1) Из условий, без которых невозможно производство, т.-е. на самом деле из указаний, не содержащих в себе ничего, кроме важнейших моментов всякого производства. Однако фактически, как мы это увидим, они сводятся к немногим, весьма простым определениям, которые, пространно изложенные, превращаются в плоские тавтологии.

2) Из условий, которые более или менее способствуют производству, как, например, у Адама Смита [рассуждения] о прогрессирующем и стационарном состоянии общества.

Чтобы эти моменты, имеющие у Смита ценность беглых замечаний, поднять до научного значения, было бы необходимо исследовать развитие производительности у отдельных народов; такое исследование собственно лежит вне границ нашей

темы, поскольку же входит в нее, должно быть отнесено к главам о конкуренции, накоплении и т. д.

В общей постановке ответ сводится к общему же положению, что у промышленной нации производство достигает наивысшей точки, когда нация вообще достигает исторически кульминационного пункта. Или же, например, что известные расовые особенности, климат, естественные условия, как близость к морю, плодородие почвы и т. д. более благоприятны для производства, чем другие. Это опять сводится к тавтологии, что богатство, тем легче создается, чем больше имеются на-лицо субъективные и объективные его элементы. Фактически эту высшую степень промышленного развития какого-либо народа [мы наблюдаем] до тех пор, пока главной целью является не прибыль (Gewinn), а процесс добывания (gewinnen). Постольку янки стоят выше англичан.

Однако все это вовсе не то, о чем действительно трактуют экономисты в вышеупомянутой общей части. Производство, наоборот, см., напр., Милля—должно быть изображено в отличие от распределения, как заключенное в рамки вечных законов природы, независимых от истории, чтобы при этом удобном случае подсунуть *буржуазные* отношения в качестве непреложных естественных законов общества in abstracto. В этом заключается более или менее сознательная цель всего приема. При распределении, напротив, люди по этой теории позволяют себе всяческий произвол. Даже независимо от того, что действительная связь производства и распределения здесь самым грубым образом разорвана, с самого начала должно быть ясно, что какие бы различные формы ни принимало распределение на различных ступенях общественного развития, о нем также, как и о производстве, могут быть высказаны общие положения и все исторические различия опять-таки могут быть слиты и погашены в *обще-человеческих* законах. Например, раб, крепостной, наемный рабочий все получают известное количество пищи, которое дает им возможность существовать, как рабу, как крепостному, как наемному рабочему. Завоеватель, живущий за счет дани, или чиновник, живущий за счет налогов, или землевладелец—за счет ренты, или монах—за счет милостыни, или левит—за счет десятины,—все они получают известную долю общественного производства, которая определяется другими законами, чем доля рабов и т. д. Главны-

ми двумя моментами, которые все экономисты относят в эту рубрику, являются: 1) собственность, 2) ее обеспечение судами, полицией и т. д. На это можно вкратце возразить:

ad 1. Всякое производство есть присвоение индивидуумом благ природы внутри определенной общественной формы и посредством нее. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства. Смешно, однако, делать отсюда прыжок к определенной форме собственности, например, к частной собственности (что к тому же предполагает в качестве условия противоположную форму— отсутствие собственности). История, наоборот, показывает нам коллективную собственность (например, у индусов, славян, древних кельтов и т. д.), как первоначальную форму,—форму, которая под видом общинной собственности играет еще долго значительную роль. Мы здесь еще вовсе не занимаемся вопросом о том, развивается ли богатство успешнее при той или другой форме собственности. Но что ни о каком производстве, а, следовательно, ни о каком обществе не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности, это является тавтологией. Присвоение, которое ничего не присваивает, есть contradictio in subjecto.

ad 2. Обеспечение собственности и т. д. Если эти тривиальности свести к их истинному содержанию, они скажут больше, чем известно их проповедникам. Именно, что каждая форма производства порождает ей свойственные правовые отношения, формы правления и т. д. Грубость понимания и бедность идей в том и заключается, что явления, органически между собой связанные, ставятся в случайные взаимоотношения, соединяются чисто рассудочным путем. Перед буржуазными экономистами при этом витает лишь представление, что при современной полиции можно лучше производить, чем, например, при кулачном праве. Они забывают только, что и кулачное право есть право, и что право сильного продолжает существовать в других формах также и в их «правовом государстве».

Когда общественные отношения, отвечающие определенной ступени производства, только возникают, или когда они уже исчезают, естественно происходят нарушения производства, хотя различной степени и различного действия.

Резюмируем: имеются определения, общие всем ступеням производства, которые, как общие, фиксируются мышлением,

однако, все так называемые *общие условия* всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной, исторической ступени производства.

2. Общее отношение производства к распределению, обмену, потреблению.

Прежде чем продолжать дальнейший анализ производства, необходимо обратить внимание на те различные рубрики, которые ставят рядом с ним экономисты. Первое поверхностное представление заключается в следующем: в процессе производства члены общества приспособляют продукты природы к человеческим потребностям (производят, придают форму); распределение указывает пропорцию, в которой каждый принимает участие в произведенном; обмен доставляет ему те определенные продукты, на которые он хочет обменять доставшуюся ему при распределении долю; наконец, в потреблении продукты становятся объектами пользования (des Genusses), индивидуального присвоения. Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение подразделяет их согласно общественным законам; обмен распределяет снова уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении продукт выступает из обществ иной циркуляции и становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе пользования. Производство является таким образом исходной точкой, потребление—конечным пунктом, распределение и обмен—срединой, которая в себе заключает два момента, поскольку распределение отправляется от общества, а обмен от индивида. В производстве личность объективируется, [в потреблении [1]] вещь приобретает субъективные свойства. В распределении общество принимает на себя в виде господствующих всеобщих законов посредничество между производством и потреблением, в обмене посредником выступает случайное решение индивида.

Распределение определяет отношение (количество), в котором продукты достаются индивиду; обмен определяет те продукты, в которых индивид требует свою часть, выпавшую ему при распределении.

---

[1]) В оригинале «личности».

Производство, распределение, обмен, потребление образуют таким образом настоящее логическое единство: производство составляет в нем общее, распределение и обмен—частное, а потребление единичное, замыкающее собою целое. Это тоже своего рода связь, но поверхностная.

Производство [согласно учению экономистов] определяется общими законами природы, распределение—случайностью общественного характера, оно может поэтому более или менее благоприятно воздействовать на производство: обмен лежит между ними обоими, как формально (?) общественный процесс, а заключительный акт—потребление, который рассматривается не только как конечный пункт, но и как главная цель, лежит, собственно, вне экономики, кроме лишь того, что оно влияет снова на исходный пункт и дает начало повторению всего процесса.

Противники политико-экономов,—будь то противники из среды этой самой науки или извне ее, упрекающие экономистов в варварском разрывании на части единого целого, либо стоят с ними на одной почве, либо *ниже* их. Нет ничего более обычного, как упрек политико-экономам, будто они слишком выдвигают производство, рассматривая его, как самоцель. Распределение, мол, имеет точно так же большое значение. В основе этого упрека как раз лежит представление экономистов, будто распределение существует, как самостоятельная, независимая сфера, на-ряду с производством. Или [им делают упрек], что все моменты не охватываются в их единстве. Как будто бы этот разрыв проник не из действительности в учебники, а, наоборот, из учебников—в действительность, как будто бы здесь дело идет о диалектическом примирении понятий, а не о понимании реальных отношений!

а. *Производство есть непосредственно также и потребление.* Двоякое потребление—субъективное и объективное. Индивид, который развивает свои способности в производстве, также расходует их, потребляет в акте производства, подобно тому, как естественный акт воспроизведения потомства представляет собой расходование жизненной силы. Во вторых, производство есть потребление средств производства, которые поступают в пользование, снашиваются, а отчасти (как, например, при сжигании) распадаются на основные элементы. Точно так же обстоит дело с потреблением сырого материала, который не

сохраняет своего естественного вида и свойств, но, как таковой, потребляется. Поэтому самый акт производства, во всех своих моментах, есть также акт потребления. Однако со всем этим экономисты согласны. Производство, непосредственно отожествляющееся с потреблением, потребление, непосредственно совпадающее с производством, называют они производительным потреблением. Эта идентичность производства и потребления проводит к положению Спинозы: «determinatio est negatio». Однако это определение производительного потребления устанавливается только для того, чтобы отделить потребление идентичное с производством от собственно потребления, которое, наоборот, мыслится, как уничтожающая противоположность. Рассмотрим поэтому собственно потребление.

Потребление есть непосредственно также и производство подобно тому, как в природе потребление химических элементов есть производство растения. Что, например, в процессе питания, представляющем собою одну из форм потребления, человек воспроизводит свое собственное тело, это совершенно ясно; однако, это приложимо ко всякому другому виду потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, воспроизводит человека. Это потребительное производство. Однако, говорит политическая экономия, это идентичное с потреблением производство есть второй вид производства, происходящий из уничтожения продукта первого.

В первом производитель овеществляет себя, во втором—персонифицируется вещь. Таким образом, это потребительное производство, хотя оно является непосредственным единством производства и потребления, существенно отличается от собственно производства. Непосредственное единство, в котором производство совпадает с потреблением и потребление—с производством, допускает на-ряду с этим их непосредственную раздвоенность.

Производство, таким образом, является непосредственно потреблением, потребление—непосредственно производством. Каждое непосредственно заключает в себе свою противоположность. Однако, в то же время, между обоими совершается связывающее их (vermittelnde) движение. Производство делает возможным потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы объект. Однако потребление также делает возможным производство, ибо оно

лишь создает для продуктов субъекта, для которого они и являются продуктами. Продукт получает свое последнее завершение [1]) только в потреблении. Железная дорога, по которой не ездят, которой не пользуются, которая не потребляется, есть железная дорога только dynamei, а не в действительности. Без производства не может существовать потребление, однако и без потребления не может существовать производство, так как производство в таком случае было бы бесцельно. Потребление создает производство в двояком отношении:

Во-первых, тем, что в потреблении продукт становится действительно продуктом, например, платье становится действительно платьем лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не живут, не является фактически домом; таким образом продукт, в отличие от простого предмета природы, делается продуктом только в потреблении. Потребление, уничтожая продукт, дает ему завершение, ибо продукт есть [результат] производства, не только как овеществленная деятельность, но и при том условии, что он является предметом для действующего субъекта.

Во-вторых, потребление порождает производство, создавая потребность в новом производстве, т.-е. вызывая идеальный, внутренний, побуждающий мотив производства, который является его предпосылкой. Потребление создает импульс к производству, оно создает также и предмет, который участвует в производстве, определяя его цель. И если ясно, что производство предлагает потреблению предмет в его внешней форме, то точно так же ясно, что потребление создает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность, как импульс и как цель. Оно создает предмет производства в его еще субъективной форме. Без потребности нет производства. Однако потребление воспроизводит потребность.

Этому соответствует со стороны производства то, что оно

1. доставляет потреблению [2]) материал, предмет. Потребление без предмета не есть потребление. Таким образом, с этой стороны производство создает, порождает потребление.

2. Однако производство создает для потребления не только предмет, оно дает потреблению его определенность, его харак-

---

[1]) В оригинале здесь, как и в других местах, поставлено «finish», которое повсюду заменено словом завершение (Vollendung).

[2]) В оригинале производству.

тер, его законченность. Так же как потребление завершает продукт, как продукт, так производство дает законченность потреблению. Во-первых, предмет не есть предмет вообще, а *определенный предмет*, который потребляется определенным способом, опять-таки предуказанным производством. Голод есть голод, однако голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов. Не только предмет потребления, но также и способ потребления порождается поэтому производством, не только объективно, но также и субъективно. Производство таким образом создает потребителя.

3. Производство не только доставляет потребности материал, но оно доставляет и материалу потребность. Когда потребление выходит из своей первоначальной природной грубости и непосредственности, а пребывание его на этой ступени являлось бы само результатом закосневшего в первобытной дикости производства, то оно само, как импульс, исходит от предмета. Потребность, которую оно в нем ощущает, создается его восприятием. Предмет искусства, а также всякий другой продукт—создает понимающую искусство и способную наслаждаться красотой публику. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъекта для предмета. Производство поэтому создает потребление, 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) тем, что возбуждает в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт. Оно порождает поэтому предмет потребления, способ потребления и импульс потребления. Точно так же потребление [порождает] способности производителя, влияя на него, как цель (?) и возбуждая потребность. Идентичность потребления и производства проявляется, следовательно, в трояком отношении:

1. Непосредственная идентичность: производство есть потребление; потребление есть производство. Потребительное производство. Производительное потребление. Экономисты называют то и другое производительным потреблением, но делают еще одно различие: первое фигурирует, как воспроизводство, второе—как производительное потребление. Все исследования относительно первого являются исследованием о производительном или непроизводительном труде; исследование вто-

рого—исследование о производительном или непроизводительном потреблении.

2. То, что каждое из них является средством для другого и совершается с его помощью, в чем и выражается их взаимная зависимость. Это движение, в котором они вступают в отношения друг к другу, являясь как необходимое условие одно для другого, но оставаясь еще внешними по отношению друг к другу.

Производство создает материал, как внешний предмет для потребления; потребление создает потребность, как внутренний предмет, как цель для производства. Без производства нет потребления, без потребления нет производства—это положение фигурирует (?) в экономии в различных формах.

3. Производство не только является непосредственно потреблением, а потребление—непосредственно производством; производство выступает не только как средство для потребления, а потребление как цель для производства, т.-е. каждое доставляет другому его предмет, производство—внешний предмет для потребления, потребление—воображаемый предмет для производства. Но каждое из них не только заключает в себе непосредственно другое и не только существует через его посредство, но каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое (?). Только потребление и завершает акт производства, придавая продукту законченность в качестве продукта, уничтожая его, потребляя его самостоятельную, вещественную форму; усиливая способность производить, развитую в первом акте производства, посредством, потребности повторения до степени искусства, оно, следовательно, не только тот завершающий акт, благодаря которому продукт становится продуктом, но и [тот], благодаря которому производитель становится производителем. С другой стороны, производство создает потребление, порождая определенный способ потребления и, далее, создает самую способность потребления, как потребность, как побудительный мотив. Эта последняя, указанная под цифрой 3, идентичность многократно разъясняется в политической экономии в отношении спроса и предложения, предметов и потребностей, потребностей естественных и созданных обществом.

Поэтому для гегельянца нет ничего проще, как отожествить производство и потребление. Их отожествляют не только

социалистические беллетристы, но и сами экономисты, как, например, Сэй в той форме, что если мы станем рассматривать народ или человечество in abstracto, то его производство будет его потреблением. Шторх доказал ошибку Сэя, напомнив, что народ не потребляет, напр., свой продукт целиком, но создает и средства производства, основной капитал и т. д. Кроме того, рассматривать общество, как единый субъект, значит рассматривать его с ложной точки зрения—умозрительно. У единичного субъекта производство и потребление являются моментами одного акта. Здесь нужно отметить только самое важное, что если рассматривать производство и потребление как деятельность единого ли субъекта, или отдельных индивидов, во всяком случае они выступают как моменты одного процесса, при чем производство является действительным исходным пунктом, а поэтому и господствующим моментом. Потребление, в качестве нужды или потребности, само является внутренним моментом производительной деятельности; однако, последняя есть исходный пункт реализации, а потому и господствующий момент,— акт, в котором весь процесс снова повторяется сначала. Индивидуум производит предмет и через его потребление возвращается к себе, как к исходному пункту, но к себе, как производящему и себя самого воспроизводящему индивиду. Потребление, таким образом, является моментом производства.

Но в обществе отношение производителя к продукту, поскольку он уже изготовлен, чисто внешнее и возвращение продукта к субъекту зависит от отношения последнего к другим индивидам. Он не вступает в непосредственное владение продуктом. Точно так же, если он производит в обществе, то непосредственное присвоение продукта не составляет его цели. Между производителем и продуктом встает распределение, которое при помощи общественных законов определяет долю производителя в мире продуктов; оно становится, следовательно, между производством и потреблением.

Стоит ли распределение, как самостоятельная область, рядом с производством и вне его?

b) *Производство и распределение.*

Если обратиться к обычным сочинениям по политической экономии, то прежде всего бросается в глаза, что в них все встречается в двойном виде; например, в распределении фигурируют земельная рента, заработная плата, процент и при-

быль, в то время, как в производстве—земля, труд, капитал фигурируют как факторы производства. Относительно капитала с самого начала ясно, что его понятие устанавливается в двояком смысле: 1) как фактора производства; 2) как источника дохода; процент и прибыль [появляются] как моменты, определяющие известные формы распределения; поэтому [они] фигурируют еще и как таковые в производстве, представляя собой те формы, в которых увеличивается, возрастает капитал, следовательно, как моменты самого производства. Процент и прибыль, как формы распределения, подразумевают капитал, как фактор производства. Они—способы распределения, предпосылкой которых является капитал, как агент производства. Они являются также способами воспроизводства капитала.

Заработная плата точно так же представляет собою наемный труд, рассматриваемый в иной рубрике: те определения, под которыми труд выступает здесь, как агент производства, являются [там] моментами, определяющими распределение. Если бы труд не был определен, как наемный труд, то и тот способ, каким он участвовал в распределении [1]), не принял бы вида заработной платы, как, например, при рабстве. Наконец, земельная рента,—если взять сразу наиболее развитую форму распределения, в которой земельная собственность участвует в продуктах производства,—подразумевает крупную земельную собственность (собственно говоря, крупное сельское хозяйство) как агента производства, но не землю, как таковую, так же *как заработная плата* не имеет предпосылкой труд, как таковой. Отношения и способы [распределения являются поэтому лишь оборотной стороной агентов производства. Индивидуум, принимающий участие в производстве в форме наемного труда, в форме заработной платы принимает участие в результатах производства, в продуктах. Система распределения вполне определяется системой производства. Распределение само есть продукт производства,—не только в отношении предмета,—ибо распределяться могут] только результаты производства,—но и в отношении формы, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения,—форму, в которой каждый принимает участие в распределении. Поэтому является полнейшей

---

[1]) В оригинале—«производстве».

иллюзией, когда в производстве говорят о земле, в распределении—о земельной ренте и т. д.

Поэтому экономисты, как Рикардо, которым был прежде всего брошен упрек, что они имели в виду лишь производство, смотрели в действительности на распределение, как на единственный предмет политической экономии; они для наглядности избрали формы распределения, как точнейшее выражение, в котором фиксируются агенты производства в данном обществе.

По отношению к отдельному индивиду распределение выступает, как общественный закон, определяющий его положение в сфере производства, внутри которой он производит, а, следовательно, предшествующий производству. Индивид не имеет с самого начала ни капитала, ни земельной собственности. От самого рождения общественным распределением ему предназначен наемный труд. Однако это предназначение само есть результат того, что капитал, земельная собственность существуют, как самостоятельные агенты производства.

Рассматривая общество в целом, мы видим, что распределение еще с одной стороны предшествует производству и определяет его, в качестве, так сказать, предъэкономического факта. Народ-завоеватель разделяет землю между завоевавшими и устанавливает таким образом известное распределение и форму земельной собственности, а потому определяет и производство: или побежденный обращается в рабство и таким образом рабский труд делается основой производства. Или народ путем революции разбивает крупную земельную собственность на парцеллы и дает, следовательно, этим новым распределением новый характер производству. Или законодательство увековечивает земельную собственность за крупными родами, или распределяет труд, как наследственную привилегию, и фиксирует ее в кастовом строе.

Во всех этих случаях,—а все они являются историческими,—распределение является не как нечто зависящее от производства, но, наоборот, производство расчленяется и определяется благодаря распределению.

Распределение в самом поверхностном понимании представляется как распределение продуктов, и таким образом далеко отстоящим от производства и якобы по отношению к нему самостоятельным. Однако, прежде чем распределение

становится распределением продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2)—что представляет собою дальнейшее определение того же отношения—распределение членов общества по различным родам производства (подведение индивидов под определенные производственные отношения). Распределение продуктов есть, очевидно, результат этого распределения, которое включено в самый процесс производства и которое обусловливает организацию этого последнего. Производство, рассматриваемое, независимо от этого, в нем заключающегося распределения, есть, очевидно, пустая абстракция, в то время как, наоборот, распределение продуктов дано само собою вместе с этим, первоначально составляющим момент производства, распределением. Рикардо, задачей которого было понять современное производство в его определенной социальной структуре и который является экономистом производства par excellence, именно поэтому объявляет *не* производство, а распределение собственной темой современной экономии. За этим снова следуют нелепости экономистов, которые изображают производство с точки зрения вечных истин, ссылая историю в область распределения.

В каком отношении к производству находится это, определяющее его распределение, есть, очевидно, вопрос, который относится к самому производству. Если скажут, что производство зависит от известного распределения средств производства, и что, по крайней мере, в этом смысле распределение предшествует производству и образует его предпосылку, то на это следует ответить, что производство имеет в самом деле свои предпосылки и условия, которые образуют собою его моменты. Последние могут сначала показаться вытекающими из природы вещей. В самом процессе производства они обращаются из естественных в исторические, и если для одного периода они являются естественными предпосылками производства, то для другого они представляли исторический результат. Внутри самого производства они постоянно меняются. Например, применение машин изменяет распределение как средств производства, так и продуктов, а современная крупная земельная собственность является столь же результатом современной торговли и современной индустрии, сколько результатом применения последней к сельскому хозяйству.

Намеченные выше вопросы сводятся в последнем счете к тому, каким образом общие исторические условия влияют на производство, и к отношению между производством и историческим развитием вообще. Вопрос, очевидно, относится к рассмотрению и развитию самого производства.

Однако, в той тривиальной форме, в которой они выше намечены, на них можно дать столь же короткий ответ. При всех завоеваниях возможен трoякий исход. Народ-победитель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии), или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (например, турки и римляне), или имеет место взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях). Во всяком случае способ производства, будь то победителей, будь то побежденных, будь то возникший из смешения обоих, определяет собою новое распределение, которое устанавливается. Хотя оно является предпосылкой для нового периода производства, само оно опять-таки продукт производства и не только исторического вообще, но и определенного исторического способа производства. Например, монголы, опустошавшие Россию, действовали сообразно их способу производства; для скотоводства большие, необитаемые пространства являются главным условием. Германские варвары, для которых земледелие при помощи крепостных было традиционным способом производства, так же, как изолированная жизнь в деревне, тем легче могли подчинить этим условиям римские провинции, что происшедшая там концентрация земельной собственности совершенно опрокинула прежние системы земледелия. Есть традиционный взгляд, будто в известные периоды существование поддерживалось исключительно грабежом. Однако, чтобы иметь возможность грабить, должно быть на-лицо нечто для грабежа, т.-е. производство [1]). И способ грабежа опять-таки определяется способом производства. Например, нация с развитой биржевой

[1]) Ср. с этим примечание 33 на стр. 51 «Капитала» (3-е немецкое издание): «Поистине забавен господин Бастиа, который воображает, что древние греки и римляне жили только грабежом. Но если существование поддерживается грабежом в продолжение многих столетий, то должно постоянно иметься нечто для грабежа, или объект грабежа должен постоянно воспроизводиться».

спекуляцией [1]) не может быть ограблена так, как пастушеский народ.

В лице раба непосредственно похищаются орудия производства. Однако производство той страны, для которой он захвачен, должно быть устроено таким образом, чтобы оно допускало применение рабского труда или (как в Южной Америке) должен быть создан соответствующий рабскому труду вид производства.

Законы могут какое-либо средство производства, например, землю, увековечить в руках известных семей. Эти законы только тогда получают экономическое значение, когда крупная земельная собственность находится в гармонии с общественным способом производства, как, например, в Англии. Во Франции преобладает мелкое сельское хозяйство, несмотря на крупную земельную собственность, поэтому последняя и была разбита на куски революцией. Но как быть с увековечением парцеллированной собственности, например, путем законов? Вопреки этим законам, собственность снова концентрируется. Влияние законов в смысле закрепления условий распределения и их воздействия этим путем на производство следует рассмотреть особо.

c) *Обмен и обращение.*

Обращение само по себе есть лишь определенный момент обмена, или обмен, рассматриваемый в целом, поскольку обмен есть посредствующий момент между производством и им обусловленными распределением и потреблением, но поскольку распределение и потребление сами являются моментами производства, постольку, очевидно, обмен заключен в последнем, как один из его моментов.

Прежде всего ясно, что обмен деятельностей и способностей, который совершается в самом производстве, непосредственно к нему относится и составляет его сущность. Во-вторых, то же самое имеет силу по отношению к обмену продуктов: поскольку он является средством для производства готового продукта, предназначенного для непосредственного потребления, постольку сам обмен является актом, входящим в производство. В-третьих, обмен между торговцами [2]) по своей организа-

---

[1]) В оригинале «Stockjobbing nation».

[2]) В оригинале: «sogenannte Exchange zwischen dealers und dealers». Здесь Маркс, очевидно, имел в виду одно место у Адама Смита, в котором говорится: «Обращение каждой страны разделяется на две различные ветви: обмен между торговцами (dealers) и между торговцами и

ции определяется производством, точно так же, как и непосредственно производящая деятельность. Обмен является независимым и индифферентным по отношению к производству только в последней стадии, когда продукт непосредственно обменивается для потребления. Однако: 1) не существует обмена без разделения труда, будь последний результатом естественных или исторических условий, 2) частный обмен предполагает частное производство, 3) интенсивность обмена, его распространение, так же как и его форма, определяется развитием и структурой производства, например, обмен между городом и деревней, обмен в деревне, в городе и т. д. Обмен таким образом во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется этим последним.

Результат, к которому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление—одно и то же, но что все они образуют собою части целого, различия внутри единства. Производство в противоположности своих определений охватывает как само себя, так и остальные моменты. С него каждый раз начинается снова процесс. Что обмен и потребление не имеют господствующего значения, это ясно само собою. То же самое приложимо и к распределению как к распределению продуктов. Но в качестве распределения агентов производства оно само есть момент производства. Определенная [форма] производства обусловливает таким образом определенные [формы] потребления, распределения, обмена и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*. Конечно и производство в *его односторонней форме* с своей стороны определяется другими моментами, например, когда расширяется рынок, т.-е. сфера обмена, возрастают размеры производства и становится глубже его дифференциация.

С изменением распределения изменяется производство, например, с концентрацией капитала, с различным распределением населения между городом и деревней и т. д. Наконец, запросы потребления определяют производство. Между различными моментами происходит взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом.

потребителями» (Wealth of Nation, 2 том, 2 глава). Слово «dealer» обозначает здесь не просто купца или лавочника, но включает в себя и производителя.

3. Метод политической экономии.

Когда мы рассматриваем данную страну в экономическом отношении, то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, его группировки между городом, деревней и морем, между различными отраслями производства, с вывоза и ввоза, годичного производства и потребления, цен на товары и т. д. Казалось бы наиболее правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например, в политической экономии с населения, которое образует собой основу и субъекта всего общественного производства. Но при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население—это абстракция, если я упускаю из виду классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю элементов, на которых они покоятся, например, наемный труд, капитал и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например,— ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д. Если я таким образом начал бы с населения, то я дал бы хаотическое представление о целом, и только путем более частичных определений я аналитически подошел бы к все более и более простым понятиям; от конкретного, данного в представлении, к все более и более тощим абстракциям, пока не достиг бы простейших определений. И тогда я должен был бы пуститься в обратный путь, пока снова не подошел бы к населению, но уже не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями. Первый путь это тот, по которому политическая экономия исторически следовала при своем возникновении. Экономисты XVII столетия, например, всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные общие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее абстрагированы и зафиксированы, экономические системы начали восходить от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость, к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод, очевидно, является

правильным в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии. В мышлении оно выступает как процесс соединения, как результат, но не как исходный пункт. хотя оно является исходным пунктом в действительности и, следовательно, также исходным пунктом наглядного созерцания и представления. Если итти первым путем, то полное представление испарится до степени абстрактного определения; при втором же абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления. Гегель поэтому поддается иллюзии, что реальное следует понимать как результат восходящего к внутреннему единству (des sich in sich zusammenfassenden), в себя углубляющегося и из себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усвоивает себе конкретное, воспроизводит его духовно, как конкретное. Однако, это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного. Простейшая экономическая категория, например, меновая стоимость, предполагает население, население, производящее в определенных условиях, а также определенные формы семьи, общины или государства и т. д. Она не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного и живого целого.

Напротив, меновая стоимость, как категория, имеет додилювиальное существование. Поэтому для сознания,—а философское сознание отличается тем, что для него логическое мышление это действительный человек, а логически осознанный мир—действительный мир,—движение категорий кажется действительно созидающим актом, который, к сожалению (?), получает толчок извне—результатом которого является мир, и это постольку правильно—здесь мы снова впадаем в тавтологию,—поскольку конкретная совокупность, в качестве мысленной совокупности, мысленной конкретности, есть на самом деле продукт мышления, понимания; это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и развивающегося вне наглядного созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятия. Целое, каким оно является в голове, как мыслимое целое,—есть продукт мыслящей головы, которая освояет себе мир единственным доступным ей спо

собом, способом, отличающимся от художественного, религиозного, практического, духовного освоения мира. Реальный субъект остается все время вне головы, существуя как нечто самостоятельное и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, теоретически. Поэтому при теоретическом методе [политической экономии] субъект, т.-е. общество, должно постоянно витать в нашем представлении как предпосылка.

Однако, не имеют ли эти простейшие категории независимого исторического или естественного существования раньше более конкретных? Ça depend. Например, Гегель правильно начинает философию права с владения, как простейшего правового отношения субъекта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношений господства и подчинения, которые являются гораздо «более конкретными отношениями». Поэтому было бы правильнее сказать, что существуют семьи, роды, которые еще только *владеют*, но не имеют *собственности*. Простейшая категория выступает таким образом как отношение первичных семейных и родовых сообществ к собственности. В более раннем обществе она является более простым отношением развившегося организма, но конкретный субстрат, отношением которого является владение, постоянно предполагается. Можно представить себе владеющим единичного дикаря. Но тогда владение не будет правоотношением. Неверно, будто владение исторически развилось в семью. Наоборот, оно всегда подразумевает эту «более конкретную правовую категорию». Но между тем здесь остается доля истины, а именно, что простейшие категории суть выражения условий, в которых может реализоваться неразвившаяся конкретность, до установления более многостороннего отношения или более многосторонней связи, идеальным выражением которых служит конкретная категория, в то время, как развившаяся конкретность сохраняет простейшую категорию, как подчиненное отношение.

Деньги могут существовать и существовали исторически раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно сказать, что простейшая категория может выражать собой господствующие отношения неразвившегося целого, [отношения], которые уже существовали исторически раньше, чем целое развилось в том направлении, которое выражает конкретная категория. Постольку законы абстракт-

ного мышления, восходящего от простого к сложному, соответствуют действительному историческому процессу.

С другой стороны, можно сказать, что имеются в высшей степени развитые и все-таки исторически незрелые общественные формы, где встречаются высшие хозяйственные формы, например, сотрудничество, развитое деление труда и т. д., но совершенно неизвестны деньги, напр., Перу.

Точно так же у славянских общин деньги и обусловливающий их обмен или совсем не выступают, или играют незначительную роль внутри отдельных общин, но встречаются на границах последних, в сношениях с другими общинами, и вообще ошибочно принимать обмен между членами одной и той же общины за первоначально конституирующий элемент. Наоборот, в начале он выступает в отношениях различных общин друг к другу в гораздо большей степени, чем в отношениях членов внутри одной и той же общины. Далее: хотя деньги начали играть роль очень рано и в различных отношениях, однако в древности они выступают как господствующий элемент только у односторонне определившихся наций, у торговых наций, и даже в наиболее развитой древности у греков и римлян полное развитие денег, которое является предпосылкой современного буржуазного общества, наблюдается только в период разложения. Таким образом эта совершенно простая категория выявляется исторически в своей полной силе только при наиболее развитых общественных отношениях. Никоим образом не проникая (?) во все экономические отношения; напр., в Римской империи, в период наибольшего ее развития, основу составляли натуральные подати и повинности. Денежное хозяйство было там вполне развито собственно только в армии, оно никогда не охватывало весь труд в целом.

Итак, хотя простейшая категория может исторически существовать раньше конкретной, но в своем полном внутреннем и внешнем развитии она может встречаться только в сложных (?) общественных формах, в то время как более конкретная категория является совершенно развитой и в менее развитых общественных формациях.

Труд,—это наиболее простая категория. Столь же древним является представление о нем в этой всеобщности—как труда вообще. Однако, экономический «труд», взятый в этой простейшей форме, есть столь же современная категория, как и отно-

шения, которые порождают эту простейшую абстракцию. Монетарная система, например, видит богатство еще совершенно объективно, какъ вещь [?] [1]) в деньгах. По отношению к этой точке зрения было большим прогрессом, когда мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд. Однако, сама эта деятельность все еще понимается ограниченно, как производящая деньги. По отношению к этой системе, физиократическая система [представляет дальнейший прогресс]; она полагает в качестве создающей богатство определенную форму труда—сельское хозяйство, а самый объект она видит уже не в денежной оболочке, но как продукт вообще, как общий результат труда. Этот продукт, однако, сообразно ограниченной конкретной деятельности, является всегда продуктом с определенными природными свойствами. Сельское хозяйство производит, земля производит par excellence. Огромным прогрессом со стороны Адама Смита было отвергнуть всякую определенность деятельности, порождающей богатство, поставив на это место труд, как таковой, не мануфактурный, не коммерческий, не труд сельско-хозяйственный или вернее и тот и другой. Вместе с абстрактным всеобщим понятием деятельности, создающей богатство, мы имеем также всеобщее понятие о продукте вообще, определяемом как богатство, или опять-таки о труде вообще, но уже как прошедшем, овеществленном труде. Как труден и велик был этот переход, видно из того, что Адам Смит сам по временам возвращается к физиократической системе. Может показаться, что этим самым найдено выражение для простейшего и древнейшего отношения, в котором человек, при каких бы то ни было общественных формах, выступает, как производитель. Это верно с одной стороны, но неверно—с другой.

Безразличие по отношению к какому-либо определенному виду труда предполагает развитую совокупность действительных видов труда, из которых ни один не является более господствующим. Так, наиболее всеобъемлющие абстракции вообще возникают только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же является общим многим или всем элементам.

---

[1]) Здесь совершенно нельзя разобрать два слова. Они выглядят так: „вне себя“, „ausser sich“.

Тогда они перестают представляться мышлению только в своей собственной форме. С другой стороны, эта абстракция труда вообще является впервые как результат конкретной совокупности трудовых процессов. Безразличное отношение к какому-нибудь определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный труд является для них случайным и потому безразличным. Здесь труд вообще, не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою связь с определенным индивидом. Такое состояние достигло наибольшего развития в современнейшей из форм бытия буржуазного общества, в Соединенных Штатах. Здесь, таким образом, абстрактная категория «труда», «труда вообще», труда sans phrase, этот исходный пункт современной экономической науки, становится впервые практической истиной. Следовательно, простейшая абстракция, которую современная экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее, для всех общественных форм, действующее отношение, становится в этой абстракции практически истинным только как категория современнейшего общества. Но могут сказать, что то, что в Соединенных Штатах является историческим продуктом,— это безразличие по отношению к какому-либо определенному виду труда—у русских, например, есть врожденное качество.

Но, во-первых, огромная разница: варвары ли имеют способность ко всему применяться или цивилизованные сами себя ко всему применяют. И затем у русских этому безразличию по отношению к какому-либо определенному виду труда практически соответствует традиционная привычка к определенной работе, при чем только внешние влияния выбрасывают их из обычной колеи.

Этот пример труда убедительно доказывает, как даже самые простейшие категории, несмотря на то, что именно благодаря их отвлеченности они применимы ко всем эпохам, в самой определенности этой абстракции являются не в меньшей мере продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их.

Буржуазное общество есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Категории, выра-

жающие его отношения, понимание его организации, позволяют вместе с тем проникнуть в строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, продолжая частью влачить за собой их остатки, которые оно не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека. Анатомия человека—ключ к анатомии обезьяны. Намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно. Буржуазная экономика дает нам ключ к античной и т. д. Но вовсе не в том смысле, который придают этому некоторые экономисты, стирая все исторические различия и во всех общественных формах находя формы буржуазные. Оброк,. десятина и т. д. понятны нам, если мы знаем земельную ренту, однако. нельзя их идентифицировать с последней.

Так как, далее, буржуазное общество само есть только антагонистическая форма развития, то отношения предшествующих формаций встречается в ней часто в искаженном виде или даже под новой оболочкой, как, например, общинная собственность. Поэтому, если правда, что категории буржуазной экономики заключают в себе истину и для всех других общественных форм, то это надо понимать cum grano salis. Они могут содержаться в ней в развитом, в искаженном, в карикатурном, во всяком случае в существенно-измененном виде. Так называемое историческое развитие вообще покоится на том, что последующая форма рассматривает предыдущую как ступень к самой себе и всегда понимает ее односторонне, ибо лишь весьма редко и при строго определенных условиях она бывает способна к самокритике; здесь, конечно, не идет речь о таких исторических периодах, которые сами себе представляются как времена распада. Христианская религия достигла объективного понимания прежней мифологии лишь тогда, когда ее самокритика была до известной степени готова, так сказать dynamei. Так и буржуазная экономика лишь тогда достигла понимания феодального, античного и восточного обществ. когда началась самокритика буржуазного общества. Поскольку буржуазная экономика не идентифицировала себя, впадая в мифологию, начисто [?] с прошедшим, ее критика прежнего. именно феодального [общества], с которым ей непосредственно приходилось бороться, походила на критику, которую хри-

стианство совершало по отношению к язычеству, или протестантизм по отношению к католицизму.

Как и при всякой исторической социальной науке, по отношению к экономическим категориям нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове здесь дан субъект,—в нашем случае современное буржуазное общество. и что поэтому категории выражают формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта, и что поэтому [политическая экономия] как наука, никоим образом не начинается только там, где о ней *как таковой* идет речь. Это соображение надо иметь в виду, потому что оно сразу же дает решающие указания насчет расчленения предмета.

Например, ничто не кажется более естественным, как начать с земельной ренты, с земельной собственности, так как ведь она связана с землей, источником всякого производства и всякого бытия и с первоначальной формой производства во всех, до некоторой степени прочно сложившихся обществах— с земледелием. Однако, нет ничего более ошибочного. Каждая форма общества имеет определенную отрасль производства, преобладающую над другими, условия которой поэтому определяют место и влияние всех остальных.

Это общее освещение, в котором утопают все остальные краски и которое модифицирует их в их особенностях. Это особый эфир, который определяет специфический вес всякого в нем выступающего бытия.

Возьмем, например, пастушеские народы (народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, лежат за пределами того пункта, где начинается действительное развитие). У них встречается известная форма земледелия, спорадически этим определяется земельная собственность. Она является коллективной и сохраняет эту форму в большей или меньшей степени, смотря по тому, в большей или меньшей степени эти народы держатся своих традиций, например, земельная собственность у славян. У народов с оседлым земледелием—эта оседлость уже являлась большим прогрессом—где оно преобладает, как в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности носят в большей или меньшей степени землевладельческий

характер; общество или совершенно зависит от земледелия [1]), как у древних римлян, или подражает складывающимся в нем отношениям, как в средние века в организации городов. Капитал, поскольку он не является еще чистым денежным капиталом,—имеет в средние века, в виде традиционных орудий ремесла (?) и т. д. этот землевладельческий характер.

В буржуазном обществе, наоборот, земледелие все более и более становится только одной из отраслей промышленности и подпадает совершенно под господство капитала. Точно так же и земельная рента. Во всех формах, где преобладающая роль принадлежит земельной собственности, господствуют естественные отношения. В тех, где преобладает капитал, получают перевес общественные и исторически созданные элементы. Земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты. Капитал—это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять начальный и конечный пункт и его понятие надлежит развить раньше, чем понятие земельной собственности. Рассмотрев каждое в отдельности, мы должны перейти к их взаимоотношениям.

Таким образом, совершенно неподходящим и ошибочным приемом было бы брать экономические категории в том порядке, в каком они исторически играли решающую роль. Наоборот, их порядок определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, при чем это отношение прямо противоположно тому, которое кажется естественным или соответствующим последовательности исторического развития. Речь идет здесь не о том месте, которое занимают экономические отношения исторически в чередовании различных общественных форм. Еще меньше о их последовательности «в идее» *(Прудон)*, которая есть лишь замаскированное (?) представление исторического процесса. Речь идет об их группировке в рамках современного буржуазного общества. Чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы—финикийцы, карфагеняне, дана как раз самим преобладанием земледельческих народов. Капитал, как торговый или денежный капитал, выступает в такой абстракции именно там, где капитал еще не

[1]) В оригинале—от нее» («ihr»).

стал господствующим элементом общества. Ломбардцы и евреи занимали такое же положение по отношению к земледельческому обществу средневековья.

Дальнейшим примером того, как одни и те же категории могут занимать различное место на различных ступенях общественного развития, послужит следующее: одна из последних форм буржуазного общества, акционерные общества, появляется также и в начале последнего, в виде больших, привилегированных торговых компаний, наделенных монополиями.

Само понятие народного богатства проскальзывает у экономистов семнадцатого века лишь в том виде,—это представление отчасти сохраняется и у экономистов XVIII века—что богатство создается только для государства, но что мощь последнего зависит от этого богатства. Это была та бессознательно-лицемерная форма, в которой само богатство и производство последнего возвещалось как цель современных государств, и сами они рассматривались лишь как средство для производства богатств. Расчленение предмета, очевидно, должно быть таково: сначала [следует развить] общие абстрактные определения, которые именно поэтому более или менее относятся ко всем общественным формам, однако в выше разъясненном смысле. Во-вторых, категории, которые образуют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношения друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). В-третьих, соединение буржуазного общества в форме государства. Рассматриваемое в отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Общественный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. В-четвертых, международные условия производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. В-пятых, мировой рынок и кризисы.

4. Производство, средства производства и производственные отношения. Производственные отношения и средства сообщения. Формы государства и собственности в отношении к производственным отношениям и средствам сообщения. Правовые отношения, семья.

Нотабене, в отношении пунктов, о которых следует здесь упомянуть и которые не должны быть пропущены.

1. Война раньше достигла законченных форм, чем мир, [надлежит указать], способ, каким на войне и в армиях и т. д. раньше развились известные экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., чем внутри буржуазного общества. Точно так же и отношение между производительными силами и средствами сообщения особенно наглядно в армии.

2. Отношение прежнего идеалистического метода в истории к реальному. Именно так называемая история культуры, прежняя история религий и государств.

При этом можно будет сказать кое-что о различных видах изложения истории. Так называемый объективный метод. Субъективный (моральный и прочие). Философский.

3. Второстепенное и третьестепенное. Вообще *производные*, *позаимствованные*, не первоначальные производственные отношения. Здесь [надлежит рассмотреть] роль международных отношений.

4. Упреки по поводу материализма такого рода понимания: отношение к натуралистическому материализму.

5. Диалектика понятий производительные силы (средства производства) и производственные отношения, диалектика, границы которой подлежат определению и которая не уничтожает реального различия.

6. Неравное отношение развития материального производства, например, к художественному. Вообще понятие прогресса не следует брать в обычной абстракции. В вопросах искусства и т. д. эта диспропорциональность не так важна и не так трудна для понимания, как в сфере практических социальных отношений, например, образование Соединенных Штатов в отношении к Европе. Но пункт, собственно представляющий затруднение, который надлежит здесь обсудить, заключается

в следующем: каким образом производственные отношения, как правовые отношения, испытывают неравномерное (?) развитие. Следовательно, например, отношение римского частного права (к уголовному и публичному праву это относится меньше) к современному производству.

7. Этот взгляд является необходимым результатом развития. Однако признание прав за случаем. Varia [1]) (свобода и прочее) (Влияние средств сообщения). Всемирная история собственно (eigentlich) [2]) не всегда выступает в истории, как всемирно-исторический результат.

8. Исходным пунктом следует, конечно, брать природные условия; субъективные и объективные, племена, расы и т. д

Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета не стоят ни в каком соответствии с общим развитием общества, а следовательно также и развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами или также Шекспир. Относительно некоторых видов искусства, например, эпоса, даже признано, что он в своей классической, составляющей эпоху мировой истории, форме уже не может быть создан, лишь только началось художественное творчество в собственном смысле; что, таким образом, в области искусства известные, имеющие громадное значение, формы возможны только на сравнительно низкой ступени художественного развития. Если это имеет место в области искусства, в отношениях между различными его видами, то еще менее это обстоятельство должно поражать, если мы возьмем сферу искусства в целом по отношению к общему социальному развитию. Затруднение начинается только при поисках общего выражения для этих противоречий. Стоит лишь выделить каждое из них, и они уже объяснены. Возьмем, например, отношение греческого искусства и затем Шекспира к современности. Известно, что греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву. Разве был бы возможен тот взгляд на природу и на общественные отношения, который лежит в основе греческой фантазии, а потому и греческого искусства, при наличии сельфакторов—железных

---

1) В оригинале «Va».
2) В оригинале: «egtl».

дорог, локомотивов и электрического телеграфа. Разве нашлось бы место Вулкану рядом с Roberts et Co, Юпитеру рядом с громоотводом и Гермесу рядом с Credit mobilier. Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения и, следовательно, исчезает вместе с действительным господством над последними.

Что сталось бы с Фомой при наличности Printinghousesquare [1])? Греческое искусство предполагает греческую мифологию, т.-е. природу и общественные формы, уже получившие бессознательную художественную обработку в народной фантазии. Это ее материал. Но не любая мифология и не любая бессознательная художественная обработка природы. (Здесь под нею понимается все предметное, следовательно [также] общество.) Египетская мифология никогда не могла бы стать почвой и местом зарождения греческого искусства. Однако, во всяком случае, это должна быть мифология. Следовательно, такое общественное развитие, которое исключает всякое мифологическое отношение к природе, всякое мифологизирование природы, которое требует от художника независимой от мифологии фантазии, не [могло бы] ни в коем случае [образовать почву для греческого искусства].

С другой стороны: возможен ли Ахиллес с порохом и свинцом? Или вообще Илиада на-ряду с печатным прессом и типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказания и песни и музы, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии, вместе с слухами периодической прессы.

Однако трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными общественными формами развития. Трудность состоит в понимании того, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недосягаемого образца.

Мужчина не может сделаться снова ребенком, не становясь смешным. Но разве не радует его наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на высшей ступени воспроизводить свою истинную сущность, и разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер

---

[1]) Типография «Times» в Лондоне.

в его безыскусственной правде. И почему детство человеческого общества, там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень. Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Греки были нормальными детьми. Обаяние, которым обладает для нас их искусство, не стоит в противоречии с той неразвитой общественной средой, из которой оно выросло. Наоборот, оно является ее результатом, и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные отношения, среди которых оно возникло и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова.

(Здесь рукопись обрывается).

Отто Бауэр.

История „Капитала"[1].

Сорок лет мощных переворотов, сорок лет, совершенно преобразивших картину земного шара, протекли с тех пор, как Карл Маркс опубликовал первый том своего великого экономического труда. Капитализм, законы которого этот труд вскрывает, создал за эти четыре десятилетия новый мир. Он сам сделался другим: что значат прядильни Ланкашира, описанные Марксом в первом томе «Капитала», в сравнении с гигантскими предприятиями нашей железоделательной промышленности, которые объединяют в одно огромное и правильно расчлененное целое угольные копи и доменные печи, стальное и прокатное производства? Что значат капиталисты Маркса, распоряжающиеся несколькими сотнями рабочих, в сравнении с магнатами современных картелей и трестов, господствующими над целыми отраслями промышленности с сотнями тысяч рабочих, в сравнении с современными огромными банками, которым подчиняется промышленность целых стран? И все дальше распространяется круг господства капитала. Маркс описал британский капитализм; ныне германский и американский капитализм так мощно протягивают свои члены, что их старшему брату начинает становиться тесно. На Дальнем Востоке возникает новое капиталистическое островное государство, новая, более молодая Англия. В России капитализм преобразовывает условия существования старого общества, на среднем и нижнем Дунае вырастает капиталистическая промышленность, капитализм снова подчиняет себе Италию, эту страну, где он впервые утвердил свое господство и которая так скоро ему изменила. Египет, Алжир,

---

[1]) Neue Zeit, 1907/1908 B. I.

Конго покорны ему, из Южной Африки текут к нему потоки золота, кровью и железом он подчиняет себе ныне Марокко и готовится уже включить в свою область старинные культурные страны передней Азии. В Канаде и Мексике господствуют его законы, и гибелью грозит он примитивному хозяйственному строю Китая и Индии. Польского сельского рабочего он погнал в железоделательные предприятия Вестфалии, венгерского словака—в угольные копи Пенсильвании, китайского кули—в золотые россыпи Южной Африки. Бесчисленное множество наций капитализм пробуждает от глубокого сна к новой жизни. Повсюду пробуждает он в трудящихся и страдающих массах новую волю, повсюду вызывает он классовую борьбу. И всюду, где только возникает его царство, уделом борющегося рабочего класса становятся идеи, впервые провозглашенные несравненною книгою Маркса сорок лет тому назад. Победное шествие капитализма несет книгу Маркса к массам, несет ее ко всем нациям.

Капитализм, расширяя все дальше сферу своего господства, сам, повидимому, становится другим, принимает все новые, постоянно меняющиеся образы; подобно этому, и учение, подаренное Марксом четыре десятилетия тому назад мыслящему и борющемуся человечеству, тоже стало другим, постоянно расширяя круг своего влияния. Правда, оно попрежнему стоит перед нами в своем монументальном величии и цельности, как оно было создано его творцом четыре десятилетия тому назад. Правда, дальновидные и остроумные люди давно уже понимали это учение так, как мы понимаем его теперь; то, что Швейцер и Дицген сказали о первом томе «Капитала» вскоре после его появления, то, что позднее написали об «экономическом учении» Маркса Энгельс и Каутский, еще поныне служит для нас источником поучения. Но ведь тот способ, каким отдельный индивидуум воспринимает новое учение, отражает лишь его индивидуальные познания и его личную зрелость; широкая же публика смотрит в настоящее время на книгу Маркса другими глазами, чем тридцать, двадцать или даже десять лет тому назад. Иначе отражается теперь эта книга в сознании газетных писателей и популяризаторов, критиков и апологетов, политиков и ученых.

И как сами мы, в молодости, читали «Капитал», когда впервые дерзнули приступить к чтению этого великого труда!

Горя от нетерпения увидеть широкую картину истории человечества, мы с трудом заставляли себя останавливаться на трудных теоретических рассуждениях. Но как глубоко были мы потрясены, когда мастерская рука Маркса открывала нам ход развития страдающего человечества! Мы видели, как капитализм возник на развалинах погибшего мира, покрытый потом и кровью целых поколений; мы видели, как взбирался он вверх, к власти, по трупам детей и женщин, голодных и замученных, как расширял он и устраивал свое царство, как похищал он у природы ее тайны, как поставил ее силы на службу ненасытной жажде наживы. Перед нами наглядно и ярко выступали классовые противоречия; мы видели, как частная собственность становится средством для того, чтобы из страданий и лишений одних создать возрастающее богатство и блестящую культуру других. Впервые увидели мы страдания рабочего класса во всей их ужасающей силе; мы сопровождали его в борьбе против капиталистов, учились вместе с ним ненавидеть тот общественный строй, который всякое завоевание человека в борьбе с природою превращает в орудие порабощения человека человеком; но вместе с тем мы научились ожидать окончательного освобождения человечества от роста все более мощно развивающихся производительных сил,—от силы объединенного рабочего класса. В то время мы находили в «Капитале» не науку, а яркую историческую картину, которая целиком захватывала нас, которая научила нас ненавидеть и любить, отрицать и желать.

То, что происходило с каждым из нас, происходило когда-то со всеми. И здесь в ходе развития индивидуума повторяется история рода. Современники Маркса видели в «Капитале» прежде всего историческое сочинение. Он развертывал перед их глазами кровавую историю капитализма; он открывал им ужасы капиталистической эксплоатации, суровую действительность классовых противоречий, жестокую необходимость классовой борьбы. И эта ужасающая картина вызвала у многих тысяч читателей нравственное возмущение против капитализма, нравственную решимость бороться за освобождение пролетариата. Это действие первого тома «Капитала» имел, вероятно, в виду Герман *Коген*, когда назвал его автора «посланцем бога истории».

Первые критики труда Маркса также исходили из его исторических и описательных частей. Они ставили вопрос, действительно ли эксплоатация имеет такой ужасающий и широкий характер, как рисует ее Маркс; они спрашивали, представляет ли тот факт, что рабочий получает только часть продукта своего труда, лишь следствие нашего социального строя, или же это—закон природы, не могущий быть уничтоженным ни при каком общественном строе. Но истинная сущность Маркса осталась им так же неизвестна, как и массе тех, кто стояли под его знаменем. Как в критической, так и в апологетической литературе о Марксе того времени элементы марксова мышления еще неразрывно перемешаны с идеями более старого рационалистического социализма. Марксизм еще не выделился окончательно из хаоса неопределенно-широкого социализма.

Только после того, как ряд превосходных популяризаторов перечеканил чистое золото марксовых идей в ходкую и перебегающую из рук в руки монету, основные идеи труда Маркса могли проникнуть по многочисленным каналам в сознание широких народных масс. Разрешению этой задачи Фридрих *Энгельс* посвятил более тридцати лет тому назад свои статьи о Дюринге, появившиеся в лейпцигском «Vorwärts». Собранные в одну книгу, они представляли собою лучшую популяризацию учения Маркса. Ясность изложения и привлекательный юмор автора сделали эту книгу особенно пригодною для выяснения широким кругам читателей трудных рассуждений Маркса. Действие этой книги должно было оказаться тем более продолжительным, что Энгельс следует за противниками Маркса по всем областям знания, изгоняя их из их последних убежищ. Конечно, и в сочинении Энгельса достоинства неразлучны с недостатками; но тот, кто читает его в настоящее время, не станет придираться к отдельным частностям. Несмотря на некоторые свои ошибки и недостатки, эта книга остается делом исторической важности. Некоторым лучшим нашим марксистам она служила верным путеводителем по великому зданию идей, воздвигнутому Марксом; те, кому она открыла мир идей Маркса, впоследствии усердно продолжали дело Энгельса: они стали учителями более молодого поколения марксистов.

Тем не менее, ни труды Энгельса, ни сочинения его учеников не могли исчерпать всего богатства «Капитала». Конечно,

мы не должны повторять мнение, что, мол, ни одна наука не может быть популяризирована для профанов, не теряя своих лучших сторон. Но, если даже популярные изложения учения Маркса показывают нам, хотя бы лишь в общих чертах, всю систему его идей, во что должна была превратиться эта система в сознании масс, которые начали впервые овладевать ею? Могли ли массы, не прошедшие школы, понять своеобразный *метод* Маркса, доступный только тому, кто знаком с великою идейною работою, произведенною немецкою классическою философией над обильным материалом, доставленным ей развитием точных естественных наук? Метод не мог быть понят массами; они ухватились за *результаты*. Но массы не могли понять положения, в которых Маркс формулирует результаты своего исследования, в их взаимной обусловленности в *системе*, в их переплетающейся связи со всею областью социальной жизни; они ставили эти положения рядом одно с другим, не объединяя их и не понимая их обусловленности. «Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». «История всех существовавших до сих пор обществ была историею борьбы классов». «Стоимость всякого товара определяется общественно-необходимым для его производства трудом». «Богатство имущих классов происходит от прибавочной стоимости, производимой рабочими, от неоплаченного труда рабочего класса». «Капиталистическое общество имеет тенденцию к усиливающемуся обнищанию рабочего класса». «Мелкое производство уничтожается, господство над средствами производства попадает в руки постоянно уменьшающегося числа крупных капиталистов». «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который развился вместе с нею и под ее влиянием. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такой степени, при которой они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторы экспроприируются». Эти положения, и еще несколько других, не согласованные друг с другом,—таково представление широкой публики о марксизме, таков тот *вульгарный марксизм*, который массы вычитали из

популярных изложений учения Маркса и который они должны были вычитать, благодаря отсутствию у них подготовки и правильной школы. Лишь об этом вульгарном марксизме и приходится говорить в тех случаях, когда в широких кругах публики ведутся споры о «марксизме».

Но мы обнаружили бы жалкое отсутствие исторического понимания, если бы стали жаловаться на появление и распространение вульгарного марксизма. Ибо усвоение новой науки массами представляет собою исторический процесс, в ходе которого массы в каждый данный момент преобразовывают идеи, которыми они хотят овладеть, приспособляя их к своей данной способности понимания. История естественных наук и философии представляет множество подобных примеров, показывающих, что упрощение и вульгаризация нового учения суть не что иное, как стадии его победного шествия по пути к всеобщему признанию. И каким бедным ни кажется нам вульгарный марксизм по сравнению с огромными сокровищами мира идей Маркса, но все же он стоит гораздо выше вытесненных им смутных представлений об общественной жизни. Для масс рабочего класса он представляет не только огромный прогресс их *знаний*, но и один из стимулов их *воли*. Показывая им, хотя бы лишь в грубых чертах, тенденцию развития капиталистического общества, он мощно содействовал развитию пролетарского классового инстинкта в ясное классовое сознание, в ясное понимание положения и задач рабочего класса в буржуазном обществе. В каком бы бедном и чахлом виде ни проникали до сих пор в массы идеи первого тома «Капитала», они тем не менее не только обогащают их знания, но сильно содействуют также единству, ясности и сознательности их воли.

Разумеется, антимарксовская критика нашла в вульгарном марксизме немало удобных для нападения слабых мест. Она тоже интересовалась не методом Маркса, не общею его системою, а теми отдельными изолированными—и в своей изолированности ложно понимаемыми—положениями, которые широкой публике казались квинт-эссенцией марксизма. На них упражняла эта критика свое остроумие. *Теоретический ревизионизм не что иное, как оппонент вульгарному марксизму*, он—необходимое следствие столь же необходимого упрощения и

обеднения марксова учения при первом его проникновении в широкие, мало подготовленные народные массы.

Но именно нападки ревизионизма должны были вернуть нас, марксистов, на правильный путь. Так как отдельные положения учения Маркса, неправильно понимаемые в своем изолированном виде, были поколеблены нападками ревизионизма и их правильность была, казалось, поставлена под вопрос, мы должны были снова вспомнить об их связи в целой системе. Так как результаты оспаривались, нам следовало опять испытать самый метод. Популяризации оказалось теперь для нас недостаточно; мы должны были наполнить *наше* сознание всем богатством новой науки, впервые осознавшей себя в труде Маркса, если только мы хотели ответить на вопросы, которыми нас штурмовали со всех сторон. Изменившаяся историческая ситуация определила другой метод работы более молодого поколения марксистской школы, поставила перед ним совершенно другие задачи, чем перед его предшественниками; мы приступили к нашим задачам с иначе сложившимися умственными склонностями, чем наши учителя четверть века тому назад.

В 1885 г. появился второй, а в 1894 г. третий том «Капитала». Они были уже в нашем распоряжении, когда мы приступали к изучению политической экономии Маркса. Уже поэтому мы могли и должны были иначе читать первый том. Ибо мы не присоединяли задним числом выводы второго и третьего томов к результатам первого тома, а с самого первого дня нашего изучения читали *сразу* все сочинение. У нас не мог даже явиться вопрос о том, не противоречит ли первый том третьему, не уничтожается ли теория стоимости учением о ценах производства; мы никогда не сделались бы марксистами, если бы с самого первого дня не видели все части системы в их взаимозависимости и взаимодействии. Нам показали в один день все законченное здание, и потому мы могли легче узнать его план, чем прежние марксисты, видевшие его в процессе созидания.

Одновременно нас обступали со всех сторон бесчисленные новые экономические явления. *Историческая школа* описала их для нас и каталогизировала: многообразные формы косвенной зависимости ремесла; мощные перевороты во внутреннем строе сельскохозяйственного производства: образование но-

вых социальных слоев внутри высокоразвитых промышленных народов; формы концентрации капитала, изменяющиеся от одной страны к другой и из одного десятилетия в другое,— все это мы должны были умственно преодолеть; мы могли вообще стать сторонниками школы Маркса лишь после того, как ответили на вопрос, как согласовать эти бесчисленные новые явления с великими тенденциями, указанными нам Марксом. Мы научились понимать учение Маркса о тенденциях развития в самом глубоком его смысле, во всем его богатстве. Благодаря этому, мы были защищены от неправильного понимания и не превращали учения, которое рассматривает развитие многообразно связанных и взаимно переплетающихся экономических отношений людей в его закономерности, в сухое пророчество о чисто внешних изменениях, которые одни только поддаются изучению при помощи промышленной статистики.

Итак, прежде всего мы усвоили систему Маркса и навсегда обогатили ею наше сознание, со стороны ее *содержания* и *материала*. Для нас не было сомнения в том, что *первые* абстракции, которыми начинаются рассуждения Маркса в первом томе, представляют *последние* результаты работы его мысли; в нашей собственной работе конкретного исследования мы узнали, что мы не можем отказаться от последних и самых общих понятий, чтобы из их взаимодействия воспроизвести в нашем сознании конкретные эмпирические факты экономического опыта. Но еще один раз мы готовы были поддаться скептицизму. Не были ли метод, которому мы научились у Маркса, и вся его тщательная работа мысли одним только заблуждением человеческого ума? В 1896 г. Рудольф *Штаммлер* снова поднял спор о методе социальных наук. *Дильтей, Виндельбанд, Риккерт* пытались снова восстановить в его правах наивный эмпиризм в исторических науках. Все результаты были для нас опять поставлены под вопрос, ибо, как казалось, сомнению подвергается самый метод.

Учение Маркса об обществе представляет собою точную *науку*. Это, следовательно, не критика познания, *не философия*. Некритическое смешение философского исследования границ науки с научною работою в области самого опыта может и в социальных науках привести лишь к отрицательным результатам, к каким оно привело в науках естествен-

ных. Марксова социальная теория, сама по себе, так же мало нуждается в поучении со стороны философии, как, например, механика или астрономия. Ибо не философия должна предписывать науке ее способы исследования, а на способах исследования науки покоится философия, которая извлекает из данной науки те элементы познающего сознания, которые «достаточны и необходимы для обоснования и упрочения факта науки» (Коген). Но, несмотря на это, с историко-психологической точки зрения, социальная теория имеет более близкое и интимное отношение к философии, чем науки естественные. Ибо последние освободились от тесных объятий философии на два столетия раньше; они настолько развили свои методы, что, хотя философы все еще оценивают эти методы различным образом, но никем уже не оспаривается их практическое применение и их всеобщая значимость. Их младшая сестра, социальная наука, должна еще по сей день отражать притязания философии на гегемонию; партийные страсти и пристрастия влияют на нее возмущающим образом, и ни одному из своих методов исследования она не смогла обеспечить всеобщее признание. Поэтому она не может отказаться от теоретико-познавательного обоснования и защиты своих методов.

Маркс сам дал методологическое оправдание своего способа исследования; но он изложил это на языке, едва доступном нашему времени, внешним образом исходя из учения *Гегеля*. Разумеется, в его труде идеи Гегеля превратились в нечто совсем другое, отличающееся совершенно новым характером; взятые у Гегеля слова покрывают другие понятия. Поэтому мы должны данное Марксом методологическое оправдание его труда перевести на язык нашего времени, дабы вооружиться против покушений скептицизма.

В основе логики Гегеля, как и критики Канта, лежит точное естествознание. Эмпирического характера последнего не отрицает и Гегель; и он не сомневается в том, что «все наше познание начинается с опыта»; в высшей степени характерно, что эмпирическое он называет «*непосредственным*», а логическую обработку опыта «отрицанием непосредственно данного». Но за непосредственным Гегель ищет истинного и действительного. Последнее он находит в своем «царстве теней, в мире простых сущностей, освобожденном от всякой чувствен-

ной конкретности» [1]). В *существовании* способ определения— конкретная, эмпирическая *качественная* определенность—составляет одно с бытием; но, лишь устранив эту определенность, как безразличную, мы приходим к *чистому бытию*, которое есть не что иное, как *количество*. Но количество, с которым связано какое-нибудь существование или какое-нибудь качество, есть *мера*. Мера есть конкретная истина бытия; в ней заключается идея *сущности*. «Сущность есть истина бытия. Бытие—это непосредственное. Наука, желая познать истинное, то, что бытие есть само по себе, не останавливается на непосредственном и его определениях, а проникает через него дальше, исходя из предположения, что за этим бытием есть еще нечто другое, бытие само по себе, что этот задний фон образует истину бытия». Этот задний фон, эту сущность бытия представляет мера; мы получаем ее, когда устраняем определения бытия, как безразличные, когда от качественно определенного существования переходим к чистому бытию, как к чистому количеству.

То, что Гегель описывает в такой странной, мистической форме, есть не что иное, как метод *математического естествознания*, которое хочет понять многообразные эмпирические явления природы со стороны их закономерного определения, сводя их к математическим законам движения. Но эти понятия, которые могут найти свое оправдание только в том, что лишь благодаря им предметы природы превращаются в предметы науки, что они суть конститутивные условия возможности самой науки,—эти понятия превращаются у Гегеля в самостоятельные сущности, которым эмпирическое противостоит, как нечто недействительное. В этом заключается *онтологический* характер логики Гегеля.

Маркс следовал методу Гегеля. И он ищет за «видимостью» конкуренции» истинное и действительное. И он хочет найти за непосредственно данным истину бытия, устраняя качественную определенность бытия в ее эмпирическом существовании, считая ее безразличною и переходя к бытию, как к чистому количеству. Так, в знаменитых первых главах первого тома «Капитала» конкреные товары лишаются своей определенно-

---

[1]) Hegel, Wissenschaft der Sogik. Herausgegeben von Henning, Berlin 1833. I, 1, J. 47.

сти (как сюртук, или 20 аршин холста) и выступают, как простые количества общественного труда. Конкретный индивидуальный труд также лишается своей определенности и рассматривается, как простая «форма проявления» всеобщего общественного труда. Наконец, сами хозяйствующие субъекты, эти люди из плоти и крови, теряют свое видимое существование и превращаются лишь в «органы труда» и «агентов производства»; одни из них становятся воплощением определенного количества общественного капитала, а другие—воплощением определенного количества общественной рабочей силы. Количеством, с которым связано существование или качество, *мерою* Гегеля является здесь общественный труд. Он составляет *сущность* экономических явлений, которая, по выражению Гегеля, не только проходит через ее определения (достаточно вспомнить изложение обращения капитала, где Маркс заставляет неизменяющуюся стоимость принимать постоянно изменяющиеся формы денег, товара, денег, денежного, производительного и товарного капиталов!), но и управляет ими, как их закон. Этот же общественный труд становится, наконец,—было бы в высшей степени интересно проследить это в подробностях,—тем, что Гегель называет *субстанцией*, абсолютною формообразующею деятельностью, абсолютною силою, которая вызывает из себя же все акциденции. Но, хотя Маркс следует в своем методе Гегелю и пользуется его терминологией для описания своего способа исследования, все же он лишает этот метод его *онтологического* характера. В многочисленных методологических замечаниях, рассеянных во всем его труде, он указывает, что его понятия, в отличие от гегелевых, суть не реальные сущности, а лишь орудия для того, чтобы духовно овладеть конкретным, эмпирическим и воспроизвести его в науке. «Метод восхождения от абстрактного к конкретному представляет для мышления лишь средство присвоить себе конкретное, духовно воспроизвести его, как конкретное. Но это никоим образом не есть процесс возникновения самого конкретного» [1]).

Раз мы узнали, что Маркс перенял от Гегеля метод математического естествознания, которому Гегель придал онтоло-

---

[1]) Marx, Einleitung zu einer Kritik der politischen Ökonomie. Neue Zeit, XXI, 1. J. 773. Эта статья Маркса помещена в настоящем сборнике.

гическую окраску и который Маркс освободил от этой окраски, то тем самым мы узнаем сущность труда Маркса, как *науки*: Маркс открыл методу математического естествознания новое поле приложения. Раз мы поняли, что в своих методологических замечаниях Маркс не только пользуется терминологией Гегеля, но воспринимает также из гегелевой логики и освобождает от приданного ей Гегелем онтологического покрова ту общую всякой идеалистической философии идею, что наше знание определяется закономерностью нашего сознания,— то тем самым мы поняли также данное Марксом *методологическое* описание его собственного способа исследования; мы видим здесь Маркса, как наследника нашей классической философии. Мы видим его одинаково далеким как от онтологической метафизики абсолютного идеализма, так и от иллюзии наивного эмпиризма, который не понимает действительной роли человеческого сознания в науке, который обесценивает и принижает человеческое знание до степени простой копии «непосредственного».

Из нашей классической философии Маркс унаследовал понятие науки. Нам кажется, что понятие науки, как оно было развито идеализмом на критическом исследовании математического естествознания, мы можем найти в наиболее чистой форме в теории познания *Канта*. Но Маркс, как и все современное ему философское поколение, был слишком чужд Канту, чтобы воспринять свой взгляд на науку непосредственно от критической философии. Его историческим исходным пунктом послужил, напротив, «абсолютный идеализм» Гегеля. И в гегелевой философии Маркс мог найти общее всякому идеализму понятие науки, но лишь в приданной ему Гегелем онтологической оболочке. Освободив понятие науки от этой оболочки, Маркс восстановил его—хотя и на другом языке—в существенном в той же форме, в какой оно служило и служит основою и исходным пунктом критической философии.

Мы не должны, однако, считать безразличною случайностью то обстоятельство, что Маркс обязан своею философскою школою именно Гегелю; хотя в настоящее время онтология Гегеля кажется нам заблуждением, почти непонятным после «критики разума» Канта, но вместе с тем не надо забывать, что в другом отношении Гегель представляет существенный прогресс по сравнению с Кантом. В то время как критика по-

знания Канта имеет в виду преимущественно математическое естествознание, центром системы Гегеля становится история человечества. Если Гегель видит в исторических фактах человеческой общественной жизни формы проявления саморазвития духа, то,—переводя это, в согласии с Марксом, с онтологического языка на методологический,—это означает не что иное, как *требование такой логической обработки исторических явлений, чтобы последние рассматривались, как частные случаи закона движения, в науке, которая устанавливает законы и по методу математического естествознания сводит качественные определения к количественным изменениям.* Для Гегеля конкретное, индивидуальное историческое представление есть лишь *метафора* понятия, и потому все преходящее есть лишь аллегория; Маркс же требует, чтобы историческое явление было понято, как *частный случай* закона, не в том смысле, что управляющие историей законы находятся где-то вне ее, а в том смысле, что исторические связи должны отличаться тем характером всеобщности и необходимости, который они могут приобрести лишь при сведении их к какому-нибудь закону. Политическая экономия Маркса содержит историко-экономический материал, обработанный указанным образом. История хозяйства является исходным пунктом всякого экономического исследования; но в завершенной экономической системе она должна выступать, как частный случай развитого экономического закона: то, что психологически представляет исходный пункт, логически является результатом.

Эту великую задачу точного научного изучения истории Маркс выполнил в трех томах «Капитала». Бесчисленные качественные изменения человеческих *производительных сил* он свел к простым количественным изменениям, рассматривая их, как изменения *органического состава капитала.* Из этих количественных изменений с тою строгою всеобщностью и необходимостью, которые присущи лишь области математики, вытекают законы движения *нормы прибавочной стоимости, нормы прибыли* и *накопления капитала,*—законы, которые дают нам возможность понять конкретные исторические явления нашей эпохи со стороны их закономерности. Маркс, следовательно, дает нам *первый математический закон движения истории.*

Таким образом, мы защитили учение Маркса от нападок скептицизма; оно стоит теперь перед нами, столь же прочное, как математическое естествознание. Критику познания, которая должна якобы преодолеть марксизм, мы нашли в нем же самом. И если историческое направление отвергает последние выводы марксовой абстракции на том основании, что они не суть копии эмпирических явлений, то мы можем ответить ему словами Канта, что и здесь не предмет производит понятие, а понятие производит предмет, как предмет нашего знания.

Поистине, нелегко было нам, «догматикам», «ортодоксам», навеки завоевать себе учение Маркса в борьбе с целым миром сомнений. Мы отлично знаем, что путь, по которому мы должны были пойти, не был безопасным и для нас самих. Мы должны были при помощи оружия критики познания оградить границы новой науки от покушений скептицизма; тем более должны были мы остерегаться того, чтобы излюбленная нами философская защита новой науки, как целого, не заставила нас забыть нашу настоящую задачу дальнейшего развития нового учения в частностях. Нам необходимо было присвоить себе все богатство результатов исследований Маркса; но мы не должны из-за этого уклоняться от задачи применять плодотворный метод Маркса к новым и более обширным областям, ибо последние и самые общие абстракции находят свое оправдание только в том, что из их взаимодействия мы можем объяснить себе конкретные проблемы каждой отдельной исторической эпохи, индивидуальные особенности каждой отдельной страны. То, что остроумцы, фельетонисты, архивные ученые представляют себе в виде догмы, должно стать для нас творческим методом. Мы должны были проникнуть в самые глубокие основы построения Маркса; но это не должно удалить нас от самой важной для нас задачи: нести в массы приобретенное нами и проверенное познание, одну часть его за другою и таким образом продолжать дело проникновения в массы идей Маркса,—дело, которое наши учителя и предшественники начали с таким большим успехом, оказавшим свое влияние на историю народов. Мы, «догматики», начали активно воздействовать на историю нашего народа только после того, как мы еще и еще раз проверили теоретические взгляды, лежащие в основе практического действия, и связали их со всем знанием нашей эпохи; но какая была бы польза от всего нашего

познания, если бы мы не превратили его теперь в действенную практическую работу для достижения цели, доказавшей свою теоретическую правильность? Мы не можем с нерассуждающею, рабскою покорностью следовать каждому совету, который давал Маркс борющемуся пролетариату в другой стране, в другую эпоху и при других условиях; мы должны воспользоваться методом Маркса для того, чтобы понять наши особенные практические задачи в нашей стране, в наше время. Мы завоевали учение Маркса в тяжелой борьбе с самими собою; поэтому оно должно служить нам не схемою, которая владеет нами, а методом, которым мы владеем.

Итак, каждое поколение, каждая группа людей определенного возраста или определенного образовательного уровня имеют *своего* Маркса. Все их духовное бытие отражается в том, что именно они берут из неисчерпаемой сокровищницы великого учителя. История «Капитала» вплелась во всю духовную историю последних десятилетий. Для каждого поколения достигнутое им знание становится решающею судьбою, определяющею его практические действия, личным переживанием, оставляющим на его характере неизгладимые черты. То, что первоначально было лишь познанием, становится в живой творческой действительности никогда неиссякающим источником нашего воодушевления, нашей страсти, нашей действенности.

Генрих Кунов.

К пониманию метода исследования Маркса [1]).

Два—три десятилетия тому назад в социалистическом мире, особенно среди учащейся молодежи, считалось в известном смысле хорошим тоном признавать себя марксистом. Старые утопическо-социалистические учения окончательно рухнули. Их заманчивые воздушные замки оказались в слишком резком противоречии с протекающим у всех на глазах развитием капиталистического хозяйства, с его все более обостряющеюся классовою борьбою пролетариата с классом предпринимателей. С другой стороны, это развитие почти ежедневно доставляло новые доказательства правильности марксовых теорий. В водовороте старых погибающих воззрений, социалистических по своим симпатиям, одно только учение Маркса высилось прочным, массивным зданием. Лишь здесь, как всем ясно было, можно было найти желательное согласие между социалистическою теориею и новыми явлениями хозяйственной жизни,— согласие, основанное на прочном научном фундаменте; благодаря этому, марксистом называл себя не один социалистический политик и писатель, который никогда не вникал глубже в мир идей Маркса и никогда не понимал его метода исследования.

Теперь дело обстоит наоборот; по крайней мере, поскольку речь идет о социалистическом движении средней и западной Европы. Многие из тех, кто раньше называли себя марксистами, вернулись к своему прежнему миру идей, к буржуазному радикализму, проникнутому социалистическими симпатиями, и требуют возвращения *«назад»*, к учениям Прудона, Канта, Юма или даже Руссо. Правда, Марксу уделяется в истории социализма почетное место; но, как провозглашают эти

---

[1]) «Neue Zeit», 1909/10, B. II.

господа, стремящиеся назад, большая часть теорий Маркса опровергнута явлениями новейшего хозяйственного развития; марксизм в духовном отношении застыл; его некогда живые истины отмерли и превратились в мертвые формулы. Поэтому неотложно необходим основательный пересмотр теоретического наследства Карла Маркса.

Чем объясняется этот поворот? Отчасти, конечно, обманутыми ожиданиями; познанием того, что буржуазный мир обладает гораздо большею жизненною силою, чем раньше предполагали; познанием, которое, как казалось, отодвинуло преобразование современного хозяйственного строя в далекое будущее; но в значительной степени также тем, что, как уже сказано, сторонники пересмотра марксовых учений никогда не вникали в настоящую сущность метода исследований Маркса. Когда-то, при виде того, что учение Маркса внешним образом согласуется с явлениями хозяйственного развития, они называли себя марксистами; точно так же теперь, когда, по их мнению, этой согласованности уже нет, они опять меняют свои взгляды и возвращаются назад, к прежним этапам своего развития. Они никогда не уяснили себе коренного различия между методом исследования Маркса и современных экономистов; поэтому они не видят также того, что эта желанная для них согласованность,—отсутствие которой они больно чувствуют,—далеко не является критерием марксовых учений, так как последние отнюдь не стремятся объяснить отдельные явления, всплывающие на поверхность капиталистического хозяйства, в их временной форме. Напротив, Маркс хочет доказать законы и тенденции, лежащие в основе капиталистической формы хозяйства и ее развития и называемые им «естественными законами» хозяйства, и притом по возможности в их *«чистом»* действии, не видоизмененном многообразными противоположными влияниями.

Совсем другую цель ставит себе большею частью современная экономическая наука, преподаваемая в университетах и служащая в буржуазной прессе для объяснения экономических проблем. Она не хочет (и большею частью даже не претендует на это) обосновать законы капиталистического хозяйства, как то делала некогда английская классическая политическая экономия. Она хочет только объяснить экономические явления, протекающие перед нашими глазами, и притом нередко лишь

внешнюю форму этих явлений. Поэтому применяемый ею метод не аналитически-абстрактный, который стремится к познанию действующих законов тем путем, что он устраняет сопутствующие явления и старается схватить подлежащий исследованию процесс в возможно чистой форме; она действует чисто *эмпирически-комбинаторским* способом, часто даже таким, который Маркс в «Капитале» высмеивает, как *грубо-эмпирический*. Хозяйственные явления рассматриваются просто так, как они представляются наблюдению, как данные явления, то-есть без выделения глубоким анализом более или менее случайных второстепенных обстоятельств; а потом, на основании их внешней связи, часто даже лишь на основании их временной последовательности, между ними устанавливается причинная связь. Так,—чтобы иллюстрировать этот метод некоторыми примерами последнего времени,—иной современный экономист видит, что к началу хозяйственного кризиса склады переполнены товарами, преимущественно предметами личного потребления; отсюда он без дальних околичностей делает вывод, что в истекший период процветания эти товары были потреблены в недостаточном количестве, следовательно, кризис проистекает от *всеобщего недостаточного потребления*. Другой ученый замечает, что каждый раз перед кризисом наступает так называемый денежный голод и процент вексельного учета, банковский и частный, значительно повышается; отсюда он заключает, что кризис есть лишь следствие недостатка денег, а этот недостаток проистекает от того, что в истекший период хозяйственного подъема не был накоплен в достаточном количестве новый капитал для расширения процесса производства, следовательно, слишком большая часть дохода производства была затрачена на поддержание жизни, то-есть кризис проистекает не из недостаточного потребления, но скорее из *относительного чрезмерного потребления*. Третий, далее, находит, что перед кризисом акции испытывают на бирже громадное повышение, пока, в один прекрасный день, не наступает неожиданное падение курса; отсюда он делает вывод, что кризис есть следствие нездоровой биржевой спекуляции и ее обратного влияния на производительную деятельность.

Можно было бы целыми дюжинами привести подобные примеры грубо-эмпирического способа исследований, который из временной последовательности двух или нескольких хозяй-

ственных явлений просто умозаключает, что позднейшее явление должно быть следствием предшествующего. Здесь следует упомянуть только поразительные утверждения о регулировании производства и устранении в будущем всяких хозяйственных кризисов при помощи трестов. Последними кризисами в Германии и Америке эти утверждения были основательно опровергнуты, но и до этого опровержения вульгарные экономисты могли бы легко увидеть их ошибочность, если бы только они аналитически исследовали вопрос, каким образом в современном капиталистическом хозяйстве отношение предложения к спросу регулируется всегда превышением или недостатком товарного производства по сравнению с данным количеством потребностей и следующим за этими колебаниями повышением и понижением цен продуктов. В соответствии с этим, приспособление предложения к спросу не может вести к регулированию хозяйственной жизни уже потому, что рыночный спрос есть нечто всегда колеблющееся, *и если он отклоняется от нормы, то предложение, приспособляющееся к нему, также отклоняется от нормы.*

Но экономисты этого типа не ограничиваются тем, что из временной последовательности двух явлений просто, без дальних околичностей, умозаключают к существованию между ними причинной зависимости. Нередко они идут гораздо дальше и, наталкиваясь на мнимые аналогии в истории прежнего хозяйства, немедленно конструируют различные прекрасные законы, часто даже «вечные» и «всеобщие» законы, которые, по их словам, применимы не только к капиталистическому способу хозяйства, но и к хозяйству «в себе», так же к хозяйству германцев эпохи Цезаря или ирокезов эпохи Джемса Фенимора Купера.

Метод Маркса резко противоположен этому способу исследования. Маркс считал бы совершенно ненаучным делать подобные выводы о причинной связи или выводить экономические законы из некоторых отдельных явлений древнего и нового времени, на основании их видимого внешнего согласования. По его представлению, подобные законы могут быть получены лишь путем логической дедукции из доказанных всеобщих основных явлений. Маркс также в известном смысле эмпирик; он также исходит из явлений хозяйственной жизни различных эпох; но для построения своей системы он пользуется ими не

в том виде, как они представляются наблюдателю внешним образом. Повседневный опыт, по его словам, схватывает лишь *обманчивую видимость вещей;* поэтому всякое подобное явление должно быть сперва исследовано в своей настоящей сущности, должно быть *научно анализировано*; эту деятельность Маркс в предисловии к первому изданию первого тома своего «Капитала» сравнивает с *«микроскопической анатомией»*. Законченный образ экономических отношений, как он представляется на поверхности нашего наблюдения, в действительности совершенно отличается от их внутренней сущности, от их часто скрытого настоящего характера и от соответствующего им понятия. Поэтому совершенно неправильно принять эту внешнюю видимость за данное, за действительно существующее и из нее исходить при выведении следствий. Напротив, задача науки в том, чтобы через внешнюю видимость проникнуть во внутреннюю сущность экономических явлений.

Исходя из этой точки зрения, Маркс в своем «Капитале» бросает вульгарной экономии упрек в том, что она в своем грубом эмпиризме старается большею частью выяснить при помощи понятий и систематизировать только те представления, которые навязываются купцу и фабриканту в их деловой жизни, без более глубокого проникновения во внутреннюю связь. Так, например, в первом томе «Капитала» указывается, что грубо-эмпирическое экономическое учение «всегда ссылается на *видимость явлений против законов явлений*. Что в явлении вещи часто представляются неправильно, это известно всем наукам, кроме политической экономии».

И еще, быть-может, характернее для метода Маркса следующее место:

«Вульгарная экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства. Поэтому нас не может удивлять то обстоятельство, что как раз в форме проявления экономических отношений, которая отчуждена от них и в которой они prima facie принимают плоский характер и полны противоречий,—а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня,—что именно здесь вульгарная экономия чувствует себя совершенно как у себя дома и что эти отношения

представляются ей тем самоочевиднее, чем более скрыта в них внутренняя связь и чем более простыми кажутся они для обыденного представления» (Капитал, том 3-й, часть 2-я, русск. перев. под редакцией В. Базарова и И. Степанова, изд. 1908 г., стр. 346).

Маркс требует, чтобы экономист приступал к исследованию экономических законов в известном смысле таким же образом, как физик приступает к установлению физических законов. Подобно тому, как последний старается найти *«чистые»* законы и для этого отвлекается от временных особенных побочных обстоятельств и возмущающих влияний, которые в действительности часто или всегда имеются, так и Маркс хочет, поскольку то возможно, вскрыть экономические законы в *«чистой»* форме аналитическим путем, из их основных условий, устраняя возмущающие явления, которые нередко, большею частью или всегда появляются. Он сам говорит, сравнивая свой метод с методом физика: «Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде».

Так же должен поступать в своей области, в области политической экономии, экономист-теоретик; а так как хозяйственные явления переплетаются большею частью с различными побочными обстоятельствами, так как они представляют действие не одного только закона, но результат многочисленных взаимно перекрещивающихся, уничтожающих, ослабляющих или дополняющих законов или тенденций, то исследователь должен отличать основные явления от сопутствующих, абстрагировать от случайно или регулярно появляющихся возмущающих влияний и при исследовании первоначальных связей выделять отдельные причины и их специальные действия. Он должен уметь отделять и изолировать.

Разумеется, и этот метод не всегда дает правильный результат, ибо результат зависит не от одного только метода, но не менее от того, как исследователь следует ему на практике, как глубоко проникает его анализ, насколько он усматривает в побочных явлениях таковые и отличает существенное от несущественного. Но, во всяком случае, по мнению Карла Маркса, только таким путем можно познавать законы, лежащие в основе

хозяйственных явлений. Маркс, например, выводит свой закон стоимости не из всплывающих на поверхность хозяйственной жизни явлений цены, а путем логической дедукции из сущности товарного обмена. И свой закон капиталистической аккумуляции, накопления капитала он находит, исходя не из явлений концентрации, а при помощи глубокого анализа процесса капиталистического воспроизводства, превращения прибавочной стоимости в капитал и происходящего в этом процессе изменения количественного соотношения отдельных частей капитала. И только после того, как из определенных основных явлений процесса образования и возрастания капитала он дедуктивно выводит тенденции накопления или, по его собственным словам, «абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления», он дает «иллюстрации» к этому закону, то-есть доказывает на истории английского хозяйства, как в известных случаях этот закон влиял на положение отдельных слоев английского рабочего класса.

Достаточно беглого взгляда на применяемый здесь Марксом метод, чтобы увидеть, как глубоко отличается он от грубого эмпирически-исторического метода той практической политической экономии, которую мы встречаем на столбцах финансовых и коммерческих газет. Теоретики этого типа, наоборот, на основании одного только внешнего сходства сопоставляли бы различные, по существу неодинаковые явления концентрации капитала и, проведя через эту кучу равнодействующую, вывели бы так называемый средний закон. Поэтому вполне понятно, что это эмпирическое экономическое учение, усматривающее свои основные элементы только в поверхностных явлениях хозяйственной жизни, считает метод Маркса совершенно непонятным. Так, например, господин Бем-Баверк, прославленный австрийский профессор и бывший министр финансов, говорит об учении стоимости Маркса: «Вместо того, чтобы обосновывать свои положения (теорию трудовой стоимости) эмпирически или психологически, из опыта или из его движущих мотивов (то-есть из жажды прибыли. *Г. К.*), Маркс предпочитает третий способ доказательства, конечно, весьма странный для подобного вопроса: путь чисто логического доказательства, *диалектической дедукции из сущности обмена*».

Подобные законы движения (тенденции), получаемые путем дедукции из определенных основных явлений, Маркс называет

«чистыми» или *«абсолютными»* законами,—«абсолютными» в смысле философа Гегеля, учеником которого Маркс должен считаться. Следовательно, под выражением «абсолютный закон» надо понимать, в отличие от теперешнего словоупотребления, не закон *«неограниченный»* или постоянно осуществляющийся, а последний движущий принцип, лежащий в основе разнообразно меняющихся явлений известного рода, основную тенденцию развития, более или менее скрытую под внешними формами явлений. Поэтому нет никакого противоречия, как то утверждают теоретики, никогда не понимавшие Маркса, в том, что, изложив в первом томе Капитала закон капиталистического накопления и назвав его *«абсолютным и всеобщим* законом», Маркс сейчас же после этого говорит: *«Подобно всем другим законам, он видоизменяется в своем осуществлении многообразными обстоятельствами, анализ которых сюда не относится»*.

Итак, хотя закон накопления есть «абсолютный» и «всеобщий» закон, он, однако, не действует «неограниченно», и действие его выступает не всегда одинаковым образом. Напротив, его действие, как и действие других экономических законов, видоизменяется «многообразными» обстоятельствами, то-есть изменяется, отклоняется или ограничивается.

Но разве это не противоречие?

Только для того, кто не понял метода Маркса. Ибо, как физические законы не всегда действуют в чистом виде, но перекрещиваются противоположными действиями других законов, так и в хозяйственной жизни «абсолютные» законы, то-есть основные тенденции движения, не всегда выражаются одинаковым образом. Существует не один экономический закон, а много, и ни один из них не имеет своей особенной, замкнутой в себе сферы применения или действия, где он господствовал бы безраздельно. Хозяйственная жизнь есть, напротив, равнодействующая очень многих законов, в своем действии ограничивающих, ослабляющих и уничтожающих друг друга: это—*результат многообразно перекрещивающихся сил, действующих и противодействующих.*

Но если так, то зачем же исследовать так называемые «абсолютные» или «чистые» законы хозяйства? На это Маркс отвечает: потому, что общественное движение становится нам понятным лишь тогда, когда мы не остановимся на внешней видимости, а аналитически проникнем в основные законы

экономической жизни! Видимость, как объясняет Маркс, обманчива мы не поймем человеческого тела, пока будем рассматривать лишь его общий вид и его внешние функции, а его жизненный механизм мы поймем лишь тогда, когда расчленим его, исследуем функции его отдельных частей как в отдельности, так и в их связи и дойдем до его основных элементов, до клеточки; подобно этому, и в экономической области необходимо сперва путем тщательного анализа узнать основные экономические законы в их чистом виде, то-есть без влияния временных побочных действий, и лишь потом изучить их отклонения под влиянием других законов.

Но, считая экономическое развитие в известном смысле «естественным процессом», Маркс тем самым не утверждает, что экономические законы суть «законы природы» в том смысле, как, например, законы физики. Теоретики классической школы английской политической экономии, дело которых Маркс продолжал, считали найденные ими законы окружающего их хозяйственного строя законами всеобщего хозяйства, как оно существует само по себе,—законами, которые всегда определяли хозяйственную жизнь человека, с тех пор, как он начал производить и обменивать, хотя на более ранних, простых ступенях развития их действие, конечно, не выступало так ясно; напротив, по мнению Маркса, каждая эпоха хозяйственного развития имеет свои *собственные, особенные законы*. Как только данная эпоха пережита и начинается другая, вместе с тем на место старых экономических законов вступают новые, более или менее измененные. По мнению Маркса, экономические законы не что иное, как законы социальных отношений людей друг к другу, а так как общество не есть нечто неизменное и застывшее, но по мере процесса развития его форма постоянно вновь изменяется, то каждая такая новая форма имеет также свои новые особенные законы.

Следовательно, все экономические законы должны рассматриваться, как *исторически обусловленные*. Поэтому задача экономического исследования заключается не в том, чтобы конструировать «вечные» законы, применимые ко всем ступеням хозяйства, а в том, чтобы изучить кажую эпоху хозяйства в ее исторической обусловленности, в ее зависимости от особенных законов; для Маркса, как он сам признает в предисловии ко второму изданию первого тома «Капитала» по поводу кри-

тики его произведения в «Вестнике Европы», важнее всего найти закон изменяемости хозяйственных явлений, «закон их развития, т.-е. перехода от одной формы к другой, из одного порядка взаимоотношений к другому».

Понятно, что подобный аналитически-дедуктивный метод исследования необходимо должен вступать в конфликт с господствующим ныне во всех почти историко-социальных науках способом исследования, который, хотя и не прочь при случае пококетничать с теорией познания, но большею частью берет общественные явления в том виде, как они внешним образом (без более глубокого анализа) представляются нашим чувствам: и также вполне понятно, что «ученые» этого типа не только считают применяемый Марксом в «Капитале» метод лишь «ловкою игрою понятий», но наиболее хитроумные из них, прежде всего итальянский профессор Ахилл Лориа, даже открыли, что Маркс, при своем дьявольски злом характере, преследует только одну цель: вести за нос своих читателей и сторонников. Не нелепо ли,—так думают эти господа,—сперва выискивать при помощи обстоятельного, кропотливого анализа «абсолютные» экономические законы, и тут же немедленно уверять, что эти законы совсем не «абсолютны», то-есть не имеют абсолютной силы, что, напротив, их действие часто или всегда видоизменяется или даже совсем уничтожается другими законами?—то-есть, конструировать законы, которые в практической хозяйственной жизни даже незаметны, даже не оказывают действия! Это забавная аналитическая игра! Так, например, Маркс в первом томе «Капитала» исследует приблизительно на 100 страницах меновую стоимость и метаморфозу товара; после того, как он, по его мнению, эту стоимость нашел, он признает, что она выражается в цене товара, следовательно, цена есть денежное обозначение для овеществленного в товаре количества труда, но далее он опять оспаривает, что средняя цена соответствует величине меновой стоимости, наконец, в третьем томе своего сочинения (1-я часть, 2 отдел), он показывает, что хотя в общем и целом рыночные цены товаров определяются общественно-необходимым для их воспроизводства трудом, но все-таки фактором величины цены никоим образом не может считаться один только закон стоимости, но на-ряду с ним закон равной средней нормы прибыли, то-есть уравнение различных норм прибыли путем конкуренции.

Разве это не противоречие, не самоопровержение марксовского закона стоимости? Никоим образом! Ибо, как уже было упомянуто выше, хозяйственная жизнь и ее различные явления представляют результат не одного, но многих законов, перекрещивающихся в своих действиях, и видоизменение действия одного закона действием другого никогда не может считаться опровержением первого закона: тем более, что, как в данном случае, так называемое «возмущение» может быть точно доказано и в известной мере даже высчитано. Разве, например, в области физики закон сцепления потому не имеет силы, что он часто видоизменяется или уничтожается в своих действиях противодействующими законами? Разве сила тяжести лишь иллюзия, ибо она часто более или менее ослабляется силою центробежною? Разве законы падения—нелепые конструкции, так как они имеют силу только в безвоздушном пространстве, земное же пространство наполнено воздухом, сопротивление которого многообразно влияет на действие законов тяжести и изменяет их? Кто утверждает, что эти законы не существуют, так как их действие не всегда одинаково и часто или обыкновенно видоизменяется или уничтожается другими законами, *тот отрицает все современное естествознание.*

Поэтому прямо комично, когда люди, к которым относится также большая часть так называемых ревизионистов, с премудрым видом поясняют, что многие законы Маркса, например, законы накопления и концентрации, не могут быть правильными, ибо их действие заметно не всегда, не во всех отраслях производства или не во всех капиталистических странах. Это столь же научно, как если бы кто-нибудь с премудрым видом заявил, что закон притяжения совсем не существует, так как иной раз незаметно никакого притяжения. Конечно, метод Маркса не может считаться правильным потому только, что Маркс применяет его; и даже признание его правильности не означает, что правильным должен быть также каждый единичный результат исследования, добытый Марксом; ибо, разумеется, и правильный метод может быть применяем неправильно даже тем, кто открыл его и обосновал. Поэтому, конечно, ничего нельзя возражать против того, что противники занимаются разбором метода Маркса и пытаются доказать его ошибочность, неточность, противоречивость или же пы-

таются установить ошибочность основных явлений, из которых Маркс исходит, и отдельных звеньев его рассуждений. Но утверждение, что те или иные экономические законы не существуют уже потому, что мы временно не видим их действия,—свидетельствует только о том, что данный «критик Маркса» никогда не понимал отличия метода Маркса от грубо-эмпирических рассуждений, обычных для финансовых газет.

Обыкновенно такой критик, как это большею частью вскоре и обнаруживается, вообще ничего не смыслит в вопросах методологии. Так, например, часто приходится слышать утверждение, что марксовский закон накопления и концентрации *не совсем* ложен, что он имеет силу для промышленности, но не для сельского хозяйства, вернее, не для германского, бельгийского или английского сельского хозяйства; напротив, в сельском хозяйстве Северной Америки, России или какой-нибудь другой страны все еще происходит значительная концентрация капиталов и предприятий, как несколько десятилетий тому назад подобная же сельско-хозяйственная концентрация имела место также в Германии. Подобный способ аргументации сразу обнаруживает, что ее автор никогда не мог понять даже самых простых основных элементов марксовского метода. Ибо, в противном случае, он должен был бы знать, что нелепо мнение, будто законы капиталистического производства имеют силу лишь на время или для отдельных стран. Капиталистический закон имеет силу для всей области капиталистического производства, не только для отдельных стран или временно; но, конечно, в отдельных странах его действие может перекрещиваться или парализоваться многообразными другими противоположными силами, например, экономическою, торговою и таможенною политикою, законодательством о переселениях и ипотеках, конкуренцией соседних стран на рынке средств существования, внутреннем и внешнем, искусственным поддерживанием определенных форм сельско-хозяйственного производства и форм переселения, налоговыми, земельными, вывозными премиями и т. п.

Из того, что подобные и другие противодействия существуют и, возможно, на короткое или продолжительное время ослабляют в той или иной стране концентрацию капиталов и предприятий или же препятствуют ей, отнюдь еще не следует, что в капиталистической экономии вообще не существует никакого

закона концентрации. Но при различных обстоятельствах этот закон, подобно всякому другому экономическому закону, действует различным образом и в различном объеме.

Итак, кто хочет правильно и всесторонне понять марксистское учение, тот должен прежде всего ознакомиться с методом, применяемым Карлом Марксом. Знакомство с ним—первая предпосылка усвоения великого экономического труда этого мощного мыслителя. Кто не понял метода Маркса, тот не сможет также правильно оценить ход его доказательств и значение результатов его исследований. Для него «Капитал» останется лишь собранием хотя и остроумных, но большею частью бесцельных анализов и конструкций.

Густав Экштейн.

О методе политической экономии [1]).

1. Описательный метод естественных наук.

Предсказание Фридриха Энгельса, что философия будет сведена к логике и диалектике, начинает уже оправдываться· Метафизическая спекуляция, некогда царица наук, влачит лишь весьма скромное, можно почти сказать, голодное существование. Она ограничилась почти исключительно своим древним наследственным уделом, этикою и эстетикою, но даже в этих областях она вынуждена вести трудную борьбу за свое право на существование, ибо даже здесь туманная спекуляция все более вытесняется точным исследованием, абсолютные цели и ценности—установлением одних только связей и отношений. Задачею философии считается большею частью уже не нахождение абсолютных истин, но изыскание пути к относительным познаниям. На первом плане философских споров стоит спор о правильных методах.

Быть может, с наибольшею силою этот спор разгорелся в области, где несколько десятилетий тому назад его считали давно поконченным и, следовательно, исключенным,—в области точных естественных наук. Когда в семидесятых годах девятнадцатого века Эрнст Мах, а вскоре вслед за ним Кирхгоф объявили задачею физики не объяснение явлений, а их описание. они вначале остались почти одинокими. Но насколько их взгляд соответствовал времени, видно уже из того, что совершенно подобные же воззрения были почти одновременно выставлены и обоснованы, независимо друг от друга, столь различными мыслителями, как Рихард Авенариус, Иосиф Дитцген

[1]) «Neue Zeit», 1909/1910. B. I.

и И. Б. Сталло. Постепенно это новое воззрение все больше распространялось, и ныне уже целый ряд известнейших естествоиспытателей признают его или, по крайней мере, очень приближаются к нему.

В очень точной и живой форме, при том легко понятной профанам в области физики, излагается это учение в книге Пьера Дюгема «Цель и структура физических теорий» [1]); изложение наглядное благодаря множеству очень интересных примеров.

«Физическая теория,—говорит Дюгем [2]), это—не объяснение, это система математических положений, выведенных из небольшого числа принципов и имеющих целью представить в простом, полном и точном виде относящуюся к одной области группу экспериментальных законов».

«Всякая физическая теория проистекает из двойной деятельности: из абстракции и генерализации».

«В первой инстанции рассудок анализирует огромное число различных конкретных сложных единичных явлений. То, что он признает в них общим и существенным, он выражает в законе, то-есть в положении, связывающем абстрактные понятия».

«Во второй инстанции рассудок рассматривает всю группу законов; эту группу он заменяет небольшим числом чрезвычайно общих суждений, которые покоятся на нескольких очень абстрактных понятиях; он выбирает эти основные свойства и формулирует эти основные гипотезы таким образом, чтобы из них путем очень точной—хотя, быть может, весьма длинной—дедукции можно было вывести все законы, относящиеся к интересующей его группе. Эта система гипотез и вытекающих из них следствий—продукт абстракции, генерализации и дедукции—образует физическую теорию» [3]).

«Эти гипотезы могут быть формулированы произвольным образом. Единственный абсолютно непереходимый предел, где этот произвол останавливается, это—логическое противо-

[1]) Оригинал на французском языке, есть русский перевод. Г. Экштейн цитирует по немецкому переводу: Duhem, Ziel und Struktur der physikalischen Theorien, Leipzig, 1908.

[2]) Duhem, стр. 20.

[3]) Там же, стр. 67 и след.

речие как между членами одной и той же гипотезы, так и между гипотезами одной и той же теории» [1]).

Не говоря об этих формальных предпосылках, для выбора основных гипотез, вообще произвольного, существует только одно правило: они должны быть выбраны таким образом, чтобы «выводы, которые математическая дедукция может извлечь из их совокупности, с достаточною приблизительностью представляли совокупность экспериментальных законов» [2]).

Все это представление о чисто описательной роли естествознания и о повторении в мысленных конструкциях явлений природы самым тесным образом связано с признанием того, что человек со всеми своими функциями есть явление природы, что поэтому дух его так же подчинен тем же законам, как и весь органический мир. И здесь идея развития оказалась в высшей степени плодотворною. Так, форма и применение человеческой руки становятся нам понятны, когда мы узнаем, что она развилась постепенно путем приспособления к функциям, которые она должна выполнять; и не иначе должны мы представлять себе сущность умственной работы человека. Подобно тому как нет ничего чудесного в том, что рука человека может схватывать все, что необходимо ему для жизни, так нет ничего мистического в том, что человек может понять своим рассудком все окружающие его вещи, с которыми он вступает в отношения, при чем этот рассудок также развился в постепенном приспособлении к этой деятельности. Следовательно, познание человека имеет своею целью ориентироваться в окружающем мире для того, чтобы использовать его, защитить себя от него, овладеть им. Но подобно тому как более высокая материальная культура привела к тому, что рука начала упражняться в художественных работах, уже не необходимых для жизни, так и ум человеческий научился выходить за пределы ближайшего ориентирования, вызванного необходимостью. Он научился находить в различных явлениях общее, в их смене — постоянное, он научился образовывать понятия и формулировать законы, наконец, он даже научился размышлять ради самого познания, как спортсмен упражняет свои мускулы из любви к этой игре. При помощи одного понятия достаточно

---

[1]) Там же, стр. 21.

[2]) Там же, стр. 29.

точно описывалось целое множество фактов, так что человек мог сообразовать с ними свои действия.

Образование понятий происходит не произвольно, оно диктуется интересами, потребностями размышляющего, классифицирующего субъекта. Так, например, столяр, пейзажист и ботаник оставляют себе об ,одном и том же дереве различные понятия. Для каждого из них экономия мышления требует другого рода связи.

Чем сложнее интересы и чем многообразнее внешние условия, которые должны быть поставлены им на службу, тем сильнее должна выступать экономия мышления, то-ест абстракция от того, что для данной цели несущественно. Авенариус поэтому очень удачно обозначил философию, как «мышление о мире по принципу наименьшей траты сил».

Это представление вполне сознательно отказывается от всякой метафизики, разрушая оба последних убежища, где она еще скрывалась, а именно понятия причинности и субстанции. В каждом комплексе явлений имеются группы, отличающиеся бо́льшим постоянством, и группы менее постоянные. Преувеличивая эту противоположность, человеческое познание создает себе фикцию абсолютно постоянных «признаков» и, в противоположность им, преходящих и потому несущественных «признаков». Теоретико-познавательная критика новейшего естествознания, разрушая иллюзию абсолютного постоянства, тем самым устраняет представление о субстанции и присущих ей акциденциях и показывает, что и это различие имеет лишь относительную силу и значение. Но показывая, каким образом эта иллюзия возникла и должна была возникнуть, как сильно упрощает она картину мира, она признает относительную правильность этого представления для целей повседневной жизни, а равно для некоторых требований науки.

Подобно этому, нельзя также отрицать большую ценность для повседневной жизни представления причинности. Когда человек действует на окружающий мир, ему весьма полезно представить себе его одушевленным и оживленным такими же силами, какие известны ему из его собственного внутреннего опыта, ему полезно представить себе окружающие явления связанными таким же образом, как связаны проявления его собственной жизни. Но для некоторых целей, особенно для цели абстрактного познания, этот грубый способ представле-

ний уже недостаточен, здесь он приводит на ошибочный путь и к мнимым проблемам. Поэтому в области теоретико-познавательного исследования можно говорить не о причинах и действиях, не о целях и средствах, но лишь о закономерной последовательности, о функциональности.

«Анимизм (антропоморфизм),—говорит Мах [1]),—подобно всякой другой аналогии, сам по себе еще не составляет теоретико-познавательной ошибки. Ошибочно только применение этого представления в случаях, где предпосылки для этого отсутствуют или недостаточны».

Поэтому естествознание не может поставить себе задачею воздвигнуть преследование против «внутренних» связей, приписываемых явлениям по аналогии с человеческою душою. «Непредубежденное мышление учит, что всякая практическая и интеллектуальная потребность удовлетворена тогда, когда наши мысли могут полностью повторять чувственные явления. Это повторение есть, следовательно, цель и задача физики; напротив того, атомы, силы и законы суть лишь средства, облегчающие нам это повторение. Ценность этих последних простирается только в меру оказываемой ими помощи» [2]).

Правильность этого Дюгем, показывает в цитированном сочинении на целом ряде крайне поучительных примеров. Так, он говорит, что «астрологам принадлежит честь подготовки ньютоновской теории приливов во всех ее частях, в то время как защитники рациональных научных методов: перипатетики, коперниканцы, атомисты и картезианцы, встретили ее первое появление яростною критикою» [3]). Здесь, следовательно, теория, в полной бессмысленности которой теперь никто не сомневается, привела к более правильным выводам, чем те теоретические построения, которые и ныне еще пользуются величайшим престижем. Но вместе с тем Дюгем показывает, что большею частью слишком переоценивали влияние различных метафизических систем на открытие новых естественно-научных истин. Это происходит также от того, что часто исследователи преподносят свои открытия под покровом господствующих или наиболее близких им метафизических воззрений, хотя бы

---

[1]) Mach, Analyse der Empfindungen, Jena 1903, стр. 80. Есть русский перевод: Э. Мах. Анализ ощущений.

[2]) Там же, стр. 245.

[3]) Duhem, стр. 324.

последние даже не играли никакой роли при действительном открытии этих познаний.

Тем не менее, нельзя совершенно отрицать ценность этих теорий для экономии мышления и в качестве эвристических принципов, особенно если не упускать из виду, что по отношению к ним идет речь не о самостоятельных истинах, а лишь о средствах сделать вопрос наглядным и указать путь для нового исследования.

Итак, главною задачею естествознания остается возможно более точное представление в мыслях явлений природы. Исторический ход событий при этом таков, что сперва человек выделяет из окружающих явлений то, что имеет значение для определенных групп его интересов. Отсюда возникают первые классификации и понятия, первоначально грубые копии действительности. По мере усложнения жизни, т.-е. взаимодействия между человеком и окружающим миром, первый вынужден приспособлять созданную им картину к новым отношениям. При этом, естественно, человек в согласии с экономией мышления, стремится сохранить уже созданную и ставшую ему близкою картину, лишь изменяя ее частности и присоединяя новые. Если это оказывается невозможным, то, конечно, должна быть создана совершенно новая картина, создание гения; но судьба этой новой картины не лучше. Действительность в своем бесконечном многообразии никогда не может быть представлена полностью и повторена в мыслях. Дюгем нашел яркое сравнение для этого:

«Выведенный из теории математический символ,—говорит он [1]),—приспособляется к действительности таким же образом, как железные доспехи к телу закованного в них рыцаря. Чем доспехи сложнее, тем более, повидимому, гибким делается твердый металл. Большое число металлических частей, точно чешуею покрывающих рыцаря, гарантирует более совершенный контакт между сталью и защищенными ею членами тела. Но, как бы многочисленны ни были составные части доспехов, последние никогда не примут в точности форму человеческого тела».

Здесь стоят друг против друга два основных явления нашего сознания: с одной стороны, то содержание сознания, которое

---

¹) Там же, стр. 232.

мы просто находим в себе, которое дано нам в опыте, а с другой стороны, то, которое мы создаем сами, то-есть неразрывно связанное с ощущением нашей собственной воли; с одной стороны, данные явления, а с другой—конструкции нашего духа. Не только все наше исследование, но и все наше отношение к внешнему миру не что иное, как вечное взаимодействие, диалектическая связанность обеих категорий. «Как раз в этом дуализме коренится возможность и сущность познания» [1]).

Но, разумеется, эти конструкции нашего духа выбраны не совсем свободно, они предписываются нам самими вещами. «Наши понятия,—говорит Мах [2]),—действительно, сами по себе созданы, однако созданы не вполне произвольно, но проистекают из стремления приспособиться к окружающему чувственному миру. Согласование понятий друг с другом есть логически необходимое требование, и эта логическая необходимость есть единственная, которую мы знаем. Вера в естественную необходимость возникает только там, где наши понятия приспособлены к природе в достаточной мере, чтобы держать в согласии выводы и явления. Но предположение о достаточной приспособленности наших понятий может быть в любой момент опровергнуто опытом».

«Образы (или, пожалуй, лучше понятия),—говорит Мах в том же контексте,—которые мы сами создаем себе о предметах, должны быть выбраны таким образом, чтобы их «логически-необходимое следование» соответствовало «естественно-необходимому следованию» предметов».

Итак, основные предпосылки находят свое оправдание лишь при завершении системы. Физик, как Дюгем особенно подчеркивает [3]), «никогда не может подвергать контролю эксперимента изолированную гипотезу, но всегда лишь целую группу гипотез». Дюгем с полным правом особенно отстаивает этот пункт, иллюстрируя его, помимо теоретических соображений, также указанием на ньютоновский закон тяготения. Последний был выведен из законов Кеплера, то-есть из формулировки, охватывающей явления опыта, но он не вполне со-

---

[1]) Kleinpeter, Die Erkenntnisstheorie der Naturforschung der Gegenwart. Leipzig. 1905, стр. 35. Есть русский перевод.

[2]) Mach. Die Mechanik in ihrer Entwicklung. Leipzig. 1901, стр. 270. Есть русский перевод.

[3]) Duhem, там же, стр. 248.

гласуется с ними. Поэтому, если бы кто-нибудь просто испытал теорию Ньютона при помощи положений Кеплера, он отверг бы ее. Но впоследствии нашли, что следствия, выведенные из закона тяготения, точнее согласуются с действительностью, чем сами законы Кеплера; следовательно, первый закон больше приближается к явлениям, он содержит более правильное представление. Физические законы сами по себе не истинны и не ложны, но они ведут к большему или меньшему приближению к явлениям, подлежащим наблюдению; и это совпадение, имеющее характер приближения, есть единственный критерий теории. Ибо задача естественных наук состоит в том, чтобы «при помощи ясного и полного описания сделать ненужным ожидание новых опытов, сделать их излишними» [1]).

2. *Теория предельной полезности в свете естественно-научного метода.*

Наша эпоха празднует свой высший интеллектуальный триумф в области точных естественных наук, и потому вполне понятно, что примененные там методы приобрели огромное влияние также в области других наук. Постепенная победа, одержанная в области физики «антиметафизическим» способом исследования, который мы в грубых чертах только что пытались обрисовать, должна была поэтому сказаться также в изучении наук социальных и особенно политической экономии, которая среди этих наук наиболее доступна точному исследованию.

Поэтому следует приветствовать сделанную Шумпетером [2]) интересную попытку применить масштаб новой теории познания к буржуазной теоретической политической экономии, к учению о предельной полезности. Эта попытка является тем более ценною, что ее автор, повидимому, не только близко знаком с описательным методом естественных наук, но владеет также в совершенстве теорией предельной полезности; он, действительно, серьезно намерен поставить эту теорию на точном базисе и формулировать ее предпосылки и результаты с ясностью, открывающей возможность более подробной критики.

---

[1]) Mach. Mechanik, стр. 7.

[2]) Iosef Schumpeter, Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. Leipzig 1908.

В виду этого его книга представляет ценную основу для критики всей буржуазной теоретической экономии.

Шумпетер энергично возражает против обозначения его взглядов, как «буржуазных». Точная теория, которую он защищает, по его словам, стоит вне всякой партийности. Но, как сторонник Авенариуса, он должен был бы, конечно, обратить внимание на то, что именно по учению этого философа «нотал», «фиденциал» и «секурал» зависят от «систематической подготовки системы С». В переводе с этого витиеватого языка на русский это значит: всякая наука состоит в сведении неизвестного к известному. Но это «известное» и «близко знакомое» неодинаково у различных индивидуумов; оно существенно зависит от склонностей каждого, особенно от его жизненного опыта, следовательно, в первую голову также от его классового положения, которое таким образом в существенном имеет решающее значение для характера научного исследования. Мы еще увидим, как сильно дают себя чувствовать подобные специфические влияния даже у самого Шумпетера. В другом месте он сам же говорит [1]): «Как каждый имеет свой собственный мир, так он имеет и свою собственную науку: каждому она говорит иное, и каждый оценивает по-иному то, что она говорит ему, исходя из индивидуальной точки зрения и из индивидуального мерила. Это—его полное право». Конечно, он не согласен считать это приложимым и к «точным» наукам; но при этом он забывает, что последние также покоятся на предпосылках, выбор которых зависит от индивидуальных моментов. «Точный характер наук состоит лишь в том, что тщательно перечисляются все условия действительности закона и нет предпосылок, молчаливо подразумеваемых» [2]).

Резкие возражения Шумпетера против характеристики теории предельной полезности, как буржуазной теории, объясняются, повидимому, тем, что, по его мнению, эта характеристика относится не к исходному пункту и предпосылкам теории, а к ее цели, к оправданию или осуждению буржуазного строя. Эта ошибка самым тесным образом связана с представлением, которое автор, повидимому, имеет о теории Карла Маркса, поскольку о том можно судить по его скупым замечаниям об

---

[1]) Указан. сочин., стр. 555.

[2]) Сравни Kleinpeter, стр. 67.

этой теории. Уже во введении Шумпетер заявляет о своем намерении исключить из изложения социалистическую теорию «по теоретическим основаниям», которых он, однако, ближе не излагает. Хотя содержание его книги поэтому не вполне соответствует ее заглавию, но мы должны быть очень довольны этим ограничением, ибо, судя по немногим местам, где упоминается Маркс, очень вероятно, что Шумпетер не особенно близко знаком с его учением; в особенности мы должны быть довольны этим ограничением потому, что благодаря этому изложение и критика теории предельной полезности, которую автор считает единственною научною теориею хозяйственной жизни, значительно выигрывает в беспристрастности.

Теория предельной полезности исходит из того, что цена благ определяется спросом и предложением, и хочет ближе определить оба эти фактора, пытаясь свести их величину к интенсивности субъективной оценки, даваемой отдельным благам отдельными индивидуумами. Уже бесчисленное множество раз указывалось, особенно Марксом, что равенство спроса и предложения дано при всяком уровне цен, даже при самом произвольном, что, следовательно, оно не может определять этот последний. Этих обоих факторов достаточно для данной цели только тогда, если в каждом отдельном случае заранее точно определена их интенсивность. Но так как степень желания какого-нибудь блага в свою очередь зависит от его наличного количества, то последнее должно быть раз навсегда дано, если спрос и предложение должны определять цену. Шумпетер чувствует эту трудность и потому вынужден принять за данное количество наличных благ. Исходя из такой предпосылки, он доказывает точную определенность цен, указывая, что в его системе возможно столько же уравнений, сколько существует неизвестных величин. Следовательно, вся аргументация, исходящая из предельной полезности, имеет силу и может иметь силу лишь для этой «статической» системы, где не должно быть изменений ни в количестве наличных благ, ни в их оценке.

Ясно, что это предположение есть фикция, которой действительность не соответствует. Шумпетер с правом ссылается на то, что выбор гипотез произволен, лишь бы только они не содержали в себе никаких логических противоречий и оказались плодотворными для изображения всей данной области знания. Но, конечно, это было бы верно лишь в том случае, когда основ-

ные положения получены путем абстракции из множества явлений, но не тогда, когда они по самому существу своему противоречат общему характеру области знания, подлежащей описанию: в дальнейшем развитии эти трудности должны проявляться еще яснее. Посмотрим поэтому, как пытается справиться с ними сам Шумпетер. Поскольку он последовательно проводит косность и неподвижность системы, речь идет только о том, в какой мере из нее можно вывести законы хозяйства.

В этом отношении сам Шумпетер питает поразительно скромные надежды. В ходе своего изложения он исключает из действия теории предельной полезности немало хозяйственных явлений, как «динамических». Он признает [1]), что «статическая система далеко не объясняет всех хозяйственных явлений, она, например, не объясняет процента и предпринимательской прибыли, а также всевозможных форм образования цен и всего того, что важно для образования цен, даже в его простейшей форме». Но к этим примерам, по его собственному признанию, прибавляется еще следующий список явлений, необъяснимых при помощи теории предельной полезности: образование, накопление и восстановление капитала, образование имуществ, развитие производства, введение машин, кредит, действие эмиссий и бумажных денег, распределение рабочих сил между различными отраслями производства, сбережение, взаимная зависимость размера доходов, таможенные пошлины и более крупные налоги, розничная торговля и, наконец, кризисы.

Просмотрев этот длинный список, не могущий, однако, претендовать на исчерпывающую полноту, нельзя, при всем добром желании, признать преувеличенным отзыв, который сам Шумпетер дает о защищаемой им теории: «Наша теория, — говорит он [2]), — поскольку она прочно обоснована, не объясняет важнейших явлений современной хозяйственной жизни... К сожалению, мы не можем особенно обнадеживать читателя относительно будущего развития нашей науки в этом направлении... В практике существует целый ряд весьма специальных проблем, которые теория во многих случаях может разрешить... Конечно, для этого необходимы всегда данные из действительности, а когда последние даны, то часто результат получается

[1]) Указан. сочин. стр., 564.

[2]) Там же, стр. 578 и след.

сам собою; но это имеет место не всегда, и нельзя целиком отрицать здесь заслуги теории: ведь таким путем возможно внести целый ряд поправок в общепринятое обсуждение этих предметов... И так же обстоит дело со всеми нашими теоремами; они—интересные научные результаты и многообещающие начатки дальнейшего развития. Но удовольствуемся этим и не будем подвергать их тяжелому испытанию с точки зрения практического применения,—они не выдержат его: это—башни, открывающие перспективу, но не крепости, они не выдержат бомбардировки».

Нужно безусловно признать большое интеллектуальное мужество Шумпетера. Редко встречается, чтобы автор так открыто и прямо признал и указал недостатки и слабости защищаемой им теории. Но именно с своей точки зрения он этим вынес своей теории настоящий смертный приговор; ибо чем же еще остается доказать плодотворность произвольно выбранных им гипотез, если они почти во всех случаях непригодны для объяснения? При этом не надо упускать из виду, что даже в тех очень немногих случаях, для которых Шумпетер считает их достаточными, они имеют силу лишь при целом ряде невозможных предпосылок; а именно предполагается, что ни количество, ни оценка благ не изменяются, что население не увеличивается и не уменьшается, что оно даже остановилось в своем росте и не претерпевает никаких других изменений, что ничто не меняется в имущественных отношениях, что все комбинации производства и потребления фиксированы раз навсегда. И при всем том между обменивающимися должна еще неограниченно господствовать свободная конкуренция.

Это последнее требование между прочим показывает систему Шумпетера в характерном свете. Он неоднократно подчеркивает, что развитые им законы «имеют силу для современного человека, как и для самого примитивного» [1]); он утверждает даже [2]), что теоремы его системы и во всяком случае ее основные положения «в общем и целом, по крайней мере в своей сущности, применимы ко всякому состоянию хозяйства, в частности и к хозяйству натуральному, замкнутому, изолированному». Но при этом он сам должен признать, что безусловною предпосылкою всего его учения является свободная

[1]) Там же, стр. 80.

[2]) Там же, стр. 525.

конкуренция. Таким образом, несмотря на свои протесты, он ограничен буржуазным образом мышления и считает свободную торговлю, этот цветок манчестерства, единственною естественною самою очевидною предпосылкою хозяйственной жизни. Этим он лишний раз доказывает правильность утверждения Маркса [1]), что введение робинзонад, или «изолированного хозяина», как это называют теперь, означает не возвращение назад к плохо понятой естественной жизни, а скорее предвосхищение «буржуазного общества».

Какая же еще остается, по мнению Шумпетера, область при менения его теории? «Это—большая масса явлений повседневности,—отвечает он [2]),—тех явлений, которые можно видеть ежедневно и повсюду и о которых известно, что они происходят ежедневно и повсюду и, весьма вероятно, также будут повседневно повторяться».

Но и этот весьма скромный, чтобы не сказать плачевный, результат анализа в дальнейшем существенно ограничивается тем, что, как мы видели, учение о предельной полезности неприменимо к розничной торговле. Но, не говоря уже об этом, здесь опять обнаруживается своеобразность усвоенной Шумпетером точки зрения. Ни для фабриканта, ни для рабочего, ни для купца, ни для сельского хозяина повседневность не есть что-то статическое, неподвижное состояние равновесия, которое одно только может быть описано теорией предельной полезности. Это верно лишь по отношению к рантье, который всегда равномерно тратит свой точно фиксированный доход. Очевидно, его маленький кругозор кажется Шумпетеру наиболее близким, естественным.

3. Как Шумпетер обосновывает теорию предельной полезности [3]).

Этим, собственно говоря, можно было бы закончить критику теории предельной полезности, как ее излагает Шумпетер.

---

[1]) Marx, Einleitung zu einer Kritik der politischen Oekonomie. «Neue Zeit», XXI, 1, D. 710. См. перевод этой статьи Маркса в настоящем сборнике.

[2]) Там же, стр. 565.

[3]) Предупреждаем менее подготовленных теоретически читателей, что чтение этой главы не безусловно необходимо для понимания основной мысли настоящей статьи.

Но так как он утверждает, что эта теория целиком господствует и оказывается плодотворною, по крайней мере в той маленькой области, которую он ей отвел, и так как, далее, эта теория единственная, которая противопоставляется нам с буржуазной и часто также с ревизионистской стороны, то не лишне рассмотреть подробнее рассуждения, которым Шумпетер посвятил бо́льшую часть своей книги, пытаясь доказать ими настоящую ценность своей теории. Поэтому мы обратимся к разбору этих рассуждений с намерением рассмотреть, какие явления хозяйственной жизни объясняются, по мнению автора, с помощью его теории и удалось ли ему при этом избежать логических противоречий.

Шумпетер не просто принимает теорию предельной полезности, как она была обоснована Менгером и его школою. Он полагает, что придать системе действительно точный характер можно только отказом от всех психологических построений, как от излишних. На место психологических соображений он ставит математические дедукции. Последние, собственно, образуют основу его изложения. В них, по словам автора [1], заключается точная основа политической экономии, и их необходимо понять, если хотят понять сущность нашей науки. Поэтому для понимания всего сочинения безусловно необходимо подробнее ознакомиться с этим изложением [2]. В нем Шумпетер прибегает к высшей математике. Но читатель, не посвященный в ее тайны, не должен этого пугаться. Мы вскоре увидим, какие простые положения скрываются под учеными формулами.

В качестве основы своих дедукций Шумпетер выбирает закон, гласящий, что дальнейшее приобретение какого-либо блага прекращается, когда его количество находится в определенном соотношении с количествами других благ, находящихся в хозяйственной сфере хозяйствующего субъекта. Следовательно, на этих пограничных пунктах прекращается приращение количеств благ, и это выражается математически таким образом, что производные нашей функции по отношению к этим количествам должны быть равны нулю. Если, как говорит Шумпетер, все блага измеряются одною и тою же единицею,

---

[1]) Ср. Ichumpeter, стр. 132.

[2]) Там же, стр. 129 и след.

например, деньгами, и q_a, q_b, q_c и т. д. обозначают количества благ A, B, C и т. д., то получаем уравнение:

$$1.\ \frac{d\varphi}{dq_a}dq_a+\frac{d\varphi}{dq_b}dq_b+\frac{d\varphi}{dq_c}dq_c+\ldots=0,$$

где под величиною φ понимается некоторая «функция общей ценности совокупности благ нашего хозяйствующего субъекта». Это уравнение говорит только, что φ, то-есть «функция общей ценности», имеет наибольшую величину тогда, когда приращения распределяются между количествами различных благ способом, который ближе пока еще не определен; следовательно, это уравнение есть математическое выражение вышеприведенного закона. С целью более близкого определения его, Шумпетер приводит другое уравнение, долженствующее выразить, что, при предположении полной неизменности имущества данного хозяйствующего субъекта, сумма цен «купленных» им благ и сумма цен «проданных» им благ должны быть равны. Обозначая цены единиц различных родов благ соответственно через p_a, p_b, p_c и т. д., получаем уравнение:

$$2.\ p_a\,dq_a+p_b\,dq_b+p_c\,dq_c+\ldots=0.$$

Из соединения обоих уравнений получается:

$$3.\ \frac{1}{p_a}\,\frac{d\varphi}{dq_a}=\frac{1}{p_b}\,\frac{d\varphi}{dq_b}=\frac{1}{p_c}\,\frac{d\varphi}{dq_c}=\ldots$$

Это уравнение должно выражать фундаментальный закон уровня предельной полезности и при том безусловно точно, без психологических данных и с математическою ясностью. «Для того, кто это понял,—восклицает торжествующе Шумпетер,—уже не существует никаких сомнений относительно основных положений политической экономии, и споры по их поводу прекращаются».

Посмотрим теперь содержание, сферу действия и правильность этой спасительной истины.

Прежде всего необходимо установить, что основной закон, из которого исходит Шумпетер, годится только для «статики», следовательно, не для того, кто покупает с целью продать с прибылью, не для купца и не для предпринимателя, не для заимодавца и не для сельского хозяина. Мы еще увидим, почему он не годится также для рабочего. Остается опять-таки,

главным образом, один только рантье в качестве нормального хозяйствующего индивидуума, к которому применимо также уравнение № 2. Отсюда ясно, что и сфера действия столь прославленного уравнения № 3 не может быть шире. Дабы облегчить понимание его смысла, мы представим его в несколько другой форме; оно принимает следующий вид:

$$\frac{d\varphi}{dq_a} : \frac{d\varphi}{dq_b} : \frac{d\varphi}{dq_c} : \ldots = p_a : p_b : p_c : \ldots$$

То-есть для того, чтобы функция общей ценности была максимальною, ее изменения, обусловленные приращениями количеств отдельных благ, должны относиться, как цены единиц этих благ. На более простом языке это должно означать: для того, чтобы рантье покупал данное благо, его оценка этого блага должна находиться в соотношении с его ценою. Разумеется, из-за такого ценного результата стоило автору трудиться и вводить высшую математику в основу политической экономии. Этот громоздкий аппарат невольно напоминает одну феерию Раймунда, где сын, при помощи несчетного числа таинственных манипуляций и заклинаний, вызывает дух своего отца. Последний, наконец, появляется в громе и молнии и возвещает дрожащему в благоговейном страхе сыну: «Я твой отец Зефиз и — больше ничего не скажу тебе».

Но, собственно говоря, этот плачевный результат можно было заранее предвидеть. Конечно, математические дедукции могут придать содержанию предпосылок бо́льшую наглядность и яснее выразить заключающиеся в них зависимости, но в смысле содержания они не могут дать больше того, что уже имеется в посылках. Из таких тривиальностей, какие представляют уравнения № 1 и № 2, можно вывести только такую плоскую истину, как уравнение № 3.

Несмотря на это, Шумпетер считает эти уравнения «зерном и фундаментом чистой политической экономии, ее альфою и омегою; они содержат in nuce всю чистую экономию» [1]. Бедная буржуазная экономия!

Предельная полезность, теоретически формулированная таким образом, имеет у Шумпетера несколько иное значение, чем у сторонников этой теории. По мнению Менгера и других,

[1]) Указан. сочин., стр. 214.

любая часть наличного количества благ может считаться последнею, следовательно все части равноценны, и общая ценность всего запаса может быть легко получена путем умножения полезности последнего блага данного рода на количество благ того же рода. Шумпетер правильно показывает, что это утверждение неверно. Ибо, если даже любая часть может рассматриваться, как последняя, то в этом случае все остальные части должны занять более высокое место. Он показывает также,—что отмечалось уже раньше,—что учение Менгера ведет практически к совершенно невозможным выводам. Поэтому, по словам Шумпетера, нельзя «умножать общее количество на предельную полезность, но надо каждую данную часть умножать на число, выражающее интенсивность, соответствующую тому месту, которое данное благо занимает в произвольно расположенном ряду, а потом надо вывести сумму этих произведений, то-есть интегрировать»[1]).

Эта аргументация не отличается новизною. Уже более пятнадцати лет тому назад ее приводил г. Нейрат, один из самых путанных умов, когда-либо подвизавшихся в области политической экономии [2]). Но хотя она верна, теоретики предельной полезности игнорировали ее, и по правильным основаниям, ибо она отнимает последнюю тень практического значения у теории предельной полезности, которая вообще имеет ту трагическую судьбу, что в ней логика и польза находятся в обратном отношении одна к другой: чем последовательнее эта теория проводится, тем меньше она дает результатов. Например, по формулировке Нейрата—Шумпетера, одинаковые экземпляры товара на складе имеют для владельца различную ценность, при чем он ценит каждый из них тем выше, чем меньше его запас; поэтому в его интересах продавать по данной цене не возможно большее количество товара, а возможно меньшее. Кроме того, ценности необходимейших средств существования бесконечно велики; при сложении, интегрировании, всех ценностей средств существования должна всегда получаться одна и та же бесконечно большая сумма. Поэтому Шумпетер видит себя вынужденным внести в свой закон новую существенную поправку и ограничение. «Если мы хотим,—говорит он [3]),—получить для

---

[1]) Там же, стр. 103.

[2]) Neurath, Grundzüge der Volkswirtschaft. Wien und Zeipzig, 1885.

[3]) Указан. сочин, стр. 103 и след.

общей ценности конечное выражение, которое одно только может нам пригодиться, то не остается ничего другого, как не доводить нашу интеграцию до тех количеств, ценность которых для индивидуума превыше всего... Мы должны оставить индивидууму, так сказать, Existenz-minimum (минимум средств существования) и можем выразить только ценность тех количеств благ, которые превышают этот минимум».

Необходимо отметить, что у представителей австрийско-английской школы «ценность» (Wert) равнозначуща с субъективною оценкою, под «ценою» же (Preis) понимается отношение, в котором блага взаимно обмениваются. При помощи закона спроса и предложения цена сводится к указанной ценности, Но так как закон ценности испытал уже столь значительны. ограничения, то ясно, что уже по этой причине он не может годиться для многих случаев образования цен. Кроме того, как мы видели, сам Шумпетер приводит целый ряд образований цен, для которых его система не дает объяснения. Но важнее всего то, что вся эта система ограничена «статикою», в действительности не существующею. Разумеется, Шумпетер пытается обойти эту трудность, но его попытка весьма плачевна и вряд ли достойна такого остроумного теоретика, каким он часто показывает себя в отдельных частностях.

Как прямо и неоднократно указывает сам Шумпетер, в его статической системе даны заранее не только количества благ, но и их распределение, и изменения могут произойти только при помощи обмена. Труд он просто объявляет формою обмена, так как в производстве трудовые усилия обмениваются на блага. Мы оставляем в стороне вопрос, допустимо ли вообще такое злоупотребление давно установившимися терминами, но ясно, что оно нисколько не поможет Шумпетеру. Ибо, какие бы названия ни давал он труду, он не сможет оспаривать, что в труде прямо воплощен принцип динамики. Как только труд вступает в хозяйство, количества благ уже не могут более оставаться неизменными. Конечно, Шумпетер пытается еще спасти это равенство; по его словам, то, что приобретается трудом в виде вещественных благ, израсходовано в виде трудовых усилий, представляющих также благо. Но простое соображение показывает, что этим трудность не устранена. Рабочий продает свою трудовую деятельность за заработную плату, следовательно, он не может обменять ее второй раз на продукт. Этим

занимается предприниматель, но при этом он получает в виде возмещения за деятельность пущенных им в дело «рук» больше, чем сам он выплатил этим «рукам» в виде заработной платы. Откуда бы ни получалась эта разница, но она существует, и, по словам самого Шумпетера, она, эта предпринимательская прибыль, представляет не статическую проблему, а динамическую, ускользающую от его теории. Вообще, желание включить в статику производство, этот принцип хозяйственного движения, звучит прямо-таки насмешкою над общепризнанным понятием статики, как учения о равновесии.

Уже это показывает, как ошибается Шумпетер, полагая, что заработную плату можно рассматривать, как статический вид дохода. Как раз сумма заработной платы отличается наиболее динамическим характером. Но, даже не говоря об этом, проблема заработной платы не подходит под теорию Шумпетера. Как упомянуто было выше, последний сам признает, что его теория не в состоянии объяснить стоимость Existenz-minimum'а. Но так как для большинства промышленных и сельских рабочих речь идет о получении этого минимума средств существования, то уже поэтому весь вопрос не подходит под теорию Шумпетера и, следовательно, как уже было замечено раньше, под действие его основного закона.

Сюда присоединяется еще один существенный момент. Труд—одно из наиболее важных и чаще всего употребляемых средств производства. Поэтому его ценность и цена подчиняются, хотя бы отчасти, тем же законам, какие вообще имеют силу для средств производства. Тем самым мы подходим к одному из наиболее поразительных пунктов теории предельной полезности, к учению о ценности «производительных благ». Последняя, по этому учению, «определяется предельною полезностью и ценностью того продукта, который имеет наименьшую предельную полезность из числа всех тех продуктов, на производство которых можно, с точки зрения хозяйственного расчета, употребить данную единицу производительных благ» [1]).

Представим себе на одну минуту, что это означает. Возьмем, например, кусок меди. Из него можно сделать проволоку для электрической железной дороги либо для электризацион-

---

[1]) Сравн. Böhm-Bawerk, Kapital und Kapitalzins. 2 Auflage, 2 Band. J. 197. Первый том этого сочинения Бем-Баверка имеется в русском переводе: Бем-Баверк. Капитал и прибыль. Петерб. 1909.

ного аппарата; или же, сплавив с другими металлами, его можно переработать в конную статую Вильгельма Великого или в пфенниги. Какая же предельная полезность наименьшая и в какой пропорции участвует кусок меди в этой полезности? При этом тот, кто заказывает памятник, видит ценность в споспешествовании патриотизму и в успокоении своего честолюбия, а тот, кто подвергается электризации у врача—в споспешествовании пищеварению и в успокоении своих телесных страданий. А ведь из числа всех возможных способов употребления меди приведенные составляют только ничтожнейшую часть. Кроме того, вопрос о том, какое применение будет сделано «с точки зрения хозяйственного расчета» из данного куска меди, предполагает заранее цену. Наконец, ценность окончательных продуктов, производимых при помощи одних только легко замещаемых средств производства, в свою очередь, зависит от их ценности, то-есть от предельной полезности продуктов, производимых при совместной помощи указанных средств производства и незамещаемых производительных средств [1]). Возражение, что цитированный закон—лишь теоретическая схематизация, которая не может быть прямо приложена на практике, неубедительно; ибо ценность средств производства в действительности ежедневно определяется и даже с большою точностью. Но если бы она действительно определялась, хотя бы один день, по законам, развитым буржуазными теоретиками, то, несомненно, потребность в сумасшедших домах сразу возросла бы, и предельная полезность последнего сумасшедшего дома достигла бы головокружительной высоты.

Кроме заработной платы, Шумпетер признает только еще один статический вид дохода, а именно земельную ренту. Последняя, по его мнению, есть просто цена пользования землею, определяемая, подобно всякой другой цене, при помощи спроса и предложения и на основе его замечательных формул. Вопрос таким образом как нельзя более прост, и современные теоретики не правы, все еще придерживаясь устарелой теории дифференциальной ренты Рикардо. Марксовская формулировка и более глубокое обоснование теории земельной ренты, как и все другие части марксовской теории, Шумпетером не принимаются во внимание.

---

[1]) Ср. Böhm-Bawerk, цит. соч., стр. 198 и след.

Присмотримся к вопросу поближе. Земля, за полезность которой уплачивается рента, представляет средство производства в самом точном смысле слова, но от труда [1]) и упомянутого выше куска меди она существенно отличается тем, что не может быть в такой же степени замещаема другим равноценным экземпляром того же рода. Поэтому здесь вступают в силу законы, определяющие, по теории предельной полезности, ценность «комплементарных» благ. Бем-Баверк формулирует этот закон следующим образом [2]): «Распределение (ценности) происходит таким образом, что из общей ценности всей группы, определяемой предельною полезностью совместного употребления всех членов группы, сперва выделяется точно фиксированная ценность замещаемых членов, а остаток, колеблющийся в зависимости от величины предельной полезности, приходится на долю незамещаемых членов, как их изолированная ценность».

Итак, из ценности продуктов земли необходимо вычесть ценности семян, труда, изношенных орудий и т. п. Остаток, по вычете прибыли, представляет «цену пользования землею» или ренту; и, разумеется, этот остаток колеблется в зависимости от плодородия почвы. Таким образом мы благополучно достигли бы здесь, хотя и обходным путем, теории дифференциальной ренты Рикардо, если бы мы уже раньше не потерпели крушения в пучинах определения ценности замещаемых средств производства.

Заработная плата и земельная рента суть, по мнению Шумпетера, единственные «статические» виды дохода. Как видим, даже они не объясняются учением о предельной полезности, которое остается таким образом почти без всякой сферы применения. Правда, Шумпетер утверждает, что это учение в состоянии дать полное объяснение появления и роли денег в хозяйственной жизни, но и это утверждение оправдывается не лучше предыдущих.

Шумпетер правильно подчеркивает, что вопрос не в том, чтобы доказать полезность денег, а их необходимость. Последнюю он пытается выяснить на одном воображаемом примере [3]).

---

[1]) Я нарочно отвлекаюсь здесь от сделанного Марксом различия между трудом и рабочею силою, ибо оно игнорируется буржуазными экономистами, о которых здесь идет речь.

[2]) Там же, стр. 185.

[3]) Ср. рассуждения его на стр. 273 и след.

Предположим, что цены двух благ на рынке относятся, как 3 : 6; тогда те лица, для которых предельная полезность этих двух благ равна, например, 3 : 4, не в состоянии достигнуть максимальной степени удовлетворения путем непосредственного обмена тех благ, которые они имеют, на те, которые они хотят приобрести. В этом случае они скорее вынуждены будут приобрести блага, в которых они не нуждаются, с единственною целью обменять их на блага, в которых они действительно нуждаются. Этот посредствующий продукт и есть деньги.

Шумпетер страшно гордится этим выводом, усматривая в нем блестящий успех своей системы. «Действительно, с точки зрения теоретика, вряд ли можно было бы более удовлетворительно разрешить этот вопрос, — восклицает он с одушевлением [1]). — Наша система сама собою, без всяких искусственных натяжек и привлечения новых моментов, дает исчерпывающее и удовлетворительное объяснение важного хозяйственного явления, — объяснение столь меткое и ясное, что вряд ли остается еще что-нибудь под вопросом».

Эта сильно выраженная радость на первый взгляд не может не привести читателя в изумление. Ведь казалось бы, что экономическая теория, не объясняющая явления денег, вообще не может быть принята всерьез. Но как раз в этом вопросе сторонники предельной полезности привыкли ставить своей собственной системе очень скромные требования. Меновую ценность благ они хотят объяснить их потребительною ценностью. Но ведь потребительная ценность денег состоит именно в их меновой ценности. В этом кругу беспомощно вращаются теоретики этого направления, и Шумпетер вполне прав в своем презрительном замечании [2]), что отличительною чертою сочинений по теории денег является обилие общих мест и отсутствие интереса.

Жаль только, что и его дедукция в дальнейшем не помогает. Предположим, что на рынке 3 сюртука обмениваются на 6 шляп, в моей же оценке они равняются только 4 шляпам. Если я имею сюртуки и желаю купить шляпы, то я сделаю выгодное дело, получив 6 шляп, в то время как я был бы согласен отдать сюртуки за 4 шляпы. Но если я имею шляпы и

---

[1]) Там же, стр. 276.

[2]) Там же, стр. 283.

нуждаюсь в сюртуках, то я должен был бы отдать 6 шляп за 3 сюртука, что для меня слишком дорого; поэтому я вообще не буду производить обмена до тех пор, пока не изменится моя оценка или рыночная цена. Что же меняется благодаря появлению денег? Сюртук стоит на рынке, скажем, 10 марок, шляпа— 5 марок. В первом случае я получу за свои 3 сюртука 30 марок, за которые я могу купить 6 шляп, во втором случае я получу за свои 6 шляп те же 30 марок, за которые я могу купить 3 сюртука. Правда, я могу уже за 20 марок купить 4 необходимых мне шляпы, сохранив у себя 10 марок. Но я достиг бы того же, если бы вынес на рынок только 2 сюртука и обменял бы их на 4 шляпы, а на третий сюртук купил бы себе другие блага, оцениваемые мною выше. Разумеется, вся эта сделка была облегчена при помощи денег, но ведь доказать следовало не пользу денег, а их необходимость. Последняя же не доказана и при предпосылках Шумпетера, ибо в его статической системе деньги, действительно, совсем не необходимы. Социальное значение денег, играющих в хозяйстве, повидимому, служебную роль, функция, которая часто делает их властелином хозяйства и тем придает им в глазах буржуазных экономистов характер чего-то таинственного и даже зловещего, основывается на том, что деньги определяют вопрос о том, является ли содержащийся в товаре труд также общественно необходимым трудом, реальна ли его стоимость. Поэтому деньги играют эту роль, делающую их неизбежными и необходимыми, только в таком хозяйстве, где общественная потребность должна удовлетворяться индивидуальным, нерегулированным производством. Но это не имеет места в «статической системе» Шумпетера, ибо там вообще ничто не производится, а блага появляются в готовом виде, точно жареные рябчики. На счет отдельных пунктов проблемы денег Шумпетер делает немало правильных замечаний, но сущность денег должна была остаться непонятною теоретику предельной полезности.

Приложим же теперь к системе Шумпетера масштаб, избранный им самим. В выборе своих гипотез он был свободен; он должен был только последовательно держаться их и при их помощи описать наиболее простым образом хозяйственные явления. Достиг ли он этого? Поскольку он строго держался своей статической системы, он вынужден был заранее исключить как раз важнейшие проблемы хозяйства. Но даже при обсужде-

нии немногих оставшихся проблем его система оказалась почти во всем несостоятельною. Теперь нам остается только рассмотреть, не имеется ли все-таки одно явление, к которому эта система применима; это, быть может, несколько поможет нам объяснить, каким образом столь остроумный ученый, каким нередко показывает себя Шумпетер в своей книге, ученый, научное бесстрашие которого засвидетельствовано его собственными ограничениями сферы действия его теории, попал в такой тупик.

Наш анализ уже указал нам для этого дорогу. «Статическая система», это—не описание торопливого и бурного народного хозяйства, где прибавочная стоимость есть центр всех жизненных интересов. Это—копия спокойного хозяйства рантье, который безмятежно потребляет свой неизменный из года в год доход и, позаботившись заранее о более настоятельных потребностях, спокойно размышляет о том, как бы ему употребить остающуюся сумму с наибольшим удовольствием для себя, может ли он купить «жене» новый туалет или себе новый письменный стол. Для этого мировоззрения рантье характерны некоторые выражения самого Шумпетера. По его словам [1]), его основной теореме соответствует «существенное обстоятельство. Это—постоянство бюджета подавляющего большинства людей, то обстоятельство, что почти всякий стремится в пределах достаточно долгого периода... потреблять одни и те же блага в одинаковых количествах подобно тому, как он чрезвычайно цепко держится за вид и методы своей производительной деятельности». Пожалуй, самопознанием является следующая характеристика хозяйственного мира, картину которого автор обещал нам показать [2]): «Это—бюрократический, квиетический, филистерский мир, который мы рисуем; или, вернее, в нашей картине отражается именно квиетический, филистерский аспект человеческих действий».

Несправедливо, следовательно, усматривать в теории предельной полезности выражение духовной потребности буржуазии в иллюзиях насчет противоречий и истинной природы капиталистической хозяйственной системы. В действительности вряд ли какой-нибудь практик станет заботиться об этом

---

[1]) Там же, стр. 571.
[2]) Там же, стр. 568.

пестром уборе, который выполняет только одну цель: он тоже представляет собою «теорию», о которой можно рассуждать поученому, хотя она остается абсолютно бесплодною в применении к действительной жизни. В теории предельной полезности отражается дух не жаждущего прибыли капиталиста, а профессора на государственной службе.

Книга Шумпетера кажется мне наиболее остроумною и искреннею из всех известных мне сочинений этого направления. Ее чтение, во всяком случае, в высшей степени поучительно. Но именно ее большие достоинства тем ярче обнаруживают полнейшую бесплодность и безнадежность защищаемой ею точки зрения. Попытка Шумпетера перенести в политическую экономию методы современного естествознания окончилась плачевною неудачею, так как он исходил из гипотезы, которая находится в вопиющем противоречии со всею сущностью современного хозяйства и потому не могла оказаться полезною ни для его объяснения ни для его описания.

4. Субъективный и объективный метод.

Вообще в высшей степени замечательно, что Шумпетер предпринял попытку применить методы естествознания к теории предельной полезности, ибо принцип последней прямо противоположен принципу естественных наук. На место основного понятия классической школы, меновой стоимости, как реального явления, проявляющегося в обращении, австрийско-английская школа поставила субъективную оценку отдельного индивидуума. Это связано самым тесным образом с ее манчестерским пониманием общества, как простой суммы индивидуумов. Тем самым теория предельной полезности выдвинула на передний план субъективный момент и на нем построила свою систему, в то время как цель естественных наук состоит именно в том, чтобы этот субъективный момент, по возможности, исключить.

Всякая наука берет свое начало в опытах повседневной жизни. Последние учат нас, например, что при сильном ударе ладонью руки о стол получается ощущение теплоты, что труднее поднять камень до уровня груди, чем до колен и т. д. Эти примитивные физические опыты, конечно, имели для науки огромную ценность, но если бы наука остановилась на них,

она была бы осуждена на полное почти бесплодие. Подобные же опыты делают более разумные животные, и нередко умеют даже пользоваться ими. Что дает человеку огромное превосходство, так это прежде всего возможность сообщать другим результаты своего опыта; благодаря этому он может сравнивать свои собственные опыты с опытами других индивидуумов и таким образом провести различие между явлениями, которые исключительно или отчасти зависят от особенностей нашего собственного «я», и теми, которые одинаково доступны всем людям в одинаковом положении, то-есть имеют своею предпосылкою лишь всеобщую человеческую природу. Но наличность подобных опытов, независимых от субъективности отдельных индивидуумов, позволяет умозаключать об явлениях, протекающих вне сознания,—явлениях объективных, а не субъективных [1]). Эта противоположность могла появиться лишь при предположении, что существуют также другие индивидуумы, ощущающие и воспринимающие. «То, что мы называем объективным значением вещей,—говорит Зиммель [2]),—есть, с практической точки зрения, их значимость для более широкого круга субъектов». Поэтому между субъективностью и объективностью существует ряд градаций. Путник в пустыне, почти изнемогающий, неожиданно видит оазис с ключом воды. Если это зрительное восприятие ограничивается им одним, перед нами, вероятно, чисто субъективная галлюцинация; если его спутники видят одновременно ту же картину, которая, однако, через некоторое время или при перемене места исчезает, то, повидимому, здесь имеет место фата-моргана, объясняющаяся «объективными» явлениями, отражением в воздухе, но вместе с тем обусловленная субъективно постольку, поскольку она может быть воспринимаема только с определенного места. Наконец, если картина остается та же при приближении, и другие чувственные впечатления, как шум источника, прохлада в тени и т. п. соединяются воедино с зрительными впечатлениями, тогда только гарантирована «объективность» явления. Поэтому правильно

---

[1]) Я совершенно оставляю здесь в стороне крайне спорный вопрос о том, соответствует ли «объективному» по ту сторону нашего опыта какая-нибудь «вещь в себе». Эта проблема выходит за рамки наших методологических рассуждений и не имеет для них значения.

[2]) Georg Simmel, Die Philosophie des Geldes. Leipzig, 1907. S. 379.

замечает Клиффорд [1]), что «с каждым явлением должна быть неразрывно связана вера в существование чужого сознания, подобного нашему, но не составляющего части его,—вера, посредством которой отдельные впечатления связываются в один объект».

Физические законы отличаются от необработанных восприятий, приведенных нами выше, именно тем, что они выходят за пределы чисто субъективного. Возьмем простой пример, а именно закон, по которому объем газов, при одинаковой температуре, обратно пропорционален испытываемому ими давлению. Объем, температура и давление представляют первоначально лишь выражения для качеств ощущений и поддаются лишь субъективной, приблизительной оценке при помощи глазомера и чувства осязания. Более точное определение их величины на этой стадии невозможно. Оно может появиться только тогда, когда удастся найти объективный масштаб для упомянутых субъективных величин.

Подобное мерило тем лучше соответствует своей задаче, чем менее оно зависит от субъективных моментов. Вещественным, материальным мы называем теперь то, что привыкли считать независимым от нашей субъективности, а то, что характеризует это материальное в противоположность нашим индивидуальным ощущениям, мы называем объемом, протяженностью.

Поэтому стремление естественных наук направлено к тому, чтобы характеризовать интенсивность ощущений при помощи пространственных символов. Этой цели служит, например, термометр, выражающий интенсивность теплоты при помощи различий в объеме тел, барометр, выражающий интенсивность давления при помощи высоты ртутного столбика; сюда же относятся почти все аппараты, которыми физик измеряет все различные интересующие его явления.

До недавнего времени все полагали,—и теперь еще большинство полагает,—что пространственная символизация различных физических явлений возможна только при условии «сведения» этих феноменов к движениям в пространстве; поэтому, например, объясняли, что свет есть «на самом деле» движение эфира и т. п. Только теперь признали, что эти мета-

---

[1]) W. K. Klifford, Von der Natur der Dinge an sich. Leipzig, 1903. S. 31.

физические подстановки совершенно излишни. Они служили и служат только вспомогательными средствами, при помощи которых численная символизация явлений может быть сделана более наглядною. В качестве таковых они, конечно, полезны; но во многих случаях эти вспомогательные представления оказывали на науку препятствующее и задерживающее влияние благодаря тому, что они претендовали изображать сущность вещей, которые в указанных явлениях лишь находят свое внешнее выражение.

«Старые физики ожидали особых выгод от замены качественных особенностей, показанных им чувствами, гипотетическими количествами и от измерения величины этих количеств; но очень часто можно получить те же выгоды, не ссылаясь на подобные предполагаемые величины, а просто избирая подходящую для этого скалу измерения» [1]).

Итак, все механическое мировоззрение, приобревшее столь большое значение для всей области знания, можно свести к этому стремлению—хотя и неправильно понятому—изобразить субъективные явления при помощи объективных величин. Разумеется, в полной мере это стремление естествознания никогда не осуществится. Его прогресс состоит в постоянной борьбе с субъективным моментом. Оно изобретает остроумнейшие аппараты и применяет самые точные методы и инструменты. Когда, например, трое ученых-физиков приступают теперь к измерению одной и той же величины, они, наверное, дадут три различных показания. Целая наука занимается ограничением этих ошибок, но полностью устранить их никогда не удастся.

Итак, естественно-научный метод и субъективность представляют резкие противоположности. Поэтому в высшей степени странною должна показаться попытка применить естественно-научные методы к теории предельной полезности, по существу своему субъективной. Если бы, наоборот, хотели применить действительный метод теории предельной полезности к естественным наукам, то не пошли бы дальше той стадии, когда температура, давление, объем и т. п. находили чисто субъективную оценку, то-есть не пошли бы дальше, так сказать, эмбриональной стадии естественных наук.

---

[1]) Duhem, указ. соч., стр. 155.

Если же хотят изучать хозяйство по примеру естественно-научных исследований, то необходимо и здесь искать для субъективных величин объективное мерило.

Основной факт нашего хозяйственного строя, это—обмен равных общественных стоимостей. Теоретики предельной полезности пытаются свести этот факт к крайне различным оценкам отдельных индивидуумов, и таким образом они постоянно попадают из области объективного, каким является общественная стоимость, находящая в деньгах свое овеществление, в область субъективного, не поддающегося никакому прямому фиксированию и измерению. Правда, Шумпетер ссылается на психо-физические исследования, делающие возможным точное измерение интенсивности ощущений и чувств. Но ведь это направление психологии стремится именно к тому, чтобы психические, субъективные величины символизировать пространственным образом. Теория же предельной полезности, наоборот, исходит из объективных величин и стремится распылить их в субъективные чувства.

Классическая политическая экономия и ее законные наследники нашли объективное мерило для общественной стоимости в рабочем времени, затраченном на производство оцениваемых благ. У классиков, даже у Рикардо, эта идея выступает еще в неясном и неопределенном виде, свою резкую и полную формулировку она нашла только у Карла Маркса. Последний показал, что речь идет не об индивидуальной оценке, как в эпоху мелкого ремесленного производства на единичного заказчика, что в основе капиталистического способа производства лежит общественная стоимость (Wertung), ибо единичный капиталист производит для рынка, то-есть для общества. Поэтому стоимость создается уже не всяким трудом, овеществляющимся в товаре, но лишь общественно-необходимым трудом. Следовательно, объективным мерилом социальной стоимости является общественно-необходимое для производства данного товара рабочее время.

Разумеется, этот закон не так прост и понятен, как плоские истины, возвещаемые теоретиками предельной полезности в качестве основы их системы, но зато он, действительно, содержит in nuce всю систему политической экономии. И теперь мы можем с полным правом приложить к последней масштаб, который дает нам исследование методов новейшего естествознания.

5. Методы Эрнста Маха и Карла Маркса.

Подобно тому, как основные законы, из которых исходит физика, представляют собою не самоочевидные истины, а наивысшие абстракции из всей совокупности доступных исследователю явлений, так и в политической экономии мы будем исходить не из каких-нибудь плоских истин, которые якобы или в самом деле разумеются сами собою; нам придется изучать действительную, фактическую хозяйственную жизнь в ее бесконечном многообразии и, следуя принципам экономии мышления, извлекать из различных групп хозяйственных явлений их общие черты. Восходя таким путем ко все более высоким абстракциям, мы достигнем, наконец, наименьшего числа основных законов, из которых, следуя в обратном порядке, можно развить все многообразие явлений или, точнее, картину, которую мы себе составляем о них.

Очень ясно и наглядно изобразил весь этот процесс Эрнст Мах [1]): «Как только наблюдением установлены все существенные явления данной естественной науки, для последней начинается новый период, дедуктивный... Задача этого периода— повторить явления в мыслях, не прибегая постоянно к помощи наблюдения. Мы повторяем в мыслях более общие и более сложные явления, представляя их себе составленными из более простых элементов, данных наблюдением и хорошо известных. Но даже тогда, когда из выражений для более элементарных явлений (принципов) мы вывели выражения для чаще происходящих и более сложных явлений (законы) и повсюду нашли те же элементы, процесс развития естественной науки еще не закончен. За дедуктивным развитием следует еще формальное. Его задача—привести происходящие явления, которые должны быть повторены в мыслях, в порядок, легко доступный обозрению, в такую систему, чтобы каждое отдельное явление могло быть найдено и повторено в мыслях с наименьшею затратою сил... Необходимо заметить, что периоды наблюдения, дедукции и формального развития не отделены резко один от другого, но часто все эти различные процессы протекают рядом, хотя в общем и целом описанный порядок следования, несомненно, верен».

---

[1]) Die Mechanik in ihrer Entwicklung. S. 396 и след.

Разве это—не отличная характеристика метода исследования Карла Маркса? Еще в 1857 году последний писал в проекте «Введения к критике политической экономии» [1]): «В мышлении оно (конкретное) выступает, как процесс соединения, как результат, но не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности и, следовательно, также исходным пунктом наглядного созерцания и представления». Еще яснее выражается Маркс в предисловии ко второму изданию первого тома «Капитала». Это место почти напоминает краткое резюме вышеприведенной цитаты из «Механики» Маха: «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция» («Капитал», т. I, русск. перев. В. Базарова и И. Степанова, 1909 г., стр. XXVIII).

Что́ отличает здесь взгляды Маркса от Маха, так это исключительно то, что у Маркса речь идет не об изложении физики, а об изложении социальной науки. К этому пункту мы еще вернемся.

Во всяком случае, как мы видели, выбор основных гипотез носит свободный и произвольный характер. Но для того, чтобы этот выбор был впоследствии оправдан развертывающимся многообразием действительности, он должен быть добыт непременно путем тщательного анализа.

Отсюда, естественно, вытекает, что эта основная гипотеза не должна непременно иметь и по общему правилу не имеет характера чего-то само собою разумеющегося, а также, что ей отнюдь не должен прямо соответствовать и большею частью не соответствует никакой частный факт действительности.

Поэтому легко оценить глубину вот уже много лет раздающихся и постоянно повторяемых возражений против теории стоимости Маркса,—возражений, что ее основные положения слишком сложны, что выводы третьего тома уничтожают

---

[1]) «Neue Zeit», XXI. S. 773. Перевод этого «Введения» помещается в настоящем сборнике.

выводы первого, ибо «признают», что развитый в первом томе закон стоимости не находит прямого выражения в обмене товаров, произведенных капиталистическим способом.

Немногочисленные замечания Маркса насчет его метода не остались у него пустым украшением, а нашли осуществление в его системе, во всем его жизненном труде. Признав основою хозяйственной жизни человеческий труд и положив его в основу своей системы, он сделал принцип движения, динамики, исходным пунктом теории. Последняя описывает не фикцию невозможного «статического» состояния, а движущуюся жизнь нашего хозяйства, ни на минуту не останавливающегося, со всею его лихорадочною погонею, борьбою и противоречиями. В самую гущу этих противоречий вводит нас определение Маркса, что стоимость создается только общественно-необходимым трудом. Но так как в анархическом производстве капитализма ни одному производителю в действительности неизвестен размер общественной потребности, то он может определять его лишь гадательно. Правильность его расчетов обнаруживается лишь тогда, когда его товару удалось благополучно проделать «salto mortale» в денежную форму. В этих гадательных предположениях имеется, действительно, расчет, отчасти сходный с тем, которым, по мнению теоретиков предельной полезности, определяется ценность производительных средств. Но между ними имеется существенное различие. Во-первых, подлинный купец исходит из данных величин и должен только оценить, сможет ли овеществленная ценность быть реализована; по мнению же теории предельной полезности, ценность средств производства может быть определена им лишь на основании оцениваемых шансов на прибыль. Благодаря этому он теряет всякую прочную точку опоры, ибо в этом расчете все величины переменные и зависят одна от другой; поэтому, конечно, между ними могут быть найдены функциональные зависимости, но не может быть найдена определенная ценность, которая одна только интересует нас здесь. Подобное определение ценности невозможно, следовательно бессмысленно. Во-вторых, каждый из этих гадательных расчетов проверяется и оправдывается самою хозяйственною жизнью; по мнению же теории предельной полезности, правильность или ложность указанных расчетов может обнаружится лишь тогда, когда будут изготовлены все окончательные продукты, на производство которых

данное средство производства может быть употребляемо с точки зрения хозяйственного расчета. Это требование опять-таки невозможно и бессмысленно.

В деньгах общество имеет средство выразить направление и размер своих потребностей. Кто покупает для собственного потребления, тот, предлагая за товары деньги, показывает, что на эти товары существует общественная потребность. Кто покупает для дальнейшей перепродажи, непосредственной или после переработки в производстве, тот как бы дисконтирует эту общественную потребность и тем перенимает на себя риск. Чем чаще происходит такой дисконт одних и тех же товаров, тем более неверный характер приобретает вся хозяйственная деятельность. Здесь производство и общественная потребность не только заранее не совпадают, но часто вступают даже в противоречие; в этом нередко усматривали противоречия марксова учения о стоимости, но в действительности это—основное противоречие капитализма.

В законе стоимости находит свое выражение сущность этой хозяйственной системы, и ее отдельные формы характеризуются дальнейшим развитием того же закона. Из его развития вытекают классовые противоречия и классовая борьба, господствующая в нашей хозяйственной, социальной, политической и духовной жизни. Закон стоимости говорит нам об интересах различных классов буржуазного общества и их противоречии; он бросает свет на накопление капитала, на развитие торговли и торговую политику, он показывает нам значение профессиональных объединений рабочих и предпринимательских картелей, а равно пределы возможного развития их мощи и успехов. Лишь закон стоимости делает для нас понятным стремление капитала к беспрепятственному расширению, к колониальным авантюрам, к морским вооружениям, к военным экспедициям и приложению денежных капиталов в отдаленнейших уголках мира; он показывает нам огромный рост могущества капитала, но и необходимость кризисов. Вместе с тем сведение стоимости к рабочему времени дает возможность точно фиксировать и тем математически символизировать стоимость в процессе ее движения. Благодаря этому Марксу удалось проникнуть в самые тонкие детали хозяйственной жизни и при помощи своей теории бросить яркий свет на проблемы, самое существование которых другие экономисты вряд ли подозре-

вали. Со времени Кенэ ни один экономист не дерзнул взяться за теорию процесса обращения, пока Маркс не выяснил ее во втором томе «Капитала». И хотя ему, к сожалению, не суждено было закончить полностью свои исследования о земельной ренте, как он предполагал, но его выводы в третьем томе «Капитала» и особенно во втором томе «Теорий прибавочной стоимости» бросают и на этот вопрос неожиданный свет. Как раз в таблицах, которыми Маркс поясняет здесь свое изложение, легко увидеть, какой степени точности достигала экономическая теория в его руках.

Правда, Шумпетер считает недостаточным применение таблиц и хочет заменить их дифференциальными уравнениями. Но это—вопрос чисто технический. Если экономист формулирует свои законы действительно ясно и точно, математику удастся выразить их на своем языке. Но его формулы, поскольку в них не вставлены конкретные данные, будут только наглядным объяснением, которое останется, конечно, непонятным для читателей, незнакомых с специальным математическим языком; напротив, таблицы помогут лучшему пониманию и более легкой ориентировке даже для того, кто незнаком с способом выражения высшей математики. Более того, этот язык высшей математики даже несет с собою опасность: его абстрактный способ выражения и совершенная техника его употребления могут породить веру в его способность приводить к новым открытиям даже в таких областях, где он должен довольствоваться ролью средства наглядного объяснения.

Вообще не надо переоценивать ценность математических дедукций. «При правильно построенной теории,—говорит Дюгем [1]),—никогда не следует упускать из виду, что алгебра играет только роль вспомогательного средства. В каждый момент надо иметь в виду возможность заменить расчет чисто логическим доказательством, сокращенным выражением которого он является».

Маркс, который был хорошим математиком, не выражал на языке этой науки открытых и точно формулированных им законов. Возможно, что подобные формулировки окажутся плодотворными также в области политической экономии, хотя опыты Шумпетера в его книге не слишком говорят в пользу

---

[1]) Указан. сочин., стр. 98.

такой попытки. Во всяком случае, нельзя считать этот способ выражения необходимым условием, без которого не может быть речи о точном исследовании экономических явлений.

Если же Шумпетер хотел найти пример применения к политической экономии методов естествознания в их наивысшей, из достигнутых до сих пор, принципиальной форме, то ему следовало только изучить систему Карла Маркса. Там он нашел бы то, чего напрасно искал в теории предельной полезности.

Если мы теперь поставим вопрос, вполне ли совпадает метод Карла Маркса с методом Эрнста Маха, то в одном очень существенном пункте нам придется ответить на него отрицательно. Это уже указывалось выше. В цитированном выше месте Маркс говорит о «внутренней связи» между различными формами развития, которую наука должна найти. Следовательно, мы выходим здесь за рамки простого описания; требуется доказательство внутренних, то-есть психических связей. Ясно, что это требование нисколько не противоречит точке зрения Эрнста Маха, ибо последний сам признал для известных случаев правильным внесение анимизма в исследование. Различие заключается здесь в области исследования. Мах, подобно Дицгену и Авенариусу, подчеркивал, что как каузальность, так и телеология представляют психическую подстановку, не имеющую оправдания в области неорганической природы; этим самым он подготовил почву для ясной постановки вопроса о принципиальном отличии метода социальных наук от метода наук естественных. При исследовании человека и его отношений мы не должны ограничиваться простым наблюдением функциональных отношений; здесь мы с полным правом можем пользоваться психологическими подстановками и аналогиями, которые дают возможность понять эти столь сложные явления.

Конечно, здесь, как и повсюду в природе, нет резких граней. Среднее место занимает здесь биология, в области которой заранее невозможно ни признать правильность психической интерпретации, ни отвергать ее, но в каждом отдельном случае следует обсудить ее в зависимости от вероятности аналогии.

Маха человек интересует только, как наблюдатель явлений природы; Маркса же прежде всего, как действенная сила, как волящий и действующий источник хозяйственных явлений. Маркс превосходит своих предшественников, главным образом, благодаря тому, что он рассматривает хозяйство уже не как

совокупность и движение вещей, товаров, а как комплекс социальных, то-есть психических отношений.

Но именно это сделало для него ясным то, что Мах лишь смутно чувствовал, а именно вечное противоречие между никогда не прекращающимся движением явлений, к числу которых принадлежат также волевые акты человека, и их фиксированием и нормированием, в том числе при помощи понятий. Мах также подчеркивает, что «периоды наблюдения, дедукции и формального развития не отделяются резко один от другого». Но он не понимает, что в этом внутреннем взаимном проникновении противоречащих друг другу явлений, а именно наблюдения фактов и фиксирования их в понятиях, которые никогда не могут действительно соответствовать первым, заключается основной факт нашего мышления и наших действий, диалектика. Марксу суждено было установить этот факт не только потому, что он вышел из гегелевой школы, но еще более потому, что именно в социальных отношениях выступало с наибольшей резкостью это противоречие между вечным потоком движения и постоянными попытками фиксировать и нормировать их.

Если поэтому экономисту, несомненно, очень полезно пройти школу современных естествоиспытателей и изучить применение их методов, освобожденных от метафизических предубеждений, к крайне богатому и обработанному материалу точного исследования, то, с другой стороны, диалектике, выработанной Марксом и Дицгеном, обеспечено, наверное, широкое поле применения и в науках естественных.

Мы переросли бесплодный спор о том, идентичны ли методы естественных и общественных наук или же первые должны рассматриваться под углом зрения «каузальным», а последние— под углом зрения «телеологическим». Как только мы поймем относительную правильность всех этих методов в их сферах применения, мы сможем обратиться к естественным и общественным наукам и предложить им позаимствовать друг у друга полезное в методах.

Дицген и Мах показали, что причинность и телеология одинаково означают попытки истолковать мир при помощи психических аналогий; попытки, безусловное проведение которых в сфере неорганической природы привело и должно было привести к целому ряду мнимых проблем, оказавшихся роковыми для науки. Маркс же учил нас, что в сфере наук

общественных должны постоянно итти рука об руку оба метода исследования, ибо человек есть существо, ставящее себе цели. Однако выбор этих целей не произвольный, он обусловлен социальным положением индивидуумов и классов, хозяйственным строем.

Если Маху удалось изгнать метафизику из области физических исследований, то задача материалистического понимания истории—изгнать ее из ее последнего убежища, из области наук общественных.

II.

Проблемы теории трудовой стоимости.

Рудольф Гильфердинг.

Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса [1]).

Положение, занимаемое Марксом в политической экономии, и его отношение к его предшественникам, классикам, до сих пор не было достаточно исследовано. Этому не приходится удивляться, принимая во внимание тот незначительный интерес, который официальная политическая экономия проявляет в настоящее время к проблемам теоретического характера. Но и в социалистической литературе отсутствует исчерпывающее изложение. Здесь большею частью повторяют классический по своей сжатости очерк, который Фридрих Энгельс дал в предисловии ко второму тому «Капитала» об отношении Маркса к Смиту и Рикардо и к их социалистическим интерпретаторам. Но этот очерк написан до появления третьего тома «Капитала» и уже по одному этому не является полным. Тем не менее, он уже указывает на решающий пункт, подлежащий исследованию: на принципиальное отношение Маркса к проблеме теоретической экономии, ибо лишь это коренное изменение точки зрения сделало возможным прогресс во всех отдельных вопросах. Этого не поймет тот, кто не обратит внимания на различие точек зрения и ограничится сравнением отдельных пунктов.

Несмотря на это, исследователи большей частью избирали именно последний путь. Это относится и к только что появившемуся сочинению *И. Розенберга* «Рикардо и Маркс, как теоретики стоимости» [2]).

---

1) «Neue Zeit», 1904/05. B. I.

2) «Ricardo und Marx als Werttheoretiker». Eine kritische Studie von I. Rosenberg. 128 S. Kommissionsverlag der Wiener Volksbuchhandlung.

И это сочинение остается больше подготовительной работою, чем решением проблемы, которая даже не поставлена в своем полном объеме; автор подвергает исследованию не всю систему Рикардо и Маркса, а лишь их теории стоимости. По нашему мнению, такое ограничение темы недопустимо, ибо учение о стоимости представляет основу всей экономической системы. Характер первого определяет весь характер последней.

Лишь исходя из целого всей системы, возможно понять и оценить учение о стоимости. Поэтому приходится считать достоинством книги, а не ее недостатком, что сам автор не слишком строго придерживается ограничения своей темы, а, напротив, постоянно обращается ко всей системе. Но в таком случае тем более было бы необходимо вскрыть принципиальное различие обеих систем. Автор, однако, нигде этого не делает, как видно будет из краткого обзора содержания книги.

Розенберг начинает с изложения учения Рикардо, которое тем более необходимо, что в настоящее время это учение нередко передается в весьма странном виде. Ибо чем больше официальная политическая экономия отворачивалась от теории трудовой стоимости, тем сильнее обнаруживала она стремление доказать, что наиболее выдающийся представитель этой теории был непоследователен уже в своих исходных пунктах, тем больше оспаривала она его значение, как теоретика стоимости. Против подобных попыток Розенберг подробно возражает. В общем и целом эта полемика весьма удалась ему, хотя в отдельных пунктах он, быть может, перегнул палку в противоположную сторону. Так, например, в изложении роли абсолютной стоимости (стр. 55), как и в решении проблемы равной нормы прибыли, автор, как нам кажется, подчас приписывает Рикардо взгляды, которые в такой ясной форме были развиты лишь Марксом.

После критики учения о стоимости Рикардо, основную ошибку которого автор усматривает в недостаточном внимании к «абсолютной стоимости» и отсутствии решения проблемы равной нормы прибыли на основе теории трудовой стоимости, он дает нам весьма удачное изложение системы Маркса. В последнем отделе автор, сравнивая учения обоих экономистов, приходит к выводу, что Маркс был прямым продолжателем Рикардо в выработке и развитии теории трудовой стоимости, хотя его учение представляет «совершенно самостоятельное,

оригинальное создание великого, самостоятельного, гениального ума» (стр. 127).

Было бы очень интересно последовать за Розенбергом в отдельных пунктах, тем более, что мы никоим образом не можем согласиться со всеми его выводами о сходствах и различиях в учениях Рикардо и Маркса. Останавливаясь на одном из второстепенных пунктов, мы должны признать прямо ошибочным взгляд Розенберга, приписывающего Марксу учение о том, что труд транспортных рабочих не создает стоимости и прибавочной стоимости, а относится к издержкам обращения (стр. 112). Достаточно заглянуть во второй том «Капитала», чтобы убедиться, что Маркс говорил противоположное: «Количество продукта не увеличивается вследствие его перевозки... но потребительная стоимость предметов реализуется лишь посредством потребления, а это последнее может сделать необходимым их перемещение, следовательно дополнительный производственный процесс транспортной промышленности; вложенный в последнюю производительный капитал присоединяет таким образом стоимость к транспортируемому продукту частью вследствие перенесения стоимости средств транспорта, частью вследствие того, что стоимость присоединяется путем транспорта. Эта последняя прибавка стоимости распадается, как вообще при капиталистическом производстве, на возмещение заработной платы и на прибавочную стоимость» [1]).

Розенберг, повидимому, не имеет ясного представления о критерии труда, создающего стоимость. Труд создает стоимость только в обществе, производящем товары. Здесь создающим стоимость является всякий производительный труд, а производительным является всякий труд, необходимый для общественной цели производства, и притом независимо от той определенной и исторической формы, которую производство принимает при данной определенной общественной форме. Последняя приводит только к тому, что при определенных условиях блага выступают в виде стоимостей и, следовательно, труд производительный—в виде труда, создающего стоимость. Признак производительности, который в товаро-

---

[1]) «Капитал», т. 2, перев. под ред. В. Базарова и И. Степанова, изд. 1919 г., стр. 126,

производящем обществе служит вместе с тем и признаком создания стоимости, один и тот же во всех общественных формациях. Но процесс производства оканчивается лишь с изготовлением благ в окончательном виде, годном для потребления, куда при некоторых обстоятельствах относится и их транспорт на место нахождения потребителя. Напротив того, труд, затраченный лишь для целей капиталистического обращения, т.-е. вытекающий *лишь* из определенной исторической организации процесса производства, не создает стоимости [1]).

Но разбирать дальше эти детальные вопросы было бы не только слишком долго, но и мало плодотворно. Это такие ошибки, которые подготовленный читатель сам легко исправит.

Гораздо важнее кажется нам попытка охарактеризовать различие между Рикардо и Марксом, поскольку оно имеет принципиальный характер. По мнению Розенберга, «эти различия лишь в очень незначительной степени лежат в сфере теории стоимости. В общем и целом они были лишь следствием различия в исторических, социологических и философских воззрениях обоих экономистов» (стр. 51). Но это никоим образом не устраняет для нас необходимости анализа, ибо эти различия, если они вообще имеют значение, должны были проявиться и в экономической области, и, прежде всего, в основе экономической системы, в теории стоимости; тем более, что Маркс приступил к изучению политической экономии, лишь исходя из своих общих исторических и социологических воззрений. Именно то существенно отличное положение, которое политическая экономия занимает во всей системе воззрений Маркса, придало его экономическому учению его принципиальное значение.

История политической экономии представляет самопознание буржуазного общества. Но познание служит воле. Воля же нового общества была направлена на наживу. Богатство и приобретение богатства представляли цель, к которой стремилось его коллективное действие, его политика. *Каким образом нация становится богатою*, — этот вопрос интересовал его политиков, и эти политики превратились в теоретиков, когда

---

[1]) «Общий закон заключается в том, что все издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости». «Капитал», т. 2, стр. 125.

был поставлен вопрос: *что такое богатство нации?* Читатель припомнит, что ответ на этот вопрос давали монетарная и меркантилистическая системы. Адам Смит ставит ту же проблему, но еще расширяет ее, включая в круг своих исследований распределение богатства, «тот естественный порядок, согласно которому продукт труда распределяется между различными сословиями и классами общества». Для Рикардо проблема «что такое богатство» уже решена, для него главную задачу экономической науки составляет изложение законов, определяющих распределение. И в этом отношении за ним следуют не только буржуазные сторонники и противники, но и социалисты, которые также выдвигают на первый план проблему распределения и, будучи ограничены кругозором экономических воззрений Рикардо, спасаются из области экономии в этику, чтобы предать проклятию несправедливое распределение и, в лице Томпсона, развить принципы, которые скорее всего приведут человечество к счастью.

Иначе поступает Маркс. Вопрос о сущности богатства не является для него вопросом политической экономии. Богатство, это—сумма потребительных стоимостей, представляющая продукт деятельности человека и природы; увеличение этой суммы есть естественное последствие увеличения производительности труда, как оно изображается историей техники. Его вопрос гласит: что такое *ф рма* богатства? Этого вопроса классическая экономия даже не ставила. Правда, она,—и это характеризует ее историческое положение по сравнению с ее предшественниками,—поставила в центр своих исследований процесс производства, дабы отвергнуть учение монетарной и меркантилистической систем о возникновении богатства из обращения. Но по существу она застряла в своих поисках за богатством, в котором она еще не различала потребительной и меновой стоимости. Так как буржуазное общество составляло бессознательную предпосылку ее мышления, то форма, которую богатство приняло, казалась ей чем-то само собой разумеющимся. Поэтому ей так трудно было провести полное различие между техническим и экономическим исследованием или, выражаясь языком экономии, между потребительною стоимостью и стоимостью; это не удалось вполне не только физиократам, но и Адаму Смиту. Лишь у Рикардо это различие проводится последовательно, но не обосновывается до-

статочно резко; как увидим, это было невозможно даже с его точки зрения.

Что такое богатство, как оно приобретается, как оно распределяется,—таковы были проблемы буржуазной экономии. В чем же состоит прогресс у Маркса? Именно в том, что для него сделалось проблемою то, что для других представляло самоочевидную предпосылку: какую форму принимает богатство в зависимости от исторически меняющихся условий, при которых люди производят, в какой форме является богатство. И он дает на это свой знаменитый ответ: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, представляет огромное скопление товаров, а отдельный товар—его элементарную форму. Наше исследование начинается поэтому анализом товара». («Капитал», т. I, русск. перев. В. Базарова и И. Степанова, 1909 г., стр. 1).

Этот ответ имел то громадное значение, что впервые полностью и исчерпывающим образом была формулирована проблема *теоретической* экономии.

Этот пункт требует более детального изложения.

Смешение технического исследования с экономическим было уже заранее исключено, ибо интересующий технику вопрос о том, как происходит процесс производства, здесь даже не ставится. И также не выступает здесь на сцену сам готовый продукт с своими различными естественными особенностями. То, что нас здесь интересует, это—одна единственная, но весьма существенная особенность, которую предмет приобрел, а именно способность его сделаться товаром, т.-е. предметом, предназначенным не для потребления его владельца, а для других, для какого-нибудь члена *общества*. Тем самым предмет рассматривался, как простой символ, как посредник общественного отношения—отношения, которое могло возникнуть лишь при определенной форме общества и, конечно, могло быть лишь отношением между людьми, между членами этого общества, а не отношением между предметами. Если, таким образом, удалось найти закон, определяющий отношения этих предметов друг к другу, как они содержатся в отдельных меновых актах, то не был ли этим найден «закон движения самого общества», связывающий отдельных его членов, не была ли этим вскрыта *взаимная* обусловленность их хозяйственных действий, не была ли этим разрешена задача теоретической экономии?

Дальнейшее изложение даст нам ответ на этот вопрос и вместе с тем яснее покажет нам, где скрыта проблема теоретической экономии и какого ответа эта проблема требует.

Мы видели, что Маркс изучает не *процесс* производства, а прежде всего ту общественную форму, которую принимает продукт производства. Но продукт, в своей определенной общественной форме, является уже не результатом процесса производства, которому он обязан лишь изменением своих естественных свойств сообразно с целями потребления, а выражением производственных *отношений*, в которых его производители стоят друг к другу. Здесь рассматривается уже не естественная сторона производства, не воздействие человека на природу, а *взаимные отношения людей* в производстве. Но вопрос о производственных отношениях, в свою очередь, допускает двоякого рода ответ, и тот или иной ответ проводит различие между *историей хозяйства* и *теоретической экономией*. Первая спрашивает о возникновении данного производственного отношения; она показывает нам, каким образом при определенных естественных условиях, при определенном состоянии производительных сил возникли определенные производственные отношения, каким образом последние, в свою очередь, обратно воздействуют на производительные силы, развиваются дальше и изменяют свою форму.

Но дает ли нам это историко-генетическое изучение полное познание данного производственного отношения? Познание генезиса удовлетворит нас тогда, когда производственное отношение само по себе прозрачно и не требует дальнейшего научного изучения. Когда же это будет иметь место? Мы оставляем в стороне сложность, обширность и трудность *процессов* производства. Производственное отношение должно само содержать в себе критерий, который решает, необходимо ли, кроме его генетического объяснения, также *теоретическое* изучение. Но этот критерий может заключаться лишь в сущности самого производственного отношения, т.-е. в том способе, каким оно конституировано. Этот способ может быть, очевидно, лишь двоякого рода.

Люди могут *сознательно* относиться друг к другу в производстве, как части одного производственного *целого*: их положение в производстве и их взаимные отношения регули-

руются единообразным образом. Порядок их работы и распределение их продуктов подлежат центральному контролю. Производственные отношения выступают, как непосредственно общественные отношения: отношения отдельных лиц, поскольку они касаются хозяйственной жизни, выступают, как общественные отношения, определяемые обществом и изъятые из их частной воли. Само производственное отношение *непосредственно* понимается, как *сознательно* установленное всем обществом и желательное ему. С объяснением генезиса этого порядка и его описанием задача является исчерпанною. Экономическое исследование является здесь лишь историко-экономическим исследованием.

Здесь нет места теоретической экономии [1]).

Совсем иначе обстоит дело тогда, когда регулирование производственных отношений не происходит сознательным образом. Тут общественные отношения выступают, как ненамеренный результат или, вернее, как бессознательно желанный, т.-е. как слепой и случайный результат бесчисленного множества независимых друг от друга индивидуальных действий. Сама общественная связь и ее регулирование становятся уже проблематичными, и появляется вопрос: что движет этим множеством людей, которые трудятся друг для друга, не *ведая* друг о друге, которые *доставляют* друг другу продукты, не *зная* друг друга; каков порядок их труда, что определяет распределение их продуктов, которые должны быть распределены для того, чтобы быть потребленными; что конституирует это множество людей, как общество, и каков

---

[1]) В том же духе, но без более подробного обоснования, говорит *Конрад Шмидт* в своей превосходной статье «Die psychologische Richtung in der Nationalökonomie». «Я назвал современную хозяйственную жизнь механизмом, который регулируется законами (конечно, экономическими, а не юридическими), и признал существенною задачею политической экономии познание этих объективно выраженных законов. Но должен ли всякий хозяйственный строй подчиняться подобным законам, действующим скрытым образом? Это не вытекает из понятия хозяйственного строя, как такового; пока люди сами потребляют продукты своего труда или вынуждены уступать часть их господствующему классу для непосредственного потребления, до тех пор хозяйственный строй остается прозрачным, простым и ясным. Познать подобный хозяйственный строй — значит описать его и показать исторические причины его возникновения и дальнейшего развития». («Neue Zeit», 1891 — 92, стр. 421).

Статья Шмидта помещена в настоящем сборнике.

закон движения этого общества, которое по своей внутренней сущности отличается от предшествовавших обществ.

Прежде общая воля связывала людей к общему действию. Теперь они, отделенные друг от друга, противостоят один другому, как частные лица, действующие по своему собственному желанию, на свой собственный страх [1]).

Только нужда заставляет их вступать в отношения друг к другу, но эти отношения выражаются не в том, что они, как люди, соединяются друг с другом для общей цели, а в том, что они, подобно вещам, вступают в обмен. Ибо только как собственники вещей, они проявляют интерес к другим собственникам вещей. Их *общественное* отношение в своем проявлении сводится к *частному* отношению обмена. Обмен, как таковой, представляет на первый взгляд *лишь* частное отношение. Для того, чтобы два человека обменивались, требуется только, чтобы каждый из них имел какой-нибудь предмет и хотел отдать его в обмен на другой. Обмен, как

---

[1]) Мы не можем не привести здесь слов, которыми *Фердинанд Тенниес* характеризует общество: «Теория общества конструирует круг людей, которые, подобно товариществу, мирно живут друг подле друга, но по существу не связанные, а раздельные; в то время, как в товариществах они остаются связанными, несмотря на все разделение, здесь они остаются раздельными, несмотря на все связи. Поэтому мы не можем найти здесь ни одной деятельности, которая могла бы быть выведена из единства, существующего a priori и необходимым образом,— деятельности, которая, поскольку она даже совершается через посредство индивидуума, выражала бы в нем волю и дух этого единства, следовательно, происходила бы как для самого индивидуума, так и для связанных с ним. Здесь каждый существует *для* себя одного и в состоянии настороженности против всех остальных. Сферы их деятельности и власти резко отграничены одна от другой, так что каждый запрещает другому касаться его сферы и вмешиваться в нее; в этом он усматривает враждебное действие. Подобное *отрицательное* отношение есть нормальное и всегда лежащее в основе отношений этих субъектов власти друг к другу; оно характеризует общество в состоянии покоя. Ни один из них ничего не сделает для другого, ни один из них не предоставит или не отдаст другому что-либо, если не получит компенсации в виде услуги или дара, который он считает, по крайней мере, *равноценным* тому, что он *сам* дал. Необходимо даже, чтобы эта компенсация была ему более желательна, чем то, что он мог бы сохранить, ибо только приобретение того, что кажется ему лучше, побудит его отказаться от какого-нибудь блага» (F. Tönies, Gemeinschaft und Gesellschaft, стр. 46 и след.).

таковой, свойствен всем общественным формациям, так как все общественные формации знают собственность [1]).

Действительно, обмен ручками для перьев и почтовыми марками на школьной скамье или обмен верховой лошадью и автомобилем между членами социалистического общества представляют частное событие, совершенно безразличное для теоретической экономии. Основная иллюзия теории предельной полезности состоит в том,что она хочет напасть на след законов капиталистического *общества* при помощи анализа обмена, как *частного* акта.

Теперь перед нами ставится вопрос: что превращает обмен в общественное явление? Конечно, то обстоятельство, что только в меновом акте находит свое выражение общественное отношение и что только таким образом оно может найти свое выражение. В хозяйственном отношении (конечно, не в политическом, литературном или религиозном) индивидуумы вступают во взаимные отношения только в меновом обороте. Поэтому закон, показывающий, как регулируется меновой оборот, есть вместе с тем закон движения общества. Но найти этот закон движения—такова та задача, которую Маркс выставил проблемою теоретической экономии. Вместе с этой задачей была резко формулирована область теоретической экономии и определен ее метод [2]).

---

[1]) «Всякое производство есть присвоение природы со стороны индивидуума. В этом смысле было бы тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства. Но смешно сделать отсюда скачок к определенной форме собственности, например, к частной собственности». (K. Marx, Einleitung zu einer Kritik der politischen Oekonomie, «Neue Zeit», XI, 1, стр. 713). Эта статья помещена в настоящем сборнике.

[2]) Поскольку спор о методах основывается на смешении истории хозяйства с теоретическою экономией, *Карл Менгер* уже показал поразительное смешение понятий, свойственное такому взгляду. Здесь скажем только несколько слов об экономической политике, которую обыкновенно считают третьею составною частью политической экономии. Мы согласны с Менгером, что она представляет собою применение науки, но не всегда применение учений теоретической экономии. Последнее имеет место лишь в том случае, когда теоретической экономии надлежит сперва открыть принципы экономической политики. Принципом же экономической политики является всегда определенный интерес. Только там, где этот интерес может быть ясно познан лишь при помощи теоретико-экономического анализа, политика базирует на теорети-

Теоретическая экономия была, следовательно, отделена от истории хозяйства. В то время, как область последней охватывает все общественные формации, для теоретической экономии проблема возникает вообще лишь в определенной исторической общественной организации. Ибо общества, где производственные отношения сознательно регулированы, т.-е. коммунистические общества, где право распоряжения всеми средствами производства принадлежит обществу, не составляют предмета теоретической экономии. Их регулирование непосредственно известно всем членам общества, оно может быть понято, как, например, *правовые нормы*, которые надо описать и возникновение которых надо показать, ибо экономический порядок этих обществ есть лишь часть сознательно установленного порядка их социальной жизни вообще. Они обладают правом, которое захватывает не только форму хозяйства, но и его содержание. Их «внешнее регулирование», пользуясь выражением *Штаммлера*, есть вместе с тем внутреннее, ибо «материя социальной жизни», хозяйство, также регулируется сознательным образом.

Совсем иным характером отличается тот вид общественных формаций, который проявляется в меновом действии, предполагающем, в свою очередь, право отдельного лица распоряжаться своими вещами, т.-е. частную собственность. Здесь речь идет о законе, управляющем хозяйством этого общества. Что устанавливает здесь порядок трудовой деятельности, что обеспечивает здесь производство и воспроизводство необходимых предметов в требуемом количестве и в требуемой пропорции? И, наконец, каким образом воспроизводится здесь само производственное *отношение*, постоянно сохраняется автоматически, без вмешательства целеполагающего сознания? Что создает управление и субординацию среди членов этого общества и их взаимодействие, которое не имеет плана, но,

---

ской экономии. Но это имеет место только в том случае, когда речь идет об интересах *экономических классов*, интересы которых могут быть ясно познаны лишь после того, как теория покажет функцию этих классов в общественном производстве. В социалистическом обществе принципом экономической хозяйственной политики является общий интерес, а этот принцип базирует на возможно более рациональном применении техники, а не на теоретической экономии.

тем не менее, должно выполнять общественную цель самосохранения общества.

Словом, необходимо найти внутреннюю закономерность общества, до сознания которого дошло одно только внешнее регулирование, исчерпывающееся целиком в основном законе частной собственности [1]).

Ведь все установленные нормы, имеющие значение для хозяйства, представляют только следствия из этого высшего чисто формального основного закона, который сознательно игнорирует содержание хозяйственных явлений, ибо предоставляет все воле отдельных лиц. У Маркса речь идет об этом внутреннем регулировании, другими словами, о законе, который связывает в производственное единство общество товаропроизводителей, распавшееся на свои элементы, формально благодаря частной собственности, материально благодаря разделению труда; речь идет о законе, который превращает индивидуальные действия этих товаропроизводителей в необходимо обусловленные общественным образом.

Такова «теоретико-познавательная» особенность этого производственного отношения, которой соответствует постановка этой проблемы у Маркса. Вопреки мнению Дитцеля [2]), эта особенность не состоит *в большом числе* загадок, содержащихся в системе конкуренции, и в трудности их разрешения.

Напротив, перед нами поставлена одна только загадка. В меновом акте, как в основном явлении, в котором проявляется общественное отношение, необходимо открыть закон, который в нем осуществляется и должен осуществляться для того, чтобы сделать возможным на продолжительное время общественный процесс производства, т.-е. удовлетворение общественной потребности общим трудом общества.

---

[1]) Из бессознательного характера экономического регулирования и сознательного характера политико-юридического регулирования в пределах товаропроизводящего общества возникает особая проблема о том, как относится последнее регулирование фиксированное в сознании, к первому, изменения которого были теоретически познаны лишь в недавнее время. Эта проблема лежит в основе исследования Карнера «Die soziale Funktion der Rechtsinstitute» (Marx-Studien, herausgegeben von M. Adler und R. Hilferding, Band, I. Heft 2.)

[2]) H. Dietzel. Theoretische Sozialökonomik, стр. 90.

Такова эта «загадка»; неверно, что она дана нам также в других общественных формациях, так что в обществе, производящем товары, теоретическому разрешению подлежит лишь *большее число* проблем. Напротив, это производственное отношение, благодаря бессознательному характеру, с которым в пределах его отдельные члены относятся друг к другу, является единственным, которое ставит задачу *теоретической* экономии. Речь идет об исследовании *социального порядка.* Но, как заметил уже Зомбарт [1]), социальный порядок для этого общества отнюдь не тожествен с внешним регулированием. Этот порядок может быть познан только тогда, когда, на-ряду с внешним регулированием, экономическая теория, предпосылку которой оно образует, откроет внутреннюю закономерность, закон хозяйства.

Таким образом производственное отношение есть единство внутренней закономерности и внешнего регулирования, которые оба представляют лишь выражение «определенных, необходимых, не зависящих от их воли отношений», в которые «люди вступают в общественном производстве своей жизни» и которые «соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» [2]).

Только в обществе, производящем товары, внешнее регулирование, которое *одно только* установлено сознательным образом, выступает в самостоятельном виде, будучи отделено от внутренней закономерности; при обобществленном же производстве это разделение не существует, но оба элемента содержатся безраздельно в сознательно установленном общественном порядке.

После сказанного уже ясен характер упомянутого закона, т.-е. характер его действия. Этот закон определяет с необходимостью поведение агентов производства *в пределах производственного отношения.* Он определяет его с естественною необходимостью, ибо необходимость бывает только такого рода, если даже она должна осуществляться через посредство воли отдельного лица, детерминируемой особенностью

---

[1]) Die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation, Brauns Archiv. XIV, стр. 311. Есть русский перевод: «Организация труда и трудящихся». С.П.Б. 1901.

[2]) К. Маркс. Предисловие к «Критике политической экономии».

самого производственного отношения. В этом законе общественная связь, которая не является непосредственно и сознательно намеренною и не *создается* сознательным общим действием, но лишь post festum познается теоретиком,— осуществляется по отношению к отдельным лицам с естественною необходимостью. От естественного закона этот закон отличается только тем, что действует лишь в пределах исторически определенной формы организации человеческого общества. Этот закон был метко охарактеризован словами, что он действует с естественною необходимостью социального характера [1]).

Методом, при помощи которого этот закон может быть найден, является *анализ* этой общественной связи, как она выступает в наиболее простом общественном акте, в обмене и его материальном субстрате, в товаре (а не в «благе»). Загадка общества была разрешена благодаря открытию «общественной субстанции» [2]) товара, благодаря доказательству, что, при видимо вещных отношениях товаров, речь идет о человеческих отношениях и притом о человеческих отношениях в пределах вполне определенного производственного отношения, в пределах товаропроизводящего общества, т.-е. речь идет об открытии присущего товару характера фетишизма.

Именно эту изменившуюся постановку проблемы не надо упускать из виду, если хотят анализировать отношение Маркса к Рикардо, ибо лишь с этой точки зрения можно получить ясное представление о совершенно различном значении обеих систем. Рикардо предполагает производственное отношение, как нечто данное, естественное и неизменное [3]).

---

[1]) Karner, указ. соч., стр. 108.

[2]) «Так как меновая ценность товара есть только общественное проявление того товара и потому не имеет ничего общего с его природными способностями, то мы должны предварительно выяснить, что составляет общественный элемент (geseleschaftliche Substanz), общий у всех товаров». (К. Маркс, «Заработная плата, цена и прибыль», русск. изд. 1918 г., стр. 23).

[3]) «Один из основных недостатков классической политической экономии состоит в том, что ей никогда не удавалось из анализа товара и, в частности, товарной стоимости вывести форму стоимости, которая именно и придает товару характер меновой стоимости. Как раз в лице своих лучших представителей, А. Смита и Д. Рикардо, она рассматривает

Что̂ интересует Рикардо это—распределение, при чем оно выступает у него в узком смысле распределения продуктов, в то время как оно одновременно представляет распределение людей между различными отраслями производства и определяет их взаимное положение в них в качестве рабочих, капиталистов и т. д. Поэтому его категории остаются естественными категориями; стоимость для него все еще свойство самого блага, заключающееся в том, что оно есть продукт труда, как для другой категории благ стоимость заключается в их редкости; капитал для него на что иное, как «накопленный труд», что, по выражению Маркса, представляет только «экономическое название» для средств производства. Поэтому Рикардо не дает достаточного обоснования закона стоимости, который кажется ему скорее фактом, удачно открытым и навязывающимся эмпирически, чем результатом строгого анализа.

Так как для Рикардо стоимость есть прежде всего мерило распределения, а всякое мерило должно быть возможно более точным, то у Рикардо имеется всегда тенденция фиксировать, по возможности также в количественном отношении, экономические категории, которые являются у него просто-напросто неизменными естественными категориями. Останавливаясь на одном пункте, укажем, что таким образом он пришел к отожествлению заработной платы с суммою, необходимой для естественного минимума средств существования рабочего, и к своему железному закону заработной платы, который закрыл для него понимание механизма накопления и свойственного капитализму исторического закона на-

форму стоимости как нечто совершенно безразличное и даже не имеющее отношения к природе товара, как такового. Причина состоит не только в том, что анализ величины стоимости поглощает все ее внимание. Причина этого лежит глубже. Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время самая всеобщая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как исторически особенный вид общественного производства. Если же рассматривать буржуазный способ производства, как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными специфические особенности формы стоимости, следовательно, товарной формы, а при дальнейшем ходе исследования—денежной формы, формы капитала и т. д.» («Капитал», т. I, русск. перев. В. Базарова и И. Степанова. 1909 г., стр. 47).

селения. Таким же образом он принимает «закон убывающего плодородия почвы» в узком смысле, делает повышение земельной ренты настоящим законом движения капиталистического общества и потому упускает из виду господствующую роль капитала, историческая граница которого выступает в падении нормы прибыли, которое он объяснял совершенно ложно.

Иначе обстоит дело у Маркса. Для него речь идет прежде всего об анализе той формы, которая одна только превращает всякое благо в товар. Благо превращается в товар, потому что его производители находятся в определенном общественном отношении, в котором они должны выступать друг против друга в качестве независимых товаропроизводителей. Лишь в этой форме благо становится выражением общественного отношения, следовательно приобретает общественную сторону, без этого благо представляет собою лишь естественную вещь, которая не заключает в себе никакой проблемы [1]).

---

[1]) Проблему теоретической экономии составляет не само богатство, а определенная форма богатства. В этой своей определенной форме блага, потребительные стоимости превращаются в товары и тем самым в меновые стоимости и приобретают стоимость. Напротив, в качестве потребительных стоимостей они образуют «материальное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма» («Капитал», т. 1).

Sapienti sat. Для Эд. Бернштейна надо заметить еще следующее. В забавном возбуждении, в которое привело его издание Marx-Studien (см. его критику в Dokumenten des Sozialismus. Band IV, стр 153 и след.), он делает открытие, что вся политическая экономия скрыта за потребительною стоимостью. Это выражение неточное, но оно может быть верно, если понимать его в том смысле, что политическая экономия начинается только тогда, когда она проникает за потребительную стоимость и там открывает человека в его производственных отношениях. Не так однако понимает это выражение Бернштейн; в противоположность высказанному мною взгляду который, вообще сам собою понятен и психологическою школою не только никогда не оспаривался но постоянно подчеркивался что потребительная стоимость есть индивидуальное отношение между вещью и человеком, он видит в «потребительной стоимости, с которою политической экономии приходится иметь дело, вполне социальную категорию». Мы оставляем в стороне, что здесь говорится о социальной категории, вместо экономической. Хуже то что Бернштейн хочет превратить вещь в социальную категорию. Но так как вещи не образуют общества, то они могут быть названы социальными категориями только тогда, когда они становятся

Тот факт, что благо есть продукт труда, перестает быть его естественным свойством и превращается теперь в общественный факт, теперь надлежит открыть закон общества, как производственного, т.-е. *трудового*, единства. Труд отдельного человека выступает теперь с совершенно новой точки зрения, как часть совокупного труда, которым располагает это производственное единство; и только с этой точки зрения указанный труд создает стоимость. Только таким путем удалось Марксу провести основное отграничение труда конкретного, создающего потребительную стоимость, от абстрактного общественного труда, создающего стоимость, и осветить центральный пункт политической экономии.

Таким образом, при помощи анализа *товарной формы*, иными словами, при помощи открытия, что речь идет лишь об исторически преходящей форме, в какой члены трудового единства, в котором отсутствует сознательное регулирование, вступают во взаимные отношения благодаря их праву распоряжаться вещами, необходимыми для общественного обмена веществ,—при помощи анализа этой товарной формы Маркс одновременно пришел и к познанию *содержания* стоимости. Напротив того, Рикардо, который стремился прямо к этому содержанию, застрял на первых же шагах анализа стоимости и должен был отказаться от более глубокого понимания ее характера. В конце-концов, он имеет в виду только меновую стоимость, эту основу взаимных изменений в обмене благ,

---

выражением человеческих и притом *общественно-человеческих* отношений.

Потребительная стоимость может быть названа социальною категориею только потому и только тогда, когда она становится сознательною целью общества, предметом его сознательного общественного действия. Таковою она бывает в социалистическом обществе, руководящее управление которого сознательно ставит себе целью изготовление потребительных стоимостей: но она никоим образом не бывает таковою в обществе капиталистическом. Абсолютная или объективная потребительная стоимость, установленная без отношения к какому-либо сознанию, которое желает данного блага, есть contradictio in adjecto. Но если в социалистическом обществе потребительная стоимость может быть названа социальною категорией, то и там она не является экономической категорией, предметом *теоретико*-экономического анализа, ибо сознательно регулируемое производственное отношение не нуждается в таком анализе.

что могло, впрочем, казаться ему достаточным для его более узкой постановки проблемы. Но познание того, что речь идет здесь лишь об исторически определенных отношениях производителей, необходимо также для познания законов распределения в капиталистическом обществе, которые не могут быть поняты без того, чтобы не увидеть в характере капитала лежащие в его основе отношения эксплоатации. Рикардо не мог увидеть, что капитал приобретает власть и что эта власть, в свою очередь, изменяет общественное распределение в виде модификации закона стоимости. Для Рикардо проблема равной нормы прибыли осталась загадкою, на которой его теория потерпела крушение, в то время как марксова теория именно здесь празднует свой высший триумф. Благодаря неправильной постановке проблемы, ограничивающейся распределением, Рикардо совершенно упустил также из виду настоящую задачу, которая кажется ему не требующей объяснений, ибо производственное отношение дано у него, как нечто неизменное, а именно задачу найти закон сохранения и развития этого производственного отношения.

Рикардо нашел ключ, но не нашел тех ворот, которые этим ключом открываются. Этих ворот, ведущих из буржуазного общества, не нашли вместе с ним и его последователи, даже его последователи-социалисты, искавшие этих ворот. Лишь Маркс открыл их нам. Он открыл социалистическое общество благодаря тому, что, по выражению Тёнчиеса, он «открыл капиталистический способ производства».

Отто Бауэр.

Квалифицированный труд и капитализм [1].

1. *Квалифицированный труд в процессе производства.*

Читатели «Neue Zeit» помнят, конечно, интересные статьи *Германа* о квалификации фабричного труда и границах автоматизации процесса производства (Neue Zeit, XXI, 2). Герман исходил в них из данного Ure'ом определения фабрики, как «огромного автомата»; он показал, что фабрика, знакомая Ure'у и анализированная Марксом, представляла собою лишь *несовершенный автомат,* состоящий «из различных механических и одаренных сознанием органов, которые работают в постоянном согласии с целью произвести один и тот же предмет», то-есть автомат, отчасти состоящий из машин; но, с другой стороны, он указал, что имеется тенденция к *совершенной автоматизации* процесса производства, к развитию фабрики, которая нуждается в человеческом труде лишь для того, чтобы пускать в ход и прерывать процесс производства, но не оставляет труду никакого места в самом этом процессе.

На эти исследования опирается превосходная книга *Ганса Дейча* [2], которая ясным и простым языком излагает результаты основательного изучения вопроса о положении квалифицированного труда в процессе капиталистического производства и образования стоимости.

Когда в первые десятилетия девятнадцатого века английская промышленность перешла от мануфактуры к фабрике, стал ненужным прежний квалифицированный труд, созданный мануфактурною системою и применявшийся в мануфак-

---

[1]) «Neue Zeit» 1905—1906, B. I.

[2]) Hans Deutsch, Qualifizierte Arbeit und Kapitalismus. Wien, 1904.

туре; обученный рабочий был замещен необученным, женщинами и детьми. Поэтому мы считали до сих пор дисквалификацию (понижение квалифицированности) труда одним из важнейших последствий изменения производительных сил в капиталистическую эпоху. Дейч также разделяет мнение, что развитие *несовершенного* автоматического процесса производства вытеснило из мануфактуры квалифицированный труд; но он прибавляет, что развитие современного *совершенного* автоматического процесса производства делает ненужным как раз неквалифицированный труд, ибо машина перенимает труд подручных, чернорабочих, и для человека в процессе производства остается лишь тот высоко квалифицированный труд, который нам нужен для того, чтобы пускать в ход и прерывать процесс производства, чтобы устранять препятствия и недостатки автомата.

Дейч резюмирует результаты своего исследования в следующих словах: «Ремесленное предприятие и отчасти мануфактура требуют высоко квалифицированного труда. Мастер и ремесленный подмастерье, равно как и многие из частичных рабочих мануфактуры, доставляют качественно высокий труд. С введением несовершенного автоматического процесса возникают два вида труда: один, который мы выше признали принадлежащим к автоматическому процессу, и другой, менее квалифицированный, проистекающий из несовершенства применяемых методов производства. Последний труд выполняет примитивные функции, образующие часть процесса, рабочий делается органом автомата. Итак, по сравнению с ремесленным предприятием и мануфактурою, квалифицированность труда понижается. Но когда автоматический процесс становится совершенным, автомат перенимает на себя менее квалифицированную часть труда, и остается только высоко квалифицированная часть. Следовательно, в ходе развития методов производства наступает сперва понижение, а потом опять повышение квалификации труда».

Вряд ли можно оспаривать, что здесь правильно подмечена действующая тенденция. Действительно, мы видим действующими рядом обе тенденции: тенденцию к понижению квалифицированности труда в результате перехода от мануфактуры к несовершенной автоматической фабрике и тенденцию замены как раз неквалифицированного труда в резуль-

тате совершенной автоматизации процесса производства. Часто в одном и том же предприятии в одном отделении квалифицированный труд мужчин замещается необученным женским, а тут же рядом труд необученных подручных делается излишним благодаря улучшению машин, и в мастерской на работе остаются только высоко квалифицированные инженер, механик, слесарь-механик.

Однако, пока существует капиталистический способ производства, нельзя возлагать слишком большие надежды на тенденцию вытеснения неквалифицированных рабочих. Правда, в техническом отношении возможна широкая замена неквалифицированного труда машиною, но в капиталистическом обществе человеческий труд заменяется трудом машин не тогда, когда этим достигается сбережение в *труде*, но лишь тогда, когда изменением процесса производства достигается сбережение в *издержках производства*. Но по многим причинам это совсем не одно и то же.

Прежде всего капиталист интересуется вообще не тем, сколько *труда* машина сберегает, но лишь тем, сколько *заработной платы* она сберегает. Чем ниже заработная плата, тем разница между сбережением труда и сбережением заработной платы больше, и тем труднее замена неквалифицированного человеческого труда трудом машин. Но, как известно, до сих пор неквалифицированные рабочие лишь в незначительной степени умели пользоваться средствами профессиональной борьбы. Низкая цена неквалифицированного труда представляет наиболее значительное препятствие замене его машиною.

Такое же влияние оказывает также другое явление. Железоделательное и машиностроительное производства суть отрасли производства с *высоким органическим* составом капитала. В подобных отраслях цены производства товаров выше их стоимости, то-есть выше, чем в том случае, если бы они точно выражали количество общественного труда, овеществленное в этих товарах. Поэтому заработная плата слишком низка, и цена производства машин слишком высока, поэтому разница между ними не может, в качестве правильного мерила, указывать, сколько труда может быть сбережено введением машины в процесс производства. Поэтому социалистическое общество в очень многих случаях могло бы

ввести данную машину, ибо она сберегает больше труда, чем сколько необходимо для ее производства, а между тем капиталистический способ производства не может применять эту машину, ибо она стоит больше, чем сберегаемая благодаря ей заработная плата. Число таких случаев еще увеличивается благодаря угольным и железным *картелям*, которые также удорожают цену машин и тем препятствуют уже возможной технически замене неквалифицированного труда трудом машин.

В виду этого мы должны остерегаться делать на основании доказательств Дейча слишком смелые выводы общего социально-теоретического характера. «Женский и детский труд,—говорит Дейч,—был первым словом капиталистического применения машины, но не последним». Благожелательные друзья женщин, которые хотели бы удержать их исключительно у семейного очага, могли бы, ссылаясь на данный Дейчем анализ процесса производства, питать надежды, что техническое развитие осуществит их желания; конечно, развитие несовершенной автоматической фабрики изгнало женщину из семьи в мастерскую, но развитие совершенного автоматического процесса производства, делая неквалифицированный труд ненужным, поведет ее обратно из фабрики в семью. Конечно, эти благочестивые пожелания ожидает разочарование. При капиталистическом способе производства дешевый женский труд будет заменяться дорогою машиною только очень медленно; раз техническое развитие повело женщину в мастерскую и тем произвело огромный социально-психологический переворот, то дальнейшее развитие машины поведет женщину не обратно в семью, но скорее откроет ей дорогу к квалифицированному труду.

Все эти возражения не должны уменьшать ценность сделанного Дейчем анализа процесса производства, они должны только показать, что в *капиталистическом обществе* вскрытой Дейчем тенденции противодействуют сильные противоположные тенденции. Конечно, в обществе будущего не будет места бессмысленному и бездушному труду чернорабочего, продолжающемуся всю жизнь. Рабочий будущего это—не подручный и, конечно, не художественно творящий ремесленник, как изображают его в своих фантазиях поэты: он будет инжером, механиком, машиностроителем; он будет господствовать

над машиною, а не прислуживать ей. Условия этой перемены создаются в современном обществе, но осуществить ее сможет лишь общество социалистическое.

2. Квалифицированный труд в процессе образования стоимости.

Если мы узнаем, какую функцию квалифицированный труд должен выполнять в общественном процессе производства, вопрос о его роли в процессе образования стоимости приобретет еще большее значение. Здесь идет речь, во-первых, о *стоимости произведенных квалифицированным трудом товаров*, а во-вторых, о *стоимости квалифицированной рабочей силы*.

Мы должны предостеречь читателя против мысли, что здесь поставлен схоластический вопрос, не имеющий практического значения. Нам нужен ответ на эти вопросы не только для защиты учения Маркса против одного из наиболее частых возражений его противников. Мы постараемся также показать, что многочисленные эмпирические явления нашего хозяйства не могут быть теоретически поняты без анализа функции квалифицированного труда в процессе образования стоимости.

Две последние попытки дать ответ на указанные вопросы исходят от *Рудольфа Гильфердинга*[1]) и *Ганса Дейча*. В определении понятия квалифицированного труда они оба сходятся; квалифицированным они называют всякий труд, который требует более продолжительной профессиональной подготовки или более значительного общего образования, чем в среднем имеют рабочие. Это определение дает счастливую возможность провести различия между понятиями: *квалификация* (Qualification), *качество* (Qualität) и *интенсивность*.

По определению *Гильфердинга*, стоимость квалифицированной *рабочей силы*, «как и всякого другого товара, равна необходимому для ее производства и воспроизводства труду, состоящему из издержек содержания и обучения». Желая найти стоимость произведенного квалифицированным трудом *товара*, он рассуждает следующим образом. Дабы квалифицированная рабочая сила могла возникнуть, необходим целый

---

[1]) R. Hilferding. Böhm-Bawerks «Marx-Kritik». «Marx-Studien»; B. I. Wien, 1904. Erste Wiener Volksbuchhandlung. Есть русский перевод: Гильфердинг. «Бем-Баверк как критик Маркса». М. 1920 г.

ряд простых работ, а именно труд лиц, которые содержат ученика во время его подготовки, и труд лиц, которые подготовляют и обучают его. Эти простые работы, с одной стороны, создают стоимость, стоимость квалифицированной рабочей силы, проявляющуюся в заработной плате рабочего; но, с другой стороны, они переносят на рабочего, вскормленного и подготовленного ими, свою потребительную стоимость, а именно способность быть источником прибавочной стоимости. С точки зрения общества, простой труд, пока он затрачивается на производство квалифицированной рабочей силы, находится в скрытом состоянии. Его действие для общества начинается только вместе с деятельностью квалифицированной рабочей силы, на образование которой он затрачен. Таким образом в одном акте расходования этой квалифицированной рабочей силы расходуется сумма простых работ, и потому создается количество стоимости и прибавочной стоимости, соответствующее сумме стоимости, какая была бы создана всеми этими простыми работами, если бы они не были затрачены на производство квалифицированного труда, а были бы непосредственно потреблены обществом.

Дейч не согласен с этими рассуждениями. По мнению Гильфердинга, мастер-учитель (Ausbilder) производит квалифицированную рабочую силу ученика. По мнению Дейча, это неверно. Мастер-учитель производит совсем другой товар, а именно ту сумму нематериальных потребительных стоимостей, которую мы называем «обучением». Ученик—не продукт труда учителя, а потребитель его товара. Квалифицированная рабочая сила—продукт труда не учителя, но собственного труда ученика, проделанного в период обучения. Обучение—продукт труда учителя —является при этом лишь средством труда, которым ученик пользуется. «Рабочая сила ученика при помощи обучения, этого средства труда, действует на предмет труда: мозг, нервы и мускулы ученика, для производства прибавочной стоимости—квалифицированной рабочей силы». Производство товара, называемого «обучением», и производство квалифицированной, рабочей силы это—два совершенно раздельных процесса производства, как, например, производство ткацкого станка и производство ткани.

Из этого различения обоих смешанных у Гильфердинга процессов производства вытекают следующие выводы для

стоимости квалифицированной рабочей силы. По мнению Гильфердинга, стоимость квалифицированной рабочей силы определяется двумя факторами: 1) необходимым для ее воспроизведения трудом, то-есть трудом, необходимым для производства тех средств существования в широком смысле, в которых рабочий нуждается для воспроизведения своей рабочей силы; эту часть стоимости Дейч называет *стоимостью воспроизводства* (Reproductionswert) квалифицированной рабочей силы, и 2) трудом, необходимым для производства квалифицированной рабочей силы. Стоимость, созданную этим трудом, Дейч называет *стоимостью производства* (Productionswert) квалифицированной рабочей силы. Но какой же труд необходим для производства квалифицированной рабочей силы? По мнению Гильфердинга, тот простой труд, который должен быть проделан другими лицами для того, чтобы из ученика вышел квалифицированный рабочий, то-есть преимущественно труд мастеров-учителей. Дейч согласен с этим, и эту часть стоимости мы обозначим в его духе, как *перенесенную стоимость производства*—в том же смысле, как если мы, например, говорим, что стоимость ткацкого станка «переносится» на ткань. Но у Дейча сюда прибавляется еще один фактор. Сверх стоимости, созданной трудом мастера-учителя и перенесенной на квалифицированную рабочую силу, сюда еще присоединяется, по мнению Дейча, стоимость, созданная собственным трудом ученика в период обучения. Это—*вновь созданная стоимость* производства квалифицированной рабочей силы. Итак, теория Дейча, хотя и считает себя противоположною теории Гильфердинга, является дополнением к последней, а не исправлением. К двум определяющим моментам стоимости квалифицированной рабочей силы, указанным Гильфердингом, Дейч прибавляет третий.

Как же определяется у Дейча стоимость *товара*, произведенного квалифицированною рабочею силою? Она определяется: 1) трудом, который квалифицированный рабочий, в качестве любого простого рабочего, затрачивает в процессе производства товара, и 2) частью стоимости производства квалифицированной рабочей силы, падающею на данный период труда. Подобно тому, как ткацкий станок в каждый рабочий час переносит часть своей стоимости на ткань, точно так же на продукт квалифицированного труда переносится в

каждый час соответствующая часть стоимости производства квалифицированной рабочей силы, стоимости, отчасти перенесенной учителями в период обучения на квалифицированную рабочую силу, отчасти произведенной собственным трудом ученика. Величина этой части определяется в первом случае среднею продолжительностью годности ткацкого станка к употреблению, в последнем случае — среднею продолжительностью жизни рабочего.

И здесь мы имеем дело с существенным дополнением теории Гильфердинга. Для Дейча, как и для Гильфердинга, в стоимость товара на-ряду с трудом, затраченным квалифицированным рабочим в самом процессе производства товара, входит так же, как постоянный фактор, труд мастеров-учителей (*перенесенная* стоимость производства); но у Дейча прибавляется сверх того еще некоторая часть *вновь созданной* стоимости производства квалифицированной рабочей силы, часть стоимости, произведенной собственным трудом ученика в период обучения.

Какую же роль играет квалифицированный труд в *образовании прибавочной стоимости*?

По Гильфердингу, труд учителей переносит на ученика свою потребительную стоимость, а именно свою способность создавать прибавочную стоимость; поэтому квалифицированный труд производит бо́льшую прибавочную стоимость, чем труд простой. Иначе у Дейча: мы получим прибавочную стоимость, вычтя из стоимости товара стоимость рабочей силы, то-есть при помощи следующего расчета:

Стоимость продукта = стоимость товара, произведенного простою рабочею силою, + часть стоимости производства квалифицированной рабочей силы.

Стоимость рабочей силы = стоимость воспроизводства рабочей силы + часть стоимости производства квалифицированной рабочей силы.

Прибавочная стоимость = стоимость товара, произведенного простою рабочею силою, — стоимость воспроизводства рабочей силы.

Часть стоимости производства, фигурирующая и в уменьшаемом и в вычитаемом, отпадает в разности, и таким образом Дейч приходит к выводу, что *квалифицированная рабочая*

сила производит столько же прибавочной стоимости, как и простая рабочая сила.

Мы выяснили предмет спора; теперь наша задача—разрешить его.

Эта задача не представляет трудностей, поскольку речь идет о стоимости товара, произведенного квалифицированным трудом. *Входит ли в стоимость товара, на-ряду с трудом рабочего в процессе производства товара и с трудом мастеров-учителей, также собственный труд ученика в период обучения?* Отвечая на этот вопрос *утвердительно*, мы в этом пункте становимся на сторону Дейча.

Нам легче всего будет ответить на этот вопрос, если мы рассмотрим способность квалифицированного труда создавать стоимость *в простом товарном производстве.*

Предположим, что нормальная подготовка рисовальщика по фарфору состоит в том, что в течение двух лет он разрисовывает тарелки, негодные к употреблению; лишь после двух лет упражнений он в состоянии рисовать тарелки, поступающие в продажу. Не ясно ли, что благодаря этому труд, общественно необходимый для изготовления поступающей в продажу тарелки, удлиняется на соответствующую часть того труда, который требуется для обучения и упражнения в искусстве рисования тарелок.

В простом товарном производстве имеется тенденция к распределению труда между отдельными отраслями производства в такой пропорции, чтобы взаимно обменивались товары, для изготовления которых требуются одинаковые количества общественно-необходимого труда. За 10 часов своего труда рисовальщик по фарфору должен получить продукт 10 часов чужого труда; как только эта пропорция будет нарушена, она опять восстанавливается при помощи изменения распределения труда между отдельными отраслями производства. Этот закон осуществляется, превращаясь в головах производителей в мотив, определяющий их прилив в отдельные отрасли производства. Если рисовальщик по фарфору получит за 10 часов своего труда меньше, чем 10 часов чужого труда, он не сделает своего ребенка тоже рисовальщиком по фарфору, а отдаст его в ученье к портному или сапожнику. Но что понимает рисовальщик по фарфору под «10 часами своего труда»? Не ясно ли, что всякий производитель включает в труд, ко-

торый он затратил и за который он хочет получить эквивалент, также и тот труд, который он должен был затратить для обучения своему ремеслу и усовершенствования в нем? Итак, на-ряду со стоимостью, созданною трудом, затраченным непосредственно в процессе производства, и со стоимостью, перенесенною учителями на квалифицированную рабочую силу,— стоимость, созданная самим учеником в процессе обучения, также составляет один из определяющих моментов стоимости продукта, произведенного квалифицированным рабочим на ступени простого товарного производства.

Но что имеет силу для простого товарного производства, то применимо также к капиталистическому. Стоимость товара,—о ценах производства здесь не идет речь,—одинакова, произведен ли он самостоятельным ремесленником или наемным рабочим.

Если нам удалось так легко разрешить спор о стоимости товара, то вопрос о стоимости квалифицированной рабочей силы представляет для нас более трудную, но, быть может, и более благодарную задачу.

3. Стоимость рабочей силы.

Рассуждения Дейча о стоимости квалифицированной рабочей силы резюмируются в следующей фразе: стоимость всякого товара, следовательно и рабочей силы, определяется общественно-необходимым для его производства рабочим временем. Для производства квалифицированной рабочей силы, кроме необходимых для ее воспроизводства средств существования и труда учителей, требуется также собственный труд ученика в процессе обучения. Следовательно, этот труд также увеличивает стоимость квалифицированной рабочей силы.

Формальная правильность этого вывода бесспорна; но представляет ли первая посылка столь общеобязательное суждение, что из нее можно делать такой вывод? Разве нельзя представить себе, что как раз квалифицированная рабочая сила занимает в товарном мире особое положение, вследствие чего собственный труд ученика в процессе обучения, хотя и необходим для производства квалифицированной рабочей силы, однако нисколько не увеличивает ее стоимости? Этот вопрос вынуждает нас развернуть всю проблему стоимости рабочей

силы и вспомнить, откуда мы вообще знаем, что и стоимость рабочей силы определяется общественно-необходимым для ее производства количеством труда. Разобраться в посылке Дейча тем более необходимо, что именно в последние годы вопрос о стоимости рабочей силы неоднократно поднимался противниками марксизма, и первые критики книги Дейча в своих возражениях опять ставят тот же вопрос. Поэтому мы на короткое время оставим проблему квалифицированной рабочей силы и сперва займемся вопросом о стоимости рабочей силы вообще.

Возьмем сперва *простое воспроизводство*, то-есть капиталистический способ производства, при котором вся прибавочная стоимость потребляется и ни одна часть ее не накопляется. Первоначально высота заработной платы представляет здесь исторический факт: «labouring poors» (рабочие-нищие) прежних эпох получали не больше, чем сколько необходимо было для воспроизводства их рабочей силы. Какое же действие оказывает развитие производительных сил на распределение производимой стоимости между классом капиталистов и классом рабочих? Повышение производительности труда понижает стоимость отдельного товара и тем повышает покупательную силу денежной заработной платы. Но при капиталистическом способе производства повышение производительности труда происходит посредством изменения органического состава капитала. Все бóльшая часть капитала превращается в постоянный капитал, все меньшая—в переменный. Так как мы предположили простое воспроизводство, то-есть исключаем накопление, то переменный капитал уменьшается не только относительно, но и абсолютно. При неизменном уровне денежной заработной платы уменьшившийся переменный капитал может занять лишь меньшее число рабочих. Отсюда возникает промышленная резервная армия безработных. Но безработные, под страхом голодной смерти, не могут надолго уйти из процесса производства. Они поэтому предлагают свою рабочую силу за более низкую плату. В конце концов все рабочие опять находят занятие, но денежная заработная плата для всех рабочих упала. Итак, общее влияние прогрессивного перехода к высшему органическому составу капитала заключается, с одной стороны, в повышении покупательной силы денег и, с другой стороны, в понижении денеж-

ной заработной платы. В общем и целом положение рабочих от этого не улучшается и не ухудшается, они опять ограничены средствами существования, необходимыми для воспроизводства их рабочей силы. Технический прогресс является средством не повышения реальной заработной платы, а создания относительной прибавочной стоимости. Таким путем осуществляется при простом воспроизводстве закон стоимости рабочей силы.

Отсюда, естественно, вытекает также, что стоимость рабочей силы представляет собою не математически точно определенную точку, но колеблется в пределах более или менее широкого интервала. Ибо понижение денежной заработной платы не происходит точь-в-точь в такой же степени, как повышение покупательной силы денег; первое зависит от степени изменения органического состава капитала, последнее же—от степени повышения производительности труда. Но это не имеет значения; ибо закон стоимости рабочей силы представляет лишь другое выражение для того факта, что при капиталистическом способе производства то же развитие, которое повышает производительность человеческого труда, постоянно создает также резервную рабочую армию, что поэтому повышение производительности труда ведет не к более полному удовлетворению потребностей рабочего класса, а к повышению нормы прибавочной стоимости.

Теперь нам остается только доказать, что и для *капиталистического воспроизводства на расширенной основе* имеет силу тот же закон, как и для простого воспроизводства.

В социалистическом обществе органы, руководящие производством и распределением продукта труда, должны были бы заботиться о том, чтобы увеличение общественного производственного аппарата всегда шло в уровень с ростом населения. Но каким образом капиталистическое общество, где увеличение общественного производственного аппарата происходит посредством накопления прибавочной стоимости, заботится о приспособлении накопления к росту населения? Такое приспособление может происходить посредством изменения *нормы капиталистического накопления*, отношения накопляемой прибавочной стоимости к общей *прибавочной стоимости*. Если, например, население выросло быстрее общественного капитала, то это неправильное соотношение

может быть устранено тем, что класс капиталистов решится накоплять большую часть ежегодной прибавочной стоимости. Но если даже предположить, что этого не случится и что норма капиталистического накопления не изменится, все-таки существует независимый от всякой классовой психологии закон, который в конце концов опять восстановит совпадение между накоплением и ростом населения. Это произойдет благодаря изменению *нормы общественного накопления*, как я предлагаю назвать отношение накопляемой стоимости к общей *произведенной стоимости* (стоимость рабочей силы+прибавочная стоимость). Так как из заработной платы накопляется всегда гораздо меньшая часть, чем из прибавочной стоимости, то из общей произведенной стоимости накопляется тем большая доля, чем меньше та часть ее, которая представляет собой заработную плату, и чем больше та часть, которая представляет собой прибавочную стоимость. *При неизменной норме капиталистического накопления норма общественного накопления тем выше, чем выше норма прибавочной стоимости*. Возьмем пример. Вся произведенная обществом стоимость составляет 10 миллионов марок. Из прибавочной стоимости накопляется 30 процентов, из заработной платы—3 процента[1]). При норме прибавочной стоимости в 100% из 5 миллионов марок прибавочной стоимости накопляется 1.500.000 марок, из 5 миллионов заработной платы—150.000 марок, итого 1.650 000 марок. Норма общественного накопления равняется 16,5 процентам. Если норма прибавочной стоимости упадет до 40 процентов [2]), то, при неизменной норме капиталистического накопления, из 4 миллионов марок прибавочной стоимости накопляются 1.200.000 марок, из 6 миллионов заработной платы—180.000 марок, итого 1.380 000 марок. Норма общественного накопления упала до 13 8 процентов. Наоборот, всякое повышение нормы прибавочной стоимости повысит также норму общественного накопления. *Благодаря этому закону, накопление при капиталистическом способе производства всегда приспособляется*

[1]) Здесь речь идет не только об индивидуальном, но и о коллективном накоплении заработной платы: например, фонды профессиональных союзов и страховых учреждений, капиталы потребительных союзов.

[2]) Бауэр делает здесь ошибку, принимая норму прибавочной стоимости за 40%, вместо 66⅔ (4 мил. прибавочной стоимости и 6 мил. заработной платы). Прим. ред.

к росту рабочего населения. Если накопление слишком незначительно и рабочее население—при неизменном органическом составе—возрастает быстрее, чем общественный капитал, то заработная плата падает, норма прибавочной стоимости повышается, а с нею и норма общественного накопления, так что накопление опять соответствует более быстрому росту населения [1]). Но если равновесие между нормою общественного накопления и быстротою роста рабочего населения постоянно вновь восстанавливается посредством этого механизма, то и для капиталистического воспроизводства в расширенном масштабе постоянный определяющий фактор распределения прибавочной стоимости между капиталом и трудом остается тот же, что и при простом воспроизводстве; этим фактором является то изменение производительных сил, которое находит свое экономическое выражение в прогрессивном переходе к более высокому органическому составу капитала. *Итак, закон стоимости рабочей силы применим также к капиталистическому воспроизводству на расширенной основе.*

Во избежание недоразумений мы должны подчеркнуть, что этими простыми соображениями мы нисколько не думаем исчерпать полностью все определяющие факторы реальной заработной платы. Как раз в марксовской системе мы находим в готовом виде те экономические категории, которые надо только систематизировать с этой точки зрения, чтобы получить полный перечень указанных определяющих факторов. Так, например, следовало бы указать, что реальная заработная плата определяется количественным отношением производительного капитала к денежному и товарному, далее, отношением непроизводительно накопляемой (скрытой, мертвой) прибавочной стоимости к прибавочной стоимости, затрачиваемой на производство; что на нее влияют изменения в издержках производства денег; что профессиональная организация посредством «объединения работающих с безработными» видоизменяет экономические функции безработных, а тем самым и законы образования заработной платы; но здесь не место распространяться обо всем этом, ибо, если установленный нами закон стоимости рабочей силы и не пред-

---

[1]) Ошибка *Франца Оппенгеймера* и многих других критиков Маркса заключается в том, что они это проглядели.

ставляет собою теории заработной платы, то все-таки он составляет прочную основу всякой такой теории.

Но здесь нас интересует другое. Мы хотели припомнить, откуда мы вообще знаем, что стоимость рабочей силы определяется общественно необходимым для ее производства трудом. Мы нашли, что этот закон нами открыт при помощи исследования о том, какое влияние оказывает развитие производительных сил на распределение произведенной стоимости между классом капиталистов и классом рабочих. Но в этом исследовании мы отвлекались от всяких различий в квалифицированности труда, признавая все виды труда одинаково квалифицированными. *Поэтому было бы методологически недопустимо из результата этого исследования делать выводы о стоимости квалифицированной рабочей силы*, как то делает Дейч. Мы не имеем права сказать: стоимость рабочей силы определяется общественно необходимым для ее производства трудом; для производства квалифицированной рабочей силы необходим также собственный труд ученика в процессе обучения; следовательно этот труд также является одним из слагаемых, составляющих стоимость квалифицированной рабочей силы. *Единственно правильный метод—это ввести в указанное исследование в качестве нового момента различную квалифицированность рабочей силы и поставить вопрос, видоизменяются ли и каким именно образом результаты, полученные при условии предварительного абстрагирования от различий в квалифицированности труда, вследствие того, что капитализм употребляет труд различной квалифицированности*? Это мы должны рассмотреть здесь.

Дейч и Гильфердинг согласны в том, что в заработной плате квалифицированного рабочего скрыт постоянный фактор: часть стоимости, произведенной трудом мастеров-учителей и перенесенной на обученную рабочую силу. Итак, часть заработной платы представляет не переменный, но постоянный капитал. Более высокая квалифицированность рабочей силы означает более высокий органический состав капитала. Но переход к более высокому органическому составу постоянно создает промышленную резервную армию. Очевидно, один и тот же капитал может занять меньше рабочих в том случае, если он нуждается в квалифицированных рабочих, заработная плата которых содержит постоянный фактор, чем в том слу-

чае, если он употребляет только неквалифицированные рабочие силы. Но это обстоятельство не представляет затруднений. Ибо если необходимость занимать квалифицированных рабочих уменьшает число свободных мест для рабочих, то, с другой стороны, она уменьшает также число «рук», которые предлагают себя капиталу. Та часть рабочего населения, которая находится в процессе обучения, не выступает на рабочем рынке (или предлагает на нем не всю свою рабочую силу), а между тем она, конечно, выступала бы на этом рынке, если бы капитал мог занимать одних только неквалифицированных рабочих. Следовательно, более высокая квалифицированность труда не создает резервной армии, понижающей заработную плату; постоянный фактор заработной платы квалифицированного рабочего лишь обеспечивает создание нового поколения квалифицированных рабочих сил. Или, чтобы выразиться наглядно: квалифицированные рабочие получают более высокую заработную плату, но последняя дает им возможность сделать из своих детей квалифицированных рабочих, вместо того, чтобы посылать их на рабочий рынок в качестве неквалифицированных рабочих. Та часть стоимости квалифицированной рабочей силы, которую мы знали до сих пор под названием *перенесенной стоимости производства*, принадлежит, если рассматривать ее с другой точки зрения, к *стоимости воспроизводства поколений квалифицированной рабочей силы*.

Переменный капитал в 1 миллион марок может занять ежедневно 500.000 неквалифицированных рабочих при заработной плате каждого в 2 марки. Предположим, что капитал переходит к употреблению квалифицированных рабочих. От этого стоимость рабочей силы повысится на соответствующую часть перенесенной стоимости производства, скажем, до 2,5 марок. Капитал, который мог занимать 500.000 неквалифицированных рабочих сил, может теперь поставить себе на службу только 400.000 квалифицированных рабочих. Но это не создает резервной армии, понижающей заработную плату, ибо одновременно с рабочего рынка будут удалены 100.000 человек, которые частью должны сами пройти курс обучения прежде, чем они смогут появиться на рабочем рынке в качестве квалифицированных рабочих, частью же найдут себе занятия в процессе обучения других.

Но Дейч полагает, что стоимость рабочей силы увеличивается не только трудом мастеров-учителей, но также трудом самих учеников в процессе обучения; в этой стоимости он находит на-ряду со стоимостью воспроизводства и с *перенесенною* стоимостью производства также *вновь созданную* стоимость производства.

Итак, в нашем случае заработная плата должна подняться не до 2,5 марок, но, скажем, до 3 марок. Если это верно, то капитал сможет занять только 333.333 рабочих. Куда же денутся 66.666 рабочих, лишившихся занятий? Это—не молодые люди, которые еще не могут выступать на рабочем рынке в качестве искателей мест, пока они не сделаются квалифицированными рабочими, ибо воспроизводство квалифицированной рабочей силы покрывается повышением заработной платы до 2,5 марок, тою перенесенною стоимостью производства, которая, как мы нашли, принадлежит к стоимости воспроизводства новых поколений квалифицированных рабочих. Это будут, напротив, взрослые обученные рабочие, которые немедленно выступят на рабочем рынке в качестве резервной армии безработных и будут понижать заработную плату до тех пор, пока весь рабочий класс не будет опять низведен до уровня стоимости его воспроизводства, индивидуального и родового. Следовательно, в нашем примере заработная плата не может удержаться надолго на 3 марках, а лишь на 2,5 марках. *Труд самого ученика в процессе обучения не увеличивает стоимости рабочей силы, рабочий класс всегда ограничен стоимостью его воспроизводства, индивидуального и родового.* Необходимость употреблять квалифицированный труд вызывает изменение органического состава капитала; но это изменение здесь, как и повсюду, выполняет ту функцию, что не дает рабочему классу увеличить свою долю в стоимости продукта, но всегда ограничивает его стоимостью его воспроизводства, индивидуального и родового.

Мы подчеркиваем, что здесь идет речь о всем рабочем классе; ибо здесь наша задача—ответить лишь на вопрос, как видоизменяется стоимость всей совокупности рабочих сил вследствие того обстоятельства, что одна часть их должна быть квалифицированною. Распределение же этой общей стоимости между отдельными слоями рабочих представляет само-

стоятельную проблему, которая подлежит рассмотрению в теории *цены* рабочей силы [1]).

Итак, по существу здесь прав Гильфердинг, а не Дейч; стоимость квалифицированной рабочей силы равняется всегда лишь стоимости ее воспроизводства, индивидуального и родового; она нисколько не увеличивается, вопреки мнению Дейча, от *вновь созданной* стоимости производства. Но так как мы нашли, что стоимость произведенного квалифицированным трудом *товара* включает вновь созданную стоимость производства, которой мы не находим в стоимости квалифицированной *рабочей силы*, то, стало быть, квалифицированный труд создает *больше прибавочной стоимости*, чем труд простой. *Труд ученика в процессе обучения не увеличивает стоимости рабочей силы, но увеличивает стоимость товара и, следовательно, прибавочную стоимость.*

Итак, Гильфердинг правильно оценил также роль квалифицированного труда в процессе образования прибавочной стоимости. Но его обоснование неправильно. Квалифицированная рабочая сила производит больше прибавочной стоимости, чем неквалифицированная, не потому, что труд мастеров-учителей переносит на созданную им квалифицированную рабочую силу свою потребительную стоимость, а именно свою способность быть источником прибавочной стоимости. Наоборот, процесс производства, в котором участвует учитель, имеет не больше общего с процессом производства, в котором создается рабочая сила, чем процесс производства строителя ткацкого станка с процессом производства ткача; ведь учитель, если он наемный рабочий на службе у капиталиста — владельца

---

[1]) Предположим, что капитал употребляет 30 процентов квалифицированных рабочих и 70 процентов неквалифицированных; но слишком значительная часть прироста рабочего населения обратилась к квалифицированным профессиям. В результате цена квалифицированных рабочих сил будет стоять ниже их стоимости, а цена неквалифицированных—выше их стоимости. В этом случае повышение стоимости всех рабочих сил благодаря квалифицированности труда проявится в повышении заработной платы *неквалифицированных* рабочих! Поэтому же от потомства последних произойдет часть будущего поколения квалифицированных рабочих. Этот пример показывает всю сложность проблем теории *цены* рабочей силы. Та же теория должна исследовать влияние того факта, что квалифицированные профессии представляют более благоприятные условия для профессиональной борьбы.

школы, уже сам выполнил свою функцию создания прибавочной стоимости! Квалифицированная рабочая сила создает больше прибавочной стоимости, чем простая, по той причине, что труд ученика в период обучения повышает стоимость товара, но не повышает в той же мере стоимости рабочей силы. Даже ученик, который не производит еще никакого товара—за исключением своей собственной квалифицированной рабочей силы, находится на службе у класса капиталистов: он создает *будущую прибавочную стоимость* тогда, когда он даже не является еще наемным рабочим!

Дейч может возразить нам следующее: создание квалифицированной рабочей силы представляет собою не капиталистическое, а *простое товарное производство*, ибо рабочий-ученик является собственником предмета труда, своего духа и тела, и продукта—своей квалифицированной рабочей силы. Но простой товаропроизводитель получает полную стоимость своего товара; как же можно отнять у квалифицированного рабочего произведенную его трудом стоимость квалифицированной рабочей силы, этой неотделимой функции его духовного и физического существа? На это мы отвечаем: то обстоятельство, что на ступени простого товарного производства производитель получает полную стоимость своего продукта, основывается на том, что он (или по крайней мере его потомки) всегда имеет возможность обратиться к другим отраслям производства, если его профессия приносит ему при обмене за 10 часов его собственного труда менее 10 часов чужого труда. Но современный рабочий может производить в качестве простого товаропроизводителя лишь единственный товар, а именно квалифицированную рабочую силу; все другие товары он может производить только в качестве наемного рабочего, на службе у капиталиста. *Поэтому для него вообще уже более не существует закона стоимости простого товарного производства*. Он уже не может освободиться от железной необходимости прибавочного труда; цепи, привязывающие рабочий класс к капиталу, ни на минуту не оставляют его; даже производя свою квалифицированную рабочую силу, он создает прибавочную стоимость, которая первоначально остается в скрытом состоянии, но проявляется немедленно, как только рабочий в первый раз произведет товар на службе у капиталиста. Рабочий, возможно, еще не

знает ни одного капиталиста и, повидимому, не служит ни одному из них, а в тихой классной комнате развив ет свои духовные и физические сп(собности; но в тот момент, когда он вступает в процесс производства, обнаруживается, что он сам навсегда будет ограничен стоимостью своего воспроизводства. индивидуального и родового (как бы она ни была высока при высокой квалифицированности труда), что его труды и его прилежание не создают ничего другого, к к только б льшее количество прибавочной стоимости для класса капиталистов.

Какое значение имеют эти положения для объяснения эмпирических явлений повседневности, мы можем вкратце показать на одном примере. Прежде врач являлся всегда самостоятельным «простым товаропроизводителем»; то же экономическое развитие, которое лишило самостоятельности бо́льшую часть населения и осудило ее на продолжающийся всю жизнь н емный труд, все чаще делает и врача наемным рабочим капиталистического предприятия или же такого предприятия, которое, хотя и не основано капиталистами и не руководствуется капиталистическим стремлением к прибыли, все же, разумеется, не может избежать всемогущих законов капиталистического хозяйства. Как простой товаропроизводитель, врач получал полную стоимость своего товара; как наемный рабочий, врач ограничен стоимостью своего воспроизводства, индивидуального и родового. С врачами происходит теперь то, что давно уже произошло с массою квалифицированных рабочих: капитал похищает у них их стоимость производства. Общество вынуждено возместить врачу издержки его обучения, если оно хочет быть постоянно обеспечено трудом врачей; напротив, стоимость производства, созданная собственным трудом лица, изучающего медицину, так же мало возмещается капиталистическим обществом врачу, как и всякому другому рабочему [1]). В капиталистическом

---

[1]) И здесь ц на рабочей силы врача может значительно отклоняться от стоимости, которую врачи прибавляют к стоимости всей совокупности рабочих сил. Ведь в доходе врача скрыта даже, пожалуй, прибыль на капитал. Там, где издержки обучения квалифицированного рабочего очень вы оки, они рассматриваются, как *капитал*, который требует не только своего возмещения, но также средней прибыли. Помимо этого, врач—не рабочий в точном смысле слова, которому совершенно отрезан

обществе врач так же мало может требовать от больничной кассы полной стоимости производства своей ква ифицированной рабочей силы, как рабочий, р ботающий на фабрике потребительного общества, не может тр:бовать полного продукта своего труда. То, что врачи приписывают недоброжелательству пр вления кассы, есть лишь действие неумолимых законов того капитал.:стического строя, сторон никами которо:о тем не менее объявляет себя подавляющее большинство вр чей.

Таким образом и здесь обнаруживается превосходство метода Маркса: он дает нам возможность понять и объединить законами явления, которые историческая школа в лучшем случае умела лишь описывать.

Мы признали правильною изложенную Дейчем теорию стоимости товара, произведенного квалифицированным трудом; напротив, н ше исследование стоимости квалифицированнсй рабочей силы и создаваемой ею прибавочной стоимости привело нас к другим результатам. Этим, однако, нисколько не умаляется заслуга труда Дейча; ибо и наше исследование опирается на то существенно новое, что есть в его исследовании, а именно на остроумное отделение процесса производства квалифицированной рабочей силы от процесса обучения.

путь к самостоятельности, хотя развитие ведет его в эту сторону. По тому по отношению к врачам еще не вполне уничтожено действие закона стоимости простого товарного производства.

Карл Каутский.

Загадка цены[1]).

(Вопрос Брентано марксистам.)

Брентано жаждет, чтобы его поучали: «Сегодня я хотел бы вообще не критиковать, а просить поучения у других»; «я был бы благодарен, если бы мне объяснили»; «я был бы весьма благодарен за разъяснение»,—в таком духе написана вся его статья «Ist der Handel an sich Parasit?» («Nation», 1905, 28 Januar). [2]) Прежде всего он требует поучения от нас—марксистов; его статья носит подзаголовок: *«Вопрос марксистам и другим»*. Он настоятельно требует от нас ответа,—он, очевидно, полагает, что мы не в состоянии дать его, что мы не можем разрешить загадку.

Своим тонким чутьем Брентано опять сумел найти непримиримые противоречия между марксовым учением о стоимости и другими взглядами Маркса. С торжествующею самоуверенностью он требует от нас объяснения этих противоречий.

К счастью, Брентано питает к нам сочувствие, по крайней мере, настолько, что, едва поставив нам задачу, он тут же значительно ограничивает ее объем. Если он в начале говорит о «взглядах Маркса», «несостоятельных» с точки зрения его собственного учения о стоимости, то тут он сводит эти «взгляды» к одному единственному, а именно: ко «взгляду Маркса на *торговлю*». Но и этот взгляд в свою очередь сводится к единственной фразе из «Капитала» Маркса, гласящей:

«Но так как из обращения самого по себе нет возможности объяснить превращение денег в капитал, образование

---

1 «Neue Zeit» 1904—1905, B. I

2) Носит ли торговля паразитический характер?

прибавочной стоимости, то, раз обмениваются эквиваленты, торговый капитал представляется невозможным, поэтому его существование может быть выведено лишь, как результат двоякой эксплоатации покупающих и продающих товаропроизводителей паразитически внедряющимся между ними купцом. («Капитал», т. I, русс. перев. В. Базарова и И. Степанова, М. 1909 г., стр. 128).

Именно эта фраза глубоко печалит нашего профессора и вызывает у него горячую жажду поучения. То, что следует за этою фразою, его уже не интересует. А между тем уже дальнейшие слова «Капитала» показывают, что «взгляд Маркса на торговлю» отнюдь не был таким простым. Маркс продолжает:

«Чтобы объяснить возрастание торгового капитала иначе, чем простым надувательством товаропроизводителей, необходим длинный ряд промежуточных звеньев, еще совершенно не существующих для нас, так как единственной нашей предпосылкой является пока товарное обращение и его простые моменты» (там же).

В третьем томе «Капитала» Маркс подробно изложил эти посредствующие звенья, в свете которых прибыль торгового капитала не является простым только обманом. Но нашему профессору до этого нет дела. Он заявляет, что даже на самых первобытных ступенях товарного производства, когда оно еще не носит капиталистического характера, равные стоимости могут обмениваться между собою на основе марксова закона стоимости и притом доставлять купцу прибыль. Маркс же, напротив, утверждает, что на этой ступени простого товарного обращения прибыль купца может быть объяснена лишь нарушением закона стоимости, покупкою товаров ниже их стоимости или же продажею их выше ее.

Трудно придумать что-либо более остроумное, чем доказательство, которым Брентано уничтожает положение Маркса. Правда, оно отличается некоторою сложностью, но стоит хорошенько разобрать его. Поэтому пусть читатель не пожалеет труда. Мы воспроизводим это доказательство буквально. Правда, это не доказательство в духе классической политической экономии, но это классическое доказательство теоретического смысла современной университетской политической экономии.

«Даже с точки зрения учения о стоимости Маркса,—говорит Брентано,—его отношение к торговой прибыли несостоятельно. Оно было бы правильно только в том случае, если бы издержки производства товаров, обмену которых купец содействует, были равны для обоих товаропроизводителей: но тогда торговля вообще не происходила бы. Пример покажет это.

Возьмем известный пример Рикардо. Предположим, что производство 1000 кип сукна стоит в Англии годичного труда 100 рабочих, а производство 100 бочек вина—годичного труда 120 рабочих; в Португалии же производство 1000 кип сукна стоит годичного труда 90 рабочих, а 100 бочек вина—годичного труда 80 рабочих. Следовательно, годичный труд 100 рабочих в Англии дает 1000 кип сукна или 83,34 бочек вина, в Португалии же—1111,12 кип сукна или 125 бочек вина.

В таком случае:

1000 кип сукна { в Англии = 83,34 бочки вина.
в Португалии = 112,4 » »

100 бочек вина { в Англии = 1199,9 кип сукна
в Португалии = 888,8 » »

Купец, покупающий 100 бочек вина в Португалии и продающий их в Англии, получает здесь за них 1199,9 кип сукна, т.-е. на 311,1 кип больше, чем сколько он получил бы в Португалии при затрате одинакового труда рабочих. Эти 311,1 кип сукна стоили бы ему в Португалии годичного труда 27,9 рабочих; следовательно, доставляя португальское вино в Англию и обменивая его здесь на сукно, он получает на 100 бочек вывезенного вина прибыль, равную годичному труду 27,9 рабочих. Другой купец, покупающий 1000 кип сукна в Англии и продающий их в Португалии, получает здесь за них 112,4 бочек вина, т.-е. на 29 бочек больше, чем сколько он получил бы в Англии при затрате одинакового количества труда. 29 бочек вина стоили бы ему в Англии годичного труда 35 рабочих; следовательно, доставляя сукно из Англии в Португалию и обменивая его здесь на вино, он получает на 1000 кип вывезенного сукна прибыль, равную годичному труду 35 рабочих. Эту прибыль он получает не за счет английского ткача и не за счет португаль-

ского винодела, продукты которых он обменивает... Купец получает прибыль, как вознаграждение за то, что он доставляет *каждый из обоих товаров* из той местности, где его производство стоит *наименьшего количества труда*».

Надеюсь, что наши читатели внимательно следили за расчетом с достодолжным почтением к глубокой профессорской мудрости. Немного найдется читателей, которые будут проверять этот расчет. Да это и не необходимо, ибо вся сложность примера совсем излишняя; можно представить его гораздо проще, если обратить внимание на фактор, удивительным образом совершенно забытый у Брентано и играющий в торговле главную роль, а именно на *деньги*. Купец Брентано не покупает и не продает, а обменивает сукно на вино, как если бы он жил во времена глубокого варварства.

Перенесем его в век цивилизации и заставим его оперировать с деньгами; ведь эти операции должны быть знакомы даже королевско-баварским профессорам. Предположим, что годичный труд одного рабочего доставляет стоимость в 1000 марок.

Следовательно:

1000 кип сукна	стоят	в Англии	100.000	марок
100 бочек вина	»	» »	120.000	»
1000 кип сукна		в Португалии	90.000	»
100 бочек вина	»	» »	80.000	»

Купец затрачивает 80.000 марок для закупки 100 бочек вина в Португалии и перевозки их в Англию. Издержки перевозки мы считаем, подобно Брентано, равными нулю: включение их усложнило бы расчет, не меняя его теоретического результата. Эти 100 бочек купец продает в Англии за 120.000 марок, получая прибыль в 40.000 марок. Но этим он не удовлетворяется. Он покупает 1000 кип сукна за 100.000 марок и продает их в Португалии, однако не в обмен на вино, как заставляет его делать Брентано, а за деньги. Но немедленно же ему придется горько раскаяться в этом уклонении от метода исторической школы, ибо в Португалии 1000 кип сукна стоят только 90.000 марок. Чудак-купец *теряет* на этой сделке 10.000 марок. Разумеется, этот купец не *паразит*, но, конечно, *дурак*. Если бы он оставался верным учеником Брентано и видел бы в тор-

говле обмен продуктов в натуральной форме, он обладал бы по крайней мере искусством затушевать эту глупость запутанными расчетами. Пожалуй, и в этом можно усмотреть своего рода «прибыль», но «торговую прибыль» в этом не увидели бы даже представители исторической школы.

Неверно далее, что «купец получает прибыль, как вознаграждение за то, что он доставляет каждый из обоих товаров из той местности, где его производство стоит наименьшего количества труда». Ибо, по предположению самого Брентано, не только вино, но и сукно стоит в Португалии меньшего количества труда, чем в Англии, следовательно, *оба* продукта должны вывозиться из Португалии в Англию.

Но пусть только читатель не подумает, что здесь какая-то ошибка. Нет, цифры вполне верно списаны из «известного примера» Рикардо. Но, разумеется, только цифры. В остальном же «известный» пример Рикардо остался «тайною» для нашего господина тайного советника. И в этом комичная сторона данного случая. Она показывает, как изучают наши научные светила классиков, на которых они смотрят свысока, с великим презрением.

Брентано не указывает, из какого места книги Рикардо берет он «известный пример». Но речь, без сомнения, идет о тех рассуждениях в главе о «внешней торговле» (7 глава «Principles» Рикардо), где Рикардо доказывает, что без такой торговли было бы невозможно разделение труда между различными нациями.

Это место у Рикардо гласит: «В Англии условия могут быть таковы, что производство сукна требует труда 100 рабочих в течение года, а на производство вина,—если бы она вздумала выделывать его,—потребовался бы труд 120 человек в течение того же времени. Поэтому Англия найдет более выгодным ввозить вино и покупать его посредством вывоза сукон.

Производство вина в Португалии может требовать только труда 80 человек в течение года, а производство сукна потребовало бы труда 90 человек в течение того же времени. Поэтому для нее будет выгодно вывозить вино в обмен на сукно. Этот обмен может иметь место даже в том случае, если ввозимый Португалией товар мог быть произведен там с меньшим количеством труда, чем в Англии. Хотя бы она

могла изготовить сукно трудом 90 человек, она будет ввозить его из страны, где на производство его требуется труд 100 человек. Для нее будет выгоднее употреблять свой капитал предпочтительно на производство вина, за которое она получит больше сукна в Англии, чем она произвела бы сама, если бы она переместила часть своего капитала из виноделия в производство сукон» (цитир. по русск. изданию: Д. Рикардо. Собрание сочинений. Т. I, перев. Н. Рязанова, 1908, стр. 82).

Таков «известный пример» Рикардо. Как видим, Брентано верно списал из него цифры годичного труда, требуемого для производства сукна и вина. Но этим совпадение обоих примеров ограничивается.

Прежде всего у Рикардо совершенно отсутствует центральная фигура Брентано, а именно чудак-*купец*, который, следуя заветам истинно-немецкой университетской премудрости, наживается на том, что покупает товары за 100.000 марок и продает их за 90.000. У Рикардо речь идет не о прибылях *купцов*, а о прибылях *производителей* и вытекающем отсюда развитии *производства*. Экспорт английского сукна, по 100 марок за кипу, в Португалию, где оно могло бы быть произведено по 90 марок, имеет теперь свой смысл. Этот экспорт является следствием того, что португальским капиталистам выгоднее сосредоточиться исключительно на производстве вина и совсем отказаться от изготовления сукна, ибо производительность труда португальцев, по сравнению с Англией, значительно выше в производстве вина, чем в производстве сукна; в последнем превосходство Португалии над Англией составляет только 10 процентов, в первом же—33 процента.

При сравнении Англии с Португалией оказывается, что в Англии изготовление сукон производительнее, чем производство вина, в Португалии же имеет место обратное. Поэтому, при существовании между этими двумя странами торгового обращения, Англия целиком посвятит себя изготовлению сукон, а Португалия—производству вина. Но, конечно, тут речи нет о том, что купец якобы наживается оттого, что покупает сукно в Англии по дорогой цене и продает его в Португалии по дешевой цене.

Последнее предположение представляет настоящий фабрикат немецкой университетской политической экономии,—тот

род фабрикатов, в которых наиболее ярко проявляется ее высокая производительность и которыми она поэтому ведет выгодную торговлю.

Но этим Брентано не удовлетворяется в своем стремлении исправлять классическую политическую экономию и заменять разум Рикардо нелепостями его потомков.

Он продолжает:

«*Точно* так же, как при обмене продуктов производителей, живущих в *различных странах*, дело обстоит при обмене продуктов двух производителей *одной и той же страны*».

Это положение кажется ему столь несомненным после предшествующего изложения, что оно даже не нуждается в доказательстве.

Рикардо же, напротив, в своем «известном примере» продолжает:

«Таким образом Англия отдавала бы продукт труда 100 человек за продукт труда 80. *Такой обмен не мог бы иметь места между гражданами одной и той же страны.* Труд 100 англичан не может быть отдан за труд 80 англичан, но продукт труда 100 англичан может быть отдан за продукт труда 80 португальцев, 60 русских или 120 индусов».

Как видим, и в данном случае в «известном примере» Рикардо дело обстоит совсем не «точно так же», как в примере Брентано, а как раз наоборот. И Рикардо тут же показывает, почему в международном обмене закон стоимости не действует с такою же силою, как внутри страны: переход капитала за границу труднее, чем переход его внутри страны из одной отрасли производства в другую. Но свободный переход и конкуренция капиталов составляют предпосылку закона стоимости; последний осуществляется благодаря тому, что отрасли производства, где цена выше стоимости (или цены производства, которая здесь нас не интересует), получают прибыль выше среднего уровня и тем привлекают к себе капитал; это увеличивает производство, повышает предложение и таким образом понижает цены. Обратное происходит в отраслях производства, где цены стоят ниже стоимости.

В политической экономии, как в любой науке, научное исследование более глубоких связей возможно только таким образом, что явления рассматриваются, по возможности, в наиболее простой и чистой форме, без всяких возмущающих по-

бочных явлений. Поэтому и классическая политическая экономия и Маркс при исследовании простейших законов политической экономии обыкновенно исходят из общества, как из самодовлеющего хозяйственного организма, отвлекаясь от возмущающих побочных обстоятельств, какова, например, внешняя торговля. Лишь тот, кто всегда имеет это в виду,— человек научно мыслящий всегда имеет это в виду,—сможет понять «Капитал». Это верно и по отношению к цитированному выше положению о роли торговли при простом товарном обращении. Маркс прямо заявляет, что это положение полностью применимо только там, где обмениваются равные стоимости. Следовательно, при внешней торговле, поскольку она видоизменяет закон стоимости, положение Маркса о роли купца также претерпевает видоизменение.

Кто хочет опровергнуть Маркса, тот должен поэтому исходить из товарного обращения *внутри страны* и прежде всего здесь исследовать роль купца. Но Брентано принадлежит, к счастью, к исторической школе, которая благополучно отказалась от всякого ограничения своих свободных исследований оковами точного метода. Поэтому Брентано изучает прежде всего законы обмена товаров во внешней торговле и, как мы видели, успешно установив их при помощи ссылки на Рикардо, без всяких околичностей заявляет, уже в полном противоречии к Рикардо, что точно так же дело обстоит при обмене продуктов внутри страны. Положение Маркса, что при обмене равных стоимостей в простом товарном производстве прибыль купца может быть получена только путем обмана, он хочет опровергнуть примером, который прямо предполагает, что обмен равных стоимостей не имеет места.

Для внутренней торговли он не приводит никаких доказательств, но зато он теперь знакомит нас с своею теориею стоимости. И это, конечно, для нас немалая «прибыль». Ибо до сих пор мы напрасно искали во всех трудах Брентано хотя бы намека на ту теорию стоимости, на которой он строит свои экономические воззрения. До сих пор он удовольствовался тем, что постоянно заверял нас, что теория стоимости Маркса умерла, умерла окончательно, что она—допотопная окаменелость, в которую еще верят лишь некоторые застывшие догматики. Теперь, наконец, мы узнаем живое откровение, которое мы должны поставить на место мертвого фетиша.

Брентано заявляет:

«Каждому из них (т.-е. из двух производителей, участвующих в обмене) купец дает в виде продукта другого такое количество труда, которое изготовление этого продукта стоило бы первому производителю. Для приобретения продукта от купца каждый из производителей должен пожертвовать меньшим количеством труда, чем если бы он сам изготовлял получаемый от купца продукт; поэтому купец получает *разницу в виде прибыли*, не нанося ущерба ни одному из производителей».

Такова новая истина, окончательно сокрушающая нас, марксистов. Одно только утешение брезжит нам в нашей гибели: теория Брентано есть также теория *трудовой стоимости*; и у него тоже стоимость определяется необходимым для производства продукта рабочим временем. Но как усовершенствовал Брентано свою теорию по сравнению с грубою теориею Маркса, которая говорит об *общественно-необходимом рабочем времени*! Брентано далек от подобных социалистических шаблонов; он—либерал, индивидуалист, и его теория стоимости очень просто приспособляется к особенностям каждого индивидуума.

Маркс, склонный к шаблонам, знает только *одну* стоимость, Брентано же заранее имеет в своем распоряжении *две* стоимости. При продаже товара купцу его стоимость измеряется рабочим временем, фактически затраченным на его изготовление *производителем*. Такова его стоимость, и ею продавец должен удовлетвориться. Получая ее, он не подвергается никакому обману.

Если же товар продается купцом *потребителю*, то его стоимость измеряется рабочим временем, которого он *стоил бы* потребителю, если бы он *захотел* изготовить его. Покупая товар по такой цене, потребитель получает его по его стоимости, без всякого обмана.

Разницу же кладет в свой карман купец, как благодетель человечества, создавший своим посредничеством разделение труда, повышение производительности труда и эту разницу между покупною и продажною ценою. Благодеяния же не делаются даром даже в этической экономии.

Действительно, современному экономисту дело ясно, как день. Но так как я, к сожалению, все еще принадлежу к застывшим фанатикам догмы, то мне оно все еще не совсем ясно.

Поэтому на вопрос, обращенный к «марксистам», я хочу ответить несколькими контр-вопросами.

1) Брентано утверждает, что взгляд Маркса на торговлю несостоятелен даже с точки зрения марксовой теории стоимости. Полагает ли он, что изложенная выше теория стоимости есть не собственная теория его, Брентано, а изложение теории Маркса? Если бы она была теорией стоимости Маркса, то, разумеется, «несостоятельным» оказался бы «взгляд» Маркса на торговлю да, кроме того, и все построение марксизма.

2) Каким масштабом измеряется рабочее время, которого изготовление продукта «стоило бы» потребителям? Как, например, измеряет господин профессор Брентано рабочее время, которого ему «стоило бы» изготовление пары сапог? И одинаково ли для всех покупателей-потребителей это рабочее время, которого им «стоило бы» изготовление продукта, или же купец, например, сапожник, назначает различным покупателям различные цены, в зависимости от их способности производить собственными силами данный этот продукт? В последнем случае купец назначал бы неслыханно высокую цену профессору, беспомощному во всяком производстве, и очень низкую цену сапожнику-починочнику, который покупает у него сапоги и в случае нужды мог бы сам изготовить их.

Брентано лишь воспользовался примером внешней торговли у Рикардо для того, чтобы доказать свой закон обмена. Но там речь идет о рабочем времени не различных *индивидуумов*, а различных *стран*, т.-е. о рабочем времени, общественно-необходимом для производства продукта; при данных технических условиях это вполне определенная величина. «Трудовые же затраты» Брентано, т.-е. не то количество труда, которое потребители действительно затратили, а то количество, которое они затратили бы или могли бы затратить, есть нечто совсем другое, чисто мнимая величина.

Но, как мне кажется, рабочее время, которое потребовалось бы отдельному потребителю для производства предметов его собственного потребления, есть не только величина, колеблющаяся в зависимости от индивидуума, несоизмеримая и часто не поддающаяся никакому измерению: обыкновенно это вместе с тем и величина *невозможная*, ибо при более или менее развитом разделении труда отдельному индивидууму совершенно *невозможно* изготовлять самому отдельные предметы

своего потребления; для этого у него отсутствуют все предварительные условия. Но можно ли измерять невозможный труд?

3) Какое мерило стоимости применяется в том случае, когда двум производителям вздумается непосредственно обменяться своими продуктами без посредничества купца? Ясно, что *два* мерила стоимости не могут применяться *одновременно*. Если товары обмениваются в зависимости от труда, то *либо* в зависимости от того труда, который производители *действительно затратили*, либо же в зависимости от того труда, который потребители *должны были бы затратить*.

Первый случай не представит ничего нового. Но возьмем второй случай. Мы должны, конечно, предположить, что можно будет определить рабочее время, которое потребовалось бы потребителям. Возьмем двух потребителей, которые непосредственно обмениваются между собою; один из них, крестьянин, нуждается в холсте; он должен был бы затратить двухдневный труд для изготовления двух аршин холста; другой же, ткач, нуждается в 2 шефелях зерна, производство которых потребовало бы от него также двухдневного труда. Таким образом один получит 2 шефеля зерна, а другой—два аршина холста. Но тут-то появляется купец и говорит ткачу: «Ты затратил только один рабочий день на производство 2 аршин холста. Рабочий день стоит 2 марки. Согласно Брентано, ты обязан отдать мне свой продукт за эту цену». Что касается 2 шефелей зерна, то в них содержится лишь полудневный труд крестьянина, поэтому купец уплачивает последнему за них 1 марку. Сам же он, в согласии с законом Брентано, продает потребителям 2 аршина холста за 4 марки и 2 шефеля зерна за ту же цену. Ткач, получивший при непосредственном обмене 2 шефеля зерна, может купить теперь только 1, а крестьянин может получить даже только $^1/_2$ аршина холста. Правда, пройдя школу Брентано, они получили утешительное сознание, что все произошло по его удивительному закону стоимости, без всякого обмана, но все же остается фактом, что, несмотря на новое мерило стоимости Брентано, каждый из производителей получал гораздо больше при непосредственном обмене, без посредничества купца, и что таким образом купец обогащается именно за счет продукта их труда.

Итак, будем ли мы измерять стоимость товаров при непосредственном обмене тем трудом, которого они стоили про-

изводителям, или же тем трудом, которого они стоили бы потребителям, мы постоянно приходим к тому результату, что посредничество купца при простом товарном обращении происходит за счет лиц, участвующих в обмене.

Какой же смысл имеет изобретенная Брентано стоимость, измеряемая тем трудом, которого продукт стоил *бы потребителям*? Это—достойное дополнение к его купцу, который обогащается, покупая товары за 100.000 марок, а продавая их за 90.000 марок. Но эта детская игра имеет свой глубокий смысл. Теория Брентано—не что иное, как идеализация капиталистической практики. Последняя состоит в том, что, благодаря частной собственности на средства производства, всякий прогресс в производительности труда, проистекающий из общественного развития, присвоивается и монополизируется капиталом. Брентано утверждает, что разделение труда, эта основа всякого прогресса его производительности, возможно лишь благодаря капиталу, а прежде всего благодаря торговому капиталу. Из того, что при господстве частной собственности на средства производства далеко идущее разделение труда невозможно без посредничества купца, Брентано делает вывод, что купец *создает* разделение труда и вызывает проистекающее из него *повышение производительности*. Он не замечает, что сама торговля есть лишь продукт разделения труда и повышения производительности, создаваемого не торговлею, но всем процессом общественного развития.

Объяснив прогресс производительности посредничеством купца между производителем и потребителем, он отсюда выводит право купца и капиталиста на плоды этого прогресса. Тут-то зарыта собака.

Некогда господин Брентано очень возмущался «*наглостью*», с которою Маркс цитировал в учредительном адресе Интернационала фразу из речи Гладстона о том, что «опьяняющее увеличение богатства и могущества» за период от 1842 г. по 1861 г. «ограничивается исключительно имущими классами». В «Concordia», «органе союза германских фабрикантов», он анонимно заявлял в 1872 году: «Маркс *и формально и по существу выдумал* эту фразу». Впоследствии он также анонимно упрекал Маркса, говоря, что «упорная лживость», с которою он держится за эту цитату, «удивительна даже для человека, которому все *средства* кажутся *хорошими* для его

разрушительных планов». Несмотря на все разъяснения, Брентано всегда избегал отказаться от этих милых излияний своего научного отрочества. Он повторил их в 1890 г. и, кажется, еще поныне гордится ими.

В настоящее время Брентано, «и формально и по существу». прибегает к невероятнейшим фокусам с целью доказать теорию, которая, будь она правильною, представила бы «опьяняющее увеличение богатств и могущества», вызванное разделением труда, продуктом «исключительно» класса капиталистов, продуктом, который при обмене равных стоимостей должен достаться ему одному. Отсутствие метода и «упорное» ожесточение, с которым он защищает здесь интересы капитала, «удивительны даже для человека», которому «все средства кажутся хорошими» для сокрушения идеи классовой борьбы и ее автора.

III.

Теория предельной полезности.

К. Шмидт.

Психологическое направление в новейшей политической экономии [1].

Огромный, запутанный механизм, управляемый скрытыми и мощными законами,—такою выступает перед нами современная хозяйственная жизнь, находящаяся в вечном движении, переливающаяся через все границы, горы и моря. Подобно тому, как астрономия видит в земле, —которая обыденному взгляду кажется неподвижною и самостоятельною,— лишь ничтожный мировой атом, послушный всеобщим законам звездной системы, так социальная теория признает отдельного индивидуума, который охотно воображает себя свободным и самостоятельным, настоящим микрокосмом, лишь ничтожным атомом в движении экономического механизма, свободного от всякого индивидуального произвола.

Несомненно, одна из интереснейших задач, которые может ставить себе наука, это—проникнуть во внутренний строй этого механизма и понять бесконечное многообразие внешних явлений, как нечто закономерное, объективное и вытекающее из одной причины. Эта задача тем интереснее, что господствующий ныне над людьми хозяйственный строй возник исторически, т.-е. как создание—хотя и не сознательное—самих людей, и, возникнув исторически, осужден также на историческую гибель в безостановочном потоке развития человечества. Здесь экономическое исследование, подвергая подробному анализу существующий хозяйственный строй, подлежащий дальнейшему развитию и преодолению, непосредственно подходит к великой социальной проблеме развития современного человечества. Я назвал современную хозяйственную жизнь механиз-

---

[1]) «Neue Zeit», 1891/92. B. II.

мом, который регулируется законами (конечно, экономическими, а не юридическими), и признал существенною задачею политической экономии познание этих объективно выраженных законов. Но должен ли всякий хозяйственный строй подчиняться подобным законам, действующим скрытым образом? Это не вытекает из понятия хозяйственного строя, как такового; пока люди сами потребляют продукты своего труда или вынуждены уступать часть их господствующему классу для непосредственного потребления, до тех пор хозяйственный строй остается прозрачным, простым и ясным. Познать подобный хозяйственный строй—значит описать его и показать исторические причины его возникновения и дальнейшего развития. Для объяснения всех явлений здесь не нужны никакие экономические законы. И если современный экономист вынужден искать таких законов, то причины этого не в том, что перед нами хозяйственный строй вообще, а в том, что перед нами данный специфический хозяйственный строй. Особенность, отличающая современный хозяйственный строй от всех прежних, менее сложных организмов, состоит в том, что он покоится целиком на товарном производстве, т.-е. на покупке и продаже производимых благ. Всемогущество и вездесущность денег, содействующих как распределению, так и производству благ, представляет характерную черту сущности указанного строя, источник его силы и его слабости. В том, что все блага, не исключая и рабочей силы самого человека, обмениваются на деньги и имеют цену, притом *определенную* цену,—лежит загадка, разрешение которой необходимо для действительного познания современного хозяйственного строя, и далее, для объяснения денежных доходов различных общественных классов, рабочих и капиталистов, и тем самым для объяснения условий их существования и их тенденций.

Эта загадка не будет устранена тем, что мы дадим самое исчерпывающее статистическое описание внешних явлений современной хозяйственной жизни и самым точным образом исследуем возникновение этого нового хозяйственного строя, его борьбу за существование и превратности его судьбы. Эта загадка будет разрешена только тогда, когда мы узнаем, какой всеобщий, объективно выраженный закон управляет обменом товара на деньги. Все законы, которым мы теперь подчиняемся в хозяйственной жизни, приводят к этому первому,

великому, всеобщему закону, без которого все остальные остаются непонятными. Именно загадка цены заставляет современного экономиста искать скрытого, объективного экономического закона.

Если все блага обмениваются на одно и то же благо, а именно на деньги, то тем самым они приравниваются друг другу. Следовательно, несмотря на все их различие и на всю их несоизмеримость, должно существовать что-то общее, что делает возможным приравнивание и соизмеримость этих на первый взгляд несоизмеримых благ. Это общее всем товарам может состоять только в том, что они суть продукты труда, продукты человеческого труда вообще, независимо от его формы. Товары, как кристаллизация абстрактно-равного труда, представляют собою стоимости. Как только товарный обмен развивается в денежное хозяйство, товары выражают свою стоимость в одном и том же товаре, который благодаря этому приобретает всеобщую общественную значимость в пределах товарного обращения, т.-е. характер денег. Таким образом, цена, по своей сущности, есть денежное выражение стоимости; в денежной сумме, представляющей цену товара, содержится такое же количество абстрактного труда, как и в самом товаре. Но если стоимость товара может выражаться в цене, а последняя, по своей сущности, представляет выражение стоимости, то отсюда, однако, как ясно подчеркивает сам Маркс, отнюдь не следует, что стоимость товаров находит свое точное выражение во всяком отношении цены. Политической экономии необходимо иметь дело не со случайными и индивидуальными отклонениями, но, конечно, с отклонениями общего характера. Причина и степень этих отклонений должны быть развиты из самого закона стоимости. Независимо от существования подобных отклонений речь идет в каждом случае о нахождении всеобщего объективного закона, управляющего меновою стоимостью и ценою товаров; и подобный закон может основываться лишь на равном всеобщем характере всех товаров, заключающемся в том, что они суть продукты абстрактно-равного, среднего труда.

В рамках настоящей статьи невозможно—хотя бы вкратце—изложить, каким образом Маркс после долгого перерыва продолжал с поразительною силою начатый Смитом и Рикардо анализ стоимости, насколько далеко проследил он в сложных

явлениях действительности закон стоимости, управляющий образованием цен, какие явления уже нашли свое объяснение в появившихся двух томах «Капитала» [1]) и какие еще ждут своего объяснения. Необходимо, однако, выяснить себе один предварительный скептический вопрос, который в последнее время часто поднимается против указанного «дедуктивного» направления политической экономии,—вопрос о том, *может ли вообще существовать подобный объективный, скрыто действующий закон стоимости*. Бо́льшая часть писателей-экономистов слишком легко отделывается от этого вопроса. Они объясняют цены то издержками производства, то спросом и предложением, то исходя из заработной платы, прибыли, ренты и т. д., не замечая, что здесь уже заранее предполагается то, что требуется объяснить [2]). В последнее время новое направление, опирающееся на *психологию*, выступает как против этой беспринципной эклектической манеры, так и против изучения, исходящего из анализа объективного закона стоимости. Родоначальником этого психологического направления является англичанин Джевонс, своих сторонников оно имеет в различных странах, больше всего в австрийских университетах. Там наиболее видными представителями этого направления являются Менгер, Бем-Баверк и Визер.

По учению психологической школы, всякий обмен товаров обусловлен совпадением воли обоих контрагентов. Воля определяется только психологическими мотивами, а в области

---

[1]) Статья К. Шмидта была напечатана до выхода в свет третьего тома «Капитала».

[2]) Издержки производства представляют затраты средств производства и труда, необходимые для изготовления определенного количества товаров. При этом уже предполагается, как данное заранее, цена как средств производства, так и труда. Соотношение между спросом и предложением может быть одинаковое при самых дорогих и при самых дешевых товарах, и, несмотря на это, остается громадная разница в цене этих товаров. Следовательно, из соотношения между спросом и предложением можно объяснять не цену, а лишь ее колебания. Цена же предполагается заранее, как величина определенная чем-то другим.— Наконец, заработная плата есть цена рабочей силы, прибыль есть часть цены капиталистически произведенных товаров, а рента есть часть цены капиталистически произведенных продуктов земли. Объяснять цену из заработной платы, прибыли и ренты—это все равно, что объяснять цену ценою же.

экономической—в виде общего правила—мотивами эгоистическими. Поэтому осуществление всякого акта обмена зависит исключительно от того, считают ли контрагенты, исходя из своих субъективных оценок, выгодным для себя данный обмен. В последнем случае обмен *должен* произойти, в противном же случае он *не может* иметь место. Следовательно, фактор, от которого все зависит в обмене, это—субъективная оценка; чтобы узнать, как нормируется меновая стоимость благ, необходимо найти при помощи *психологического анализа принцип субъективной оценки*. С этой точки зрения, кажется заранее невозможным существование объективного закона стоимости, который определяет меновую стоимость независимо от указанных субъективных факторов и в зависимости—прямой или косвенной—от количества труда, реально воплощенного в продуктах. Под вопрос ставится не тот или иной результат объективной теории стоимости, а сама эта теория. Ее место должна занять психология, имеющая дело с субъективными явлениями. Таково принципиальное значение новой школы.

Из сказанного понятно само собою, что не может быть речи о сознательном стремлении к осуществлению так или иначе формулированного, объективного закона стоимости, ибо воля отдельного индивидуума следует исключительно импульсам его индивидуального интереса. Вопрос заключается только в следующем: в то время как *воля отдельного индивидуума и воля всех отдельных индивидуумов действует именно таким образом*, не может ли и не должен ли все-таки возникнуть, *бессознательно и непреднамеренно, объективный закон* стоимости, как он представлялся классикам политической экономии и нормам которого подчиняются все отдельные меновые акты? С этой точки зрения, мы разберем в дальнейшем правильность выводов теоретиков психологической школы. При этом разбору подлежат *два* вопроса: во-первых, включает ли их анализ те психологические факторы, которые действительно являются решающими при определении меновой стоимости, и, во-вторых, исключают ли эти действительно решающие психологические факторы существование объективного закона стоимости или же они его допускают, или даже делают необходимым? Наш разбор будет несколько длинный, ибо мы должны начать с абстрактного изолированного человека, как его конструировала бесплодная фантазия психологической школы. Ведь она

полагает, что таким путем легче всего выяснить всеобщий принцип оценочных суждений и оценки благ.

Психологическое условие всякого производства и обмена состоит в том, что соответствующие блага должны быть объектом оценки. Но таким объектом они делаются в качестве средств к удовлетворению потребностей, если только они, подобно воздуху, солнечному свету, воде и т. п., не имеются в неограниченном и неисчерпаемом количестве. Возникает общий вопрос, чем определяется мерило этой нашей оценки? Сторонники Менгера утверждают, что оценка сообразуется с потребительною стоимостью,—правда, не абстрактною, но с *конкретною или, лучше сказать, с субъективною потребительною стоимостью,* которую вещи имеют для индивидуума. Абстрактная потребительная стоимость зависит от рода потребностей, которым удовлетворяет данное благо; так, например, хлеб удовлетворяет потребности в пище, платье—потребности в одежде, украшения—тщеславию и т. д. Поэтому оценка, которая сообразовалась бы с абстрактною потребительною стоимостью, должна была бы оценивать блага по важности данного рода потребностей; она ценила бы, например, определенное по весу количество хлеба выше, чем соответствующее количество [1]) платья или даже украшений. Ясно, что таким путем нельзя разрешить проблему меновой стоимости, ибо последняя, очевидно, совершенно независима от абстрактной важности благ. Как же обстоит дело с конкретною или субъективною потребительною стоимостью? Может ли она быть независима от абстрактной потребительной стоимости, от социального значения благ? Сторонники Менгера утверждают это, иллюстрируя свои взгляды на примере изолированного субъекта, обладающего определенным запасом благ, в некотором роде экономического Адама. В этом случае субъективная оценка действительно независима от абстрактной потребительной стоимости благ. Предположим, например, что изолированный субъект имеет очень много хлеба и сравнительно мало вина. Хлеб, конечно, есть более необходимое и важное благо, чем вино. Но, несмотря на это различие их абстрактной потребительной стоимости, изоли-

[1]) Что такое, вообще, значит «соответствующее» количество? Есть ли это количество, равное по весу, или же равное число экземпляров, или что-нибудь другое? Не существует единого масштаба для измерения количеств благ, отличающихся по своему качеству.

рованный субъект, вероятно, меньше огорчится потерею определенного количества хлеба, чем соответствующего количества вина, он будет ценить вино выше хлеба. Следовательно, *субъективная оценка* благ сообразуется не с качеством благ, т.-е. с родом удовлетворяемых ими потребностей, но с *количеством благ определенного качества, которым субъект располагает для удовлетворения своих потребностей*, ибо от этого количества зависит степень, до которой удовлетворяется данная потребность субъекта.

Здесь мы дошли до прославленной теории *предельной полезности*. Предельная полезность обозначает последнюю, наиболее слабую, относительно менее настоятельную потребность, удовлетворения которой я могу ожидать от данного количества благ. Стоимость, которую я приписываю благам определенного рода, зависит от этой предельной полезности, определяемой указанным образом. Психологической школе эта предельная полезность кажется всеобщим, единственным принципом оценки, из которого должны быть выведены меновая стоимость и оценка благ.

Поясним кратко на одном примере, как происходит оценка на основе предельной полезности. По предположению, наш изолированный субъект имеет в своем распоряжении много хлеба; скажем 5 фунтов в день, из которых он $2^1/_2$ фунта (пример этот составлен по образцу примера Бем-Баверка, с незначительными изменениями) тратит на себя самого, а $2^1/_2$—на кормление зверей, которых он держит для своего удовольствия. Если он потеряет $^1/_2$ фунта в день, он мало почувствует эту потерю, ибо откажется от удовлетворения наименее важной потребности; а именно, он немного сократит кормление зверей. Потеря дальнейшего $^1/_2$ фунта будет более чувствительна, ибо звери начнут страдать от голода и, быть может, появится вопрос о самой возможности содержать их. Оценка $^1/_2$ фунта хлеба, которая была незначительна при запасе в 5 фунтов, повысится при запасе в $4^1/_2$ фунта, ибо изменилась предельная полезность, т.-е. последняя, относительно менее настоятельная потребность, которую можно удовлетворить при помощи $^1/_2$ фунта. Эта потребность стала важнее, предельная полезность повысилась, и изменившаяся величина последней находит свое выражение в новой оценке. Чем больше уменьшается количество хлеба, тем важнее становится относительно менее необходимая

потребность, которую субъект может ожидать от $^{1}/_{2}$ фунта хлеба. Если он располагает только $2^{1}/_{2}$ фунтами, предназначенными для его собственного потребления, то потеря $^{1}/_{2}$ фунта приводит к его отказу от обычного питания, потеря второго $^{1}/_{2}$ фунта—к некоторому недоеданию, потеря еще одного $^{1}/_{2}$ фунта—к голоду.

Как видим, предельная полезность благ, которыми индивидуум располагает для своего потребления, колеблется в зависимости от их количества. Количество благ сравнивается с количеством потребностей, а последняя потребность, которая еще покрывается, определяет полезность благ данного рода для индивидуума и тем самым индивидуальную оценку этих благ вообще. Само собою понятно, что при некоторых условиях оценка, действительно, определяется указанным образом, исключительно запасом благ. Это имеет место, например, когда школьники обмениваются почтовыми марками или другими предметами, или же в излюбленных психологическою школою примерах путешествия по пустыне, когда наличный провиант не может быть замещен другим. Но вопрос заключается в том, может ли предельная полезность остаться определяющим принципом хотя бы только индивидуальной оценки в тех случаях, когда условия носят менее произвольный и фантастический характер и более соответствуют экономической действительности?

Ведь изолированный человек, которым здесь оперируют, как экономическою клеточкою, вообще немыслим без изолированного хозяйства. В «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik» Конрада (за 1890 год) профессор Дитцель убедительно показал сторонникам психологической школы, что это отнюдь не маловажное обстоятельство совершенно опрокидывает весь их анализ [1]). Если бы люди были только потребителями, а

[1]) В тех же «Jahrbücher» (март 1892 г.) Бем-Баверк напечатал возражение против статьи Дитцеля, где он очень умело использовывает все слабости своего противника. Дело в том, что Дитцель полемизировал против учения о предельной полезности с точки зрения теории, которая выводит стоимость из издержек производства. Бем-Баверк мог без особого труда вскрыть внутреннее принципиальное противоречие своего противника (См. выше примечание на стр. 164). Сами теоретики предельной полезности не отрицают того, что в товаропроизводящем обществе стоимость продуктов находится в необходимом отношении к издержкам их производства. Но, по их учению, сами размеры этих издержек, стоимость, израсходованная

блага падали бы прямо с неба, тогда, действительно, всякий должен был бы оценивать свои запасы только по теории предельной полезности. Но так как люди суть сами производители своих благ, и последние в виде общего правила могут быть воспроизводимы трудом, они не имеют никаких оснований оценивать свои продукты только по степени потребностей, которые ими покрываются. Оценка может также хорошо сообразовываться с большей или меньшею трудностью восстановления соответствующих благ. В изолированном хозяйстве существует только одно средство такого восстановления, а именно труд самого хозяйствующего субъекта. Бóльшая или меньшая трудность восстановления выражается в большем или меньшем количестве труда, который индивидуум должен затратить на воспроизводство благ. Следовательно, уже в изолированном хозяйстве оценка благ может определяться количеством затрачиваемого на их воспроизводство труда, совершенно независимо от наличного запаса благ и обусловленной им их предельной полезности. И чем планомернее и лучше организован ход хозяйства, чем более предусмотрительно принимаются меры к накоплению запасов благ, тем более второй принцип оценки вытеснит первый принцип предельной полезности.

Итак, то, что школа Менгера хотела доказать психологическим анализом, а именно, что субъективная оценка благ сообразуется только с их предельной полезностью,—опровергается психологическим анализом даже для изолированного хозяйства, если только при изучении экономических явлений не забывать экономии, а при исследовании благ не забывать

в форме средств производства и труда, определяется стоимостью окончательного продукта, т.-е. его полезностью или, точнее, предельною полезностью. При всей недостаточности такого определения стоимости, оно имеет преимущество перед учением, которое вертится в порочном кругу и выводит стоимость из стоимости, цену продуктов из цены труда (а где возможно, также из цены средств производства).—Однако, неправильность теории издержек производства не мешает тому, что Дитцель прав в своих возражениях, поскольку речь идет об *изолированном* хозяйстве теоретиков предельной полезности. Бем-Баверк также не может возразить против того, что относительная стоимость благ, воспроизводимых в любом количестве (а Дитцель говорит лишь о таких, как *самом важном* виде благ), оценивается здесь хозяйствующим субъектом по затратам труда, необходимым для их воспроизводства.

их способности быть воспроизведенными. Не правильно также возражение, что оценка по издержкам воспроизводства не представляет собою новой нормы оценки, а лишь другое приложение принципа предельной полезности. Ибо из последней потребности, покрываемой данным запасом благ, т.-е. из предельной полезности, никак нельзя узнать, какое количество труда необходимо для воспроизводства одного экземпляра этих благ. Оценка с первой точки зрения может всегда вступать в конфликт с оценкою, исходящею из второй точки зрения.

Как видим, уже в изолированном хозяйстве экономические суждения оценки более или менее определяются объективным фактором—количеством труда, необходимым для воспроизводства благ. Только поразительная односторонность сторонников психологической школы могла это отрицать. Теперь спрашивается, является ли подобный объективный фактор, вопреки всей психологии предельной полезности, возможным или необходимым в качестве регулирующего принципа общественных суждений оценки—и тем самым меновой стоимости благ—также в том случае, когда на место изолированного хозяйства мы поставим хозяйства, связанные обменом (а потом куплею и продажею), т.-е. общество товаропроизводящее? Нам необходимо было сделать долгий обходный путь через изолированное хозяйство теоретиков предельной полезности для того, чтобы выяснить их теорию. Но полное значение этой теории выступает лишь тогда, когда она переходит от хозяйства изолированного субъекта к хозяйству обменивающихся субъектов, от фантазии к действительности и претендует понять эту последнюю.

Товарное производство с свободною конкуренциею достигло своего полного развития лишь в капиталистической форме; его существование покоится на трех антагонистических больших классах, каковы промышленные капиталисты, земельные собственники и наемные рабочие. Этими классами, в последнем счете, совершается производство и обращение товаров. Политическая экономия должна показать, каким образом закон стоимости, т.-е. объективное определение стоимости товаров необходимым для их производства количеством абстрактного труда, осуществляется в *этом* исторически данном обществе. Но психологический довод, отрицающий возможность объективного закона, регулирующего обмен, рассматривает товаропроизводящее общество не в его исторически развитом, а в его всеобщем

виде; этот довод резюмируется в том, что обменивающиеся контрагенты (или покупатели и продавцы) преследуют всегда при обмене лишь свою собственную индивидуальную выгоду, но никогда не стремятся осуществить какой-либо объективный закон стоимости; поэтому необходимое для производства товаров рабочее время не может вообще быть определяющим фактором меновой стоимости, ибо оно не выступает в качестве такого определяющего фактора в сознании обменивающихся лиц.

Это возражение, имеющее в виду лишь всеобщий характер товарного обмена, может быть опровергнуто наиболее убедительным образом, если отвлечься от всех осложняющих моментов, вытекающих из исторического классового характера товаропроизводящего общества, и представить себе товарное производство в его самой общей, неразвитой форме, при которой действительные товаропроизводители обмениваются своими продуктами непосредственно, при отсутствии капиталиста и земельного собственника. Если при этом обнаружится, что труд есть определяющий фактор меновой стоимости, хотя он не выступает в качестве такового в сознании контрагентов, стремящихся лишь к своей собственной выгоде,—то психологическое возражение, которое выводит невозможность объективного закона стоимости из отсутствия его в сознании, будет тем самым опровергнуто в его общей форме,—следовательно и для капиталистического товарного производства. Конечно, форма, в которой закон стоимости осуществляется в капиталистическом товарном производстве, не может совпадать с формой, в которой он осуществляется в предполагаемом нами простом обществе. Но если первая форма будет развита экономическою наукою во всех частностях, то она в такой же мере явится психологически-необходимым результатом конкурирующих воль отдельных лиц, как и та форма, в которой объективный закон стоимости осуществляется в простом товарном производстве.

В подобном обществе самостоятельных товаропроизводителей каждый из них выносит на рынок весь продукт своего труда и старается получить в обмен необходимые ему блага. Каждый стремится лишь к своей собственной выгоде. Поэтому, какие бы блага он ни желал получить в обмен за свой собственный продукт, он будет всегда стремиться к тому, чтобы в обмен на возможно меньшее количество своего собственного продукта

получить возможно большее количество чужого продукта. Это предписывается ему стремлением к возможно более полному удовлетворению его потребностей.

Но его продукт, как и чужие продукты, воплощает количества труда, затраченные на его производство. Каждая часть продукта представляет соответствующую часть количества труда, кристаллизованного во всем производстве. Следовательно, стремление получить в обмен на возможно меньшее количество своего собственного продукта возможно большее количество чужого продукта—включает в себе стремление получить за возможно меньшее количество собственного труда возможно большее количество чужого труда. От того, насколько это удастся, зависит в известном смысле выгодность обмена. Далее, само собою ясно, что конкуренция между производителями, принадлежащими к одной и той же отрасли, приводит к тому, что меновая стоимость произведенных ими продуктов единообразна. А не может продавать дороже, чем его конкурент В, а В—дороже, чем А. Конкуренция гарантирует единообразие меновой стоимости в пределах одной отрасли; тем самым стремление конкурентов по возможности взвинтить меновую стоимость своих собственных товаров по сравнению со всеми остальными встречает известный предел, не зависящий от их личного произвола. Конечно, то обстоятельство, что меновая стоимость должна быть единообразна, еще ничего не говорит о том, какая норма регулирует эту единообразную меновую стоимость, какому закону подчиняется упомянутый предел.

Но подобная норма существует, и она представляет необходимый результат психологически-необходимой конкурентной борьбы всех индивидуумов за получение возможно большей выгоды. Та же самая конкуренция, которая не позволяет производителю данной отрасли продавать свой товар с большей выгодою, чем его конкуренты, делает невозможным, по крайней мере, на продолжительное время, чтобы производители одной отрасли обменивали свой продукт с большею выгодою, чем то могут делать производители другой отрасли. Они обменивали бы его с большею выгодою, если бы продукт их труда имел более высокую меновую стоимость, чем продукты, произведенные с затратою такого же количества труда в других отраслях. Но в таком случае более выгодная отрасль привлекала бы к себе новых производителей до тех пор, пока под давле-

нием возрастающего предложения товаров эта ее особенная выгодность не исчезла бы. Следовательно, конкуренция приводит к тому, что продукты одной отрасли не могут продолжительное время обмениваться на рынке с большею выгодою, чем продукты другой отрасли, т.-е. она приводит к тому, что продукты равных количеств труда, в какой бы отрасли последний ни был затрачен, имеют равную меновую стоимость. Конечно, эта тенденция к уравнению нисколько не изменяется от того, что один товар становится всеобщим средством обмена, т.-е. приобретает характер денег. *Следовательно, хотя отдельные контрагенты не стремятся сознательно к реализации этого объективного закона стоимости, но, тем не менее, в обществе самостоятельных производителей эта реализация обеспечена благодаря свободной игре хозяйственных эгоизмов, преследующих лишь цель собственной выгоды.* Анализ психологических фактов, играющих определяющую роль в товаропроизводящем обществе, не только не доказывает невозможности объективного закона стоимости, а, наоборот, при условии простого товарного производства *даже прямо* доказывает его необходимость.

Этим самым опровергается принципиальная точка зрения, якобы вытекающая из психологической обусловленности менового акта и доказывающая бессмысленность и внутреннюю противоречивость понятия объективного закона стоимости, регулирующего в общем и целом все меновые акты. Формулированный нами выше предварительный вопрос, которым думают доказать невозможность всякой объективной теории стоимости, находит свое решение. Ибо, если при простом товарном производстве доказана необходимость объективного закона стоимости именно на основе психологически-мотивированных воль отдельных лиц, то может ли борьба этих психологически-мотивированных воль в развитом капиталистическом товарном производстве сделать невозможным осуществление подобного закона (конечно, в другой форме)?

Мы видели, что психологическая школа ошибается в своем анализе, ибо она оставляет без внимания психологические факторы, имеющие действительно решающее значение при обмене товаров. Если бы это было не так, она, как изложено было выше, убедилась бы, что психологическое мотивирование обмена не только не опровергает существования объективного закона стоимости, а, наоборот, объясняет его. Однако такое

опровержение теории предельной полезности было бы лишь косвенным. При громадном значении, которое глашатаи этой теории придают ей, при том презрении, которое они питают ко всем завоеваниям классической политической экономии, при презрении, с которым могут только сравниться их уважение к своим собственным трудам и восхищение ими, при сравнительно большой популярности психологической школы,— с нашей стороны могло бы, пожалуй, показаться нескромным, если бы мы захотели разделаться с понятием предельной полезности косвенными доказательствами общего характера, изложенными выше.

При нашем психологическом объяснении меновой стоимости мы совершенно оставили в стороне это понятие предельной полезности, хотя, по уверению всех его сторонников, оно представляет единственный принцип всех суждений оценки, а, следовательно, и меновой стоимости благ. Посмотрим теперь, *является ли выведение меновой стоимости из принципа предельной полезности в товаропроизводящем обществе*, не то что правильным, но хотя бы только *мыслимым?* Если же это немыслимо, то спрашивается, на какую *иллюзию* могут ссылаться, в подтверждение своих взглядов, апостолы этой теории?

Первый вопрос заключается в том, является ли в товаропроизводящем обществе выведение меновой стоимости благ из принципа предельной полезности хотя бы только мыслимым. Как мы видели, предельная полезность благ должна измеряться последнею потребностью, удовлетворение которой обеспечено этими благами. Поэтому субъект, который должен оценивать свои блага по принципу предельной полезности, должен—такова предпосылка—уже владеть запасом благ, служащих удовлетворению его потребностей. Но эта предпосылка, которая одна только дает возможность представить себе оценку на основе предельной полезности, вообще не существует в товаропроизводящем обществе. Блага, которые производитель обменивает, произведены для рынка, он сам не потребляет их и в виде общего правила даже не может потреблять их. Произведенные им для рынка блага, как таковые, вообще не дают ему возможности удовлетворять его потребности и, следовательно, не имеют для него никакой предельной полезности. Он не имеет никакой возможности оценивать их по предельной полезности, которую они представляют, и соответствующим образом опре-

делять их меновую стоимость. В товаропроизводящем обществе формулированная указанным образом предельная полезность в качестве принципа стоимости представляет собою не что иное, как неприкрытое «contradictio in adjecto».

Если на место непосредственного обмена благ мы представим себе обмен при помощи денег, где друг против друга выступают не два собственника товаров, а собственник денег и собственник товаров, покупатель и продавец,—то это, однако, нисколько не поможет теории предельной полезности. Как товарный запас продавца, так и денежный запас покупателя не предназначены для непосредственного удовлетворения потребностей их владельцев. Поэтому, как товарная единица продавца, так и денежная единица покупателя не могут оцениваться их владельцами по теории предельной полезности.

Но если не деньги, то покупаемые на них средства существования служат ведь непосредственному удовлетворению потребностей. Поэтому, казалось бы, выход из затруднения заключается в том, что если не деньги, то блага, которые покупатель может купить на них, оцениваются им по теории предельной полезности и соответственно этой оценке цена их будет выше или ниже. Но для того, чтобы блага могли оцениваться субъектом по принципу предельной полезности, необходимо—я повторяю это—предположить, что он уже владеет запасом этих благ. Таким запасом он может владеть лишь после того, как купит его, а купить его он может лишь по определенной цене. Следовательно, наличность запаса благ, из которой теоретики предельной полезности должны исходить для объяснения меновой стоимости и цены благ, уже заранее предполагает цену благ, т.-е. явление, подлежащее объяснению.

Эти теоретики пытаются обойти указанную невозможность, ставя на место единичного субъекта множество субъектов. Запасам, находящимся в руках продавцов, противостоит масса потребителей. Каждый из них имеет потребность в этих запасах, и, когда товары переходят путем покупки в собственность потребителей, многие из этих потребностей будут удовлетворены, по крайней мере, отчасти. Как у отдельного субъекта, так и у множества их потребности отличаются по степени своей настоятельности. Здесь-то психологическая школа начинает свои рассуждения. Среди всех потребностей, различной степени, которые, в конце концов, покрываются этими запасами,

должна же быть одна степень, самая низкая. *Эта самая низкая степень и есть предельная полезность, которую блага данного рода имеют для общества, и именно эта предельная полезность регулирует, в качестве высшего принципа, меновую стоимость товаров.* Доказательство этому: цена продуктов обыкновенно тем ниже, чем бо́льше их количество, и тем выше, чем их меньше. «Ибо чем большим количеством экземпляров данного рода мы располагаем, тем полнее могут быть удовлетворены соответствующие потребности, тем слабее последняя потребность, которая еще удовлетворяется и удовлетворение которой ставится под вопрос с потерею одного экземпляра; тем, другими словами, ниже предельная полезность, определяющая стоимость» [1]).

Этим объясняется то, на первый взгляд поразительное явление, что сравнительно бесполезные вещи имеют очень высокую стоимость, а очень полезные вещи—незначительную стоимость.

Это доказательство лишь доказывает, что фантазия теоретиков предельной полезности обращается с экономическими фактами таким же образом, как фантазия некоторых знаменитых философов обращалась с мировою историей. Факты обязаны подчиняться приказам и подчас даже становиться, по команде, на голову. Само собою понятно, что дешевые продукты не потому дешевы, что имеются в большом количестве, а имеются в большом количестве потому, что они дешевы [2]). В современном обществе огромное большинство населения состоит из бедняков, которые могут покупать себе из всех средств потребления только самые дешевые. Поэтому на дешевые товары, именно по причине их дешевизны, существует наибольший спрос, и потому они производятся в наибольшем количестве. Выводить их дешевизну из их количества—значило бы ставить следствие на место причины, и наоборот.

Не говоря уже об этом неудачном доказательстве, положение, которое хотят доказать им, само по себе несостоятельно. Предельная полезность была определена, как последняя потребность, покрываемая запасом, находящимся в распоряжении субъекта. Поставив на место единичного субъекта множество

---

[1]) Böhm-Bawerk, Kapital und Kapital-Zins, II, стр. 162.

[2]) Так называемые монопольные блага, имеющие в народном хозяйстве второстепенное значение, я оставляю в стороне.

субъектов, мы не должны, однако, забывать, что это множество (совокупность потребителей) на самом деле не располагает никаким запасом благ; следовательно, в товаропроизводящем обществе у этого множества субъектов, как и у единичного субъекта, отсутствует препосылка для *непосредственной* оценки предельной полезности. Запас благ еще должен быть приобретен путем *покупки*. Если цены, уплачиваемые при этой покупке, должны определяться принципом предельной полезности, то необходимо принять, что уровень цены определяется последнею потребностью, которая, после перехода запаса в руки потребителей, будет удовлетворена из этого запаса, или, как ее можно еще назвать, *вероятною социальною предельною полезностью*. Но это совершенно невозможно.

Предположим, что случился неурожай и количество хлеба, поступающее на рынок внутри страны, уменьшилось на известный процент. По закону спроса и предложения, цена хлеба возрастет [1]). Почему? Теоретики предельной полезности отвечают: потому что повысилась вероятная социальная предельная полезность хлеба. Так как количество хлеба уменьшилось, то им может быть покрыта лишь меньшая масса потребностей, чем в нормальное время. Поэтому, согласно теории, останутся неудовлетворенными относительно менее настоятельные потребности, тем самым повысится вероятная социальная предельная полезность, а это повышение является причиною повышения цены. Но на самом деле останутся неудовлетворенными *не относительно менее настоятельные потребности*, а часть в высшей степени настоятельных *потребностей более бедных лиц*, которые не в состоянии покупать себе прежнее количество хлеба по повысившейся цене. Для имущих же лиц потребление хлеба, в котором они не знают ни малейшего стеснения, ни на иоту не изменится. Относительно менее настоятельные потребности будут удовлетворяться по-прежнему, т.-е. вероятная социальная *предельная полезность не изменится*, хотя *цены изменяются*. Это одно доказывает невозможность предположения, что упомянутая предельная полезность является причиною колебаний цен и их нормирования.

---

[1]) Изложенному нисколько, конечно, не противоречит то обстоятельство, что *ненормальное уменьшение* товаров данного рода *повышает* цену этих товаров. Вопрос был в том, *определяется* ли цена количеством товаров, поступающих на рынок в *нормальных* условиях.

Оказывается, что психологи нисколько не выигрывают от того, что переносят понятие предельной полезности с индивидуума, обладающего запасом, на класс покупателей, который лишь хочет приобрести запас посредством покупки. Проблема меновой стоимости ускользает от них, несмотря на все их старания разрешить ее. Вообще, они надеются указанным выше образом согласовать свою теорию с учением, объясняющим меновую стоимость из соотношения между спросом и предложением; они даже надеются вывести это учение, как следствие из своего более общего и широкого принципа. Не говоря уже о том, что спрос и предложение объясняют лишь колебание цен, а не самое цену, что поэтому даже полное объединение обеих теорий докажет лишь, что две различные ошибки могут быть хорошо согласованы одна с другою,—само собою очевидно, что даже такое объединение не удалось. Какие бы упреки мы ни ставили доктринерам спроса и предложения, они, во всяком случае, никогда не забывали того, что на нормирование цен оказывает влияние не спрос *вообще*, а лишь *платежеспособный* спрос. Является ли спрос платежеспособным или нет, зависит, как показал уже приведенный пример, отнюдь не от степени интенсивности субъективных потребностей, а прежде всего от размера денежных доходов покупателей. Потребности, как таковые, совершенно безразличны для образования цен. Они приобретают какое-нибудь значение лишь тогда, когда могут легитимировать себя при помощи денег. Субъективная потребность в форме предельной полезности не может поэтому никоим образом быть регулирующим принципом цены. Учение о предельной полезности, претендующее здесь на роль философского углубления теории спроса и предложения, далеко уступает в объяснении явлений цены даже этой последней теории.

Но тут мы подходим к нашему *последнему вопросу*, каким же образом оказалось возможным, что теория, стоящая в столь очевидном противоречии со всеми фактами хозяйственной жизни, приобрела такое большое значение. Очевидно, что она должна опираться на какое-то qui pro quo, которое ослепляет и вводит в заблуждение. Как мне кажется, она черпает свою силу в том, что *предельная полезность*, которая не является регулирующим принципом образования цен, служит нормою, согласно которой субъект, покупающий товары, *распределяет*

свои денежные доходы. Деньги, хотя и не представляют для своего владельца никакой непосредственной потребительной ценности, но обладают ею в качестве средства обмена, которое доставляет ему блага, необходимые для удовлетворения его потребностей: полезность, которую деньги имеют в качестве средства обмена, определяется, в виде общего правила, тем количеством благ, которое можно на них купить. Вообще же ясно, что и это применение понятия полезности не принесет никакой пользы психологической школе, ибо уровень цены благ, подлежащий объяснению, предполагается здесь уже заранее данным.

Ведь полезность денег зависит от количества благ, которые можно купить на них, а последнее, в свою очередь, зависит от цены этих благ.

Если полезность денег зависит от потребностей, которые могут быть удовлетворены при их помощи, то к ним должно быть приложимо и понятие предельной полезности. Если деньги расходуются на покупку определенных благ, то, по мере увеличения запаса товаров, потребность, покрываемая последним экземпляром товара, постепенно падает; в конце концов, должен наступить момент, когда дальнейшая затрата денег на блага этого рода покажется субъекту уже невыгодною и он употребит остальные деньги на удовлетворение других потребностей. Последняя, относительно менее настоятельная потребность, удовлетворяемая затратою денежной единицы при покупке определенных сортов благ, представляет собою относительно самую слабую, предельную полезность, которую вообще имеют денежные единицы, затраченные на эту цель. Таким образом, получается общий закон. Всякий человек будет последовательно затрачивать денежные единицы на покупку определенного сорта благ лишь до тех пор, пока потребность, удовлетворяемая при помощи последней денежной единицы (т.-е. предельная полезность), будет выше, чем какая бы то ни было другая, которая может быть удовлетворена затратою той же единицы, Этот закон, формулированный языком теории предельной полезности, есть лишь точное выражение той общеизвестной истины, что всякий человек, расходуя свои деньги, стремиться к возможно более полному удовлетворению совокупности своих потребностей. Этот закон действует повсюду и для каждого человека решает, купит ли он блага данного рода и

в каком именно количестве. Этому закону подчиняются и скупой и расточитель.

Такова причина, которая на внешний взгляд делает теорию предельной полезности такою естественною и ясною. И она, действительно, отличалась бы таким характером, если бы ограничилась весьма скромною задачею—найти формулу, по которой индивидуум распределяет свои денежные доходы при данной цене благ. Ибо,—этого не надо забывать,—полезность и предельная полезность денег, о которых отдельный субъект думает при своих расходах, имеют своею *предпосылкою, что денежная цена благ представляет известную и данную величину*. Ошибки и неразрешимые противоречия начинаются тогда, когда цену благ, которая дана до обсуждения предельной полезности, хотят вывести из последней.

Наконец, о предельной полезности денежной единицы можно говорить в *двояком* смысле. Во-первых, по отношению к *вполне определенному* виду потребностей, который должен быть удовлетворен при помощи затраты денег. Последняя, относительно менее настоятельная потребность данного вида, которая еще удовлетворяется затратою денежной единицы, дает предельную полезность этой единицы, т.-е. денежной единицы, затраченной на удовлетворение данной конкретной потребности. До сих пор предельная полезность денежной единицы понималась в таком конкретном смысле. С другой стороны, можно отвлечься от различных видов потребностей, на которые расходуются деньги, и признать, что менее настоятельная потребность вообще, которую субъект еще удовлетворяет затратою денежной единицы, определяет предельную полезность, которую денежная единица вообще представляет для субъекта. Здесь понятие предельной полезности денежной единицы формулируется в самом общем виде, безотносительно к определенному и данному виду потребностей. С этой точки зрения, можно сказать, что предельная полезность денежной единицы должна быть различная в зависимости от размера доходов субъекта: чем доходы меньше, тем она выше; чем они больше, тем предельная полезность ниже. Это, конечно, верно. Для рабочего пятьдесят пфеннигов представляют нечто совсем другое, чем для рантье. Причина этого ясна: доходы рабочего могут удовлетворять его потребности лишь весьма недостаточно, доходы же рантье удовлетворяют его потребности сравнительно полно. Последняя

относительно менее настоятельная потребность, которую рабочий удовлетворяет 50 пфеннигами, имеет для него гораздо большее значение, чем менее настоятельная потребность, которую рантье удовлетворяет затратою той же суммы. Этого никто не оспаривал. Но отсюда вытекает лишь, что рабочий будет покупать себе другие средства потребления, чем рантье, что вследствие неравенства своих доходов они различным образом распределят и затратят свои деньги. Рабочий ограничит свои потребности и потому купит более дешевые товары, рантье же, который может позволить себе это, купит более дорогие товары. Но этот самоочевидный факт совершенно не годится для объяснения меновой стоимости товаров и образования цен. Ведь всякому ясно, что требуемые рабочим товары не потому дешевы, что рабочий покупает их, а наоборот: рабочий требует товары данного рода именно потому, что они дешевы. Их меньшая меновая стоимость или их дешевизна определяется отнюдь не личными отношениями покупающего потребителя, а относительно меньшим количеством труда, при помощи которого они могут быть произведены. Великое открытие, что данная денежная единица представляет бо́льшую или меньшую предельную полезность в зависимости от размера денежных доходов ее владельца, столь же верно, как самоочевидно и бесполезно для объяснения явления меновой стоимости.

Итак, оценивая и распределяя свои деньги, субъект, действительно, имеет в виду предельную полезность. Из этого простого факта, совершенно безразличного для определения меновой стоимости, проистекает иллюзия, которая на поверхностный взгляд делает правдоподобным объяснение величины меновой стоимости из принципа предельной полезности; таково обычное, действующее на заднем плане qui pro quo, создавшее славу теории предельной полезности, вся психология которой нигде не поднимается выше односторонней точки зрения потребителя. Свою способность к абстракции эта теория проявляет в абстрагировании от всех существенных психологических факторов, которые лежат вне односторонней точки зрения потребителя и в действительности должны нормировать меновую стоимость благ. Если обратить внимание на эти факторы, то обнаружится, что существование объективного закона стоимости не только возможно, но и необходимо. Этот объективный закон, который сторонники психологи-

ческой школы считают предрассудком и пытаются заклинать философскими истинами психологии, выходит из борьбы еще более укрепленным. Первою и важнейшею задачею экономической науки остается по-прежнему исследование этого объективного закона стоимости, регулирующего образование цен не в простом, а в капиталистическом товарном производстве. После смерти Рикардо один только человек сделал многое для разрешения этой великой задачи: это был Маркс. То обстоятельство, что аргументация психологической школы направлена именно против Маркса, не делает ее, конечно, более правильною, но, пожалуй, немало повышает, согласно психологическому принципу оценки, предельную полезность этой аргументации и, следовательно, ее субъективную и рыночную ценность.

И. Г. [1]).

Экономические фокусы.

(Бем-Баверкиада).

Евгений фон Бем-Баверк состоит профессором Венского университета и советником австро-венгерского министерства.

Евгений фон Бем-Баверк написал двухтомное сочинение, озаглавленное «Капитал и прибыль».

Как можно было ожидать, его произведение начинается критикой до сих пор существовавших теорий прибыли, и, как этого так же можно было ожидать, эта критика вышла довольно длинной: она обнимает весь первый том. В этом критическом томе Евгений фон-Бем-Баверк, само собою разумеется, приходит к заключению, что все до сих пор существовавшие объяснения прибыли были никуда негодны и бесполезны, и обещает дать во втором томе новое оригинальное решение проблемы.

Второй том, действительно, появился через несколько лет после первого, и теперь мы имеем перед собою его собственную теорию, изложенную в изящном томике, обнимающем приблизительно 450 страниц.

Мы намерены подвергнуть эту теорию критике. В заключение своей критики социалистической теории прибыли Бем-Баверк говорит: «Социалисты, как критики, дельны, но, как догматики, они чрезвычайно слабы. К этому убеждению мир пришел бы давно, если бы их противники обладали таким острым и метким пером, как Лассаль, и таким беспощадным, как Маркс» (т. I, стр. 446).

Теперь, однако, дело обстоит иначе. Теперь выступает сам Бем-Баверк, объединяя в своем лице и Лассаля и Маркса.

---

[1]) «Neue Zeit» 1891/92. B. I.

Да, это Маркс и Лассаль, и профессор и советник министерства. Этого, пожалуй, слишком много для одного человека. Но посмотрим, что преподносит нам Бем-Баверк!

Мы пока рассмотрим его, как догматика, оставляя за собою возможность разобрать его, как критика.

Мы дадим пока изложение его системы, а затем подвергнем ее критике.

I. Манипуляции.

Motto — «Никакого колдовства, только ловкость рук».

В основе теории прибыли Бем-Баверка лежит особая теория ценности. Мы должны сперва познакомить читателя с последней для того, чтобы оценить по достоинству первую. Мы сделаем это кратко и охарактеризуем ее в нескольких словах, чтобы скорей добраться до венца творения — до объяснения чудесного исчезновения продукта труда из рук рабочих и его появления в элегантной денежной форме в карманах капиталистов.

Ценностью Бем-Баверк обозначает «то значение, которое благо или комплекс благ приобретает для благополучия субъекта, как условие удовлетворения потребности, невозможного без этого блага или комплекса благ» (т. II, стр. 143). Это определение ценности не следует, однако, смешивать с тем, что обыкновенно обозначается, как «потребительская ценность». Здесь принимается во внимание не физическое свойство блага, благодаря которому оно может служить хозяйственным потребностям.

Эти физические свойства блага остаются неизменными при всех переменах экономической формы отдельных хозяйств: перец одинаково остер, как при скудном обеде рабочего, так и при лукулловском обеде бонвивана. Однако, не на эти демократические свойства благ обращает свое внимание Бем-Баверк, а на то значение, которое благо приобретает в каждом отдельном случае для каждого отдельного лица. Оставаясь при нашем примере, приходится признать, что перец, по всей вероятности, имеет меньшую прелесть для неизбалованного вкуса рабочего: рабочий придает ему меньшую «ценность», чем богач-гастроном. Имеется, как известно, и немало дели-

катесов, которые совершенно не отвечают вкусу обыкновенно человека, но на которые страшно падки гурманы. Такие предметы, несмотря на их постоянное физическое свойство, в различных случаях имеют различное значение.

Это значение блага, его «ценность» изменяется не только в зависимости от физического и духовного различия хозяйствующих субъектов, но и от различия экономических отношений, соотношения между «потребностями и средствами их удовлетворения. Так как это соотношение индивидуально крайне различно, то «одно и то же благо может обладать для разных лиц совершенно различной субъективной ценностью,—обстоятельство, без которого (по Бем-Баверку) осуществление обмена вообще немыслимо. Таким образом одно и то же количество благ имеет, при одинаковых условиях, для богатого и бедного различную ценность, а именно—для богатого меньшую, нежели для бедного. Так как богатые более снабжены разными видами благ и так как они имеют возможность удовлетворять и наименее важные потребности, то прирост или сокращение возможности удовлетворения потребностей, в зависимости от наличности данного экземпляра благ, здесь маловажно,—в то время как для бедного, удовлетворяющего вообще только насущнейшие потребности, всякому экземпляру присуща громадная полезность» (т. II, стр. 171).

Различные хозяйствующие субъекты, с различной степенью удовлетворения их потребностей, оценивают блага по-разному. Эти различные оценки взаимно сталкиваются на рынке, и в результате коллизии индивидуальных оценок возникает цена. Цена таким образом «с начала до конца является продуктом субъективных оценок» (т. II, стр. 219). Таким образом мы имеем полное право определять цену, как результат сталкивающихся на рынке субъективных оценок товаров и денежных сумм» (т. II, стр. 220).

Такова великолепная теория ценности Бем-Баверка. Для того, чтобы перейти от нее к прибыли, недостает одного промежуточного звена; это — настоящее и будущее в хозяйстве. Благодаря своей многословности (мы потом увидим, чем это объясняется), Бем-Баверк посвящает этому вопросу особую главу в 50 страниц. Нам слишком дорого время читателя, чтобы принести его в жертву словоохотливости Бем-Баверка. Удовлетворимся здесь несколькими строками, так как в дей-

ствительности их вполне достаточно для того, чтобы изложить эту важную материю, «которая, несмотря на свое очевидное величайшее значение, странным образом до сих пор чрезвычайно мало исследована».

Предоставим слово самому Бем-Баверку:

«Мы живем в настоящем, но наша будущность для нас не безразлична: наши разумные желания направлены на продолжительное, охватывающее настоящее и будущее жизненное благополучие» [1]) (т. II, стр. 250).

Таким образом блага в будущем имеют для нас значение, ценность; мы их оцениваем, мы сравниваем эту ценность с ценностью благ настоящего времени. Однако, ценность будущих благ, или будущая ценность благ, или ценность благ в будущем обыкновенно меньше, чем ценность благ настоящего. Это происходит по разным причинам, мы их, однако, можем опустить: достаточно, что это так. «Блага настоящего, как общее правило, более ценны, чем блага будущего того же количества и рода». И в другом месте он пишет: «Так как равнодействующая субъективных оценок определяет объективную меновую ценность, то настоящие блага, как общее правило, имеют более высокую меновую ценность и цену, нежели будущие блага того же рода и количества» (т. II, стр. 248 и 261).

И это все! Это та великая тайна, объяснение которой во всей ее широте было дано одному только Бем-Баверку. Бедное человечество, которое должно было столько времени ждать!

А теория прибыли? Когда мы доберемся до нее? Мы уже стоим в центре этой теории. Неужели? Но, рассуждая во имя логики, — каким же образом? Ведь еще не сказано ничего о производстве, а прибавочная ценность, как и всякое обыкновенное благо, должно быть прежде всего произведено. Конечно, но это не имеет значения. Так хочет Аллах и

---

[1]) Это щеголяние общими местами вообще очень характерно для беспомощности oeconomici vulgaris. Именно потому, что он в своих взглядах устраняет какую бы то ни было систему, он не в состоянии оценить явления в их относительном значении. Если он случайно нападет на что-либо, им до сих пор не замеченное, то ему сейчас же кажется, что он сделал великое открытие. Эти господа похожи на маленьких детей, которые также часто восхищают нас тем, что они придают обыкновеннейшим вещам фантастическое значение.

Бем-Баверк, его пророк. Во всяком случае, мы скоро услышим кое-что и о производстве.

«Естественная разница ценности между настоящими и будущими благами является источником, из которого берет начало всякая прибыль» (т. II, стр. 299). Но как это происходит? Происходит это столь замечательным образом, что с целью объяснения я предоставляю слово самому Бем-Баверку. Вот перо, чернила и писчая бумага!

Пусть идеи Бем-Баверка найдут на ней верное отражение, тем не менее, я не отвечаю за изобретение, и если на ней отразится рожа, пусть Бем-Баверк пеняет на Бем-Баверка!

Несколько слов в качестве вступления. Имеются на свете совершенно особенные блага, называемые благами отдаленного порядка, vulgo производительные блага, сюда же относится и труд. Далее:

«Блага отдаленного порядка, хотя и являются физически существующими, но по своей хозяйственной природе относятся к товарам будущего. Они не пригодны для удовлетворения потребностей и для того, чтобы стать пригодными, нуждаются в преобразовании их в потребительные блага, а так как этот процесс преобразования, конечно, требует времени, то они могут служить только для удовлетворения потребностей какого-либо будущего периода, а именно, по крайней мере, по прошествии промежутка времени, необходимого для преобразования блага в процессе производства. Например, семена, удобрения, земледельческие орудия, труд и т. д., которые не раньше, чем через год превратятся в конечный потребительный продукт—хлеб, могут, конечно, удовлетворять только потребностям питания будущего года. Вследствие этого блага отдаленного порядка, которыми мы располагаем в настоящее время, равняются в этом смысле потребительным благам будущего. Их польза—польза будущего. Они—«товары будущего». Само собою разумеется, это обстоятельство не может не оказать глубокого влияния на установление их ценности» (т. II, стр. 316).

«*Производительные средства, если они сравниваются с благами настоящего, имеют меньшую ценность, чем то количество окончательных, пригодных для потребления продуктов,*

которое можно при их помощи получить» [1]). «Группа производительных средств, которая производит в течение года 100 центнеров хлеба, равна в своей ценности 100 центнерам хлеба *будущего* года и—подобно последнему—только 95 центнерам хлеба *настоящего* года. Если перевести это на форму денежного хозяйства и предположить, что в будущем году центнер хлеба будет стоить 10 гульденов, то получим: наша группа производительных средств, которая в будущем году доставит нам денежный доход в 1000 гульденов, имеет ценность 1000 будущих и лишь 950 настоящих гульденов. Если же они покупаются или обмениваются *теперь*, при чем, понятно, цена их выражается в деньгах настоящего, то их покупают за меньшее число гульденов, чем какое они доставят в будущем своему собственнику» (т. II, стр. 317).

Что же делают капиталисты (предприниматели)? Эти хитрецы умеют с пользою употребить свои деньги. Они закупают блага отдаленного порядка, средства производства и сырье, инструменты, машины, земельные участки и, главным образом, трудовые услуги, и через процесс производства превращают их в блага первого порядка, в пригодные для потребления продукты. При этом им независимо от вознаграждения за их личное участие в процессе производства, в качестве его руководителей, сотрудников и проч. достается прирост ценности, стоящий в известном отношении к величине вложенного в дело капитала; одни называют его «прибылью на капитал» или «прибылью», другие—«прибавочной ценностью» (том II, стр. 315).

Все ясно! Но Бем-Баверк этим не удовлетворяется. О, Бем-Баверк основательный мыслитель, он не обманывается фразами и видимостью вещей; он хочет исследовать явление вплоть до его корней, до его скрытых зачатков, во всех его модификациях! Бем-Баверк смело, с железною решимостью, ставит один вопрос за другим, и не успокоится до тех пор, пока не вырешит все эти вопросы! И он говорит: «Мы теперь знаем, что предприниматель покупает товары будущего, «производительные средства», за количество благ настоящего, которое меньше количества их будущего дохода. Каким же образом получает он прибыль на капитал? Очень просто.

---

[1]) Курсив повсюду Бем-Баверка.

Конечно, она не получается от «дешевой» покупки; ибо он купил товар дорого, соответственно его теперешней ценности. Прибыль возникает в руках самого предпринимателя. *В течение процесса производства его товар будущего постепенно созревает в товар настоящего и тем самым приобретает полную ценность товара настоящего времени.* Время протекает, наступает будущий год. На великой жизненной сцене все делает шаг вперед; сами люди, их потребности и желания, а с ними и масштаб, которым измеряются блага. Потребности, которые в прошлом году считались грядущими и потому оценивались ниже, вступают в полную силу и в полные права потребностей настоящего, и так же возрастают в своем значении блага, служащие для этих потребностей. Год тому назад это были товары будущего и, как таковые, они подлежали пониженной оценке; теперь это — пригодные для потребления товары настоящего и имеют полную ценность последних. Год тому назад они сравнивались—к своей невыгоде — с «настоящими» благами. Теперь «этот масштаб канул в прошлое, и если люди измеряют их ныне «настоящими» благами, то сами они стоят на равных правах, в одном ряду с этими «настоящими» благами и не страдают от сравнения с ними. Словом, время, по мере своего движения, уничтожает те причины, которые понижали ценность товаров будущего, и придает им полную ценность товаров настоящего времени: этот прирост ценности и есть прибыль на капитал» (т. II, стр. 318).

Теперь самое трудное преодолено, и, повидимому, все сбъяснено как нельзя лучше. Но нет! Не все еще в порядке. Видимо, какой-то злой дух преследует Бем-Баверка в его исследовании и ставит ему все новые препятствия. И на этот раз, когда Бем-Баверк с удовлетворением оглядывается на свою работу и радостно потирает руки, этот злой дух шепчет ему на ухо какое-то возражение, правда, маленькое, не очень существенное, но все же Бем-Баверк—честный ученый и хочет принять во внимание и это возражение. А именно: «для превращения товаров будущего в товары настоящего недостаточно того, что время протекает, что будущее становится настоящим. Сами блага не должны быть оставлены в бездействии. Они, со своей стороны, должны перешагнуть через пропасть, отделяющую их от настоящего, а это про-

исходит только в процессе производства, превращающем их из благ отдаленного порядка в пригодные для потребления окончательные продукты. Если этого не случится и капитал останется без движения, производительные средства останутся по-прежнему товарами будущего с пониженною оценкою. В 1888 году группа производительных средств, при помощи которых можно создать окончательный продукт в течение годичного процесса производства, т.-е. в 1889 году, отстоит от момента потребления на один год. Если они останутся неиспользованными до 1889 года, то окончательный продукт может быть получен не ранее 1890 года, и, следовательно, они по-прежнему отстоят от момента потребления на один год, ценность их не возрастает, и они разделяют известную судьбу «мертвых капиталов»: они не приносят ни прибавочной ценности, ни прибыли» (т. II, стр. 320).

Как видим, можно излагать дело как угодно, — но без производства и труда нельзя обойтись. Однако Бем-Баверка это мало смущает: ведь капиталист оплачивает рабочую силу по полной ее ценности! Покупка (производительных средств и в том числе рабочей силы) совершается не так дешево, как это кажется. Видимость дешевизны происходит большею частью от того, что цену измеряют другим масштабом, чем товар; при большей единице одна и та же величина выразится меньшим числом единиц. Производительные средства или их доход, на который при их покупке рассчитывают, суть товары будущего; цена же выражается и уплачивается в полноценных благах настоящего. Покупка большего числа менее ценных благ будущего за меньшее число полноценных благ настоящего не означает, что покупка совершена «дешево». То обстоятельство, что товары будущего, продаваемые рабочими, имеют меньшую ценность, чем товары настоящего времени, предлагаемые капиталистами, обязано своим возникновением не столько имущественным отношениям, сколько элементарным фактам человеческой природы и техники производства» (т. II, стр. 317).

Теперь Бем-Баверк торжествует, теперь он никого не боится! Где критика? С нею покончено! Он не боится даже «прибавочной ценности» и социалистов!

«Такова правда о прибыли на капитал предпринимателей. Надеюсь, что ее признают достаточно понятною. Социалисты

охотно называют эту прибыль «прибавочной ценностью». Это название более метко, чем сами социалисты даже подозревали. Это буквально прибыль, проистекающая из прироста ценности товаров будущего, превращающихся в руках предпринимателя в товары настоящего, пригодные для потребления» (т. II, стр. 320). Теперь Бем-Баверк может ставить самые страшные вопросы, ему это безразлично! Например, вопрос: «Кто такие капиталисты? Ответ: «Коротко говоря, это купцы, торгующие товарами настоящего времени. Это счастливые собственники запаса благ, в которых они не нуждаются для своего немедленного личного потребления. Поэтому они обменивают их в какой-либо форме на товары будущего, а потом дают последним опять созреть в их руках в полноценные товары настоящего времени» (т. II, стр. 383). «Есть ли в этом что-нибудь предосудительное? Я этого не вижу. Естественно, что настоящие блага представляют более ценный товар, чем будущие; и если собственник более ценного товара обменивает его на большее количество менее ценного товара, то это не более предосудительно, чем если собственник пшеницы обменивает меру пшеницы на большее количество овса или ячменя, или если собственник золота обменивает фунт золота на большее количество железа или меди. Отказ от вознаграждения за более высокую ценность собственного товара представлял бы акт бескорыстия и великодушия, которого мы не можем требовать от всех и которого мы по отношению к другим товарам и не требуем» (т. II, стр. 385).

Теперь Бем-Баверк может сделать уступку и социалистам. По существу, он человек добродушный, и хочет, чтобы все были довольны. Лишь бы это не стоило слишком дорого! Почему же не дать кое-что? Но кое-что не значит все. Как говорит Брентано, «плут дает больше, чем сам имеет». «Нельзя отрицать, что как раз при обмене благ настоящего на блага будущего обстоятельства складываются так, что возможна опасность монополистической эксплоатации неимущих» (т. II, стр. 385). «Так же мало может непредубежденный человек отрицать, что, благодаря побочным обстоятельствам, сопровождающим взимание процента, нередко чувство справедливости возмущается контрастом между прибылью и заслугою» (т. II, стр. 387). «Но что следует отсюда? Только то, что, благодаря побочным обстоятельствам, прибыль на капитал *может* быть

связана с ростовщическою эксплоатациею и социальною несправедливостью; но не доказана негодность ее по существу. Отсюда далее следует, что надо уничтожить эти побочные явления вырождения, но не здоровый ствол: ведь глупо было бы лишать народ избирательных прав вместо того, чтобы принять меры против избирательных злоупотреблений» (т. II, стр. 388).

Наконец перед нами вся теория прибыли. Ее основные принципы изложены нами, большею частью, словами самого Бем-Баверка; в остальном мы старались точно передать их смысл. Конечно, множество деталей пришлось опустить. Но вряд ли сам Бем-Баверк упрекнет нас, что мы опустили существенное; а что касается деталей, то он сам признает свое изложение многословным (см. предисловие ко II тому). Он указывает причины этого; мы полагаем, что тоже знаем одну из этих причин. Повидимому, Бем-Баверка в его работе сопровождало чувство неудовлетворенности и он был на стороже против некоторых своих собственных мыслей. К некоторым деталям нам придется еще вернуться в дальнейшем.

* * *

Эта теория прибыли Бем-Баверка представляет забавное построение, это настоящий фокус.

На сцене стоят капиталист и рабочий. Капиталист богат, владеет средствами производства и проч., рабочий же... беден.

Капиталист. Рабочий, тебе хочется есть?

Рабочий. Да, господин капиталист.

Капиталист. Почему же ты не ешь?

Рабочий. Потому что мне нечего есть, господин капиталист.

Капиталист. Тебе нечего есть? Почему же ты не производишь своим трудом то, в чем ты нуждаешься?

Рабочий. Потому что при помощи одной только рабочей силы, без средств производства, я могу выработать очень мало.

Капиталист. Итак, ты не можешь. Значит, твоя рабочая сила не имеет для тебя никакого значения, никакой ценности; деньги же, напротив, имеют для тебя большую ценность, ибо на них ты можешь купить себе пропитание. Хочешь ли работать для меня? Я заплачу тебе за это.

Рабочий. Весьма охотно, господин капиталист.

Капиталист. Твой труд не имеет для тебя никакого значения; если бы я ничего не дал тебе, я и то оплатил бы твой труд по его полной стоимости в настоящем; но все-таки я тебе кое-что дам. Доволен ли ты этим?

Рабочий. Очень благодарен, господин капиталист.

Капиталист. Итак ты будешь работать для меня.

Рабочий работает, капиталист надзирает.

Бем-Баверк в роли фокусника (обращаясь к публике): «Видите, господа, здесь не было никакого обмана. Капиталист был так великодушен, что уплатил рабочему за его труд больше, чем его полную ценность. Теперь я покрываю их обоих своим плащом. Я жду. пока пройдет некоторое время. Но наблюдайте, господа! Будьте внимательны! Здесь вся штука во времени».

Пауза. Наконец Бем-Баверк снимает плащ. Рабочий беден по-прежнему, возле капиталиста собраны несметные богатства.

Бем-Баверк (напыщенно):

«Так действует время, господа. Если б я ждал подольше, капиталист еще более разбогател бы».

Конец.

Конечно, дорогой читатель, ты не раз видал фокусников. Здесь нет колдовства, а только ловкость рук.

II. Как это делается.

«И там как раз, где смысл искать напрасно, там слово может горю пособить». (Гете, «Фауст»).

«Они покупают блага более отдаленного порядка, как например, сырье и др., а, главным образом, *трудовые услуги* [1]) (Arbeitsleistungen) и платят за эти блага их настоящую ценность».

Но что же понимается под настоящею ценностью трудовых услуг? Может быть, под этим названием Бем-Баверк разумеет, в согласии с Марксом, ценность рабочей силы, в противоположность утилизации ее в капиталистическом производстве? Ни в коем случае! Бем-Баверк, конечно, ответит нам: я не признаю никакой разницы между рабочей силой,

[1]) Курсив Бем-Баверка.

как товаром, и трудом, как субстанцией ценности. То, что я подразумеваю, совсем не то: это—ценность полезного эффекта труда, и притом, в данном случае—полезного эффекта, доставляемого в настоящем.

Полезный эффект труда в настоящем,—что это должно обозначать? Это та польза, которую рабочий может извлечь из применения своей рабочей силы, это—та ценность, которую имеет для него его труд. Ценность, которую труд имеет для рабочего. Польза, которую он из него извлекает. Но может ли неимущий рабочий, пролетарий, извлечь из своей рабочей силы другую пользу, чем только продать ее капиталисту? Стало-быть, для рабочего эта польза, эта ценность, как называет ее Бем-Баверк, есть с самого начала то, что ему платит капиталист. Не д лжны ли мы вместе с Марксом признать, что ценность рабочей силы, как и «всякого другого товара, определяется количеством рабочего времени, необходимым для производства или воспроизводства данного товара»? Но нет, Бем-Баверк решительно отвергает это: Что вы все пристаете с Марксом? Я не хочу иметь дела с Марксом. Неверно, что неимущие рабочие не могут самостоятельно производить. У них остается еще возможность заняться «моментальным производством без помощи капитала» [1]).

«Моментальное производство без капитала»—это хитроумный фокус! Бем-Баверк заслужил лавровый венок. Он сделал то, что до него не удавалось никому, кроме, конечно, блаженной памяти Сэя и Бастиа. Кто это говорит об экономически зависимых наемных рабочих? Таких нет, а имеются только самостоятельные производители. Кто это говорит о недостатке работы, о безработице? Этого не бывает. Рабочий всегда работает, но, в одном случае, это—производство капиталистическое, а в другом—«моментальное, без помощи капитала». Если рабочий предпочитает первое, то происходит это в силу тех же внутренних побуждений, но не потому, что у него нет второго исхода. Кто это говорит, что иногда рабочий ничего не зарабатывает, а именно,—в разные сезоны в

---

[1]) «Напротив, *неимущие* рабочие, которые на свой счет могут вести лишь *моментальное производство без капитала*, с еженедельным доходом в $2^1/_2$ флорина, предпочтут продавать свой труд по цене не ниже $2^1/_2$ флоринов» (т. II, стр. 332). Курсив мой.

отдельных профессиях и повсюду во время кризисов? Если рабочий ничего не зарабатывает, то причиною тому его лень или чрезмерная требовательность, ибо он всегда имеет возможность заработать при помощи «моментального производства без капитала». Как остроумно! Правда, не существует средств потребления, которые можно было бы купить без денег. Но почему же нет! По Бем-Баверку, все возможно. Я убежден, что для него не существует дураков, а есть только люди «без мысли». После этого пусть кто-нибудь осмелится сказать, что сочинение Бем-Баверка не есть гениальное произведение!

Из ничего ничего нельзя создать. Нет больше чудес. Чудеса ныне делают только фокусники. Конечно, и здесь «нет колдовства, а только ловкость рук», и пока Бем-Баверк нам не докажет, каким образом рабочий, не имея сырья, средств производства, создаст какую-либо ценность, или каким образом рабочий, не создавая своим трудом какого-либо продукта, оценивает по этому воображаемому продукту свой труд,—мы принуждены будем повторять, что его выводы—экономические фокусы.

Ценность труда для рабочего в настоящем—фикция. В лучшем случае можно говорить о ней, как о математической величине, равной нулю; но то, что создает рабочий при помощи своей рабочей силы, есть нечто весьма осязательное; ибо товары осязательны даже в своей идеальной форме в деньгах.

Как это происходит? Как совершается это чудесное явление? Мы видели, что, по Бем-Баверку, это происходит очень просто: капиталист покупает сырье, средства производства, трудовые услуги (рабочую силу), все это смешивает и выжидает некоторое время. В конце производства получаются блага, притом более высокой общей стоимости, чем те, которые капиталист пустил в оборот. Господин Бем-Баверк, что же вы скажете? Подумайте! Не значит ли это, что предприниматель покупает дешево рабочую силу, заставляет ее производить ценности, а потом прикарманивает себе созданный рабочей силой излишек? Но нет, возразит Бем-Баверк: как плохо вы меня поняли! По-моему, не один только труд создает блага, но возникновение новых благ является результатом совместного действия всех производственных факторов. Например, мера зерна является результатом деятельности

солнечных лучей и плуга, а не каждого из этих факторов в отдельности. Что же касается более высокой ценности этих благ, то она возникает из превращения будущего в настоящее, а не потому, что эти блага содержат труд. Вы правы, господин Бем-Баверк, так это выходит по вашей теории. Природа и труд вместе создают блага, между тем как время высиживает их ценность.

Природа и труд, или, выражаясь иначе: воздействие природы и труда, так как в то время, как труд обозначает деяние, деятельность, воздействие, слово «природа» обозначает предмет,—следовательно: воздействие природы и труда. Но на чем же покоится разница между ними обоими? Разве труд не воздействие природы? Что такое труд? Это—человеческая деятельность, приведение в действие человеческих органов, и так как человек такое же создание природы, как и всякое другое, то и функции его органов являются не чем другим, как явлением природы, воздействием природы. Но труд представляет действие, направленное к определенной цели. Конечно, поскольку он сопровождается мышлением. Но и мышление не есть нечто, стоящее над природой,—оно тоже является результатом естественных сцеплений и комбинаций. Труд является воздействием природы, и это иначе быть не может, если мы под понятием природы разумеем вообще все, что в ней есть и происходит.

Если же, однако, проводить различие между воздействиями природы и трудом, то это не противопоставление гетерогенных явлений, а выделение одной группы явлений из общей их массы. Что дает нам право на такое выделение? Ответ на этот вопрос будет различным, в зависимости от той точки зрения, которой мы придерживаемся, от той отрасли науки, которой он касается. Мы здесь имеем дело с политической экономией, и потому ответ должен быть политико-экономическим. Всякий экономист должен себе уяснить, что разница между воздействием природы и трудом не дана природою, но создана им самим для научных целей.

Таким образом почему же необходимо в политической экономии проводить различие между воздействием природы и трудом? Этот вопрос, заслуживающий специального обсуждения, не может быть здесь нами подробно разобран. Мы ограничиваемся здесь прямым ответом на вопрос, т.-е. даем

только окончательный результат нашей мысли, без посредствующих логических звеньев.

I. Труд это—затрата жизненных сил, так как он состоит из нервной и мускульной деятельности. Прочим, воздействиям природы человек противостоит бесчувственный и безучастный; иначе обстоит дело при воздействиях природы, именуемых «трудом»: если и к первым человек относится «хозяйственным» образом, то тем белее к последним.

II. Но труд является тратой жизненной энергии и в другом, более важном отношении. Труд состоит из мускульной и нервной деятельности; из чего же состоит жизнь? Тоже из нервной и мускульной деятельности. Однако, жизнь есть нечто большее, чем только деятельность. Жизнь это—деятельность без принуждения; жизнь, это—деятельность ради нее самой. Если труд должен быть жизнью, то он должен быть свободно избранным, свободно и охотно совершаемым трудом. Таковым в настоящее время труд в большинстве случаев не является, и таким образом между жизнью и трудом образуется непроходимая пропасть; если жизнь и труд разнятся между собою, то, хотя они представляют одну и ту же деятельность органов, они исключают друг друга: время, которое тратится на труд, потеряно для жизни. Но так как человеческая жизнь ограничена определенным временем, то эта потеря представляет для человека пожертвование самою жизнью, и притом тем большее, чем больше оно продолжается [1]).

---

[1]) Наиболее, очевидно, противоречие между трудом и жизнью у раба; однако вряд ли меньшим является это противоречие у современного наемного рабочего, ибо наемный рабочий не выбирает свой труд свободно и не совершает его свободно, ибо он не контролирует своего труда, ибо он, может быть, не имеет понятия о конечной форме объекта своего труда, о его цели и пользе, ибо он равнодушно противопоставляет себя этой цели и этой пользе, ибо созданное им не идет в его пользу, ибо, одним словом, он превратился на фабрике в машину, функционирующую без воли и сознания.

Для обоих труд не есть жизнь, для обоих жизнь проходит в труде. Разница между обоими заключается в том, что в то время, как превращение жизни раба в ненавистный труд совершается по распоряжению чужой субъективной силы, наемный рабочий достигает этого результата путем как бы свободного выбора. Он стремится жить и кончает тем, что всю свою жизнь «работает».

Жизнь раба, т.-е. все его духовные и физические проявления, принадлежат его господину. Но так как жизнь можно превратить в труд, то

III. Однако, гораздо большее значение имеет третья причина, к рассмотрению которой мы и переходим. Первые две причины субъективны, подвергаются влиянию внешних обстоятельств, они исторически созданы и исторически преходящи; эта же причина покоится на объективной необходимости; она лежит в самой природе человеческого хозяйства, она отличается всеобщностью, она была всегда и должна навсегда остаться. Эту причину можно было бы формулировать таким образом:

Труд представляет собою единственный элемент в производстве, находящийся всецело во власти человека, и труд является единственным направляющим элементом в производстве.

То, что вне человека, с трудом подчиняется его власти; напротив, свою рабочую силу человек всегда имеет в своей власти.

А потому в народном хозяйстве (в данное время) все остальные воздействия природы могут рассматриваться как почти постоянный элемент производства, а труд—как нечто подвижное, как нечто такое, что можно по усмотрению

господин сохраняет своему рабу жизнь и заставляет его трудиться, но, конечно, для него, для господина; и так как, с другой стороны, человеческое существование невозможно без пищи, одежды и пр., то господин одевает, кормит своего раба, он поддерживает его жизнь для того, чтобы он работал.

Наемный рабочий принадлежит самому себе. Но он хочет жить, а для того, чтобы иметь возможность жить, нужны съестные продукты, жизненные припасы; он в настоящее время приобретает их, как все вообще товары, за деньги, а деньги он получает только за товары. Но рабочий не имеет объективного товара, а потому он продает, как товар, свою рабочую силу.

Но что такое его рабочая сила? Это—его способность к труду, способность пустить в действие свое тело и свою душу, способность органов к деятельности, к расходованию мозга, нервов и мускулов. И эта способность к труду составляет его жизненное достояние.

Продавши свою рабочую силу, он продает свою жизненную силу; он продает свою жизнь в форме своего труда.

А почему он это делает?

Он продает свою жизнь, чтобы получить деньги, чтобы иметь средства к существованию, чтобы иметь возможность жить.

Он продает свою жизнь, чтобы иметь возможность жить.

И таким образом рабочий класс достигает того, что он живет отдельные мгновенья, а вечно трудится.

повышать до определенного предела, весьма высокого в современном обществе (сравни резервную армию).

Однако, труд является не только подвижным элементом в производстве, но является и единственно направляющим. Он ставит производству задачи, он превращает простые воздействия природы в производство, ибо он впервые и только он дает этим воздействиям задачу и цель; и во многих случаях только благодаря влиянию труда они приходят в действие.

Труд господствует над производством: он руководит им, и при данном состоянии средств производства величина достигаемых им результатов исключительно зависит от труда [1]).

Рассмотрим это последнее поближе.

Чем продолжительнее производство, тем больше результаты производства.

Под продолжительностью производства подразумевается приведение в действие в течение определенного времени средств производства и человеческих органов. Время, в продолжение которого действуют средства производства, не всегда совпадает с тем, когда действуют человеческие органы.

Машина, раз пущенная в ход, действует в течение определенного премежутка времени, несмотря на то, что руки, приведшие ее в движение, уже бездействуют. В единичных случаях продолжительность человеческой деятельности в производстве зависит от особого характера средств производства и подлежащего выработке продукта; вообще же продолжительность функционирования средств производства опре-

---

[1]) Я говорю: «при данном состоянии средств производства», так как человек, создавая искусственные средства производства, создает тем самым во внешней природе подвижный фактор производства, т.-е. такой, который по желанию может быть увеличен. Это делает явление более сложным, но не меняет его характера. Ведь являются же капиталы («капиталы» в буржуазно-экономическом смысле, т.-е. созданные человеком средства производства в противоположность тем, которые даны природою) только результатом более длительного и краткого процесса производства, следовательно, результатом человеческого труда. Их рост всецело зависит от общественного труда, они являются последствием его, как продукт его. Их усовершенствование и расширение может быть только следствием расширения общественно-применяемого количества труда, будь это расширение абсолютное или относительное, т.-е. расширение в отдельных отраслях за счет других. Поэтому в каждый данный момент дано и состояние этих средств производства.

деляется продолжительностью деятельности человеческих органов, при чем эта человеческая деятельность мыслится не как нечто непрерывное, но как время от времени возобновляемое: ибо, если даже предолжительность повторяющегося каждый раз функционирования средств производства определяется их собственным характером или целью производства, то повторение и продолжение процесса производства все-таки еще зависит от человеческого труда, тем самым от этого зависит и общая продолжительность производства. Однако продолжительность и масса человеческого труда являются равнозначущими понятиями [1]), так как масса труда измеряется его продолжительностью.

Тысяча человек, работающих день, и человек, работающий тысячу дней, образует одно и то же количеетво труда, именно: тысячу рабочих дней.

А потому возможно было бы сказать: продолжительность производства прямо пропорциональна затраченному труду; так как от продолжительности производства зависит величина результатов производства, то мы во втором ряду можем далее сказать: величина достигнутого или достигаемого производством хозяйственного результата прямо пропорциональна массе затраченного или затрачиваемого человеческого труда, само собою разумеется, при неизменности всех остальных усилий, каковы: влияние природы, средства производства и т. п.—или, выражаясь словами Маркса, при данной производительной силе труда хозяйственный результат прямо пропорционален количеству труда.

Отсюда далее следует, что в каждый данный момент величина производственных результатов, которых данный народ может достигнуть, прямо зависит от количества рабочей силы, которою он располагает; и если мы представим себе такой случай, при котором отдельные личности или отдельный класс народа владеют средствами производства, то величина производственных результатов, достигаемых этими лицами или этим классом, зависит от количества рабочей силы или рабочих сил, которые они могут затратить производительно.

---

[1]) Это отнюдь не значит, что на практике можно всегда заменить продолжительность массою.

Это попутно. После этого уклонения мы можем вернуться в более серьезную область, к нашему жизнерадостному герою. Мы его оставили в тот момент, когда он, загнанный в тупик, призвал природу во спасение прав капиталиста на прибыль, совершенно забыв, что он намеревался преподнести нечто новое, а не пережевывать старое.

Теперь нам нетрудно будет дать ему ответ.

Этот ответ гласит:

Что природа является непременным условием производства, это—обстоятельство, с которым человечество считается. Однако, природа не является субъектом, которому чем-либо обязан человек.

Природа окружает человека со всеми ее хорошими и дурными (для него) влияниями и заключает его самого в себе. Таким образом человек внутренне связан с явлениями природы, он не может стать над нею, он не может избавиться от нее, а потому его деятельность мыслима только в природе и посредством нее. Человек, однако, сознательное существо, и, как таковое, он переживает страданья и заботы, боли и мученья, усталость и отдых, как таковое он имеет задачи и желанья,—поэтому он смотрит на свой труд с особой точки зрения, а именно с точки зрения жертвования жизненных сил; напротив, природа является для него конгломератом внешних влияний, к которым он должен приноровиться или которые он стремится подчинить себе. И наоборот, человек для природы тоже не является особым излюбленным существом. Для природы нет различий: безжалостно и безучастно совершаются ее законы, так как она не знает чувствующих субъектов, а только объекты, которые вступают с другими объектами в разные комбинации, причем из этих комбинаций должны произойти определенные действия.

Так, с одинаковой быстротой низвергается горная лавина, безразлично, угрожает ли она на своем пути жилищам и человеческим существам, или же она катится в глубокую пропасть по голым скалам и песчаным холмам. Для того, чтобы использовать силы природы для своей пользы, человек должен дать им соответственное направление: он должен сам, руководя и видоизменяя, проникнуть в нее, а это происходит через посредство труда.

Труд, это—единственное «человеческое» в производстве, и, с своей человеческой точки зрения, человек видит в произведенных благах только то, что он сам создал: свое собственное произведение, свой «овеществленный труд». В этом именно смысле говорят, что человек оценивает созданные блага по количеству труда, вложенного в них.

Идея участия земельных угодий и средств производства в производстве благ, как она понимается вульгарной политической экономией и применяется ею в науке, логически в высшей степени несостоятельна.

Вся природа рассматривается, как существо живое и сознательное. Если это не так, то каким же образом можно говорить о каких-то ее притязаниях на произведенные блага, в противовес притязаниям рабочих?

И что еще менее разумно, это то, что отожествляют земельные угодья и средства производства с их собственниками-капиталистами. Как будто одно и то же каменный уголь и угольные короли; хлопок, прядильный челнок и т. д. и фабрикант бумажных тканей; животные внутренности и фабрикант струн и т. д. Если это не так, то каким образом прибыль капиталиста выводится из технической функции сил природы?

Нет ничего более ценного, чем процесс извлечения благ. Люди работают определенное время и производят блага. Это происходит при лучших или худших условиях, при применении лучших или худших средств производств. Результатом приложения труда являются продукты: лучшего качества и в большом количестве в первом случае, худшего качества и в меньшем количестве во втором, но в обоих случаях это то, что зависит от человека, от его труда.

Больше, чем свой труд, человек дать не может, как никто не может прыгнуть выше себя. Также капиталисты не могут этого сделать, несмотря на лучшие пожелания их экономистов. Таков процесс создания благ.

Но вот в капиталистическом хозяйстве происходит нечто особенное. Капиталисты, ничего не делающие, получают относительно большую часть в произведенных благах, чем рабочие,—настоящие производители,—как это можно объяснить?

Правильное объяснение, которое можно дать, нас здесь не касается. Но во всяком случае несомненно, что излишек, ко-

торый получают капиталисты, математически выражается в недодаче рабочему следуемой ему доли. И так как блага суть продукты труда этих рабочих, то это значит, что капиталисты присваивают себе чужой труд, или, употребляя уже вошедшее в обиход капиталистического общества выражение, это—«неоплаченный труд».

Таково положение вещей. Не признавать этого—значит обнаружить духовную близорукость.

Но господа именно этого и не желают, и в своем нежелании они совершают массу удивительнейших логических скачков. Так, в одном месте Бем-Баверк глубокомысленно утверждает: если один человек камнем убивает другого человека, то камень подлежит оправданию, а наказанию должен подвергнуться человек. И у того же Бем-Баверка объяснение прибыли капиталистов из сил природы означает, что, если камень подлежит оправданию, то его собственник должен быть наказан. Или другой пример, более подходящий к Бем-Баверку: если один человек топит другого в ручье, а ручей принадлежит третьему лицу, то наказанию подлежит не только совершивший преступление, но и собственник ручья, как собственник сил природы, которая при этом оказывала содействие, и притом последний должен понести более тяжелое наказание, нежели первый. Аналогия: если рабочие производят продукты, то продукты принадлежат не им, а собственникам сил природы, содействовавших при этом.

Таким образом мы видим... но тут прерывает нас Бем-Баверк. Он еще не удовлетворен, у него есть еще возражения. Допустим, что я прав, рассматривая, с народно-хозяйственной точки зрения, труд как единственный фактор производства; однако, я могу этим объяснить лишь прирост благ, думает Бем-Баверк, но не прирост ценности. Последняя остается продуктом представляемого будущего, так что, в сущности говоря, ей дела нет до труда и рабочего и она растет вместе с удлинением производства.

Ах, снова старая материя! Разве вы не видите, что и эта отнюдь вас не спасет? Я вовсе не желаю пускаться в спор относительно вашей теории ценности, это завело бы нас слишком далеко, так как вульгарная экономия настолько перепутала понятия ценности и цены, что приходится начи-

нать с Адама, чтобы разъяснить этим господам их собственную точку зрения и настоящее положение вещей.

Но это и не нужно, так как, даже допуская, что их теория ценности, ничего общего не имеющая с действительностью, верна, это все-таки не меняет положения вещей.

От чего бы ни проистекал прирост ценности, труд всегда остается тем, что люди тратят для того, чтобы этот прирост имел место, а потому все, что присваивают себе, не работая, капиталисты, это—неоплаченный труд, и он постольку является неоплаченным трудом, поскольку создана была масса благ, выпадающая на долю нетрудящегося капиталиста.

Что не может быть доказано ценностью настоящего и ценностью будущего? Если кто-либо посредством угроз и насилия отнимает у другого его деньги, что это такое? Грабеж? Нет, должен был бы сказать Бем-Баверек, это—только правомерный обмен: грабитель предпочитает настоящую ценность денег будущему спасению души, а ограбленный предпочитает будущую пользу сохранения жизни значению его денег в настоящем.

Раньше говорили: «Свободный договор».

Теперь надо говорить: «Свободный обмен».

Как будто можно пустыми фразами устранить сущность экономических фактов!

III. Фетишисты и метафизики.

Бем-Баверк — способный писатель, Бем-Баверк — тонкий мыслитель. Он прекрасно умеет строить свои отдельные мысли. О единичном он имеет ясное и изящное представление; он может захватить читателя и способен убедить его. Он ловко оперирует аналогиями, и ему не чуждо также изящное искусство образных представлений. Во многих местах, главным образом, в I томе, он обнаруживает значительную способность абстрактного разбора понятий.

Но все-таки работа его мысли приводит его к удивительнейшим утверждениям и умозаключениям.

Отчего это происходит?

Это происходит от того ложного принципиального представления, которое господствует над всем его позитивно-экономическим мышлением.

Принципы вообще своеобразная вещь. Они руководят духом, они допускают движение мысли только в пределах ими установленных границ и ими предначертанного направления. Они надевают очки на глаза наблюдателя и заставляют его глядеть на мир сквозь цветное стекло; многое они покрывают густейшим туманом, другое они помещают в ярчайший солнечный свет. Однако, с другой стороны, без принципов невозможно никакое цельное мировоззрение: теряется объединяющий элемент явлений, все разъединяется, из системы создается хаос разнородных вещей, и даже единичное делается непонятным, так как оно прорвано и искажено. Без принципиальной точки зрения невозможно научное мышление, а также никакая сознательная политическая деятельность.

А потому исследователь обязан прежде всего строго продумать свою собственную точку зрения и ясно ее формулировать.

Не все поступают так; однако же, у каждого исследователя в научном творчестве обнаруживается его принципиальное мировоззрение; если оно не осознано и не определено, то тем хуже для него.

Собственно задачу критики составляет — не только обнаружить отдельные недостатки разбираемого сочинения, но найти общую, если таковая имеется, причину.

Этот труд мы предпримем и относительно Бем-Баверка.

Именно потому, что он является мыслящим писателем, и ошибки его имеют общий источник. Этим источником является, как было уже замечено, его принципиальная точка зрения, с которой он рассматривает народно-хозяйственные явления. Сознает ли он эту точку зрения, нас не касается, однако, она явствует из всего его изложения, и не менее ясна связь ее с ранее указанными ошибками. Впрочем, его общий политико-экономический образ мышления не является чем-либо индивидуальным, ему только свойственным.

Это—нечто свойственное целому политико-экономическому направлению, которое Маркс назвал именем вульгарной экономии.

Как известно, «Капитал» Маркса содержит во многих местах прекрасные литературно-критические очерки. Классическим способом рисует он иногда в нескольких фразах, в какомлибо замечании, в одной картине целое научное направление

или научную систему во всей ее философской связи, разоблачая ее до конца. Это—лучи света, которые ярко и ясно освещают темные закоулки и сбивчивые пути заблуждений политико-экономического мышления, и кого застигнет такой луч, тот разоблачен навсегда. К одному такому месту мы и хотим приурочить наш дальнейший разбор.

Последний отдел 1 главы I тома «Капитала» носит совсем особенное название: «Товарный фетишизм и его тайна». Фетишизмом называется обожествление предметов. Для того, чтобы быть обожествленными, вещи должны быть, однако, олицетворенными, должны мыслиться, как обладающие волей.

И, подобно тому, как дикари объясняют себе естественные явления самими этими явлениями, т.-е. внутри них живущей волей, так поступают и буржуазные экономисты, когда они стоят перед производством товаров и товарным обменом, перед запутанными и затуманенными экономическими отношениями капиталистического общества. Эти экономические отношения являются среди них тем, что они есть, т.-е. они их берут так, как они их видят [1]).

Что же они, однако, видят?—Что же они могут видеть?

Они видят мир товаров в его своеобразном движении, они видят собственников этих товаров, подчиненных движению этого мира товаров, этой «жизни» товаров. Каждый товар в отдельноети представляет нечто несовершенное, нечто такое, что еще должно проделать определенные превращения; он существует для того, чтобы быть проданным, чтобы превратиться в деньги. Но и деньги не «удовлетворяются сами собой»: они существуют для того, чтобы на них покупать, чтобы превратиться в товары. Собственники же товаров, повидимому, увлечены этими отношениями между товарами и деньгами, деньгами и товарами, взаимными отношениями товаров между собою. Собственника товаров товары как таковые не удовлетворяют: он должен их продавать, чтобы иметь возможность жить.

---

[1]) «Поэтому последним (производителям) общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что они представляют на самом деле, т.-е. не непосредственно общественными отношениями самих лиц и их работ, а напротив—вещественными отношениями лиц и общественными отношениями вещей (Маркс, «Капитал», 4 изд., стр. 39, перевод под редакцией Степанова и Базарова).

Быть проданным является специфической функцией товаров, покупать—специфическая функция денег; товары, вещи кажутся стоящими в непосредственно-общественном отношении между собою, т.-е. осуществляющемся в коллективе, в «массе». Собственники вещей, люди стоят, напротив, в вещественном отношении между собою, т.-е. в посредственном отношении, которое зависит от отношений и зависимостей, существующих между вещами.

Если подвергнуть положение вещей научному исследованию, то мы придем к резко противоположному результату. «Предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты независимых друг от друга частных работ» (Маркс 1,39).

Таким образом существуют разные отношения между производителями, между лицами, которые превращают их продукты в товары, и этот товарный характер производства придает определенному товару, деньгам, особую функцию—служить (в качестве денег) всеобщим средством обмена. «Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда, как вещественный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы. Поэтому и общественное отношение производителей к их совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей. Вследствие такого quid pro quo продукты труда становятся товарами, вещами сверхчувственными или общественными. Так, следствие воздействия вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, но как объективная форма вещи, находящейся вне глаза. Но при зрительных восприятиях свет действительно отбрасывается одной вещью — внешним предметом, на другую вещь—глаз. Это—физическое отношение между физическими вещами. Между тем товарная форма и то отношение стоимости продуктов труда, в котором она выражается, не имеют решительно ничего общего с физической природой вещей и вытекающими из нее отношениями вещей. Это лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношений между вещами.

Чтобы найти аналогию этому, нам придется забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом.

Такую же роль в мире товаров играют продукты человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, раз только они производятся как товары, и который, следовательно, неразрывно связан со всяким товарным производством («Капитал», стр. 38—39. Перевод под редакцией Степанова и Базарова).

Но какое дело до этого Бем-Баверку? Бем-Баверк не олицетворяет вещей; для него они не имеют собственной воли, собственного движения. Он ищет оснований экономических явлений в людях, а не в вещах.

Однако, как он (под ним я подразумеваю новое направление в вульгарной экономии) недалеко ушел от фетишистов, он только повернулся к ним спиной и имеет перед своими глазами другую картину великой панорамы капиталистического общества. Перед ним выступают на авансцене люди и их единичные отношения, но и только единичные отношения; он проглядывает связь их, так как он видит людей рассудительных и выбирающих, надеющихся и ожидающих, желающих и стремящихся, так как он видит их ставящих себе определенные цели и стремящихся к их осуществлению; он видит потери и удачи, ловкие ухищрения и предвосхищение ожидаемых результатов; он видит каждого, борющегося по мере своих сил, напрягающего все свое физическое и духовное существо, чтобы гарантировать себе свое хозяйственное существование,—а потому он полагает, что социально-экономические явления суть только равнодействующая единичных действий отдельных лиц.

Но это ошибка. Не человеческая воля создает общественные отношения, но, наоборот, общественные отношения определяют желанья, стремленья отдельных лиц.

Но как создаются общественные отношения? Последствиями каких причин они являются?

Общество является результатом исторического развития. А что же обусловливает это историческое развитие? Разве не человеческий дух и человеческая воля?

В начале только условия внешней природы влияли на человеческую историю. Впоследствии человек создал себе из труда свой собственный исторический фактор.

С тех пор возможно охватить историческое экономическое развитие в одной формуле: борьба труда против беспорядочных (с точки зрения человеческого хозяйства) воздействий внешней природы.

Человеческий труд является результатом духовной и волевой человеческой деятельности. Таким образом человеческий дух, человеческая воля, преобразовываясь, действуют на общественные состояния, но они делают это бессознательно и непроизвольно, и если даже сознательно, то только в единичном. Общий результат избегает их контроля, их направляющего и упорядочивающего влияния. Совершаются открытия и изобретения, создаются новые экономические условия,—в единичном могут быть осознаны человеческие деяния. Но из этих открытий и изобретений, из этих вновь созданных экономических условий, происходят новые экономические образования, новые общественные учреждения. Осуществление этих новых общественно-экономических образований необходимо вытекает из изменившихся условий жизни; если существуют эти изменившиеся жизненные условия, то общие социальные отношеиия должны измениться, если бы даже человеческий дух и человеческая воля противодействовали этому. Но как раз, чем больше эти новые условия созревают, тем сильнее они принуждают человеческий дух следовать их развитию; и раз они существуют, то они подчиняют его всецело своей воле. В любой исторический момент общество определяет мышление, желание, деятельность отдельных лиц.

Каждое общество имеет определенную, исторически сложившуюся экономическую структуру. Эта экономическая структура, с одной стороны, ставит людей в определенные отношения к общему обеспечению жизни, т.-е. к добыванию благ, необходимых для удовлетворения общественных жизненных потребностей; с другой стороны, всякий раз имеются только определенные формы экономических отношений отдельных хозяйствующих лиц друг к другу; таким образом экономическая структура наперед определяет узкие границы экономической самостоятельности

каждого отдельного лица, направляет хозяйственную деятельность отдельного лица в определенные рамки, делает его экономическое благосостояние зависимым в общем исключительно от того места, которое он занимает в этой структуре. Так, экономическая структура капиталистического общества покоится на великом экономическом противоречии между капиталом и наемным рабочим. На одной стороне ничем не владеющие носители рабочий силы, создающие общественное богатство, не получающие результатов своего труда в свое свободное распоряжение, но оплачиваемые наперед по определенной системе; на другой стороне капиталисты, нечего не делающие, держащие, однако, в своей власти весь общественный запас благ и весь прирост их—из этих отношений никто из живущих в данный исторический момент вырваться не может: он должен быть тем или другим. И от того, является ли он тем или другим, зависит все его жизненное положение: сколько он работает, сколько он отдыхает, несколько он обеспечен благами, как он живет, как одевается, какие имеет удовольствия, как складывается его семейная жизнь, и даже то, чему он учился и что он знает, на что он надеется и к чему он стремится,— его деятельность, его мышление, вся его жизнь.

Но тот факт, что один является капиталистом, а другой рабочим, не зависит от их свободной воли. Люди не падают с неба, а рождаются и растут здесь, внутри общества. При своем рождении они находят готовую для них клеточку-ячейку, и должны в ней помещаться, вступают в заранее определенные экономические отношения.

Первые впечатления, приобретенные ребенком, являются впечатлениями особого специфического характера, которые возможны только при данных экономических отношениях, только при данном экономическом положении; воспитание, которое он получает, условия его созревания,—короче все его духовное и телесное развитие верный результат тех отношений, среди которых он родился. Когда ребенок становится взрослым, то этот новый человек по своим привычкам, целям и желаньям, вполне подходит к своему общественному положению. Таким образом общество создает человека по своему подобию.

Но общество не только создает человека, оно, как уже было замечено, руководит им всю жизнь. Оно всегда стоит позади людей, внушает им определенные мысли и желанья, дает им определенный язык, заставляет их действовать определенным образом. Кажущаяся свобода деятельности человеческой воли является только свободным движением внутри данных границ и по предначертаному пути.

Однако, все это совершенно ускользает от Бем-Баверка. Вместо того, чтобы вывести деятельность и стремления индивидуума из общественных отношений, он эти общественные отношения объясняет из действий каждого отдельного человека. Это и есть тайная причина всех его ошибок.

Вещи и лица, это две категории, которыми оперирует экономическое исследование. Однако, законы народно-хозяйственных явлений заключаются не в отдельных лицах и не в отдельных вещах, а в тех отношениях, в которых стоят лица друг к другу и к вещам, в экономической структуре общества.

Оба ложных пути: тот, который назван Марксом фетишизмом, и тот, с которым мы познакомились у Бем-Баверка, хотя и расходятся в дальнейшем, происходят из одного источника, а именно из совершенного непонимания экономической структуры, непонимания силы экономических отношений. Если последователи первого направления справедливо называются фетишистами, то вторые являются метафизиками, для которых мир является плодом их собственного духа.

Вместо того, чтобы последовать природе, они копаются в своих собственных уже наличных, непосредственно образованных понятиях и представлениях в наивной вере, что таким образом они доберутся до правильного миропонимания. Но напрасно! Как бы глубоко они ни заглядывали в себя, мира они там не откроют! То, что они могут там найти, это незначительное количество более или менее хорошо усвоенных продуктов окружающей их природы.

Что Бем-Баверк, действительно, совершает принципиальную ошибку, которую мы ставим ему в упрек, об этом вряд ли мы должны здесь писать подробнее после нашего предыдущего разбора.

Для него все экономические явления суть результаты субъективных оценок. Что такое ценность?—Значение, которое единичная личность приписывает благу или комплексу благ. Что такое цена?—Равнодействующая сталкивающихся единичных оценок. Где прирост капитала берет свое основание? В разнице между различными оценками ценности определенных благ со стороны лиц в разное время и т. д. Он ставит вещи головой вниз, а потому к нему применимы слова Карла Маркса, которыми он заключает свою критику экономического фетишизма: «Как не вспомнить тут добряка Догберри, который поучает ночного сторожа Сиколя, что и счастливая наружность—дар обстоятельств, а искусство читать и писать дается самой природою».

Головоломную задачу задает господину Бем-Баверку социалистическое общество. На целых восьми страницах старается он доказать, что и в социалистическом обществе будет иметь место прибыль с капитала (прибавочная ценность). (Не написана ли вся книга для этих восьми страниц?) А именно, так как останется разница между ценностью настоящего и ценностью будущего, то останется также разница этих оценок на веки вечные и т. д.

Напрасны ваши труды, многоуважаемый господин Бем-Баверк! Напрасны, даже с вашей же точки зрения! Для социалистического общества проблема достаточно проста. Для него имеется, с одной стороны, определенный общественный запас благ, который без всякого вреда может быть употреблен для народного хозяйства, с другой стороны—общественные потребности, которые должны быть удовлетворены этим запасом благ,—блага таким образом просто распределяются; но вообще появление этих благ никоим образом не является чем-либо необоснованным, а рассчитывается и определяется заранее.

Да, распределены, говорит Бем-Баверк. Но ведь это против справедливости! «Распределить» здесь значит «между всеми или приблизительно всеми», а, между тем, эти блага высшей ценности, вероятно, произведены относительно незначительной группой рабочих, у которых что-либо отнимается в пользу общества, в пользу других; это значит вместо капиталистов «социалистическое общество (общее хозяйство) кладет прибавочную ценность, как верную прибыль, в карман!» (т. II., стр. 394).

Какой, действительно, преступный образ действий. И не следует ли оплакивать тот факт, что общество кладет себе в карман ту прибавочную ценность, которую оно создало.

Но успокойтесь, господин Бем-Баверк. Это не совсем так, как вы думаете. Вы там говорите о рабочих, которые создали много благ, у которых часть отнимается для других, меньше работавших. Но в социалистическом строе не отдельное лицо создает блага, но их создает совокупность, все общество. Для социалиста все общественное богатство является результатом всей народно-хозяйственной деятельности, оно обусловливается совокупным трудом, имеющим место в экономически-технической организации общества, а потому здесь не может быть речи об особых притязаниях отдельных лиц.

Что же касается принципов, по которым будут распределены добытые блага, то для этого будет выбрано, наверное, нечто более общее и верное, нежели ваши, господин Бем-Баверк, субъективные оценки.

Если вы вспомните, что мы в другом месте говорили относительно народно-хозяйственной характеристики труда, то вы должны будете согласиться, что имеются достаточно веские основания, чтобы выбрать здесь критерием труд.

И, наконец, при преобразовании общества в социалистическую форму дело вовсе не в справедливости. Это значит, что мы, социалисты, стремимся вовсе не к осуществлению каких-либо абсолютных нравственных норм, ибо таких нет; мораль так же относительна, так же подвержена историческим изменениям, как само общество.

Но то, к чему исторический ход событий ведет человечество, и то, чему мы, социалисты, хотим содействовать, это— урегулирование хаотического состояния народного хозяйства, вызывающего бесконечные бедствия и полное экономическое угнетение широких народных масс,—урегулирование, которое возможно только при общественном хозяйстве и которое, как мы это можем предвидеть, при современном состоянии техники должно вести к достаточному экономическому обеспечению каждого отдельного лица.

Однако, вы, для кого экономическая структура ничего из себя не представляет, а воля отдельного лица составляет все, не можете этого понять. Для вас социальный вопрос может быть только вопросом права, а потому вы считаете

социальный вопрос решенным, когда доказали, что капиталист действует вполне закономерно, забирая себе прибавочную ценность.

Мы, однако, видели, что и этот способ доказательств вам совершенно не дается.

Да, закономерно, это значит соответственно теперешним правовым понятиям, правовым понятиям настоящего капиталистического общества. Но кто сомневается в том, что капиталисты от начала до конца действуют правомерно? Иначе их пришлось бы упрятать в тюрьмы. Нет, пока это не имело место, нельзя говорить о беззаконии. И у нас, социалистов, вы найдете наилучшие доказательства тому, что манипуляции господ капиталистов ни в коем случае не нарушают господствующей морали. Да, как раз у Карла Маркса.

Послушайте только, что этот «революционер» говорит о покупке рабочей силы: «Сфера обращения или обмена товаров, в рамках которой осуществляется покупка и продажа рабочей силы, есть истинный эдем прирожденных прав человека. Здесь господствует только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например, рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор, как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воли находят свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу, как товаровладельцы, и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связующая их вместе, это—стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстье, личный интерес.

Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они, в силу предустановленной гармонии вещей или под руководством всехитрейшего провидения, осуществляют лишь свою взаимную выгоду, свою общую пользу, свой общий интерес» («Капитал», I, стр. 138).

И если капиталист купил рабочую силу, то она его собственность, и если она его собственность, то разве он не имеет права поступать с ней так, как ему заблагорассудится?

Я пришел к концу. Труд Бем-Баверка отнюдь не является

особым и необыкновенным явлением на литературном горизонте. Такие критики были и до него, как и будут после него. Если же, однако, мы избрали его объектом критического обследования, то это случилось по двум причинам:

1) потому что вульгарная политическая экономия в последнее время приняла своеобразный характер;

2) потому что Бем-Баверк в этом литературном течении занимает замечательную позицию: он играет там роль взрослого мальчика среди малых детей.

Густав Экштейн.

Четверoякий корень закона недостаточного основания теории предельной полезности [1].

Жил-был некогда человек вдали от всяких торговых путей, в дремучем лесу, и было у него пять мешков зерна.

Звали этого человека Робинзон; но так как он хотел играть роль в современной политической экономии, то он предпочел остаться инкогнито. Собственно говоря, этому человеку не было никакой надобности производить оценку своих запасов; но так как в юности своей он прослушал курс политической экономии в Венском университете, то он знал, что так полагается делать всякому порядочному человеку. Поэтому, сославшись на книгу Бем-Баверка «Kapital und Kapitalzins», том 2-й, стр. 159, он констатировал, что первый мешок удовлетворяет его потребность, равную 10, второй мешок—потребность 8, третий 6, четвертый 4 и последний, наконец, потребность 1.

В согласии с теорией предельной полезности, сторонником которой Робинзон был, он оценил каждый мешок в 1 и таким образом в пяти своих мешках имел стоимость в $5 \times 1 = 5$.

Правда, в свое время он слышал, что всякая субъективная теория стоимости должна отказаться от объяснения временной последовательности хозяйственных явлений, ибо различные потребности вообще сравнимы лишь постольку, поскольку они являются у данного индивидуума одновременно; он, далее, слышал, что всякая относительная теория стоимости не в состоянии объяснить прирост общей стоимости национального достояния; также не было ему неизвестно возражение, что исторические изменения хозяйства вряд ли могут быть выведены из законов потребления, так как ведь потребности по своему

[1] «Neue Zeit» 1901/02, B. II.

существу остались неизменными со времен Адама. Наконец, ему самому казалось всегда странным выводить законы капиталистического общества из психологии отшельника; но подобные общие вопросы не слишком тревожили его, и он не вдавался в такие тонкости. Возможно, что он и не понимал их.

Он следовал здравому человеческому смыслу и гордился этим.

В один прекрасный день Робинзону пришла в голову несчастная мысль пересыпать каждый мешок в два равных мешка, меньшего размера; после этого он вторично произвел расчет стоимости своего имущества. Девятый и десятый маленькие мешки, вместе взятые, должны были удовлетворять ту же потребность, как раньше пятый большой мешок, т.-е. потребность 1. Но раньше каждый предшествующий в ряду мешок имел для удовлетворения потребности бо́льшую стоимость, чем последующий мешок. Поэтому Робинзон оценил девятый мешок в $^2/_3$, а десятый в $^1/_3$ и после этого нашел, что общая стоимость его зерна составляет $10 \times ^1/_3 = 3^1/_3$. Таким образом, на одной только манипуляции пересыпания зерна он потерял стоимость в $1^2/_3$. Робинзона охватил ужас. Правда, он мог по-прежнему не стесняться в еде, но эта история не давала ему покою. Прежде всего он поспешил опять пересыпать оба мешка в один, а затем взял три мешка зерна и мясо зарезанных им домашних животных и отправился в Вену, чтобы попросить объяснения у университетских профессоров.

Там, наконец, он нашел объяснение: оказалось, что он должен рассматривать девятый мешок так, как будто бы у него вовсе не было десятого; тогда этот мешок будет удовлетворять его потребность, например, в $^2/_3$ или в $^5/_8$. Десятый мешок также будет удовлетворять тогда потребность в $^1/_2$. С присоединением десятого мешка, все прежние мешки будут сведены к его ценности, и их общая ценность составит по-прежнему 5, а именно $10 \times ^1/_2$. Робинзон был удовлетворен, но теперь он упрекал себя. Ведь он должен был бы узнать на основании своих потребностей, как именно велика потребность, удовлетворяемая каждым маленьким мешком, и ему казалось странным, что он не заметил немедленно же, что девятый мешок удовлетворяет потребность, например, в $^5/_8$. Что следует понимать под удовлетворением потребности в $^5/_8$, он, конечно, совершенно не понимал, но в этом, очевидно, он сам виноват.

Размышляя таким образом, он заметил человека в порванном платье, который продавал леденцы и, видимо, продрог от холода. Робинзон спросил его, не чувствует ли он потребность в новом костюме, на что тот с большою живостью ответил утвердительно. Робинзон изъявил готовность оказать ему содействие и ввел его в находившийся напротив магазин мужского готового платья, принадлежавший госпоже Анне Б. Подойдя к владелице магазина, он указал на выставленный костюм и спросил: «Какой вашей потребности удовлетворяет этот костюм?» Дама была несколько удивлена и указала Робинзону, что она не носит мужских костюмов и потому не имеет в них никакой потребности. Тогда Робинзон спросил: «А любите ли вы леденцы?», на что владелица магазина, с несколько удивленным видом, ответила утвердительно. «В таком случае,—сказал Робинзон,—дело в шляпе. Дайте этому человеку костюм, а он даст вам два леденца». Владелица магазина и продавец леденцов остались стоять с разинутыми от изумления ртами, Робинзон же горячо продолжал: «Субъективные оценки представляют собою естественный, даже единственно возможный компас наших действий [1]). Соотношение между субъективными оценками товара и денежной суммы, представляющей его цену, безусловно предуказывает каждому покупателю тот предел, до которого он может, с выгодою для себя, надбавлять к цене [2]). Для хозяйствующего субъекта, преследующего свою выгоду, обмен экономически возможен тогда, когда он оценивает приобретаемое благо выше, чем то, которое он сам имеет [3]). Вашему собственному продукту вы придаете незначительную субъективную ценность—собственно говоря, вы не придаете ему даже никакой ценности,—чужому же продукту—сравнительно высокую субъективную ценность; таким образом, здесь вполне имеется налицо благоприятное для осуществления обмена соотношение между обоими противостоящими оценками» [4]).

«Я не вполне поняла,—ответила дама,—то, что вы сказали, но я вообще не желаю менять. Я хочу продать костюм. Он стоит семьдесят марок».

---

[1]) Böhm-Bawerk, Kapital und Kapitalzins, Band II. S. 220.

[2]) Там же, стр. 220.

[3]) Там же, стр. 205.

[4]) Там же, стр. 205.

«Это значит,—сказал Робинзон с видом превосходства,—что вы желаете обменять этот костюм на денежную сумму, представляющую его цену. Какую же вашу потребность удовлетворяют эти деньги?»

«Сами по себе,—ответила дама,—деньги не удовлетворяют никакой потребности, но я могу купить на них все, что угодно».

«Следовательно,—сказал Робинзон,—вы имеете в виду лишь размер субъективной меновой ценности, измеряемой предельною полезностью благ, которые можно купить на эти деньги [1]). Но что же побудит владельцев этих благ обменять их на эти деньги, если сами деньги не удовлетворяют никакой их потребности, за исключением, пожалуй, того, что они представляют нейтральный общий знаменатель для потребностей и ощущений различных субъектов, которые непосредственно не могут быть сравниваемы между собою [2])? Поэтому я полагаю, что вы отлично сделаете, согласившись на предлагаемый мною обмен, ибо в большинстве случаев продаж, производимых производителями и торговцами по профессии, рыночная цена определяется цифрою оценки последнего покупателя [3]), т.-е. того покупателя, который готов дать продавцу такое благо, которое тот субъективно оценивает все еще выше, чем предлагаемое им самим, но которое ниже благ, предлагаемых другими покупателями».

К сожалению, владелица магазина не в состоянии была усвоить эти объяснения. Кроме того, она, видимо, не имела ни малейшего представления о том, какую важную роль приписывает современная политическая экономия ее оценкам потребностей и расчетам ценности для конституирования законов хозяйственной жизни. Таким образом, Робинзон и продавец леденцов вынуждены были удалиться, ничего не добившись.

Робинзон был тем более огорчен этою неудачею, что он не мог объяснить ее себе. Его аргументация отличалась такою ясностью и убедительностью, что он не мог объяснить себе, почему дама не поняла ее. Особенно не мог он объяснить себе, почему она хочет получить именно деньги; ведь субъективная потребительная ценность последних состоит исключительно в их субъективной меновой ценности, последняя же, в свою оче-

---

[1]) Там же, стр. 176.
[2]) Там же, стр. 239.
[3]) Там же, стр. 233.

редь, зависит от предельной полезности благ, которые можно получить за них в обмен [1]), т.-е. от объективной меновой ценности. Последняя же, в свою очередь, есть лишь равнодействующая субъективных оценок. Следовательно, объективная меновая ценность денег проистекает из их субъективной потребительной ценности, последняя состоит в их субъективной меновой ценности, которая, в свою очередь, зависит от их объективной меновой ценности. Этот вывод так же строг и необходим, как известное положение, что бедность происходит от pauvreté.

Погруженный в эти размышления, Робинзон подошел к складу машин, где были выставлены на продажу паровые машины. Он вошел в контору и обратился к владельцу склада: «Какой потребности вашей удовлетворяет паровая машина?» Тот удивленно посмотрел на него. «Как высоко цените вы такую машину?» продолжал Робинзон.

«Двадцать тысяч марок!»

Робинзон: «Откуда взяли вы эту оценку?»

Продавец: «К своим издержкам производства я прибавляю обычный процент, и таким образом получается вышеназванная сумма».

Робинзон: «Это—грубо эмпирический и совершенно ненаучный способ расчета. Я покажу вам, каким образом должны вы оценивать ваши предметы по всем правилам науки».

«Эта машина есть производительное благо или, чтобы выразиться научно, благо более отдаленного порядка. А между тем размер совокупной ценности всех групп производительных средств, последовательно переходящих одна в другую, определяется в последнем счете размером предельной полезности их окончательного продукта, годного к употреблению [2]) и притом ценность,—выражаясь точно,—единицы производительных средств (т.-е. совокупности тех производительных средств, которые употребляются для производства определенного блага или группы благ) определяется предельною полезностью и ценностью того продукта, который имеет наименьшую предельную полезность из всех тех продуктов, на изготовление которых эта единица производительных средств могла бы быть затрачена согласно хозяйственному расчету [3]). Всякий элемент

---

[1]) Там же, стр. 176.

[2]) Там же, стр. 192.

[3]) Там же, стр. 197.

такой единицы производительных средств участвует в этой ценности pro rata parte. Поэтому, если вы хотите правильно оценить свою машину, вы должны прежде всего обратить внимание на то, в каких единицах производительных средств она может быть употреблена. Среди тех окончательных продуктов, которые, согласно хозяйственному расчету, могут быть прямо или косвенно изготовлены или приспособлены к человеческим потребностям с помощью этой машины, вы должны найти тот продукт, который имеет наименьшую предельную полезность. Узнав это, вы должны высчитать, какое участие принимает эта машина в изготовлении соответствующего блага; при этом вам придется иметь в виду закон ценности комплементарных благ, которого я не могу изложить вам в кратком виде, но о котором вы найдете точное объяснение в книге Бем-Баверка о капитале, том 2-й, стр. 179 и след.

Разумеется, я не отрицаю того, что так как почти все блага изготовляются или доставляются с помощью паровой машины, указанный расчет потребует изрядно много времени и затрудняется также тем, что вам ведь неизвестно, чью субъективную оценку придется иметь в виду впоследствии, при оценке благ, которые могли бы быть произведены с помощью этой машины. Но это такие трудности, с которыми торговец должен считаться.

Покончив с этим расчетом, вы должны поставить себе вопрос, не позволяет ли хозяйственный расчет изготовить из тех производительных элементов, из которых составлена эта машина, также и другие блага, которые имели бы меньшую предельную полезность. Ибо подобные блага, благодаря возможности замещения их при помощи производства, оцениваются не по своей собственной предельной полезности, а по предельной полезности наименее ценного родственного (т.-е. изготовленного из тех же производительных элементов) продукта [1]. Так, например, эта паровая машина состоит из железа, стали, камня, дерева, меди и прочих материалов; теперь вопрос будет заключаться в том, какие другие употребления допускают еще эти материалы, и не получает ли тот или иной из этих материалов или некоторые из них, согласно закону предельной полезности, меньшую ценность, которая в таком случае оказала бы обратное влияние на ценность паровой машины. Так,

[1]) Там же, стр. 198.

например, железо не диктует изготовленным из него продуктам свою первоначальную, точно установленную цену, а получает собственную свою цену от цены своих продуктов, на основании великого закона предельной полезности; вследствие этого его наличный запас затрачивается на более доходные употребления и получает свою цену от цифры оценки последнего из них [1]). Но ценность машины, как я уже отметил, зависит от предельной полезности менее ценного родственного продукта».

«Было бы недурно,—возразил торговец машинами,—если бы чувства и потребности всех отдельных индивидуумов были так прозрачны и доступны обозрению, чтобы в любой момент можно было вывести сумму всех имеющихся в народе потребностей в благах каждого сорта, и притом точно расчленив их по степени их абсолютной и относительной интенсивности; если бы для каждого данного размера предложения мы могли бы немедленно узнать соответствующую цифру оценки предельной полезности, которая будет у каждого из покупателей, а также и равнодействующую этих цифр [2]). Но, к сожалению, это совершенно невозможно. Отдельные лица, в своих сознательных хозяйственных действиях, действительно сознают и принимают во внимание ту частицу всего целого, которая специально интересует их, но не общего эффекта, проистекающего из этих частиц для всего целого [3]). Но если бы даже этот расчет был возможен, он нисколько не помог бы поставленной вами цели, ибо, при предложенном вами расчете ценности, речь идет о наименьшей предельной полезности тех продуктов, на производство которых единица производительных средств могла бы быть затрачена *с точки зрения хозяйственного расчета*. Но вопрос о том, в каких именно производствах хозяйственный расчет позволяет применять, например, данную машину, зависит прежде всего от ценности последней, ибо, если эта ценность незначительна, возможности хозяйственного применения для машины гораздо шире (она может, например, вытеснить газовые моторы, водяные двигатели и т. п., в противоположном же случае может быть сама вытеснена другими двигателями). Тем не менее, подобный расчет не был бы бесцельным,

---

1) Там же, стр. 239.

2) Böhm-Bawerk. Einige strittige Fragen der Kapitalstheorie, Wien u. Leipzig. 1900. S. 77.

3) Там же, стр. 71.

и в действительности я, как и всякий другой торговец или производитель, должен делать подобный расчет. Но при этом он служит не установлению ценности, а для того, чтобы узнать возможность реализации наличной ценности; этот расчет не претендует на точность, а делается лишь случайно и приблизительно.

Прежде, например, чем приступить к конструкции подобной машины, я должен высчитать предполагаемые издержки на нее, из которых получается ее ценность. Ибо сама степень заполнения рынка, непосредственно определяющая цену, приспособляется на продолжительное время к издержкам производства [1]). Далее, я должен также оценить, по крайней мере, предположительно, имеется ли для подобной машины, при данной ее цене, достаточная область применения и, следовательно, сбыта. Последняя оценка определяет не ценность машины, а только то, могу ли я вообще изготовлять машину и пускать ее в продажу. Эта оценка становится все более сложною и неверною, поэтому, к сожалению, всякая торговля и даже всякий продукт все более носят на себе печать спекуляции».

«В настоящем случае,—возразил Робинзон,—повторяется то отлично известное знатокам народно-хозяйственного организма явление, что действия людей более мудры и дальновидны, чем мысли действующих лиц. Отдельные действия, предпринимаемые без внимания к целому и руководимые только близоруким собственным интересом, ненамеренно соединяются друг с другом таким образом, что для целого получается отсюда,— не говоря о колебаниях, которые сами друг друга исправляют,—гармонический результат, какого можно было бы ожидать от общего действия, руководимого единым умом и единою волею. Можно сказать: люди сами не знают, что делают, они делают больше, чем знают» [2]).

С этими словами Робинзон удалился. Он был сердит и опечален, что шумный свет так мало понял его взгляды. Он решил вернуться в свою ферму, так как там, вдали от света, теория предельной полезности имела, по крайней мере, бесспорную сферу действия.

После утомительного пути он пришел опять в свой дремучий лес. В своей хижине он нашел оставленные им два мешка зерна

[1]) Там же, стр. 56.

[2]) Там же, стр. 72.

тут же стояла и корова. Одного мешка ему было достаточно для прокормления до ближайшего урожая. Вторым мешком он мог подкармливать корову, дабы она давала ему больше молока.

Таким образом, он нашел, что первый мешок удовлетворяет его потребность в 10, а второй—в 5. Так как второй мешок удовлетворял меньшую потребность, то он оценил каждый мешок, в согласии с теорией предельной полезности, в 5.

Но теперь Робинзон чувствовал себя неспокойно. Его терзали физические и духовные муки, ибо его сапоги совсем износились, а теоретические экономические сомнения не давали ему покою.

Поэтому он был рад-радешенек, когда два путника, заблудившиеся в дремучем лесу, пришли в его хижину. Один из них имел пару новых сапог, а другой—книгу Бём-Баверка «Капитал». У них не было ни крошки пищи, и потому каждый из них, конечно, охотно готов был обменять свое благо на мешок зерна. С другой стороны, Робинзон оценивал каждое из этих потребительных благ, сапоги и книгу, в 6, т.-е. выше, чем мешок зерна. Оба путника очень хотели произвести обмен, и Робинзон охотно готов был бы отдать один из мешков в обмен на одно из упомянутых потребительных благ; другой же мешок, необходимый для собственного прокормления, он хотел сохранить, о чем и заявил обоим путникам. Но оба они хотели произвести обмен , и тогда один из них выступил вперед, открыл второй том «Капитала» Бём-Баверка на стр. 155 и показал Робинзону следующую фразу: «Нет сомнения, что два одинаковых блага, при одинаковых обстоятельствах, должны быть вполне равны друг другу по своей ценности». Ценность же определяется предельною полезностью, т.-е. одинакова для обоих мешков и составляет 5. Робинзон еще колебался. Конечно, он был убежден в правильности теории, но не знал только, как ему прожить до ближайшего урожая.

При виде его колебаний, выступил владелец сапог и сказал: «Разве ты не знаешь, что говорит наш великий учитель Менгер? «В каждом конкретном случае от наличности определенной части благ, находящихся в распоряжении хозяйствующего субъекта, зависит удовлетворение только тех, обеспечиваемых общим запасом потребностей, которые имеют для этого лица наименьшее значение; поэтому ценность определенной части всего наличного запаса благ равна для указанного субъекта тому

значению, которое имеют для него наименее важные из потребностей, обеспечиваемых общим запасом и удовлетворяемых такою же частью этого запаса» [1]).

Теперь Робинзон уже не был в состоянии сопротивляться и согласился на обмен.

Но по прошествии одной недели Робинзон был мертв, и оба путника опять присвоили себе свою прежнюю собственность. В «Капитале» Бём-Баверка рукою покойного было сделано примечание. Оно гласило:

«Теория предельной полезности—превосходная научная система. Она страдает, однако, четырьмя недостатками, которые ее авторы должны устранить, дабы привести ее в совершенный вид.

Во-первых, при сравнительной оценке удовлетворения потребностей, невозможно представить себе, что значит 10, 8, 6 и т. д., ибо мы не имеем никакого объективного масштаба для потребностей, субъективные же оценки, конечно, неопределенны и, находясь в зависимости от минутных настроений, непостоянны, а потому не поддаются цифровому определению.

Во-вторых, важные экономические категории, например, деньги, вообще не находят себе в теории предельной полезности никакого объяснения.

В-третьих, эта теория неприменима к развитой капиталистической хозяйственной жизни.

В-четвертых, ее положения не годятся также для обмена, происходящего в условиях натурального хозяйства».

---

[1]) Menger, Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, стр. 98.

значение, которое имеет для него наиболее важное из потребностей, обмениваемых обоими запасом и удовлетворяемых таким же частью этого запаса»[1]).

Теперь Робинзон уже не был в состоянии сопротивляться и согласился на обмен.

Но по прошествии одной недели Робинзон был мертв, и оба получили опять присвоили себе свою прежнюю собственность. И «Капиталь» Бём-Баверка рукою покойного было сделано примечание. Оно гласило:

«Теория предельной полезности — превосходная научная система. Она страдает, однако, четырьмя недостатками, которые ее авторы должны устранить, дабы привести ее в совершенный вид.

Во-первых, при сравнительной оценке удовлетворения потребностей, невозможно представить себе, что значит 10, 8, 6 и т. д., ибо мы не имеем никакого объективного масштаба для потребностей, субъективные же оценки, конечно, неопределенны и, находясь в зависимости от минутных настроений, непостоянны, а потому не поддаются цифровому определению.

Во-вторых, важные экономические категории, например, деньги, вообще не находят себе в теории предельной полезности никакого объяснения.

В-третьих, эта теория неприменима к развитой капиталистической хозяйственной жизни.

В-четвертых, ее положения не годятся также для обмена, происходящего в условиях натурального хозяйства».

---

[1]) Менгер, Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, стр. 98.

IV.

Развитие теории прибавочной стоимости.

IV.

Развитие теории прибавочной стоимости.

Рудольф Гильфердинг.

Историческая подготовка политической экономии Маркса.

(Каким методом должна пользоваться история политической экономии?) [1].

> **Развитие политической экономии обнаруживает то интересное явление, что *мысль* (смотри Смита, Рикардо, Сэя) из бесконечного множества единичных явлений, первоначально находящихся перед нею, находит простые принципы вещи, действующий в ней и управляющий ею рассудок.**
>
> **Гегель, «Философия права», § 189.**

Только через пятьдесят один год после выхода в свет в 1859 году первой части экономического труда Карла Маркса «К критике политической экономии» и через двадцать семь лет после его смерти этот труд закончен последним томом «Теории прибавочной стоимости». С величайшею добросовестностью, любовною заботливостью и благоговейною осторожностью Карл Каутский, признанный хранитель литературного наследства Маркса после смерти Энгельса, потрудился над изданием из посмертной рукописи четырех томов, которые показывают нам Маркса, как историка политической экономии. Кто имел когда-либо возможность просмотреть хотя бы бегло рукопись Маркса в ее первоначальном виде, тот знает, какого большого и тщательного труда потребовала эта работа редактора, как многим обязана наука Каутскому. Мы не считали бы нужным особенно подчеркивать здесь значение этой работы, которая выше всяких похвал и для успешного завершения которой были

---

[1]) «Neue Zeit» 1910/11. B. II.

необходимы не только научные данные, но и глубокое проникновение в труд великого учителя. Но мы это делаем для того, чтобы защитить выражаемое нами ниже настоятельное пожелание от всяких подозрений в том, что оно продиктовано какими-нибудь соображениями, вызванными личностью редактора Марксова литературного наследства, а не проистекает только из чисто научных интересов. В предисловиях ко второму и третьему томам «Капитала» Энгельс уже писал, какого большого труда стоило ему сохранить точный текст самого Маркса и скрыть свою собственную личность за произведением своего друга, и Каутский верно следовал этой же программе. И, тем не менее, мы не можем отказаться от желания, чтобы экономические рукописи Маркса были открыты для научного исследования в своем первоначальном виде и полноте. Ибо как бы заботливо ни старались редакторы стушеваться на заднем плане, но в подобной работе нельзя вполне избежать субъективной оценки. Она проявляется в расположении материала, в неизбежных пропусках и добавлениях, и благодаря этому мы имеем произведение, исходящее не исключительно от Маркса. А между тем было бы в высшей степени важно видеть ход его мыслей во всей его полноте. Ибо таково уже свойство гения—и особенно гения такой логической энергии и неслыханной силы абстракции, как Маркс,—что у него образуется целый ряд мыслей, последние выводы из которых становятся понятными лишь при свете фактов, наступающих гораздо позднее,—мыслей, которые во время своего возникновения вряд ли раскрывают свою последнюю глубину самому автору и уж наверное никому другому. Так, например, значение марксовой теории денег выясняется вполне лишь при ее приложении к явлениям обращения, развившимся именно в последнее время; во многих пунктах она ведет к выводам, которых сам Маркс не сделал—ибо этим идеям недоставало еще наглядного образа, который выступил лишь впоследствии,—в то время как позднейшие исследователи в состоянии сделать их с меньшим напряжением умственных сил.

Так, многие плодотворнейшие рассуждения второго и третьего томов «Капитала» о капиталистическом кредите были вполне оценены лишь после того, как они нашли свою иллюстрацию в современном развитии финансового капитала. И как раз пятый отдел третьего тома, содержащий блестящее исследо-

вание о капитале, приносящем процент, подвергся, по словам Энгельса, наибольшей переработке и, таким образом, скорее всего содержит чуждые субъективные примеси; с другой стороны, там же был подвергнут сокращению обильный иллюстративный материал для уменьшения размеров книги.

Еще одно обстоятельство должно подкрепить пожелание об открытии рукописей для более широкого круга читателей. Именно «Теории прибавочной стоимости», особенно в своих теоретических частях, дают читателю возможность глубоко проникнуть в характер мышления, которое преодолевало труднейшие проблемы научного исследования. Здесь открывается как бы высшая школа мышления, и нет сомнения, что опубликование рукописей дало бы бесконечно много для подобной логической школы, которая имела бы несравненную педагогическую ценность. Читатель мог бы увидеть мысль Маркса за ее удивительною работою, он мог бы пытаться мыслить вместе с ним и научиться тому, чему нельзя научиться нигде в другом месте. Будь у нас академии наук, заслуживающие свое название, это была бы одна из их настоятельнейших задач. Но пока, по нашему мнению, сделать это—«nobile officium», долг чести, германской социал-демократической партии, наследницы литературного наследства Маркса—Энгельса; не считаясь с финансовыми соображениями, она должна предпринять то, что, при теперешнем положении дел, она только одна в состоянии и потому обязана сделать. Трудно представить себе действительно научное издание всех трудов Маркса—Энгельса, в котором уже ощущается потребность, без издания рукописей. Но до издания рукописей в печатном виде необходимо, по меньшей мере, позаботиться об изготовлении некоторого числа копий с них, которые должны быть открыты для пользования в архиве партии и, быть может, в некоторых хороших библиотеках.

* * *

> Необходимо тщательно изучить самые предметы, прежде чем давать правила о том, как создать науку о них.
>
> *Кант.*

«Теории прибавочной стоимости» имеют большое значение не только в истории развития политико-экономической мысли: они возбуждают живейший интерес с точки зрения материа-

листического понимания истории. Ибо они показывают нам Маркса не только как экономиста, но и как историка науки. К тому же это до сих пор первая попытка обосновать науку с точки зрения марксистской теории.

Рассматривая изложение всех трех томов со стороны его метода, приходишь прежде всего в необыкновенное изумление: да ведь это *Гегель*! То, что Маркс излагает, это—саморазвитие политико-экономической науки, как она начинается с первых правильных воззрений Петти и Франклина, признающих труд общим свойством товаров и денег, и кончается в системе Маркса... И невольно напрашивается сравнение с Гегелем, для которого история философии есть саморазвитие идеи, достигающей самосознания в его собственной системе, так что предшествующая история представляет собою лишь историческую подготовку гегелевской философии, в хронологическом и одновременно логическом порядке.

Как известно, это представление Гегеля вытекает непосредственно из его понимания истории, согласно которому действительность есть не что иное, как проявление абсолютной идеи, развивающейся сама из себя, в диалектическом процессе тезиса и антитезиса, все к более высоким формам проявления. Теперь гегелевский идеализм нам чужд, понимание действительности, как материализации идеи, кажется чем-то мистическим, непонятным. Нашему мышлению, исходящему из совершенно других предпосылок, система Гегеля становится понятною лишь с исторической точки зрения, как крайнее логическое следствие идеализма, как вывод из строя идей, основы которого имеются уже у Канта, Фихте и Шеллинга. Но если мы вспомним, как велико было историческое влияние этого учения, если мы вспомним, что под его знаменем целое поколение подвизалось с огромною духовною энергиею в познании всех проблем наук о духе, если мы припомним, что духовная революция, связанная с именами Фейербаха и Маркса, имеет свою исходную точку в этой системе, то нас заинтересует вопрос о том, в чем, собственно говоря, заключается мощная сила, столь решительно подчинявшая современников влиянию этой философии и продолжавшая влиять еще долгое время впоследствии.

Как известно, секрет силы гегелевской философии заключался в идее развития, которая впервые была последовательно

проведена, хотя и в идеалистической форме, во всех областях явлений природы и общества. Идея, что все явления не только следуют одно за другим, но и вытекают одно из другого, что последнее происходит по имманентным законам, которые лежат в основе развития и одни только объясняют его,—эта идея внутренней закономерности развития навеки обеспечила гегелевской системе место в сокровищнице человеческого духа. Хотя она представляла собою идеалистическое, неправильное познание, но все-таки это было познание, сразу осветившее ход явлений, до тех пор необъяснимый.

И как бы в подтверждение установленного Гегелем механизма духа, диалектики, постоянно вновь отрицающей себя, этот доведенный до крайности идеализм испытал переворот, подобный коперниковскому: в саморазвитии идеи усмотрели развитие объединенного в общество человечества или человеческого общества; двигатель этого развития был найден во взаимодействии человека с окружающим его реальным миром, которое наиболее ярко выражается в формах человеческого хозяйства; на место диалектически развивающейся из себя идеи был поставлен обусловленный социальною средою человек во всей своей реальности, как существо действующее и подвергающееся воздействию, изменяющее и подвергающееся изменениям,—человек, как двигатель своей собственной истории; внутренняя закономерность, лежащая в основе развития, была найдена—вместо внутренней закономерности абсолюта—во внутренней закономерности социальной жизни на основе реальных законов хозяйства.

Но не одна только идея развития—как ни важно было ее применение к истории и вообще к воззрениям на социальные явления—сделала гегелевскую философию предшественницею социальной теории, подготовившей ей путь.

Если действительность есть не что иное, как объективирование идеи, то идея может быть осознана, и, следовательно, задача философии может быть выполнена лишь путем логического восприятия действительности. «На всех страницах своих сочинений,—говорит Лассаль в предисловии к «Системе приобретенных прав»,—Гегель неутомимо подчеркивал, что философия идентична с *совокупностью опытного мира,* что философия требует больше всего углубления в эмпирические науки». В том же духе говорит *Макс Адлер*:

«Если понять философию Гегеля с точки зрения ее мотивов, ясно развитых им самим, то она далеко не производит впечатления хаоса фантастических спекулятивных умозрений. Напротив того, начинаешь объяснять огромное влияние философии Гегеля на ее современников и продолжающееся влияние, оказываемое ею еще по сей день, именно тем, что она, несмотря на свою конструктивную форму и метафизику абсолютного духа, в известном смысле представляет—в противоположность идеалистической философии Фихте и Шеллинга—*возврат к действительности*, тенденцию к закономерному восприятию самого *опыта*, вместо одних только спекулятивных умозрений о нем» [1]).

Как раз то, что нашей теперешней теории познания кажется шагом назад, представляло с *исторической* точки зрения огромный прогресс: если Кант сосредоточил постановку вопроса на *формах* познания и тем самым отвлек свое исследование от всякого *содержания* познания, то Гегель видел свою задачу именно в доказательстве необходимости содержания всякого опыта, в доказательстве, которое было найдено в идентичности становления опыта с саморазвитием понятия. Таким образом, действительность опять сделалась предметом философии, и только благодаря этому стало возможным, что отрицание самой гегелевской философии могло вылиться в форму науки, освобожденной от всякой метафизики. В мышлении Гегеля было богатое содержание действительности, и это обеспечило ему, в противоположность кантианству, большое историческое влияние. Наиболее плодотворное зерно истины в мышлении Канта пропало для его современников; вообще влияние кантианства на проблемы теории познания осталось ограниченным, и с точки зрения всеобщей научной методологии оно, по выражению Отто Бауэра, приняло на себя роль, которую, конечно, не надо оценивать слишком низко, пограничного сторожа против всяких метафизических блужданий и ложной постановки вопросов, в то время, как из лона философии Гегеля возник громадный прогресс нашего времени, духовный и научный.

Гегель, делая идею демиургом действительности, вместе с тем создал определенный метод исследования. И этот метод, как только с него был снят метафизический покров, оказался

---

[1]) «Marx als Denker», стр. 12.

чрезвычайно плодотворным, ибо он действительно соответствовал существу духовной деятельности исследователя. Мы знаем от самого Маркса, что он вполне сознательно перенес метод Гегеля в политическую экономию. И это приложение метода можно в первую голову найти не там, где его обыкновенно ищут: не в изображении реальных классовых противоречий и в открытии противоречия между социально-историческою ограниченностью капиталистического способа производства и общественною потребностью, носителем которой является пролетариат и которая направлена к овладению производительными силами, возникшими из капиталистической организации, но все более перерастающими ее. Это приложение метода скорее выполняет свою специфическую логическую роль в способе образования и изложения логических понятий [1].

---

[1] В своей превосходной статье «Marx und die Dialektik», напечатанной в виде приложения к его брошюре «Marx als Denker» (Berlin, «Vorwärts», 1908), *Макс Адлер* вскрыл причину неясности понятия диалектики, указав, что Гегель обозначает одним именем «диалектика» две совершенно различные вещи: во-первых, определенный род мышления, то-есть метод, и во-вторых, определенный род бытия, то-есть свойство существования. «Если мы назовем различными именами оба эти значения, которые с точки зрения учения гегелевской философии об идентичности должны были, конечно, совпадать, если мы назовем диалектикою раскрытие противоречий мышления в потоке его содержания, как то уже сделал сам Гегель, и напротив, противоречия *бытия* в потоке его реальных явлений назовем антагонизмом, то сразу станет ясно, какие глубоко различные вещи гегелевская диалектика могла объединять именно благодаря тому, что она была не только методом.

Критика и преодоление Гегеля у Маркса состояли в уничтожении той мистической иллюзии, в которой диалектика являлась одновременно в виде антагонизма. Это преодоление произошло при помощи плодотворного воззрения, которое уничтожало метафизический характер гегелевской диалектики и одновременно сохраняло ее методологический характер,—воззрения, по которому внутреннее движение логической категории есть лишь движение индивидуального мышления, при помощи которого последнее переходит от одних логических определений к другим. Этим была устранена мистификация процесса мышления, как созидающей силы мышления, как движения, созидающего в себе мир. Но остался глубокий взгляд Гегеля на мышление, как на движение, определяемое внутренними законами. Теперь мышление понимается уже не как внешнее соединение застывших понятий, а как переход одних его определений в другие и происхождение их одно из другого, как *внутренняя закономерность*,—таково было зерно диалектики, от которого Маркс и Энгельс уже никогда больше «не отказывались» (стр. 86).

Как раз эту сторону Маркс очень ясно изложил во «Введении к критике политической экономии», впервые напечатанном в журнале «Neue Zeit» в 1903 году [1]).

«Казалось бы наиболее правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например, в политической экономии—с населения, которое образует собою основу и субъект всего общественного производства. Но при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население, это—абстракция, если я упускаю из виду классы, из которых оно состоит... Если я, таким образом, начал бы с населения, то я дал бы хаотическое представление о целом; и только путем более частичных определений я аналитически подошел бы к все более и более простым понятиям, от конкретного, данного в представлении, к все более и более тощим абстракциям, пока не достиг бы простейших определений. И тогда я должен был бы пуститься в обратный путь, пока снова не подошел бы к населению, но уже не как к хаотическому представлению целого, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями. Первый путь, это—тот, которому политическая экономия исторически следовала при своем возникновении. Экономисты семнадцатого столетия, например, всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д.; но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие, абстрактные общие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. п. Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, экономические системы начали восходить от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость, к государству, международному обмену, мировому рынку. Последний метод, очевидно, является правильным в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии. В мышлении оно выступает, как процесс соединения, как результат, но не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности, и, следовательно, также исходным пунктом наглядного созерцания и представления.

[1]) Перевод этого «Введения» помещен в настоящем сборнике. Прим. ред.

Если итти первым путем, то полное представление испарится до степени абстрактного определения; при втором же—абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления [1]). Поэтому Гегель поддается иллюзии, что реальное следует понимать, как результат мышления, восходящего к внутреннему единству, в себя углубляющегося и из себя развивающегося, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, духовно воспроизводит его, как конкретное. Однако, это никоим образом не есть процесс возникновения самого конкретного. Простейшая экономическая категория, например, меновая стоимость, предполагает население, население, производящее в определенных условиях, а также определенные формы семьи, общины, государства и т. п. Она не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного и живого целого.

«Напротив, меновая стоимость, как категория, имеет допотопное существование. Поэтому для сознания (а философское сознание отличается тем, что для него логическое мышление, это—действительный человек и логически осознанный

---

[1]) Известно, что в мышлении от сложного конкретного к простому общему приходят путем абстракции. «Решающая роль абстракции в исследовании вполне понятна. Невозможно—да не имело бы смысла—наблюдать все частности явления. Мы наблюдаем лишь те обстоятельства, которые имеют для нас какой-либо *интерес*, и те, от которых первые, повидимому, находятся в зависимости. Итак, первая задача, стоящая перед исследователем, это путем сравнения различных случаев *отметить* в своих мыслях взаимно связанные явления и *устранить*, как второстепенное или безразличное для данной цели, все то, от чего исследуемые явления, повидимому, *не находятся* в зависимости. И, действительно, наиболее важные открытия были сделаны путем этого процесса *абстракции*. *Апельт* («Die Theorie der Induktion». Leipzig, 1854) метко отмечает это, говоря: «*Сложное частное* всегда раньше является нашему сознанию, чем *простое общее*. Лишь при помощи абстракции рассудок получает возможность отдельно охватить это последнее. Поэтому абстракция есть метод нахождения принципов». *Mach*, «Erkenntnis und Irrtum», Leipzig 1905. S. 135.

Уже из этого видно, как неправильно приравнивать дедукцию и индукцию, как равноценные источники познания. Дедукция есть скорее лишь способ научного изображения, который действительно сможет перейти, в конце концов, от общего к изображению частного лишь при том условии, если в мышлении ему уже предшествовала индукция.

мир—мир действительный) движение категорий кажется действительно созидающим актом, который, к сожалению (?), получает толчок извне, результатом которого является мир: и это постольку правильно,—здесь мы опять впадаем в тавтологию,—поскольку конкретная совокупность в качестве мысленной совокупности, мысленной конкретности, есть на самом деле продукт мышления, понимания: это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и развивающегося вне наглядного созерцания и представления или над ними, а переработка созерцаний и представлений в понятия. Целое, каким оно является в голове, как мыслимое целое, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает мир единственным доступным ей способом, способом, отличающимся от художественного, религиозного, практического, духовного освоения мира. Реальный субъект остается все время вне головы, существуя как нечто самостоятельное—и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, теоретически. Поэтому при теоретическом методе (политической экономии) субъект, т.-е. общество, должен постоянно витать в нашем представлении, как предпосылка».

«Сюда присоединяется то обстоятельство—и это подкрепляет иллюзию гегелевской конструкции,—что и в истории (логически) простые категории могли действительно существовать раньше конкретных, так что историческое развитие кажется одновременно логическим.

«Деньги могут существовать и существовали исторически раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно сказать, что простейшая категория может выражать собою господствующие отношения неразвившегося целого или подчиненные отношения развитого целого, отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в том направлении, которое выражает конкретная категория. Постольку законы абстрактного мышления, восходящего от простого к сложному, соответствуют действительному историческому процессу» (Маркс).

Как видим, то, что Гегель считает онтологией [1]), есть в действительности или скорее всего метод, ход научного мы-

---

[1]) Сравни, напр., следующее место: «В развитии понятия *определения* (Bestimmungen), с одной стороны, сами суть понятия, с другой же

шления. Как только метафизическая оболочка была снята, идея развития, лежащая в основе гегелевских взглядов, должна была привести к чрезвычайно плодотворным результатам, и наиболее плодотворным именно в области истории; последняя, по мнению буржуазного рационализма восемнадцатого столетия, представляла хаос бессмыслицы и случай-

стороны—так как понятие есть по существу идея—они являются в форме существования, и таким образом ряд получающихся понятий представляет одновременно ряд *образов явлений* (Gestaltungen); так следует рассматривать их в науке».

«В более умозрительном смысле *способ существования* понятия и *способ его определения* (Bestimmtheit) есть одно и то же. Но следует заметить, что моменты, результатом которых является более определенная форма, предваряют этот результат в качестве определений понятия в научном развитии идеи, но не предшествуют ему в качестве *образы явлений* (Gestaltungen) в развитии во времени. Так, идея, определенная как семья, имеет своею предпосылкою определения понятия, результат которых она в дальнейшем представляет. Но в том, что эти внутренние предпосылки существуют также сами по себе уже как *образы явлений*, напр., как право собственности, договор, нравственность и т. п.,—в этом заключается другая сторона развития, которая лишь в более законченном создании приводит к этому самостоятельно выраженному существованию своих моментов». Гегель, «Философия права», § 32.

Ср. с этим прибавление к тому же параграфу, в издании Лассона (Philosophische Bibliothek, 124 Band), стр. 294: «Идея должна все более внутренне определяться, так как вначале она представляет лишь абстрактное понятие. Однако, это первоначальное абстрактное понятие не уничтожается, но все более внутренне обогащается, так что последнее определение есть и наиболее богатое... Мы должны только следить за тем, как само понятие определяет себя, и должны заставить себя не прибавлять ничего из нашего мнения и мышления. Таким путем мы получаем ряд идей и другой ряд существующих образов (Gestalten), при чем может случиться, что порядок времени в действительном развитии отчасти иной, чем порядок понятия. Так, напр., нельзя сказать, что собственность существует раньше семьи, но тем не менее она подвергается исследованию раньше последней. Поэтому здесь можно поставить вопрос, почему мы не начинаем с высшего, т.-е. с конкретно-истинного. Ответ состоит в том, что мы хотим увидеть истинное в форме результата, а для этого необходимо понять сперва само абстрактное понятие. Поэтому то, что существует действительно, т.-е. образ понятия, является для нас лишь последующим и дальнейшим, хотя бы оно в самой действительности было первым. Наш прогресс состоит в том, что абстрактные формы не могут отстоять себя (für sich bestehend), но оказываются неистинными».

С этим следует сравнить знаменитую характеристику гегелевского метода, которую Маркс дает во втором предисловии к «Капиталу».

ностей, хаос, в который лишь просвещение сможет в будущем внести извне разумность, когда просвещенные люди начнут «делать историю,» вместо непросвещенных, как то было во все предшествовавшие эпохи. Гегель же искал в истории разумности и благодаря этому впервые поставил—хотя еще в метафизической форме—проблему ее необходимого закономерного развития. «Все существующее и все, что существовало, разумно»—этот закон был революционным не только потому, что он,—как показывает Энгельс в «Фейербахе»,—сходясь в этом пункте с рационализмом, этим мировоззрением революционной буржуазии, привлекал все существующее к судейскому столу разума, который в вечном прогрессе своего саморазвития отвергал все существующее, как неразумное. Этот закон впервые открыл буржуазному миру вообще понимание истории. Ведь до тех пор понимание истории составляло преимущественно удел классов, господству которых угрожала опасность и которые для его оправдания ссылались на историю, в то время как революционная буржуазия, исходя из естественного права, отвергала всю предшествовавшую историю, как противоречащую разуму. Вообще консервативные писатели превосходили революционно-либеральных глубоким пониманием истории. Рационализм же, именно благодаря большей простоте и прямолинейности своего мышления, был мировоззрением революционных классов, думающих лишь о борьбе, и потому он был первоначально также мировоззрением пробуждающегося к освободительной борьбе рабочего класса, который всегда, несмотря на то, что марксизм отличается совсем другим типом мышления, проявляет склонность понимать социалистические лозунги не столько в их исторической обусловленности и относительности, сколько как абсолютные постулаты разума. Понимание исторической обусловленности всех социальных явлений, следовательно, также относительной необходимости капитализма и его конечной гибели, как это с величавой простотою обрисовал «Коммунистический манифест», перешло в марксизм [1]), как прямое наследие Гегеля; лишь это понимание эко-

[1]) Следующие слова Гегеля звучат, как прямое отрицание всякого утопизма: «Именно это отношение философии к действительности возбуждает недоразумения, и я возвращаюсь к сказанному уже раньше, что философия, будучи *обоснованием разумного*, именно потому есть *познавание существующего* (Gegenwärtigen) или *действительного*, а не

номических явлений, как исторических, сделало возможным осуществление плодотворного труда «Капитала».

Но если, по Гегелю, действительность есть постепенное осуществление идей, то познание этой действительности, то-есть наука, должна отражать это постепенное следование, так что между историей науки и действительным развитием существует полный параллелизм. Идея, достигая в объективной действительности все более высокой законченности, одновременно все больше самоосознает себя в головах людей. Поэтому писать историю науки—значит изображать этот прогресс самоосознания, которому соответствует действительное развитие. Таким образом, история науки должна была показать, каким образом законченная система возникает из первых зачатков путем развития, которое во всем соответствует ходу логических выводов.

Понятно, что философия Гегеля означала переворот в исторической науке. Вместо прагматического изложения хронологической последовательности явлений, необходимо было показать самоосознание идеи во всех областях материальных и духовных явлений. Сам Гегель сделал такую попытку в применении к истории философии. Эта попытка потерпела и должна была потерпеть крушение, ибо онтологическая предпосылка, что действительность есть лишь продукт идеи и потому порядок следования философских систем должен быть такой же, как порядок следования понятий в выводах гегелевской системы,—оказалась ложною и приводила к произвольным конструкциям вместо исторического описания. Ведь, по словам *Эдуарда Целлера*, даже с первого взгляда ясно, что «совершенно невозможно обнаружить в философских системах хотя бы только приблизительно порядок следования, соответствующий гегелевской или какой-нибудь другой спекулятивной логике, если

построение *потустороннего*, которое существует бог знает где—или вернее, о котором отлично известно, что оно существует в заблуждении одностороннего, пустого рассуждения» («Философия права», предисловие). Ибо «подобно эмпиризму, философия познает только то, что *существует*; она не знает того, что лишь *должно* существовать и, следовательно, *не существует*» (Энциклопедия, § 38). Вообще гегелевскому духу, которому более всего ненавистны были готовые рецепты *долженствования*, Маркс обязан тем, что он с самого начала был защищен против всех соблазнов утопического социализма.

только из этих систем не хотят сделать нечто совсем другое, чем они являются в действительности. Следовательно, эта попытка ошибочна как в своих основах, так и в своем выполнении, и единственное зерно истины в ней, это — лишь убеждение во внутренней закономерности исторического развития» [1]).

Но теперь опять является вопрос: в чем же состоит это зерно истины, которое соблазнило Гегеля писать историю, какое реальное явление лежит в основе его иллюзии? И этот вопрос тем настоятельнее требует ответа, что именно изложение Маркса привело нас обратно к гегелевскому методу писать историю. Быть может, мы приблизимся к ответу, если поставим себе вопрос о тех специфических условиях, которые история науки предъявляет своему исследователю.

Эрнст Мах описывает развитие науки, как приспособление мыслей к фактам и приспособление мыслей друг к другу. Приспособление мыслей к фактам есть биологическая необходимость, условие человеческого существования, в котором наука также является одним из орудий в борьбе за существование. Исходя из этих основных биологических положений, Мах там, где он говорит о возникновении и первых зачатках механики или математики, приходит к таким же заключениям, как и материалистическое понимание истории. Приспособление же мыслей друг к другу есть логическая функция нашего мышления, вытекающая из его природы, это—следствие и одновременно причина «экономии мышления», оно хочет упорядочить все явления самым экономным способом, при помощи возможно меньшего числа понятий, оно стремится понять всю полноту действительности при помощи возможно меньшего числа законов [2]).

Исходя из совершенно других предпосылок, Кант признал критерием научного опыта взаимное согласие суждений в единстве познания. То, что Мах описывает, как процесс, как

---

[1]) «Die Philisophie der Griechen», 5 Auflage, 1892, I. 1, стр. 11.

[2]) Мышление пользуется абстракцией для того, чтобы узнать общие признаки различных явлений, т.-е. чтобы мыслить «экономно»; «производство вообще есть абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выдвигает общие признаки, фиксирует их и тем делает излишним повторение». Маркс. «Введение к критике политической экономии».

вечно возобновляющееся явление приспособления, является здесь результатом, логическим условием истины. Но так как при каждом новом познании единство познания становится опять проблематическим, то истина дана лишь в виде процесса; каждая достигнутая истина—лишь преходящий момент в вечном искании истины. Но в каждый данный момент единство познания, взаимное согласие мыслей друг с другом, представляет требование нашего мышления.

Итак, приспособление мыслей друг к другу есть двигатель научного прогресса, вытекающий из природы самого мышления и из стремления к единству познания. То, что Гегель превращает в саморазвитие идеи, выступает здесь, как биологически-естественное свойство мышления, представляющее условие научного прогресса.

Но в действительности приспособление мыслей к фактам и приспособление мыслей друг к другу, это—два совершенно различных процесса,и их значение для успехов науки различно. Приспособление мыслей друг к другу, это—общее условие научного мышления вообще, это—логическая предпосылка того, что научное мышление вообще возможно. Конечно, отдельные мыслители отличаются различною логическою силою, и потому один из них может открыть в данном комплексе идей логическую ошибку, оставшуюся незамеченною для другого. И таким образом внутри данной научной системы, благодаря чисто логической работе, более строгой систематизации и приспособлению отдельных элементов мысли, происходит прогресс в направлении к все большей замкнутости. Вот пример: Адам Смит определяет стоимость товаров количеством затраченного на их производство труда. Но это определение он смешивает с другим, по которому стоимость товаров определяется количеством товара (например, зерна), на которое можно купить определенное количество живого труда. Итак, один раз он определяет стоимость, например, пары башмаков 10-ю часами труда, необходимого для их изготовления; а в другой раз он определяет их стоимость одним шефелем зерна, составляющим заработную плату рабочего за 10-часовой рабочий день. Второе определение логически ложно, так как определяет стоимость стоимостью же, т.-е. представляет порочный круг. Вместе с тем оно фактически неверно, ибо *в капиталистическом* обществе (но не в простом товарном производстве, из отношений которого про-

истекала иллюзия Смита [1]), рабочий за 10-часовую работу не получает стоимости 10 часов. Рикардо указывает эту логическую ошибку и устраняет ложное отожествление определения стоимости рабочим временем с определением ее «ценою труда». Но он сам сохраняет категорию «стоимость труда» и благодаря этому повторяет логическую ошибку, заключающуюся в том, что стоимость 10-часового труда, с одной стороны, равняется 10 часам, но рабочий получает за него меньшую стоимость, так как в противном случае была бы невозможна какая бы то ни было прибавочная стоимость. Маркс устранил это логическое противоречие, показав, что «стоимость труда» вообще не имеет никакой экономической реальности; что это—лишь выражение для стоимости рабочей силы, которая определяется рабочим временем, необходимым для производства рабочей силы; капиталист покупает рабочую силу, создание которой стоило, например, 5-ти часов труда, в течение которых были произведены средства существования рабочего; рабочий работает, например, 10 часов, в которые он производит стоимость 10-ти часов, но на присвоение последней капиталист должен был затратить заработную плату стоимостью только в 5 часов.

Но, вскрывая эту ошибку, Маркс одновременно нашел основу, на которой он мог построить свою теорию прибавочной стоимости, несравненно более развитую, чем теория Рикардо. Мышление Маркса, как экономиста, имело с самого начала своим исходным пунктом приспособление экономических идей, формулированных классическою теориею, к фактам, с которыми она, очевидно, уже более не согласовалась. И здесь опять-таки его кардинальную проблему составлял вопрос о том, как согласовать равенство прибылей на капитал с осуществлением закона стоимости. Сам Рикардо уже заметил эту проблему; но он считал отклонение цен от стоимостей, вызываемое уравнением прибылей, лишь случайным отклонением от закона стоимости, исключением из правила. В эпоху Рикардо, когда различия в органическом строении капитала были еще сравнительно незначительны, такая мысль была допустима, хотя противоречие уже обнаружилось, но ко времени Маркса она

---

[1]) «Kritik der politischen Oekonomie», 2 Aufl. S. 42 и (Theorien über den Mehrwert», I. S. 126. (Русский перевод: «Теории прибавочной стоимости» К. Маркса, перевод под ред. Г. В. Плеханова, стр. 107—8).

уже не могла быть терпима и приводила к отказу от самых основ теории. Новые явления, обнаруженные экономическим развитием, требовали приспособления к ним мыслей, а последнее, в свою очередь, обнаружило неправильность того, что прежде казалось еще логически возможным. Для разрешения проблемы нормы прибыли был необходим тот глубокий анализ и исправление теории стоимости, которые составляют первый том «Капитала». Что психологически действительно таков был ход развития марксова мышления, видно, не говоря уже о методологических соображениях, из той формулировки задачи, которую мы находим в «Критике политической экономии» (стр. 44 и след. немецкого издания и стр. 37 русск. изд.1896 г.).

Но вместе с тем это видно из того, как в действительности все эти проблемы выступают, как логические проблемы, как задачи приспособления.

Но одновременно отсюда возникает понимание того, что решающую роль для научного прогресса имеют именно новые факты. В области естественных наук таковыми являются прежде всего задачи, поставленные техникою, для социальных же наук—новые общественные факты, созданные экономическим развитием. Приспособление мыслей друг к другу есть лишь *условие* научного прогресса, а приспособление мыслей к фактам, это—самый прогресс. Вместе с тем в выполнении этого условия проявляется личная, индивидуальная ограниченность силы мышления отдельных исследователей, так что при одних и тех же объективных условиях, то-есть при наличности одних и тех же комплексов фактов, в познании возможен прогресс благодаря тому, что более крупный мыслитель еще завершает процесс взаимного приспособления мыслей там, где более слабому мыслителю проблема казалась уже разрешенною. Это различение субъективных и объективных условий мышления представляет важную проблему для марксистской исторической науки; это—предостережение против чрезмерного упрощения идеологических явлений и против опасности упустить из вида самостоятельную роль процессов сознания в научном прогрессе.

Но это приспособление может, в свою очередь, быть различным. Иногда научное восприятие новых явлений делает прежние воззрения совершенно невозможными, окончательно взрывает научную систему, или же только устраняет отдельные ее части,

расширяет ее, видоизменяет или ограничивает, оставляя, однако, неприкосновенными основные положения. Экономическая теория—в том объеме, в каком рассматривает ее Маркс в «Теориях»—представляет собою объяснение капиталистического общества, основу которого составляет товарное производство. Но эта основа хозяйственной жизни, остающаяся неизменною при всем колоссальном и бурном развитии последней, объясняет нам тот факт, что экономическая теория отражает это развитие, сохраняя уже ранее открытые основные законы и лишь все дальше развивая их, но не устраняя их совершенно. Таким образом, реальному развитию капитализма соответствует логическое развитие теории. Начиная с первых формулировок закона трудовой стоимости у Петти и Франклина и кончая наиболее тонкими рассуждениями II и III томов «Капитала», обнаруживается таким образом логически развертывающийся процесс развития. С одной стороны, это действительно так и не может быть иначе, ибо наука есть лишь восприятие при помощи понятий действительности (которую ведь нельзя понять иначе, как развитие от простого товарного производства к капиталистическому мировому рынку), основы которой в их наиболее простых и общих отношениях были поняты уже первыми мыслителями. Но, с другой стороны, это—только видимость.

Как в политической экономии Маркс ищет внутреннего закона движения общества, так он ищет в изложении теорий внутреннего хода развития, который один только дает правильное понимание. Но этот внутренний ход есть развитие теории трудовой стоимости, и все, что уводит в сторону отсюда, безразлично для развития теории, не имеет значения для ее действительной истории. Как для Гегеля история начинается лишь с образования государства, а безгосударственные нации еще не имеют никакой истории, так для Маркса теория начинается лишь с первого открытия, что труд есть мерило стоимости. Но этот взгляд так же мало может считаться произвольным, как взгляд современных химиков, что история современной химии датирует с открытия кислорода и признания его значения для явлений горения. Разумеется, здесь также обнаруживается различие между историей социальных и естественных наук. Например, история механики, показывающая нам развитие этой науки от первых ее зачатков до современного ее

состояния, может излагать в существенном действительный научный прогресс и тем удовлетворять наш исторический интерес. Перечисление всех бесчисленных ошибок, порожденных в этой области ненаучным умозрением, лишено научно-исторического интереса, хотя бы оно имело антикварный интерес или привлекало в некоторых своих частях историка культуры совсем с другой точки зрения. Иначе обстоит дело с историей политической экономии; здесь оппозиция против научных взглядов, мнения, в строгом смысле слова ненаучные, поскольку они вообще привлекают к себе значительное внимание, имеют также историческую важность,—конечно, не для развития чистой экономической теории,—уже потому, что в них скрывается определенная политическая позиция. Так, например, спор Мальтуса против теории трудовой стоимости одновременно представляет защиту аристократическо-клерикальных интересов против либеральных буржуазно-промышленных требований. Включение всех этих мнений, отвлекающих в сторону от развития теории трудовой стоимости, сразу нарушило бы картину логического развития, которая теперь открывается нам в «Теориях прибавочной стоимости». Маркс оставляет их в стороне, не из соображений стройности изложения, но потому, что они действительно представляют интерес не для истории *политической экономии*, а лишь с точки зрения социологии, которая сама по себе чужда чистой политической экономии. Мнения, отклоняющиеся от развития теории трудовой стоимости, объясняются экономическою заинтересованностью; они, следовательно, противоречат научной беспристрастности, противоречат внутренней необходимости научного развития и потому остаются вне рамок изложения, которое стремится вскрыть лишь эту внутреннюю необходимость.

Итак, то, что дает нам Маркс,—не история экономической теории в ее историко-социологическом значении, то-есть прежде всего в ее значении для практически-хозяйственной политики, а открытие ее внутреннего развития, которое, естественно, представляется в виде логической последовательности. Лишь благодаря этому он открывает действительное понимание хода развития теории, которая теперь кажется уже не случайным нанизыванием множества гипотез и мнений, а естественною системою мыслей, следующих одна за другою и развивающихся одна из другой. Излишняя примесь чуждых этому развитию

элементов устранена, хотя бы они и пользовались в свое время большим влиянием. Разумеется, такое историческое описание, которое излагается не в хронологическо-прагматическом порядке, а вскрывает лишь основные линии, возможно только с определенной точки зрения [1]). История политической экономии, как ее излагает Маркс, одновременно представляет собою филогенетическую и отчасти также онтогенетическую историю развития марксовской системы. Но было бы наивно требовать, чтобы она была изложена иначе. Ведь это значило бы требовать, чтобы теоретик-экономист отказался как раз от того, что представляет критерий всякого научного познания, от общезначимости своих выводов. Это значило бы требовать, чтобы он считал результаты своей научной работы субъективным, более или менее достоверным убеждением, а не объективною, то-есть общезначимою, научною истиною; такое требование мог бы предъявить лишь тот, кто вообще отрицает возможность социальной науки.

Ибо к истории политической экономии, как и всякой другой науки, применимы следующие слова Целлера об истории философии: «Только преувеличенным опасением историко-философских конструкций можно объяснить, что некоторые сомневаются в том, необходимо ли или, по крайней мере, желательно ли для историка философии иметь свои собственные философские убеждения. Ведь вряд ли станет кто-нибудь утверждать, что, например, история права может быть наиболее правильно изображена тем, кто не имеет никаких правовых взглядов, история государства—тем, кто лично не имеет никакой политической точки зрения. Трудно понять, почему дело должно быть иначе в применении к истории философии; как может историк хотя бы понять учения философов, при помощи какого масштаба может он оценивать их значение, как может он проникнуть во внутреннюю связь систем и составить себе суждение об их взаимном отношении, если в этой работе он не будет руководствоваться точно определенными философскими понятиями. Но чем эти понятия более развиты и взаимно согласованы, тем более должны мы приписывать

---

[1]) Отсюда также полное отличие истории «Теорий прибыли с капитала» *Бем-Баверка* от изложения Маркса. Бем-Баверку кажется важным как раз то, что Маркс отвергает, как ненаучное.

ему также определенную систему; а так как ведь нет сомнения, что для историка желательны ясно развитые и свободные от противоречий понятия, то мы не можем уклониться от вывода, что необходимо и полезно, чтобы он приступал к исследованию прежней философии, имея свою собственную философскую систему. Конечно, возможно, что эта система слишком ограничена, чтобы открыть ему полное понимание его предшественников; возможно, что он неправильно применяет ее к истории, внося свои собственные мнения в учения прежних философов; возможно, что он конструирует из своей системы то, что лишь должен был бы стараться понять при ее помощи. Но за ошибки отдельных лиц нельзя возлагать ответственность на общий принцип, и еще менее можно избежать этих ошибок тем, что будут приступать к истории философии без собственных философских убеждений. Человеческий дух—отнюдь не чистая доска, и исторические явления не просто отражаются в нем с точностью фотографии, но всякое восприятие данного происходит через посредство активного наблюдения и соединения явлений и суждений о них. Историческая непредубежденность состоит не в том, чтобы приступать к исследованию прошлого без всяких предпосылок, но в том, чтобы приступать с правильными предпосылками. Кто не имеет философской точки зрения, тот тем самым еще не свободен от всякой вообще точки зрения; кто не составил себе научных убеждений о философских вопросах, тот имеет ненаучные мнения о них; обходиться в истории философии без всякой собственной философии—значило бы при ее изучении отдавать предпочтение ненаучным представлениям перед научными понятиями. Разумеется, философская система историка никогда не бывает законченною, но со временем развивается; и для этого развития ему может оказать большую помощь именно история его науки. Таким образом мы попадаем в круг: вполне понять историю философии может лишь тот, кто имеет законченную философию, а истинной философии достигает лишь тот, кого приводит к ней понимание истории. Вполне разорвать этот круг никогда невозможно: история философии представляет испытание для истинности систем, а философская система является условием для понимания истории; чем философия правильнее и шире, тем полнее научает она нас понять значение наших предшественников, а чем менее проникнем мы в историю философии, тем больше

у нас оснований сомневаться в истинности наших собственных философских понятий. Но отсюда следует только то, что мы никогда не должны считать научную работу законченною ни в области истории, ни в области философии. Вообще философия и опытная наука одна другой способствуют и одна другую обусловливают, то же имеет место и здесь: всякий прогресс философского познания открывает историческому исследованию новые точки зрения, облегчает понимание истории; и наоборот, всякое новое понимание того, как воспринимались и разрешались задачи философского исследования другими, понимание основ, внутренней связи и выводов их учений, поучает нас самих насчет вопросов, на которые философия должна ответить, насчет различных путей, по которым она может ступать, и тех успехов, которых она может ожидать на каждом из них» (Zeller, указан. сочин., стр. 17 и след.).

Таким образом, новый свет, который книга Маркса бросает на прежние философские исследования, может одновременно послужить нам косвенным доказательством истинности марксовых экономических понятий.

Однако, с другой стороны, логическое изложение скрывает ту противоположность между Марксом и его предшественниками, которая вытекает из их социологической позиции и, что еще важнее, из коренного различия их социальных теорий. Что отличает Маркса от всех его предшественников, так это социальная теория, лежащая в основе его системы—*материалистическое понимание истории*. Не только потому, что оно указало, что экономические категории одновременно являются историческими; сама по себе эта идея еще не самое важное; но скорее потому, что только открытие противоречий социальной жизни может открыть и показать механизм развития экономических категорий, их возникновение, изменение и исчезновение,—показать, как все это происходит по определенным законам.

Но для этого необходимо было за вещною видимостью экономических отношений открыть их сущность, а именно: общественного человека и характер общественных отношений. Лежащую в основе материалистического понимания истории идею об общественном человеке, как о двигателе истории, необходимо было доказать в подробностях, в политической экономии, дабы разрушить вещную видимость, экономический

фетишизм и, за движением цен, товарным оборотом и т. п., открыть действия живых людей.

При логическом характере изложения «Теорий» остается в тени как раз эта своеобразная особенность марксизма, так что сам Маркс может показаться лишь завершителем, а не революционером в своей науке. В историческом описании Маркса также не выступают более глубокие движущие причины развития предшествовавшей политической экономии. Это объясняется следующим образом.

Нередко то, что кажется взаимным приспособлением мыслей, на самом деле появляется лишь благодаря обнаружению новых фактов и благодаря необходимости объяснить их. Но если эти новые факты, как причина особенной постановки проблем, не очень выдвигаются на передний план,—ибо в связи духовных явлений наиболее важными кажутся не факты, но разрешение проблем,—то легко может укрепиться иллюзия, что в данном случае имело место лишь новое логическое заключение из уже имеющихся комплексов идей, после чего логически законченная и последовательная мысль вступила в (логическое) противоречие с другими мыслями, что вызвало новое взаимное приспособление мыслей. Так укрепляется иллюзия чисто логического развития научной системы идей.

Таково в основных чертах изложение Маркса в «Теориях прибавочной стоимости». Материалистическая история должна была бы излагаться историко-генетическим образом; на основе достигнутой ступени экономического развития она должна была бы показать, какие проблемы вообще ставятся экономическому мышлению. Беря грубый пример, она должна была бы показать, как, вследствие падения стоимости денег из-за прилива благородных металлов после открытия Америки и вследствие порчи монеты князьями, возникает проблема об отношении между товарами и деньгами; как эта проблема приобретает новую остроту и требует более точного объяснения благодаря государственным экспериментам с бумажными деньгами и их обесцененению, что, например, побудило Рикардо к его исследованиям; как введение машин приводит к различию между вещественною и живой составными частями капитала и ставит в центр экономических исследований проблему уравнения нормы прибыли, которое на первый взгляд кажется несоединимым с теорией трудовой стоимости. И на-ряду с этим

объективным появлением проблем историко-генетическое описание должно одновременно показать, как объяснения экономистов обусловлены их субъективным положением в качестве представителей определенных экономических классовых интересов, как мотивы и интересы экономической политики влияют на теоретико-экономические взгляды. Господство меркантилистической и физиократической теорий, теории Адама Смита и Рикардо, разложение теорий в консервативной реакции Мальтуса, с одной стороны, и этическо-социалистическая оппозиция социалистов, с другой, представляют лишь выражение господства торгового, а потом промышленного капитала и борьбы против него, во-первых, со стороны консервативно-аграрных классов и, во-вторых, со стороны возникающего пролетариата.

Изложение всех этих моментов, которые история политической экономии должна объяснить лишь как идеологический рефлекс реального хозяйственного развития—обратное воздействие идеологии должно быть в свою очередь изображено отдельно—не имеет места в «Теориях» Маркса. Лишь отчасти это объясняется планом его работы, который нам уже знаком из «Критики политической экономии». Там Маркс дает сперва теоретическое развитие той или иной экономической категории, например, товара или денег. За этим теоретическим изложением следует историческое изложение развития данного понятия у прежних экономистов. Таким образом заранее все внимание сосредоточивается на доказательстве логического (научного) развития понятия, в то время как психологическое исследование того, каким образом экономисты пришли к образованию своих понятий благодаря конкретным экономическим отношениям, отступает на задний план, хотя нередко мастерски набросано несколькими штрихами. В «Теориях» логический интерес выступает вперед еще сильнее, чем в «Критике». Но это также имеет свое полное основание. Ибо в истории каждой науки для действительного понимания необходимо прежде всего изображение того, что Маркс называет внутренним ходом ее развития. Лишь это дает возможность отличать существенное, действительно имеющее значение для развития от несущественного и безразличного. Таким образом, описание логического развития есть предварительная работа, которая должна быть проделана для того, чтобы найти потом историко-генетическое объяснение.

Именно «Теории» представляют доказательство того, что подобная предварительная работа плодотворна, чта она особенно необходима и важна. Хаос бесчисленных и необозримых экономических учений выступает здесь впервые в упорядоченном виде. И принцип, который приводит все в порядок, не случайный, привнесенный в ход науки извне. Напротив, здесь становится заметна внутренняя связь, объединяющая все те идеи, которые имеют существенное значение для прогресса познания. И здесь Маркс показывает себя великим реалистом, который за хаотическим многообразием явлений прослеживает закон их восстановления.

Но из природы описываемых явлений вытекает еще одно обстоятельство, которое устраняет, по крайней мере, отчасти указанный недостаток изложения Маркса. Мы знаем, что экономические теории направлены к познанию закономерности социальной жизни; но эта закономерность должна быть исследована для того, чтобы на основе этого познания регулировать социальную жизнь; теория служит политике, как наука вообще служит практике; это, однако, не мешает тому, что для каждого научного работника должно остаться идеалом—заниматься наукою ради самой науки, пока он предается научному исследованию.

Но так как политическая экономия служит экономической политике, то научные взгляды экономистов определяются или обусловливаются политико-экономическими идеалами и интересами. Последние, сознательно или бессознательно, находят свое выражение в их научных взглядах. Но то самое, что составляет предпосылку в историко-генетических исследованиях о том, каким образом исследователи приходят к своим результатам,—то же самое выступает в экономической системе, как результат, как требование экономической политики исследователя. Маркс, анализируя экономистов, прослеживая, часто вплоть до мельчайших подробностей, выводы из их систем, одновременно самым поразительным образом вскрывает классовые влияния, из которых выросли их системы, практические побуждения теоретических взглядов. Нет сомнения, что с наибольшим мастерством это удалось ему по отношению к физиократам, где изложение практической политики бросило свет на все то загадочное в их теории, что вводило прежних исследователей в заблуждение.

То обстоятельство, что путем логического рассмотрения систем можно притти непосредственно к историко-генетическому познанию, вытекает из природы социальной науки. Социальное мышление определяется социальным бытием, которое само, в свою очередь, включает в себя мыслящих людей. То, что детерминирует человека, кажется ему самому целью его воли. Ибо воля определяется только таким образом, что в человеке пробуждаются определенные цели. Лишь благодаря тому, что он выполняет эти цели, что он действует в качестве целесознающего существа, осуществляется необходимость. Человек имеет *цель*, следовательно, деяние может быть совершено им только, как существом действующим, и это дает ему сознание свободы воли. Но для внешнего наблюдателя видно, что он *должен* иметь цель, и это создает необходимость человеческой истории и возможность ее познания. Исследователи-экономисты выставляют в своей экономической политике те цели, познание которых вместе с тем обнаруживает наблюдателю их мотивы. Физиократы, выступая в своей теории, повидимому, защитниками землевладения, в своей политике защищают цели промышленного капитала. Этим они выдают в себе представителей класса капиталистов; узнав их мотивы, мы одновременно объясняем себе особенности их теоретической позиции.

Отто Бауэр.

Теории прибавочной стоимости [1].

Появление последнего тома «Теорий прибавочной стоимости» Маркса представляет выдающееся событие в области науки. Теперь экономический труд Маркса лежит перед нами в законченном виде. Теперь только мы узнаем последнюю часть того труда, первая часть которого была опубликована Карлом Марксом в 1859 году, ту часть, которую Фридрих Энгельс предполагал издать в виде четвертого тома «Капитала».

Наука обязана признательностью Каутскому, редактировавшему четырехтомный труд. Каутский выполнил свою задачу превосходно. Он сохранил за трудом Маркса тот характер, который делает его неоценимым для изучения личности великого учителя: характер заметок, имеющих целью выяснить вопрос самому себе, заметок, которые более наглядно, чем «Капитал», дают нам возможность познакомиться с методом работы Маркса. Но он систематизировал и распределил эти заметки так хорошо, что в обилии отдельных частностей, объясняющих и дополняющих многие части «Капитала», основные руководящие идеи не затерялись.

В этой части своего труда Маркс дает историю политической экономии. Здесь рельефно выступает особенность его исторического изложения, которою он был обязан Гегелю. Подобно тому, как Гегель располагает все прежние философские системы, как составные части своей собственной системы и фазы ее развития, и это развитие отожествляет с саморазвитием духа вообще, так Маркс прослеживает у экономистов последних двух столетий не только основные идеи своего учения, но и каждую отдельную его составную часть и показывает, каким образом

---

[1]) «Der Kampf», 1909/1910.

внутренняя связь этих элементов, вплоть до их соединения в его собственной системе, отражает развитие самого буржуазного общества. Когда Маркс прослеживает следы своего учения о стоимости и прибавочной стоимости вплоть до Петти, своего учения о цене и прибыли—вплоть до Тюрго, своего учения о накоплении, резервной армии, норме прибыли — вплоть до Адама Смита,—учения этих экономистов выступают в такой связи, которая оставалась, конечно, скрытою от них самих. Но только эта связь превращает собрание литературно-исторических заметок в историческую науку. Именно метод отличает Маркса от буржуазной исторической науки и обеспечивает ему превосходство. Буржуазная историческая наука последних пятидесяти лет не дала ни одного сочинения по истории политической экономии, которое можно было бы поставить рядом с этим трудом Маркса.

«Теории» представляют трудную книгу, требующую значительной предварительной научной подготовки. Своих читателей эта книга найдет не среди широких народных масс, но в более узком подготовленном кругу. Тем не менее ее окончание представляет выдающееся событие и для нас, ибо она даст множество плодотворных толчков к популяризации тех частей марксова учения, которые образуют основу современного социализма. Поэтому обзор содержания этой книги будет полезен также для многих читателей нашего журнала «Kampf»[1]). Мы не можем подробно излагать здесь множество очень ценных отдельных частностей, содержащихся в книге, но мы попытаемся дать в нескольких грубых чертах ее общий очерк.

* * *

Самый старый взгляд на прибавочную стоимость, это— взгляд самих капиталистических предпринимателей; прибавочная стоимость кажется им простою надбавкою к продажной цене, это—«прибыль от отчуждения», «profit upon alienation» Стюарта и «profit d'exproprİation» французских меркантилистов. Покупатель теряет то, что продавец выигрывает. Поэтому в пределах отдельной хозяйственной области и в пределах мирового хозяйства, как целого, прибавочная стоимость остается необъясненною. Но нация, государство обогащаются,

---

[1]) Статья Бауэра была напечатана в «Kampf».

получая подобную прибыль во внешней торговле; таким образом этот взгляд приводит к требованию хозяйственной политики, гарантирующей активный торговый баланс.

Прибавочная стоимость, реализующаяся в товарном обращении в пределах данной хозяйственной области, может быть объяснена лишь после того, как в продукте общественного товарного производства открыт источник, из которого покрываются все доходы, получаемые путем обращения. Наиболее наглядным образом этот фонд может быть представлен, как прибавочная стоимость сельско-хозяйственного производства. Земля доставляет нам такой большой доход, что сверх семян и количества их, необходимого для прокормления рабочих, остается еще некоторый излишек. Попытка свести все формы прибавочной стоимости к чистому доходу сельского хозяйства приводит *физиократов* к первому систематическому изображению общественного процесса воспроизводства. Таким образом уже физиократы намечают важнейшие проблемы политической экономии. Сопоставляя изложение их системы в «Теориях» с соответствующими местами «Капитала» и «Анти-Дюринга», мы получим теперь глубокий анализ физиократических учений, превосходящий все то, что буржуазная историческая наука сумела сказать до сего дня об этой первой попытке систематического изображения производства и распределения стоимостей.

В то время, как во Франции, тогда еще преимущественно аграрной, прибавочная стоимость первоначально рассматривалась, как чистый продукт сельского хозяйства, *английские экономисты*, жившие в период от английской революции до французской, признали трудом, создающим стоимость, не только сельско-хозяйственный труд, но труд вообще; прибавочною же стоимостью они признали не только чистый продукт сельского хозяйства, но чистый продукт всякого общественного труда. Если класс землевладельцев хотел представить ренту, как законный источник дохода, а процент на капитал, как греховное ростовщичество, то теоретики буржуазии в своих возражениях указывали ему, что рента и процент по существу носят одинаковый характер, ибо источник обоих составляет излишек продукта труда над заработною платою рабочего. Этим было сделано открытие прибавочной стоимости. Но именно благодаря тому, что исходная точка зрения этих

английских экономистов более правильна, более развита, а потому более сложна, чем точка зрения физиократов, им менее удается объяснить из своих основных положений капиталистическое хозяйство в его целом. Но при исследовании экономических вопросов своей эпохи они пришли к целому ряду ценных отдельных положений, перенятых у них классиками.

Подобно своим английским предшественникам, *Адам Смит* определяет стоимость товара необходимым для его производства трудом. Из разницы между стоимостью товара и заработной платою рабочего, создающего его, он выводит не только ренту (как физиократы) и проценты на капитал (как Петти, Локк, Юм), но также предпринимательскую прибыль. Теперь следовало, исходя из этого основного положения, объяснить все явление капиталистического хозяйства. Пытаясь сделать это, Смит впадает в противоречия. Но интереснее всего, что, впадая в противоречия, сопоставляя рядом несоединимое, он именно этим ставит своим последователям их задачу.

Здесь начинает свое исследование *Рикардо*. Он очищает учение Смита от противоречий. Смит еще смешивает труд, необходимый для производства товара, с трудом, которым этот товар, так сказать, «командует», т.-е. который он в состоянии купить; Рикардо резко отличает оба эти понятия и последовательно определяет стоимость товара первым. Смит еще полагает, что закон, определяющий стоимость товара трудом, имеет силу только для простого товарного производства, с развитием же собственности на землю и на капитал он видоизменяется. Рикардо пытается сохранить действие этого закона и для развитого капиталистического производства; теория ренты и исследование о влиянии изменений заработной платы на стоимость стоят в центре его системы, ибо он хочет показать, что стоимость определяется трудом также при развитой земельной собственности и капиталистических отношениях. Если все виды общественного дохода выводятся из труда, то целью всех хозяйственных стремлений является развитие трудовых приемов, развитие производительных сил. Для этой цели Рикардо решительно готов пожертвовать интересами всех классов без различия и в этом он является представителем действительно сильной стороны капитализма, развития производительных сил. Его учение делается для буржуазии оружием борьбы,—с одной стороны, против класса землевладельцев: рента, это—

только вычет из прибыли, праздный землевладелец—паразит, не увеличивающий богатства общества; с другой стороны, против рабочих: прибыль необходима, ибо только класс, потребляющий прибавочную стоимость и подгоняемый жаждою прибыли, может развивать производительные силы; чем больше прибыль, тем быстрее возрастает капитал, и тем больше рабочих может он занять. Против этих выводов возражают представители как класса землевладельцев, так и рабочих.

Представителем землевладельцев, бюрократии, духовенства выступает *Мальтус*. Рикардо имеет в виду только положительную сторону капитализма, развитие производительных сил; Мальтус же, примыкая к Сисмонди, изображает его отрицательную сторону и развиваемые им противоречия. Но он изображает их в качестве представителя классов прошлого. Нищета рабочих представляет для него естественный закон. Так как заработная плата рабочего меньше стоимости товара, то рабочий класс не в состоянии купить произведенные им товары. Но класс капиталистов должен продать свои товары, дабы реализовать прибыль. Так как рабочий класс не в состоянии купить их, то класс капиталистов не мог бы реализовать свою прибыль, если бы не существовало классов, которые потребляют, не производя, покупают, не продавая: землевладельцев, чиновников, духовенства. Тот же Мальтус, который учит, что рабочие должны голодать, ибо средств существования производится слишком мало, говорит, что общество не могло бы существовать, если бы не было классов, которые потребляют, не производя. Рикардианцы высмеивают это учение Мальтуса: «Могут ли капиталисты получать прибыль благодаря тому, что они подарят свои товары праздным потребителям? Но ведь именно это они делают, когда сами уплачивают землевладельцам—ренту, чиновникам—жалованье, духовенству—церковные доходы, на которые указанные классы покупают товары». Но представители рабочих отвечают на это рикардианцам: «То, что вы высмеиваете в словах Мальтуса, защищающего непроизводительные классы, вы же сами утверждаете по отношению к нам. Ведь вы говорите, что мы должны удовольствоваться низкою заработною платою и подарить продукт нашего труда капиталистам, дабы они могли дать нам работу!»

Защитниками рабочих выступают *социалисты*. Из них Маркс перечисляет авторов анонимного памфлета 1821 года,

Равенстона и Годскина. Опираясь на учение Рикардо, они говорят: «Труд есть источник стоимости, капитал непроизводителен, всякий доход имущих классов проистекает из эксплоатации рабочего класса. Нам не нужен капитал, мы хотим уничтожить прибавочную стоимость». По словам автора памфлета, «нация богата тогда, когда труд продолжается шесть часов, вместо двенадцати; богатство есть время, которым можно располагать, и ничего больше».

Теснимые мальтузианцами, с одной стороны, и социалистами—с другой, ученики Рикардо работают над развитием его учения. При этом они наталкиваются на противоречия. С развитием производительных сил увеличивается нищета вытесняемых машиною рабочих, но одновременно падает и норма прибыли; каким образом это возможно, если, по учению Рикардо, норма прибыли тем выше, чем ниже заработная плата рабочих? Равные капиталы приносят равную прибыль независимо от числа занимаемых ими рабочих; каким образом это возможно, если, по учению Рикардо, только труд создает стоимость? Не будучи в состоянии разрешить эти противоречия, ученики Рикардо отказываются от его основных положений. На-ряду с трудом, источником стоимости объявляются также капитал и земля. Разложение школы Рикардо очищает место для *вульгарной экономии*. По ее учению, капитал обладает таинственным свойством создавать процент, как сама земля производит ренту, а труд—заработную плату. Хозяйственная жизнь уже не является совокупностью отношений людей друг к другу; мертвые вещи господствуют над людьми и доставляют им их доходы. Господство капитала необходимо, ибо мы не могли бы производить без средств производства и без накопленных запасов сырых материалов; земельная собственность необходима, ибо земля есть базис всякого труда. Эксплоатация является естественным законом, прибыль представляет вознаграждение руководителей производства за надзор над ним, капиталистическое производство, это—производство вообще, единственно возможное производство. Чем громче раздается критика капитализма, тем более политическая экономия превращается в его апологию, защиту и прославление.

Когда рента, процент на капитал и предпринимательская прибыль были выведены из труда, политическая экономия получила свое основание. Но экономисты, возвращаясь от

обращения к производству и объясняя прибавочную стоимость уже не из надбавки к цене, не из «profit upon alienation», а из чистого продукта, рассматривали производство благ, лишь как капиталистическое производство товаров. В их глазах последнее представляло «абсолютное» производство. Технически-естественные условия производства вообще были смешаны с особыми социальными условиями, при которых происходит определенное, исторически возникшее и исторически преходящее производство, а именно—капиталистическое. Для них капитал не что иное, как совокупность орудий труда и запасов; заработная плата определяется количеством средств существования, могущих быть произведенными, она низка потому, что их не может быть произведено больше; накопление капитала отожествляется с расширением предприятий и необходимых обществу средств труда, и потому оно столь же необходимо, как это расширение. Но чем резче развиваются классовые противоречия, тем быстрее зреет сознание, что капитализм, это—не закон производства вообще, а лишь преходящая форма производства, определяемая особыми социальными отношениями людей друг к другу. Если уже Рикардо растворил прибыль, процент и ренту в труде, то *Годскин* идет дальше: капитал в обращении, в котором прежние экономисты усматривали запас товаров, он сводит к сосуществованию различных видов труда. Показывая, что влияния, приписываемые запасу товаров, должны быть в действительности приписаны сосуществованию различных видов труда, он ставит на место вещей отношение работающих людей. Здесь лежит корень марксовой идеи устранения фетишизма товара и капитала. *Рамзай* идет еще дальше: он говорит, что капитал не необходим, а обязан своим существованием только нищете народных масс; этим он высказывает ту мысль, что капитал—историческая категория, не условие всякого производства, но лишь отношение производящих людей друг к другу при определенных исторических условиях. *Джонс*, наконец, сравнивая капиталистическое производство с многочисленными докапиталистическими способами производства, видит в первом лишь преходящую фазу в развитии человечества, фазу, за которою могут последовать другие, когда сами рабочие будут собственниками средств труда и запасов, необходимых для труда. Делая обзор изменений в производительных силах и в

производственных отношениях, он одновременно признает, что вместе с ними меняется и «идеологическая надстройка». Таким образом Джонс уже высказывает основную идею материалистического понимания истории.

«По мере того, как общество изменяет свои производительные силы, необходимо меняются также его нравы и обычаи. В ходе своего развития все различные классы общества открывают, что они связаны с другими классами *новыми отношениями*, что они занимают новые позиции, окружены новыми моральными и социальными опасностями и новыми условиями социального и политического процветания. Крупные политические, социальные, моральные и интеллектуальные перемены сопровождают изменение в экономической организации общества и в тех силах и средствах,—безразлично, обильны ли они или скудны,—которыми выполняются задачи производства. Эти перемены необходимо оказывают могущественное влияние на различные политические и социальные элементы населения, в лоне которых происходят указанные изменения. Это влияние простирается на интеллектуальный характер, обычаи, привычки, нравы и счастье нации».

Каутский вполне прав, говоря, что Карл Маркс начал свое дело там, где его оставил Ричард Джонс.

* * *

Основы своего учения о прибавочной стоимости Маркс взял у классиков. Прежде всего ему надо было развить то, что находилось уже в зародыше у его предшественников. *Стоимость* была уже определена трудом. Рикардо уже определил ближе этот труд, как общественный, и указал, что общественный труд представляет общее мерило товаров, ибо все товары суть продукты общественного труда. Маркс придал этим идеям законченный вид благодаря тому, что свел конкретный индивидуальный труд к среднему общественному труду, как к той субстанции, которая создает стоимость.

Классики видели в заработной плате денежное выражение «*стоимости труда*». Но каким образом может случиться, что при обмене накопленного труда на живой труд обмениваются неравные количества труда? Как же возможна тогда прибавочная стоимость? Ученики Рикардо неспособны разрешить эту проблему. Джемс Милль отказывается от теории стоимости,

определяя «цену труда» только спросом и предложением; Бэли указывает на эту проблему, Мак Куллох умеет отделываться от этой трудности только фразами. Маркс разрешает эту проблему, поставив на место «стоимости труда» стоимость рабочей силы.

Благодаря этому *теория прибавочной стоимости* получила законченный вид. Уже классики свели прибыль и ренту к труду. Автор памфлета 1821 года объединил их обе под одним понятием «процента на капитал». Маркс же видит в них формы прибавочной стоимости. Но теперь встает самая важная и трудная задача: Марксу предстояло показать, каким образом из прибавочной стоимости можно вывести конкретные эмпирические формы прибыли и ренты.

Тенденция к *уравнению нормы прибыли* была известна еще Тюрго. Адам Смит ставит ее рядом с законом стоимости, не примиряя их. Рикардо впервые ставит вопрос, как примирить равенство нормы прибыли различных капиталов, приводящих в движение неодинаковые количества труда, с законом, по которому один только труд определяет стоимость и создает прибавочную стоимость. Но Рикардо видит эту проблему не в ее общей форме; он разбирает только два специальных случая. На них он уже показывает отклонение цены от стоимости. По его мнению, изменения в заработной плате и различия в периодах обращения приводят к «исключениям» из закона стоимости. Джемс Милль прибавляет к этим исключениям еще другие случаи. Вскоре эти исключения начинают казаться правилом. Мальтус использовывает эти затруднительные случаи против учения о стоимости Рикардо. Эти же затруднения побуждают Бэли отказаться от понятия «абсолютной» стоимости. Торренс пытается выйти из затруднения предположением, что способность создавать стоимость свойственна не только живому труду, но и накопленному. Мак Куллох приравнивает «действие» средств производства к человеческому труду. Этим он вообще отказывается от теории стоимости, которая видит в стоимости вещно выраженное отношение производительной деятельности людей друг к другу. Проблема, на которой классики потерпели крушение, находит свое разрешение у Маркса. Это разрешение заключается в том, что он отличает *цену производства* от стоимости; в общественной прибавочной стоимости, определяемой разницей между стоимостью всего продукта общественного

труда и стоимостью всей рабочей силы, он видит тот фонд, который распределяется между отдельными капиталами на основании закона средней нормы прибыли, господствующей в образовании цен. Свою новую самостоятельную заслугу Маркс видел не в открытии прибавочной стоимости, а в доказательстве того, каким образом явления цены, на первый взгляд якобы противоречащие закону стоимости, могут быть поняты, лишь как доли прибавочной стоимости. Этим была впервые действительно разрешена та проблема, которую поставили еще физиократы,—проблема о том, как свести доходы, получаемые путем обращения, к чистому продукту общественного труда. Этот исторический ход развития необходимо припомнить, чтобы увидеть всю нелепость обычной критики, направленной против Маркса. Эта критика видит уловку со стороны Маркса, с целью выпутаться из затруднения, как раз в том, что составляет его действительную заслугу, в различении цены производства от стоимости, прибыли от прибавочной стоимости. И так как эта критика неспособна найти разрешение проблемы прибавочной стоимости в производстве, то она поворачивает назад, в сферу обращения, и провозглашает старую «прибыль от отчуждения» (profit upon alienation) новым открытием, под новым именем.

Различение цен производства от стоимости открыло новые пути и для теории *земельной ренты*. Физиократы рассматривали ренту, как излишек дохода земли над потребностями земледельцев, направленными к поддержанию жизни. Но уже Петти и Локк выводили ренту не из земли, а из труда. Рента является теперь излишком цены продуктов земли над их стоимостью. Эта точка зрения, развитая Андерсоном, была воспринята Уестом и Мальтусом; последний систематически связал ее с теорией народонаселения, Рикардо—с теорией трудовой стоимости. Теоретический интерес Рикардо к теории ренты состоял в том, чтобы доказать, что рента не противоречит закону стоимости; но так как цена и стоимость для него совпадают, то он может ввести ренту, лишь как дифференциальную ренту, как излишек рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью. Маркс же, различая цены производства от стоимости, открывает возможность абсолютной ренты; именно там, где продукты земли продаются по своей стоимости, абсолютная рента появляется в качестве разницы между стоимостью и ценою производства.

Дифференциальные же ренты представляют лишь различные величины абсолютной ренты. Теоретический интерес Маркса к абсолютной ренте должен быть рассматриваем в этой исторической связи. Тем не менее, именно эта часть учения Маркса имеет, как мне кажется, преходящий характер. На вопрос о том, может ли цена зерна стоять выше или ниже его стоимости,—вопрос, поднятый самим Марксом («Theorien», II, 2, стр. 111), подробное изложение «Теорий», как и более краткое изложение «Капитала», не дает вполне удовлетворительного ответа. Мне кажется, что здесь сам Маркс впадает в преодоленную им же ошибку, заключающуюся в том, что цена и стоимость ставятся в прямую связь, а не в посредственную. Если бы критика Маркса интересовалась не политическими мотивами, а научным познанием, она была бы направлена сюда, в это наиболее слабое место марксовой системы.

Марксова теория цен производства покоится на признании различий *в органическом составе капитала*. Различию между основным и оборотным капиталами, взятому из сферы обращения и унаследованному классиками от физиократов, Маркс противопоставляет различие между постоянным и переменным капиталами, основанное на самом процессе образования стоимости. В прогрессивном переходе к более высокому органическому составу капитала развитие производительных сил находит свое специфически экономическое выражение. Этим самым теория переходит от старой статической проблемы распределения стоимости к исканию законов движения капиталистического хозяйства. Проблемы *накопления и нормы прибыли*, поставленные уже старыми экономистами, приобретают теперь новый вид.

Смит полагал, что стоимость сводится без остатка к доходам рабочих, капиталистов и землевладельцев. Поэтому он отожествлял накопление капитала с доставлением занятий все большему числу рабочих и предполагал, что спрос на рабочие силы возрастает в такой же мере, как и капитал. Но развитие фабричной системы, несмотря на быстрое накопление, создало *промышленную резервную армию*. Мальтус хотел объяснить ее тем, что накопление капитала происходит не так быстро, как рост народонаселения. Бартон впервые указал, что спрос на рабочие силы возрастает не с накоплением капитала вообще, а лишь с ростом оборотного капитала. Этим было уже открыто

значение состава капитала, была преодолена точка зрения Смита и Мальтуса. Рикардо воспринимает учение Бартона. Наконец, Рамзай ограничивает понятие оборотного капитала капиталом, затраченным на заработную плату, и тем уже находит правильное определение органического состава капитала. Однако, и у Бартона, Рикардо, Рамзая остается еще следующая ошибка.

Они полагают, что оборотный капитал составляет меньшую часть всего капитала именно *потому*, что труд, затрачиваемый на производство необходимых средств существования, составляет меньшую часть всего количества труда, как будто бы средства существования, если бы только они были произведены в достаточном количестве, должны были бы достаться рабочим, вытесненным машиною. Они видят причину изменения органического состава капитала в том, что на самом деле является его следствием. Таким образом они возвращаются к грубо-материальной, физиократической точке зрения, к смешению особенных законов капиталистического производства с всеобщими законами производства вообще, к пережиткам взгляда Мальтуса, по которому нищета рабочего класса объясняется тем, что производство не в состоянии обеспечить возрастающее население средствами питания. Та же ошибка встречается у Шербюлье. Напротив, уже памфлет 1821 года показал, что внешняя торговля дает возможность превращать необходимые средства существования в предметы роскоши и элементы постоянного капитала. Доход рабочего класса зависит не от массы средств существования, которые могут быть превращены в переменный капитал, а от той массы, которая фактически превращается в переменный капитал. В систематической форме указанная ошибка была преодолена марксовым изложением процесса общественного воспроизводства. Сперва он опровергает ошибочное мнение Смита, что стоимость может быть сведена к доходам. Этим устраняется отожествление накопления капитала с увеличением занятий для производительных рабочих. Капитал может обмениваться не только на доходы, но и на капитал. Доход рабочих возрастает не с накоплением капитала вообще, а лишь с переменным капиталом. Распределение труда между отдельными отраслями производства приспособляется к отношению постоянного капитала к переменному и последнего к прибавочной стоимости; это приспособление

является законченным тогда, когда постоянный капитал и накопляемая часть прибавочной стоимости отраслей, производящих средства потребления, обмениваются на переменный капитал и на потребляемую часть прибавочной стоимости отраслей, производящих средства производства. Но, конечно, это приспособление может произойти лишь в результате возмущений и кризисов. Так, эта проблема находит свое разрешение в новой «экономической таблице».

С этим учением связана теория *нормы прибыли*. Уже Смит заметил, что норма прибыли падает; он радовался этому, видя в этом двигатель хозяйственного прогресса. Но уже его последователи видели в падении нормы прибыли рок, угрожающий капиталистическому обществу. Рикардо, отожествляя прибыль с прибавочною стоимостью, не может объяснить падение нормы прибыли иначе, как падением нормы прибавочной стоимости; по его мнению, норма прибавочной стоимости должна падать, ибо возрастающая трудность добывания средств существования повышает стоимость рабочей силы. Таким образом и это учение соприкасается с теорией народонаселения. Джон Стюарт Милль пытается подробно обосновать этот взгляд Рикардо. Но чем яснее обнаруживается, что норма прибыли падает именно с развитием производительных сил, тем ближе подходят позднейшие экономисты к правильному решению вопроса. Памфлет 1821 года и Годскин уже выводят падение нормы прибыли из изменений в органическом составе капитала, но, конечно, они делают это еще не в общей форме, но в применении к специальному случаю: капитал возрастает быстрее, чем количество рабочих сил, так что равные массы живого труда противостоят все большей массе капитала; для того, чтобы норма «процента на капитал» оставалась без изменения, прибавочный труд должен был бы все более увеличиваться за счет труда необходимого; когда это становится уже невозможным, норма начинает падать. Еще ближе подходит к общему решению этого вопроса Рамзай, который определяет норму прибыли не только нормою прибавочной стоимости, но и размером постоянного капитала и объясняет ее падение тем, что увеличивается та часть произведенной стоимости, которая «должна быть отложена для возмещения основного капитала». Маркс замыкает этот ряд экономистов. Положение, развитое им в противовес Смиту, что капитал обменивается

не только на доходы, но и на капитал, объясняет тот факт, что доходы могут возрастать медленнее, чем капитал, что, следовательно, при одинаковой норме прибавочной стоимости, при одинаковом распределении доходов, норма прибыли падает, если постоянный капитал возрастает быстрее переменного.

Так, проблемы, поставленные классическою политическою экономией, находят свое решение в развитой системе Маркса. Орудием, которым Маркс пользуется для их разрешения, является признание противоположности постоянного и переменного капиталов, соотношение которых, выраженное в математической форме, представляет экономическое отражение развитых производительных сил. Так, политическая экономия открывает, каким образом под господством капиталистических производственных отношений вместе с производительными силами развиваются антагонизмы и противоречия, которые должны уничтожить эти самые капиталистические отношения и поставить на их место другие производственные отношения. Анализ капиталистического способа производства превращается в его критику. Буржуазная политическая экономия, найдя в системе Маркса разрешение своих проблем, перестает быть буржуазною экономиею и становится экономиею социалистической.

Генрих Кунов.

Теории прибавочной стоимости до Смита [1].

К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. Т. I.

Вот уже больше двух десятилетий [2]), как земля тихого Хайгетского кладбища покрывает то, что было смертного в Карле Марксе, гениальном мыслителе и борце; но дух этого великого человека все еще излучает живую, действенную силу. Его идеи не только сопровождают рабочий класс в его борьбе, но образуют также и неисчерпаемую сокровищницу, из которой политико-экономическая наука—хотя бы она отрицала это из политических соображений—черпает свои основные положения. Во второй половине девятнадцатого столетия труд жизни Маркса, его «Капитал» был самым выдающимся произведением политико-экономической литературы; он является экономическим знаменем и на пороге двадцатого столетия, и, вероятно, его влияние будет продолжаться, пока существует капиталистическая система хозяйства, анализированная и изображенная им.

Как часто в течение пятидесяти лет, протекших со времени появления первого тома этого произведения, оно подвергалось «уничтожающей» критике цеховой политической экономии, и как часто буржуазная пресса с торжеством возвещала об этом «уничтожении»; но «Капитал» все еще стоит, как несокрушимая скала среди бушующего моря, в то время как писания ничтожных критиков и имена их забыты. Он видел, как целые экономические школы приходили и уходили. Где теперь

---

[1]) «Neue Zeit» 1904/05. B. I.

[2]) Маркс умер в 1883 г., статья Кунова напечатана в 1905 г.

либерально-экономическая школа, отпрыск школы Адама Смита, господствовавшая в либеральной немецкой публицистике шестидесятых и семидесятых годов последнего столетия, где теперь историческая школа, которую встречали колокольным звоном? Одряхлевшая, она пережила самое себя. Она оставила некоторые труды, полезные в частностях, освещающие отдельные области капитализма, она проделала мелкую черновую работу, но не создала ни одного крупного произведения. Даже в области истории хозяйства историческая школа не может указать ничего выдающегося—и это понятно, так как она не имеет даже собственного взгляда на историю и потому не может найти правильную точку зрения, с которой можно было бы обозреть подлежащую исследованию область истории в ее целом и открыть в ее извилистом движении великие пути процесса общественного развития. В настоящее время даже в наиболее интеллигентных кругах буржуазных экономистов историческую школу считают лишь вспомогательным средством, и все сильнее пробуждается потребность в более глубоком теоретическом познании, которое когда-то нашло свое выражение в классической школе английской политической экономии.

Ни одно политико-экономическое произведение последнего времени не удовлетворяет этой потребности в такой мере, как указанный выше историко-критический труд, представляющий продолжение опубликованного Марксом в 1859 году сочинения «К критике политической экономии» и составленный Каутским из посмертной рукописи Маркса. Издавая это сочинение в 1859 году, Маркс видел в нем начало длинной серии монографий, в которой он намерен был рассмотреть с критико-исторической точки зрения все важнейшие вопросы буржуазной экономии: структуру капитала, земельную собственность, наемный труд, государственные финансы, торговлю, мировой рынок. Усвоив, начиная с 1844 года, взгляд, что государственная и правовая жизнь каждой исторической эпохи определяются материальными условиями ее жизни, характером ее хозяйства, Маркс погрузился в Париже в изучение политической экономии, как об этом свидетельствует его ответ на сочинение Прудона «Systeme des contradictions économique ou Philosophie de la misère» [1]); после изгнания из Парижа он усердно продол-

[1]) Ответом Маркса на книгу Прудона является его знаменитое сочинение «Нищета философии». *Прим. ред.*

жал эти занятия в Брюсселе, а после 1850 года—в Лондоне. Результатом их явился ряд сжато набросанных очерков, первоначальная цель которых была—уяснить вопрос самому себе и найти правильный взгляд на предшествовавший ход развития политико-экономических теорий; в них Маркс с критико-исторической точки зрения более или менее подробно исследовал различные вопросы политической экономии.

Одну часть этих очерков Маркс подготовил к печати зимою 1858—1859 г.г., в виде упомянутого выше сочинения «К критике политической экономии», которое рассматривает в первом отделе простое товарное и денежное обращение. В дальнейшем за ним должен был последовать, в виде второго выпуска, отдел об общей структуре капитала, а затем очерк о земельной собственности и, наконец, о наемном труде.

Таков был первоначальный план Маркса, которого он, повидимому, придерживался до 1863 года. Потом он отказался от своего первоначального намерения изложить проблему народного хозяйства в непосредственной связи с критикою своих предшественников и решил развить сперва систематически свою собственную теорию в логической связи и лишь впоследствии издать, в виде отдельного тома, историю теорий. Следуя этому новому плану, Маркс опубликовал в 1867 году первый том своего «Капитала», в предисловии к которому заявлял, что за этою первою частью, анализирующею процесс производства капитала, должен последовать второй том «О процессе обращения капитала» и «О процессе капиталистического производства в его целом» (превращение прибавочной стоимости в различные формы прибыли) и, наконец, в виде заключительного тома, критическая история политико-экономических теорий.

Но и в этой форме план Маркса, как известно, не был выполнен; ибо после смерти Маркса в 1883 году Фридрих Энгельс был вынужден вместо одного тома издать два (в трех книгах), о процессе обращения капитала и о метаморфозах прибавочной стоимости; в противном случае он должен был бы сильно урезать оставленные Марксом для второго тома рукописи и целиком переработать их значительную часть.

Четвертого тома Энгельс, неожиданно скошенный смертью, не успел издать. По желанию наследников Маркса, его место занял Каутский, которого и сам Энгельс перед смертью назначил своим преемником. По мысли Энгельса, критические очер-

ки, содержавшиеся в оставленной Марксом рукописи, следовало объединить в «критическую историю теорий прибавочной стоимости», выбросив те места, которые уже были включены во второй и третий томы «Капитала». Благоговейно почитая волю Энгельса, Каутский пытался сперва выполнить этот план, но безуспешно. В рукописи Маркса полемика и критика слишком тесно связаны с историческими экскурсами и собственным дальнейшим развитием идей, начатых критикуемыми авторами; эти две стороны слишком тесно переплетаются, взаимно дополняя и определяя одна другую, чтобы можно было вырвать их из этой связи, не искажая и не нанося ущерба труду Маркса. Оставалось делать одно из двух: или целиком переработать большую часть рукописи, дополнить ее и придать ей другую форму, или же отказаться от желательного Энгельсу выделения критико-исторических выводов и напечатать рукопись Маркса, сохранив ее внутреннюю связь. Как же поступить? Конечно, намерениям Маркса и Энгельса более соответствовала бы переработка рукописи; исключив из рукописи многие места, параллельные выводам первых трех томов «Капитала», можно было бы сократить размеры нового произведения, лучше распределить материал и заполнить имеющиеся пробелы—но четвертый том «Капитала», который возник бы таким образом, представлял бы собою историю теорий ценности и прибавочной ценности, составленную не Марксом, а Каутским, на основании взглядов Маркса.

Как ни заманчива должна была казаться Каутскому мысль написать четвертый том «Капитала» и тем навеки связать свое имя с этим знаменитым произведением политической экономии, но он решил издать рукопись в том виде, как она была составлена Марксом; за это самоотречение, за эту добровольную скромность мы должны быть сердечно ему благодарны. Правда, в изданном произведении нередко встречаются пробелы, часто при его чтении является желание видеть дальнейшее развитие незаконченных мыслей и последние выводы из них, но тем не менее первый том в том виде, как он составлен Каутским, представляет собою огромный чарующий труд. Это—незаконченный остов идей, но остов гениального архитектора, остов, который выдает руку великого мастера в своих тонких и вместе с тем мощных линиях, в своих смело взлетающих ввысь арках и колоннах, в их гордой простоте, чуждой мелких украшений

и современной погони за эффектами. В известном смысле изучение этого остова, и именно его незаконченных частей, доставляет более высокое наслаждение, чем изучение «Капитала», ибо в последнем мы находим уже вполне отделанные и отшлифованные формы, а новое произведение позволяет нам бросить интимный взгляд в мастерскую идей Маркса, оно показывает нам Маркса за работою—и притом молодого Маркса, с его бурным стремлением к знанию и творчеству, еще не ослабленным постигшей его впоследствии продолжительною и изнуряющею болезнью.

Если по впечатлению, произведенному книгою на меня лично, я могу судить о впечатлении, которое она произведет на других читателей-социалистов, то успех ее будет выдающийся, несмотря на трудность понимания некоторых мест. Я приступил к чтению книги без особого интереса—сказать по правде, только потому, что я должен был прочесть ее,—ибо я ожидал встретить в ней, только в другой форме, повторение отдельных глав первых трех томов «Капитала». Но чем дальше, тем больше изложение захватывало меня. Во мне снова как бы ожила моя юность: то время, когда я, знакомый лишь с немногими сочинениями экономистов-социалистов и еще всецело погруженный, как то подобает молодому купцу, в буржуазно-экономическую науку, впервые получил в свои руки первый том «Капитала» и когда я, понимая многое в нем лишь наполовину, все же увидел новый, другой мир.

Появлением «Теорий прибавочной стоимости» в теперешнем виде мы обязаны не только Марксу, но и редактору этого сочинения Каутскому; из неразборчивой, нерасчлененной рукописи, без делений на главы и отделы, с бесчисленными отступлениями, повторениями и ссылками на сказанное, он составил стройное целое произведение. Работа была нелегкая и немалая: ибо речь шла о том, чтобы изложение, разбросанное на 1472 мелко исписанных страничках, расположить по его внутренней связи таким образом, чтобы не только сохранить историческую последовательность теорий, но и составить одно логическое целое, переходящее от простого к более сложному, и притом сохранить дух Маркса. Каутскому удалось так успешно разрешить эту задачу, что читатель, если не обратит особого внимания на примечания, вряд ли заметит, что весь текст составлен из различных отрывков.

1. *Английские меркантилисты.*

Первый том «Теорий прибавочной стоимости», составленный Каутским из рукописи Маркса, рассматривает зачатки теории стоимости и прибавочной стоимости до Адама Смита включительно. Во втором томе Каутский обещает дать марксову критику сочинения Рикардо «Principles of political economy», а в третьем—критический разбор заблуждений Мальтуса и картину распадения школы Рикардо. Большая часть первого тома посвящена взглядам Смита на теории трудовой стоимости и прибавочной стоимости, превращению прибавочной стоимости в предпринимательскую прибыль,земельную ренту и капитал к смитовскому определению производительного труда. Этому предшествует краткая характеристика физиократизма и первых теорий прибавочной стоимости английского меркантилизма, отчасти как историческое введение в ход идей Смита, с целью резче подчеркнуть связь последних с воззрениями физиократов.

Первый отдел книги, посвященный теориям стоимости английского меркантилизма, не имел в рукописи Маркса того связного вида, в каком преподносит нам его Каутский. Каутский составил его из отрывков, включенных Марксом в его критику теорий Смита и Рикардо, с целью показать, как далеко в глубь истории английской политической экономии уходят зачатки этих теорий. Разбору подвергнуты сочинения сэра Вильяма Петти, Чарльза Д'Эвенэнта, Дэдлей Норса, Джона Локка, Давида Юма и Ж. Месси. Наиболее подробную оценку находит Вильям Петти, «основатель современной политической экономии», как называет его Маркс. С некоторым благоговением, ясно свидетельствующим о том, как высоко он ценит Петти в качестве политико-экономического теоретика, Маркс излагает его определение стоимости товаров общественно-необходимым для их производства трудом, его разграничение естественной цены (меновой стоимости) от преходящей рыночной цены (true price currant), его взгляд на земельную ренту, как на излишек, производимый рабочим, обрабатывающим землю, сверх издержек его содержания, его исчисление стоимости земли в зависимости от высоты ренты, на основании общепризнанного тогда в Англии закона Гроунча о средней продолжительности чело-

веческой жизни. Маркс подвергает критическому разбору сочинения Петти «Treatise on Taxes» и «Political Arithmetick». Повидимому, во время составления рукописи ему еще не было известно появившееся в 1682 году и упоминаемое в «Анти-Дюринге» сочинение Петти «Quantulumcunque concerning money», которое в известном смысле представляет последний этап развития Петти и в котором он резюмирует свои взгляды на отношение стоимости товаров к денежной (монетной) стоимости.

Связное изложение «Теорий прибавочной стоимости» начинается в рукописи Маркса лишь с критики сэра ДжемсаСтюарта, по моему мнению, наиболее слабого места книги. Как в своем сочинении «К критике политической экономии», изданном в 1859 году, так и здесь Маркс, по моему мнению, слишком подчеркивает в Стюарте научного истолкователя исправленного меркантилизма, истолкователя, замыкающего собою доклассический период английской политической экономии и, в качестве последнего могикана, излагающего основные положения меркантилизма в точной формулировке, в виде стройно продуманной системы. Конечно, в общем такой взгляд вполне верен. Но обширное сочинение Стюарта «An jnquiry into the principles of political economy» показывает, что его автор уже находился под сильным влиянием французского физиократизма, с которым он познакомился во время своего долголетнего пребывания во Франции. И это влияние сказывается не только в том, что Стюарт вводит в свою «систему» некоторые физиократические взгляды в виде декоративного украшения, но и в том, что, пытаясь логически соединить их с воззрениями английских меркантилистов, он неоднократно приходит к новым понятиям и взглядам. Конечно, его выводы большею частью истинно-меркантилистические. Это объясняется отчасти тем, что ему часто не удается найти синтеза для отличных друг от друга меркантилистических и физиократических взглядов, но еще больше тем постулатом, из которого исходит Стюарт в своих исследованиях, и тою целью, которую он ими преследует. Для того, чтобы понять тенденции английской политической экономии семнадцатого и восемнадцатого веков, необходимо принять во внимание, что ее главными представителями были не ученые, стремившиеся своими исследованиями завоевать себе имя в науке, но купцы или чиновники, состоявшие

на государственной службе по торговой, таможенной, колониальной и финансовой части; им казалось аксиомою, что Англия, благодаря своему географическому положению, природе и историческому развитию, больше всех других стран предназначена сделаться государством промышленным и торговым. В своих исследованиях они хотели прежде всего указать путь к этой цели мощно развивающейся английской торговой буржуазии. Уже в Петти мы находим ярко выраженными черты этой торговой политики. Если не по своей профессии, то по своему характеру Петти был английским крупным купцом; в качестве личного секретаря Генри Кромвеля (сына знаменитого Оливера Кромвеля), он заведывал, главным образом, его финансовыми делами, особенно со времени назначения Кромвеля правителем Ирландии. Д'Эвенэнт был финансистом и генеральным инспектором английской внешней торговли, Дэдлей Норс был сперва крупным купцом, а потом генеральным таможенным комиссаром и управляющим английскими государственными имениями, Ричард Кантильон—купцом, а впоследствии банкиром, и даже Джон Локк написал свои политико-экономические сочинения в качестве чиновника английского министерства колоний.

Этим характером английского меркантилизма объясняется также его глубокое понимание теории трудовой стоимости и вопросов международного торгового оборота. В известном смысле он является лишь теоретическим выражением наступившего в результате великой английской революции семнадцатого века перехода власти от английского феодализма к городской торговой и промышленной буржуазии,—в результате победы представленного этою буржуазией населения торговых городов, особенно Лондона, над режимом Стюартов, который опирался на «кавалеров» и на феодально-католическое духовенство. И его теоретические определения, это—не пустая игра в формулы, но полемическое оружие в борьбе против феодального землевладения и его архаического взгляда на государство,—оружие, заостренное сознанием классовых противоречий. Джемс Стюарт, хотя и был шотландским лендлордом, но тоже считал, что Англии предназначено стать торговым государством и его сочинение имеет своею специальною задачею дать Англии научную путеводную нить в ее экономической политике: об этом свидетельствует уже подзаголовок

его сочинения «Essay on the science of domestic policy in free nations»—такою «свободною» нациею была для него именно Англия. Но с этой точки зрения Стюарт, разумеется, считал многие воззрения французских физиократов, как исходящие из иных экономических отношений, неподходящими для торговых задач Англии и незаслуживающими внимания. С другой стороны, Стюарт хочет извлечь практические результаты для английской экономической политики. Поэтому он часто прерывает свои теоретические рассуждения, как только ему кажется, что он достиг таких результатов. Его не привлекают изыскания ради изысканий.

Несмотря на эту бесспорную незаконченность и односторонность, у Стюарта все же встречаются прямо гениальные взгляды на тогдашний хозяйственный строй. Значение этих взглядов Маркс положительно недооценивает. Так, например, Маркс пишет:

«Стюарт не разделяет той иллюзии, согласно которой прибавочная стоимость, получаемая отдельным капиталистом, благодаря продаже товара выше его стоимости, создает новое богатство. Он отличает *положительную* прибыль от *относительной*.

«*Положительная* прибыль ни для кого не означает потери, она создается увеличением труда, промышленности или умения и вызывает увеличение или возрастание общественного благосостояния (public good)... *Относительная* прибыль означает потерю для тех или других лиц; она выражает колебание весов богатства между участниками (a vibration of the balance of wealth between parties), но не дает никакого прироста к общественному достоянию (stock)... Не трудно понять смешанную (the compound) прибыль; это род прибыли, частью относительной, частью положительной... Оба вида могут являться нераздельно в одном и том же предприятии» (Principles of Political Economy. The Works of Sir Iames Steuart etc. Ed. by General Sir Iames Steuart, his son etc., в шести томах, Лондон, 1805 г. I, стр. 275, 276).

«*Положительная прибыль* создается «увеличением труда, промышленности или умения». Стюарт не старается объяснить себе, каким образом она создается этим увеличением. То добавочное замечание, что увеличение и подъем «общественного благосостояния» есть результат этой прибыли, доказывает,

повидимому, что Стюарт понимал под этим только возрастание массы потребительных стоимостей, создаваемых вследствие развития производительных сил труда, и что он считал эту положительную прибыль совершенно независимой от прибыли капиталистов, которая всегда предполагает увеличение меновой стоимости» [1]).

Это определение «положительной прибыли» показывает, что Маркс не вполне усвоил воззрения Стюарта на прибавочную стоимость. Стюарт, имея в виду первобытную обработку земли, исходит из основного положения, что повышающим культуру может называться только такой труд, который приносит прибавочный доход, то-есть создает большее количество потребительных стоимостей, чем затрачено при производстве на содержание земледельцев и на возмещение изношенных орудий труда. Если труд не приносит этого прибавочного дохода, если доход производства покрывает только количество затраченных при производстве потребительных стоимостей, то население не может увеличиваться и производство не может расширяться, за отсутствием необходимого для этого фонда. Поэтому, как заявляет Стюарт (I книга, XX глава), «продукт земледелия» должен быть оцениваем не только «с точки зрения его количества, но и с точки зрения затраченного при его производстве труда», отсюда он далее заключает, что наиболее выгодным является тот способ обработки земли, который доставляет наибольший продукт в сравнении с затраченным при его производстве трудом.

Но откуда получается этот прибавочный продукт? По мнению Стюарта, от того, что рабочий работает дольше, чем это необходимо для производства средств его содержания, что он выполняет *прибавочный труд, «дополнительный труд»*, как называет его Стюарт. На низших ступенях земледелия излишек производства ничтожный, но он возрастает по мере увеличения ловкости рабочих и целесообразности орудий труда—по мере увеличения общей производительности. Поскольку этот прибавочный доход немедленно потребляется индивидуально самим рабочим, он не приносит никакой прибыли; но прибыль доста-

---

[1]) Цитировано по русскому изданию: К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости». Перевод под редакц. Г. В. Плеханова. Вып. I. СПБ. 1906 г., стр. 32—33. В дальнейшем цитируем по тому же изданию. Прим. ред.

вляется тою его частью, которая в какой бы то ни было форме превращается в капитал, или, как выражается Стюарт в истинно-меркантилистическом духе, в деньги, и благодаря этому увеличивает количество «общественных благ».

Дальше этого Стюарт не идет, и, быть может, эта незавершенность его гениальных зачаточных идей привела к тому, что Маркс недооценил их значения. Стюарт нигде не делает того вывода, что если рабочий выполняет прибавочный труд, то прибавочный продукт представляет, собственно говоря, прибавочный труд. Напротив того, он понимает «прибавочный доход» (Surplus) в наивно-физиократическом духе, как продукт, который, хотя и извлечен трудом, но происходит от «плодородия земли», еще более чужд ему вывод, что «дополнительный труд» есть труд неоплаченный. С точки зрения наших теперешних, более глубоких взглядов, при чтении его книги нам часто кажется, что, начиная с известного пункта, он в своих выводах теряет свою обычную последовательность; но тем не менее его выводы показывают, что Маркс не оценил по достоинству значение стюартовской «положительной прибыли», полагая, что под нею Стюарт понимает лишь «бо́льшую массу потребительных стоимостей», возрастающую благодаря повышению производительности. На самом же деле Стюарт понимает под нею полученный в производстве прибавочный доход, который, в качестве излишка дохода производства над издержками производства, частью опять находит себе применение в процессе общественного производства и расширяет его.

На-ряду с «положительною» (реальною) прибылью, получаемою в производстве, существует еще, по мнению Стюарта, «относительная» прибыль, получаемая в торговле, «прибыль от отчуждения» (profit upon alienation), которая происходит от того, что в торговом обороте товары «отчуждаются» выше своей стоимости. Эта прибыль не имеет положительного характера, она имеет свой источник не в возрастании стоимости товаров, но в обсчете покупателя. То, что один выигрывает, другой должен переплатить. При этом общее достояние страны может измениться только в том случае, если эта прибыль получается не на внутреннем рынке, но в торговле с заграницею.

«Относительная прибыль,—говорит Стюарт (книга II, глава VIII),—означает потерю для кого-то, она показывает колебание весов богатства между различными участниками, *но ничего*

не прибавляет к национальному капиталу. В соответствии с этим относительная потеря одновременно показывает, что кто-то другой получил прибыль; она также означает колебание весов, не уменьшающее массы общего достояния».

Эта неправильная оценка характера стюартовской «прибыли» приводит Маркса к другому неправильному представлению.

«Прибыль, т.-е. прибавочная стоимость,—говорит Маркс,— относительна и сводится к колебанию весов богатства между участниками. Стюарт сам отклоняет ту мысль, что таким путем можно объяснить прибавочную стоимость. Как ни мало затрагивается природа и происхождение прибавочной стоимости его теорией «о колебании весов богатства между участниками», эта теория сохраняет важное значение при изучении распределения прибавочной стоимости между различными классами по различным рубрикам: прибыли, процента, ренты.

«Что Стюарт сводит всю прибыль отдельных капиталистов к этой «относительной прибыли», к прибыли, получаемой от отчуждения, видно из следующего:

«Реальная стоимость товара (manufacture),—говорит он,— определяется тем количеством его, которое в среднем, может произвести рабочий данной страны в течение одного дня, недели, месяца и т. д.

«Во-вторых, она определяется стоимостью средств существования и издержками, делаемыми как для удовлетворения личных потребностей рабочего, так и для приобретения им необходимых для его ремесла инструментов; все это опять надо брать в среднем.

«В-третьих, стоимостью сырого материала (стр. 244, 245). «Если эти три статьи известны, тогда цена продукта дана. Она не может быть менее суммы этих трех статей, т.-е. менее реальной стоимости. Что превышает эту сумму, то составляет прибыль промышленников (manufacturer). Она всегда будет находиться в зависимости от спроса и изменяться, смотря по обстоятельствам» [1]).

В действительности это определение «реальной» стоимости в зависимости от заработной платы и сырого материала *не* является, как думает Маркс, сумбурным, но, принимая во вни-

[1]) Указан. сочин., стр. 33—34.

мание тогдашнее состояние экономической науки, оно может быть названо почти гениальным. В относящейся сюда главе, озаглавленной: «Каким образом цена определяется торговлею?» Стюарт хочет показать, из каких составных элементов стоимости складывается «цена», регулируемая спросом и предложением. Ход его мыслей таков. Прежде всего необходимо принять во внимание содержание рабочего и использованные им орудия труда, а равно цену употребленных сырых материалов, точнее выражаясь: возмещение израсходованного переменного и постоянного капитала. Но этим составные элементы стоимости еще не исчерпаны; сюда еще присоединяется стоимость прибавочного труда, которую рабочий прибавляет к продукту сверх стоимости полученных им средств содержания. Как определить эту прибавку к стоимости? Стюарт дает следующее тяжеловесное определение: «По отношению к товарам, предназначенным для продажи, прежде всего необходимо узнать, в каком количестве может изготовить его один рабочий в один день, одну неделю или один месяц, в зависимости от качества продукта, который может потребовать для своего изготовления больше или меньше времени. При этом необходимо найти среднее количество, которое обыкновенно производит рабочий данной страны, не будучи ни лучшим, ни худшим представителем своей профессии и работая в местности, не отличающейся ни особенно благоприятными, ни особенно неблагоприятными местными условиями».

Итак, на-ряду с заработною платою, стоимостью сырых материалов и использованием орудий труда, Стюарт хочет еще принять во внимание степень средней производительности труда, его продуктивности. Конечно, это определение наивно и ошибочно; но оно коренится в правильном взгляде, что «реальная» стоимость (меновая стоимость) товара включает в себе не только возмещение издержек производства, но что к последним в производстве еще прибавляется дальнейший прирост стоимости (прибавочная стоимость). Если товар продается ниже суммы этих составных элементов стоимости, то, по словам Стюарта, его цена ниже его стоимости; если он продается дороже этой суммы, его цена выше стоимости, и фабрикант, продавая по такой цене, получает еще особую «прибыль от отчуждения» (profit upon alienation). Итак, «реальная» стоимость товара включает в себе «добавочную» стоимость, полу-

чаемую в производстве, но не прибыль, получаемую при отчуждении, как об этом говорит Стюарт в начале соответствующей главы: «В цене товаров я нахожу две совершенно различные, фактически существующие вещи: это—реальная стоимость предмета и прибыль от отчуждения».

Если и в этом пункте Маркс, быть может, недооценил теоретические заслуги Стюарта, то, с другой стороны, он не был бы Марксом, основоположником материалистического понимания истории, если бы он не заметил и не оценил по достоинству исторических взглядов Стюарта на процесс возникновения капитала и на буржуазный характер товарного производства в Англии восемнадцатого века. Уже в своей книге «К критике политической экономии» Маркс констатирует этот прогресс Стюарта по сравнению с его предшественниками.

2. *Характер физиократизма.*

Изложение Маркса становится поистине блестящим лишь в его характеристике физиократизма: по сжатости и точности изложения этот отдел далеко превосходит все известные монографии о физиократизме и о том положении, которое он занимает в развитии экономических учений. Маркс не дает общей картины физиократических теорий; он ограничивается эскизом их важнейших основных положений и выводов, сделанных из них. Но как гениальный художник часто немногими штрихами изображает характерные особенности данной личности более наглядно, чем другой художник законченным портретом, так и Маркс в своем эскизе представляет самым наглядным образом строй идей, характерный для физиократических воззрений. Основные взгляды, образующие фундамент научного здания физиократизма, выступают рельефно и ярко. Маркс имеет великое преимущество перед всеми буржуазными экономистами, занимавшимися критикой физиократизма,—преимущество, которое дает ему возможность стать на более высокую точку зрения и тем открывает ему более обширную перспективу для оценки физиократической системы: это—его историческое понимание, которое показывает ему развитие физиократического учения не только в связи с особым ходом развития французской хозяйственной жизни восемнадцатого века, но вместе с тем открывает ему, что идейные концепции теорети-

ков-физиократов, несмотря на сделанные из них полуфеодальные выводы, уже заключают в себе основные элементы английской классической политической экономии. Каким карликом, например, кажется рядом с Марксом профессор Август Онкен, светило бернских экономистов, официально признанный цеховою наукою специалистом по части физиократической теории. В утомительном, вымученном труде, который в такой же мере отличается от гениальных эскизов Маркса, как педантически выписанная, шаблонная жанровая картинка от гениальных уверенных взмахов кисти Рембрандта, он усердно пересказывает идейные формулы физиократов и, нанизывая их под-ряд, называет эту работу очерками по «истории физиократии». У него отсутствует какая бы то ни было историческая перспектива, какой бы то ни было исторический масштаб, и в поисках за мудрыми истинами физиократизма он так затерялся в его лабиринте, что, как известно, несколько лет тому назад пытался обосновать требования аграриев о хлебных пошлинах для современной Германии, ссылаясь на идеи И. Чайльда и Томаса Мэна о влиянии английской внешней торговли на земледелие и на писания Кенэ в защиту высоких цен на хлеб.

По мнению Маркса, основное различие между воззрениями физиократизма и меркантилизма заключается в том, что первый переносит исследование о происхождении прибавочной стоимости из области обращения в область непосредственного производства:

«Согласно меркантильной системе, существует только относительная прибавочная стоимость; что выигрывает один, то теряет другой; profit upon alienation, oscillation или vibration of the balance of wealth between different parties. Следовательно, для капитала, взятого во всей его совокупности, внутри данной страны не создается никакой прибавочной стоимости. Она может возникать только в сношениях одной нации с другими. При этом излишек, который одна нация реализует для себя из сношений с другими, выражается в деньгах (торговый баланс), потому что именно деньги представляют непосредственную и самостоятельную форму меновой стоимости. В противоположность этому—так как меркантильная система в самом деле отрицает создание абсолютной прибавочной стоимости—физиократия желает объяснить ее: produit net. А так как прибавочный продукт приковывал ее вни-

мание к потребительной стоимости, то единственным создателем его являлось в ее глазах земледелие... Следовательно, сущность капиталистического производства состояла, по мнению физиократов, в производстве прибавочной стоимости. Они старались объяснить это явление. И в этом и состояла задача науки после того, как они отвергли прибыль, происходящую, по учению меркантилистов, из отчуждения (profit d'exrpropriation)» [1]).

Действительно, прогресс физиократизма состоит в этом изменении точки зрения, в перемещении исследования в область производства. Конечно, уже у вышеупомянутых английских меркантилистов мы отчасти находим тот взгляд, что на-ряду с получаемою в торговле относительною прибылью, в земледелии имеется прибыль или «прибавочный доход» (Surplus), заключающийся в излишке дохода производства над израсходованными в производстве потребительными стоимостями. Мы уже видели выше, как далеко ушел в этом отношении Джемс Стюарт по сравнению со взглядами первых меркантилистов, но даже у Петти мы встречаем уже взгляд, что труд, применяемый в земледелии, создает прибавочный доход (Surplus), и там, где земледелец не является одновременно собственником земли, этот доход достается последнему в виде земельной ренты. Петти же выставляет положение, которое звучит совсем в физиократическом духе: «Труд—отец и активный производитель богатства, а земля—его мать».

Однако все подобные воззрения остаются еще в зачаточном состоянии. Они не ведут к более подробному исследованию прибавочного дохода, получаемого в земледелии, или прибыли. И не потому, что английские экономисты доклассического периода не обладали необходимою проницательностью, а потому, что экономическое развитие Англии направляло их исследования на другой путь. Со времени Кромвеля, а особенно со времени восшествия на престол Вильгельма Оранского, Англия выросла в первое торговое государство в мире. Прежнее могущественное положение Испании и Голландии, как торговых государств, было уничтожено, морское могущество Франции было сломлено. Английский флаг господствовал на морях. Внешняя торговля Англии, ее мануфактурная промышленность, ее колонии выросли в громадных размерах. Со всех

---

[1]) Указан. сочин., стр. 46—47.

концов света стекались сокровища в английские гавани и оттуда находили свой дальнейший путь в страны континента. Какую большую прибыль доставляли эти торговые и колониальные предприятия, ясно доказывается беспрестанным ростом числа тех лиц, которые участвовали в этих предприятиях и достигали громадных богатств. Вскоре эти явные успехи нашли свое выражение в догме, согласно которой Англии, благодаря ее географическому положению, предназначено стать мировым торговым государством; перед лицом таких успехов необходимо должно было казаться абсурдным учение о том, что торговля и расцветающая промышленность имеют лишь второстепенное значение для роста национального богатства. Для английских экономистов—тем более, что, как уже было указано, они в качестве купцов, банкиров или английских чиновников по торговой и колониальной части были прямо заинтересованы в торговом преуспеянии Англии—главная задача заключалась, скорее, в исследовании вопроса: на каких основах должна вестись английская торговля, дабы она еще больше споспешествовала росту богатства страны?

В этом направлении ведут они свои исследования, и в высшей степени интересно проследить, как английские экономисты, под влиянием этого господствовавшего в тогдашней Англии взгляда, приходили к другим выводам, чем французские физиократы, даже там, где они исходили из одинаковых с ними основных положений. Например, из того взгляда, что только одно земледелие доставляет излишек производства, французский физиократизм делает вывод, что торговля и промышленность «бесплодны»; напротив, Джемс Стюарт ставит вопрос, что произойдет с прибавочным продуктом сельского хозяйства, если он не будет реализован торговлею и не найдет сбыта среди промышленного населения, и приходит к выводу, что сельское хозяйство может расширяться и содействовать росту населения лишь в том случае, если оно будет развиваться «в одном направлении с промышленностью». С точки зрения французских физиократов, средний промышленный класс является в известной мере паразитом сельского землевладения; по мнению же Стюарта, рост этого среднего класса—условие для развития сельско-хозяйственного производства.

Совсем в ином положении находились внешняя торговля и промышленность Франции в середине восемнадцатого века.

И та и другая все более теряли свое прежнее международное значение. Оттесненная Англией на задний план, разоренная войною и плохим финансовым управлением, обремененная громадными долгами, страна могла улучшить свое хозяйственное положение только расширением своего сельского хозяйства и повышением его доходности. Но вместе с тем являлся вопрос: как лучше всего повысить этот доход и излишек его над издержками производства? И этот вопрос вел далее к исследованию природы прибавочного продукта и его распределения.

Маркс критически рассматривает, как это исследование развивается у различных представителей физиократической системы, и после краткого очерка общего характера этой системы последовательно разбирает воззрения Тюрго, Ф. Паолетти, Пьетро Верри, Т. Шмальца, графа де-Бюа, Неккера и друг.; он на отдельных примерах показывает, что для старейших физиократов прибавочный продукт, так называемый «produit net», означал лишь излишек потребительных стоимостей; они видели в нем не произведение прибавочного труда, то-есть продукт неоплаченного труда, а лишь дар щедрой природы: подарок матери-земли, который они просто отождествляли с земельною рентою, так что промышленная прибыль и процент на капитал казались лишь различными видами, на которые поземельная рента в процессе обращения разделяется между землевладельцами, промышленниками и заимодавцами—данью сельского хозяйства промышленности. Но Маркс, даже в качестве экономиста, был слишком историком, чтобы ограничиться подобным критическим разбором. Он включает в свое изложение маленькие исторические экскурсы и показывает, как физиократическая система, усматривая, с одной стороны, в землевладельце капиталиста, покупающего рабочую силу, с другой стороны, делает из предполагаемой бесплодности промышленного производства тот вывод, что промышленные предприятия не должны облагаться налогами и государство не должно своим вмешательством препятствовать их взаимной конкуренции. Таким образом физиократическая система, несмотря на свою феодальную окраску, благоприятствует капиталистическому производству.

«По той же причине в выводах, сделанных самими физиократами, мнимое превознесение землевладения превращается в его экономическое отрицание и в утверждение капиталисти-

ского производства. Все налоги переносятся на поземельную ренту, или, иными словами: поземельная собственность отчасти конфискуется,—мера, которую старалось провести, несмотря на протест Редерера и других, французское революционное законодательство и которая представляет собою окончательный вывод из современной, усовершенствованной Рикардо политической экономии. Налоги всецело взваливаются на поземельную ренту так как она является единственной прибавочной стоимостью и так как, вследствие этого, всякое обложение других форм дохода сводится, в конце концов, к обложению поземельной собственности, но сводится косвенным, т.-е. вредным в экономическом смысле, путем, в ущерб производству. При таком исключительном обложении поземельной собственности бремя налогов, а следовательно, и всякое государственное вмешательство, было отстранено от промышленности, и таким образом она совершенно освобождалась от этого последнего.

Так как промышленность, по мнению физиократов, ничего не создает, а только превращает в другую форму получаемые ею от земледелия стоимости; так как она не прибавляет к этим стоимостям никакой новой стоимости, а возвращает переданные ей стоимости в виде эквивалента, только изменяя их форму,—то, естественно, является желательным, чтобы этот процесс совершался без помех и обходился по возможности дешевле; а это достигается только свободной конкуренцией, при которой капиталистическое производство предоставляется себе самому. Так что освобождение буржуазного общества от абсолютной монархии, воздвигнутой на развалинах феодального общества, совершается только в интересах феодального землевладельца, превращенного в капиталиста и стремящегося только к обогащению. Капиталисты являются капиталистами только в интересах землевладения, совершенно так же, как позднейшая зрелая политическая экономия позволяет им быть капиталистами только в интересах рабочего класса» [1]).

В последней части отдела о физиократах Маркс объясняет «экономическую таблицу» (Tableau économique) Кенэ. Он значительно упрощает ее. Четырнадцать последовательных актов обращения, которые Кенэ указывает в первоначальной таблице, он сводит к пяти; но зато он, с другой стороны, дает

[1]) Указан. сочин., стр., 44—45.

интересное расширение таблицы: он начинает обращение не только с того акта, которым оно начинается у Кенэ (уплатою арендатором годичной ренты землевладельцу), но, кроме того, предполагает различные другие исходные пункты процесса обращения и далее исследует, как в каждом случае сложится обращение для арендатора, промышленного капиталиста и рабочего. Это исследование является интересным дополнением к выводам Маркса о метаморфозе товаров в первом томе «Капитала» (I отдел, 3 глава).

3. Адам Смит.

Знаменитое сочинение Адама Смита «Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», взгляды которого на стоимость и прибавочную стоимость Маркс подробно разбирает во втором отделе своей книги, представляет в известном смысле синтез физиократических воззрений на прибавочную стоимость с учением английских меркантилистов о трудовой стоимости и цене. Понимание прибавочной стоимости или отожествляемой с нею прибыли, как «прибыли от отчуждения», естественно, побуждало английских меркантилистов наблюдать процесс обмена: превращение товара в деньги и обратное превращение торговцами их денег в товар. А наблюдение этого процесса, в свою очередь, открывало им постоянное колебание цен товаров в торговом обороте, без изменения их качества, их потребительной стоимости. Благодаря этому меркантилисты вскоре начали различать два вида стоимости: рыночную стоимость, определяемую рыночными отношениями (price, extrinsic value, contingent value, current price и т. п.), и настоящую внутреннюю стоимость, присущую товару, как таковому (intrinsic value, real value, natural value и т. п.).

Вначале эта «внутренняя» «реальная» стоимость в известном смысле рассматривается, как потребительная стоимость, определяемая полезностью; но уже очень рано (в грубой форме, например, уже у Rice Vaughan'a) появляется взгляд, что, хотя каждый товар должен иметь потребительную стоимость, дабы найти на рынке покупателя, но степень этой потребительной стоимости не имеет решающего значения для уровня цены. Тот же Vaughan уже объявляет настоящим фактором цены товара заработную плату обыкновенного рабочего (price of

labourers). У его последователей, в частности у Петти, мерилом меновой стоимости товаров все больше выступает, вместо заработной платы, количество труда, измеряемое рабочим временем; однако, еще не проводится вполне точное различие между этим количеством труда (необходимое рабочее время) и стоимостью труда. Напротив, мы постоянно встречаем вновь—яснее всего у Вильяма Гаррис—стремление измерять стоимость товаров «ценою труда» (заработною платою).

Это смешение понятий постоянно повторяется—нередко у того же автора, который раньше определял стоимость товаров необходимым для их производства рабочим временем, что очень просто объясняется тогдашним уровнем развития английской промышленности. В Англии семнадцатого и первой половины восемнадцатого века мы находим лишь зачатки настоящего крупного машинного производства, даже мануфактурная промышленность достигла некоторого значения лишь в отдельных местностях; преобладало мелкое ремесленное производство. При этой форме производства, когда производитель обыкновенно выступает одновременно, как владелец предприятия и как рабочий, собственник и продавец своего продукта, стоимость товаров, в самом деле, большею частью равняется стоимости труда, реализующейся в «цене труда». Ремесленник, употребив десять часов на производство товара и продавая его по его стоимости, должен получить такую сумму денег, на которую он может, в свою очередь, купить продукт другого десятичасового труда, выполненного при равных условиях. Так как деньги функционируют лишь в качестве средства обмена, то в действительности взаимно обмениваются равные количества труда, из которых каждое лишь овеществлено в другом товаре; на продукт, полученный в обмене, каждый из обоих мелких производителей может опять—при условии, что продажа всегда происходит в соответствии со стоимостью—купить другой товар, содержащий десять часов труда, или же (если, например, требуемый товар не готов и еще должен быть изготовлен ремесленником) десять часов живого, еще неовеществленного труда. В последнем случае «стоимость труда», десятичасового труда, прямо обменивается на продукт десятичасового труда. Стоимость труда и стоимость товара кажутся здесь тожественными величинами, взаимными мерилами обмена. Коренное различие этих двух стоимостей могло быть ясно понято лишь в

эпоху капиталистического хозяйства, когда рабочий уже не выступает в роли собственника средств производства и созданного им продукта, когда он даже не является продавцом последнего и когда в этой роли выступает владелец средств производства, покупающий его рабочую силу, то-есть фабрикант. Конечно, в Англии восемнадцатого века это уже имело место, но преобладающим все еще оставалось мелкое ремесленное производство.

Сюда присоединяется еще одно обстоятельство. Поскольку у английских меркантилистов можно вообще найти исторические воззрения, они рассматривают современную им стадию хозяйства, лишь как непосредственное продолжение и усложнение хозяйственного строя, не изменившегося в своих основных чертах с самого начала зарождения культуры. Этот взгляд приводил их к тому заключению, что для познания этих основных черт необходимо обратиться к первоначальным простым отношениям. Особенно ярко выступает этот взгляд у Джемса Стюарта. Как впоследствии либеральная вульгарная экономия охотно пользовалась робинзонадами для выведения своих наивных понятий, так Стюарт предпочитает обращаться для иллюстрации своего изложения к примитивным формам земледелия средневековой Англии или даже библейских патриархов.

Французские физиократы, хотя отчасти были близко знакомы с учениями английских меркантилистов, не обратили никакого внимания на теорию трудовой стоимости. Перемещение исследования прибавочной стоимости из области обращения товаров в процесс производства дало им возможность совсем иначе взглянуть на меновое обращение. Они исходили из взгляда, что «чистый продукт», прибавочный доход, доставляется только сельско-хозяйственным производством, а не промышленностью и торговлею, что промышленная и торговая прибыль представляют таким образом лишь часть поземельной ренты, которая достается промышленным классам, не участвующим в сельско-хозяйственном производстве. С этой точки зрения им казалось совершенно излишним искать для товаров их внутреннюю реальную стоимость, не тожественную с рыночною ценою. Для них было достаточно знать, что цена определяется спросом и предложением. Гораздо важнее было для них открыть, каким образом прибавочный продукт, получаемый в земледе-

лии, распределяется в процессе обращения между различными промышленными классами, и сюда именно направлялись исследования физиократов. Этой же цели служит таблица Кенэ. Таким образом, вопрос о том, как относится цена товара к меновой стоимости и какими факторами определяется последняя, для физиократов в известной мере отпадал.

Заслуга Адама Смита заключается в том, что он признает ошибкою физиократической системы ее пренебрежение к теории стоимости, что он объединяет теорию трудовой стоимости английского меркантилизма с воззрениями физиократов на прибавочную стоимость и, пытаясь логически связать оба эти элемента, применяет их к тогдашней форме английского хозяйства, самого развитого в мире. Этим объединением объясняется также тот факт, что у Смита многократно встречаются рядом меркантилистические и физиократические взгляды, необъединенные и несогласованные, и что для одних и тех же экономических явлений и отношений он предлагает определения, прямо противоречащие одно другому, часто не сознавая этого противоречия. Он преодолевает физиократизм гораздо больше в практическом смысле, чем в теоретическом. Он признает, что теоретические выводы экономистов-физиократов не согласуются с явлениями тогдашней хозяйственной жизни Англии и, сопоставляя физиократические абстракции с фактическими отношениями, он часто правильно исправляет их и дополняет. Но его признание недостаточности физиократического учения не настолько выкристаллизовалось и выяснилось, чтобы он мог преодолеть это учение теоретически, то-есть доказав его отдельные ложные предпосылки и выводы. Он понимает, что в некоторых физиократических выводах есть ошибка, отчасти он видит, в каком направлении лежит ошибка; но его понимание не настолько глубоко, чтобы найти эту ошибку, как таковую, в доказательствах физиократических теоретиков и заменить ее другим логическим звеном.

Ярко обнаруживается эта теоретическая беспомощность Адама Смита в его критике физиократизма (IV книга, 8 глава; «О земледелии или о системе политической экономии, которая считает сельско-хозяйственное производство единственным или, по крайней мере, преимущественным источником дохода и богатства для каждой страны»). В противовес утверждению физиократов, что только земледельческий труд производи-

телен, то-есть доставляет прибавочный доход, он должен был бы указать, что создающим стоимость является вообще человеческий труд, совершенно независимо от того, в какой форме он применяется и в каких продуктах находит свое выражение; далее, он должен был показать, что прибыль промышленников происходит из того же источника прибавочной стоимости, как и поземельная рента, ибо промышленный рабочий также не получает в своей заработной плате полного эквивалента продукта своего труда. Смит этого не делает, но прибегает к слабому доводу, доказывая, что даже с точки зрения физиократов ремесленники, мануфактурные рабочие и торговцы производят ежегодно столько же, сколько они потребляют, и таким образом. во всяком случае, поддерживают национальное достояние на одном уровне. Но такие лица так же мало могут быть названы непроизводительными, как супруги, которые произвели на свет только двух детей.

«Мы не можем назвать бесплодным или непроизводительным брак, от которого произошли лишь сын и дочь, замещающие отца и мать, хотя этот брак не увеличивает число людей, а лишь поддерживает его на одном уровне. Конечно, арендаторы и сельские рабочие воспроизводят ежегодно сверх капитала, который доставляет им содержание и занятие, еще чистый продукт, свободную ренту для землевладельца. И как брак с тремя детьми производительнее брака с двумя детьми, так, разумеется, труд арендаторов и сельских рабочих производительнее труда торговцев, ремесленников и мануфактурных рабочих. Но то обстоятельство, что продукт одного класса выше продукта другого, не делает еще другой класс бесплодным или непроизводительным».

Трудно ярче охарактеризовать приверженность Смита к воззрениям физиократической системы и его беспомощность против аргументации последней, чем он сам сделал это здесь своими собственными словами. А между тем это тот же Смит, который в других местах определяет прибавочную стоимость, как неоплаченный труд, как часть труда, которую собственник средств производства, в промышленности и в сельском хозяйстве, присваивает себе в процессе обмена с живым трудом. Это тот же Смит, который рассматривает поземельную ренту и прибыль, как равноценные формы прибавочной стоимости. Но это поразительное противоречие объясняется очень просто.

Тонкие наблюдения Смита над тогдашнею хозяйственною жизнью, его ярко выраженный инстинкт английского буржуа ставил его выше физиократической системы, но он не был в состоянии критически разобрать ее и поставить ясную теоретическую грань между собою и ею.

Маркс в своей критике резко подчеркивает эту теоретическую зависимость основателя классической экономической школы от французского физиократизма, нисколько, однако, не умаляя громадного прогрессивного значения сочинения Смита. Уже в своей изданной в 1859 году книге «К критике политической экономии» он показывает, как Смит в своем определении стоимости товаров смешивает необходимое для производства товаров рабочее время со стоимостью труда: такое отожествление, как уже упомянуто было выше, постоянно вновь всплывало в английской политической экономии восемнадцатого столетия. В новом произведении Маркс продолжает свою прежнюю критику. Сперва он рассматривает, при каких условиях количество труда, затраченное на производство товаров, действительно соответствует стоимости труда. Далее он показывает, как Смит из сделанного им открытия, что в капиталистическом товарном производстве они уже более не покрывают друг друга, делает не тот вывод, что они уже не совпадают, но тот, влекущий за собою целый ряд дальнейших ошибок, вывод, что в капиталистическом хозяйстве рабочее время перестает быть внутреннею мерою, определяющею меновую стоимость; таким образом, определение стоимости товаров содержащимся в них количеством труда имеет силу, собственно говоря, только для периода докапиталистического хозяйства. После этого анализа смитовского понятия стоимости, Маркс на примере шестой главы первой книги «Богатства народов» Смита, главы о «составных частях цены товаров», показывает, что хотя Смит считает прибавочную стоимость неоплаченным трудом, но, с другой стороны, не доходит до разграничения прибавочной стоимости, как особенной категории, от отдельных форм ее проявления, каковы поземельная рента и прибыль. Благодаря этому он, в противоречии с своими собственными взглядами, признает капитал и земельную собственность, на-ряду с трудом, источниками меновой стоимости и в заключение приходит к ошибочному признанию земельной ренты и прибыли, на-ряду с заработною платою, конститутивными элементами цены товаров.

Излишне доказывать, что марксовская критика соответствующей главы сочинения Смита имеет в высшей степени положительный характер. Маркс не ограничивается только отрицательною критикою, как Смит по отношению к физиократическим теоретикам. Прослеживая ошибочный ход идей Смита, стараясь доказать неправильность его предпосылок и выводов, он одновременно развивает, в противоположность им, свои собственные взгляды. Нередко они занимают даже больше места, чем критика. Особенно это относится к выводам Смита о распадении цены на заработную плату, прибыль и поземельную ренту. Противоречия, в которые впадает там Смит, дают Марксу повод в приложении, занимающем свыше 70 страниц [1]), исследовать с различных сторон вопрос об обороте и воспроизведении постоянного капитала (капитала, затраченного на средства производства) в его отношении к переменному капиталу (капиталу, затраченному на заработную плату). Отчасти эти рассуждения перешли во второй том «Капитала», в переработанном, дополненном виде и в другой связи; там они занимают несколько глав второго отдела об обороте капитала, а также девятнадцатую и двадцатую главы третьего отдела о воспроизводстве и обращении общественного капитала в целом. Хотя эта часть нового сочинения представляет в известной мере параллельное изложение «Капитала», но она в высшей степени интересна для тех, кто хочет познакомиться с Марксом, как мыслителем. Если соответствующие отделы «Капитала» более тщательно обработаны и построены, то зато появившаяся теперь более ранняя обработка этого вопроса имеет преимущество более раннего происхождения и некоторой стихийной духовной мощи; а благодаря тому, что Маркс постоянно возвращается к воззрениям то одного, то другого из своих предшественников, изложение выигрывает в непосредственности и живости. Кроме того, рассматриваются в этом приложении гораздо подробнее, чем в «Капитале», отдельные стороны вопроса: в частности различные фазы оборота постоянного капитала, а равно отношение промышленного потребления (потребление средств производства) к потреблению индивидуальному (потребление средств потребления) и различное

---

[1]) В немецком издании, в русском стр. 145—193.

обратное влияние этих двух видов потребления на процесс промышленного воспроизведения.

Здесь обнаруживается гораздо яснее, чем в «Капитале», что, хотя сам Маркс и не успел выработать собственную теорию кризисов, но у него имеются все основные элементы такой теории и он должен был признать, что в результате обусловленного капиталистическим развитием изменения относительных размеров промышленного и индивидуального потребления необходимо должен измениться также характер кризисов.

4. *Производительный и непроизводительный труд.*

Как в большинстве своих определений, Адам Смит в определении производительного труда и его противоположности—труда непроизводительного—также не выработал себе единообразного взгляда. В третьей главе второй книги его сочинения, где он занимается специально накоплением капитала и различием между трудом производительным и непроизводительным, встречаются рядом два взгляда, взаимно противоречащие друг другу. И если поискать причину этого противоречия, то здесь также обнаруживается, что Смит не может ни освободиться от представлений английских меркантилистов, ни последовательно продолжить дальше определения физиократов в направлении, соответствующем характеру капиталистического производства.

Что такое производительный труд? Вначале первые английские меркантилисты выводили меновую стоимость товаров из их полезности для общества и потому видели в общей потребительной стоимости действительную составную часть «внутренней» стоимости, пока их наблюдения над колебаниями цен товаров в торговом обороте не указали им на заключающееся в товарах количество труда, как на фактор стоимости. Поэтому на вопрос: что такое производительный труд? они первоначально дают простой ответ: производительный труд, это—такой труд, который служит удовлетворению потребностей общества. Но какой труд служит этой цели? По мнению меркантилистов, всякий труд, который овеществляется в потребительных стоимостях (товарах), находящих сбыт, и потому может быть превращен в деньги; но в особенности производителен труд торговцев и моряков, которые продают эти товары за границу

с прибылью и увеличивают национальное богатство благодаря тому, что ввозят обратно в страну больше денег, чем сколько стоят вывезенные товары на внутреннем рынке. Поэтому Петти заявляет: «Крестьяне, моряки, солдаты, ремесленники и торговцы—истинные основы всякого общества». На низшей ступени в ряду производительных промышленных классов стоят крестьяне, выше их ремесленники, еще выше торговцы, поскольку они действительно служат сбыту товаров, а не являются только «какими-то спекулянтами», но выше всех стоит моряк, который доставляет товары за границу, ибо *«мануфактура доставляет больше прибыли, чем сельское хозяйство, а торговля больше, чем мануфактура»*. По словам Петти, один моряк «стоит трех крестьян»; он выполняет три функции: он перевозит товары, он защищает их от нападений (следовательно, является солдатом) и, в-третьих, в качестве торговца приносит деньги из-за границы в страну. «Труд моряка и груз кораблей,—говорит Петти,— по существу одинаково являются предметами вывоза; излишек их над суммою ввоза приносит в страну деньги».

Напротив, врачи, адвокаты, чиновники и т. п. непроизводительны; особенно это относится к духовенству, почему Петти и рекомендует опять ввести для последнего целибат и уменьшить его доходы наполовину. Давид Юм также заявляет: «Адвокаты и врачи не создают никакой промышленности, они приобретают свои богатства лишь за счет других; поэтому, по мере увеличения своих собственных богатств, они уменьшают богатства других».

Подобно тому, как это понятие производительного труда логически вытекает из тогдашней формы хозяйства Англии и ее идеологического отражения в меркантилизме, так из предпосылок физиократизма логически вытекает противоположный взгляд, что производительным является только труд, применяемый в земледелии. Если отказаться от взгляда, что богатство страны происходит от прибыли, получаемой во внешней торговле, если искать причину его роста только в увеличении излишка сельско-хозяйственного производства «produit net», то, следовательно, труд, применяемый в промышленности и торговле, хотя он, быть может, необходим и полезен для всего процесса производства, не может, однако, считаться фактором, умножающим национальное богатство, то-есть производительным.

Если бы Смит последовательно перенес этот взгляд в свою экономическую систему, он должен был бы притти к следующему выводу: итак согласно физиократическому учению, производительным является один только земледельческий труд, так как только он доставляет прибавочный доход, благодаря которому умножается общественное богатство и создается возможность для постоянного воспроизводства потребительных благ на расширенном базисе. Но как только доказано, что подобный прибавочный продукт доставляется трудом, применяемым не только в земледелии, но и в промышленности, то производительным является также промышленный труд,— вообще, всякий труд, который производит прибавочную стоимость и тем увеличивает общественный капитал.

Это в высшей степени простой вывод, и, действительно, Смит приходит к подобным заключениям, но, с другой стороны, он не может освободиться от взгляда современных ему английских экономистов, что производительным является всякий труд, который создает общественные потребительные стоимости (товары), могущие быть проданными, и тем обогащает кругообращение благ нации. Так, например, в начале упомянутой выше главы он говорит:

«Есть вид труда, который увеличивает ценность предмета, к которому он прилагается, и есть другой, который такого действия не имеет. Первый вид труда, производящий ценность, может быть назван *производительным*, второй—*непроизводительным*. Так, труд фабричного рабочего, говоря вообще, прибавляет к ценности перерабатываемого им материала *ценность его содержания и прибыли хозяина*. Наоборот, труд прислуги не прибавляет ни к чему никакой ценности. Хотя первый получает от своего хозяина заработную плату, однако в сущности он не стоит ему никаких расходов, потому что стоимость его содержания воспроизводится с прибылью, в повышенной ценности предмета, над которым трудился рабочий. Содержание же прислуги не возвращается хозяину ни в каком виде. Человек богатеет, занимая массу рабочих, и разоряется на содержании многочисленной прислуги» [1]).

---

[1]) Цитировано по русскому переводу; А. Смит, Исследование о богатстве народов. Перевод М. Щепкина и А. Кауфмана. СПБ. 1908 г., стр. 180.

Уже в первых фразах ясно обнаруживается противоречие в воззрениях Смита. Он проводит различие между трудом, прибавляющим новую стоимость к продукту, в котором он овеществляется, создающим прибавочную стоимость, и трудом, который этим свойством не отличается. Поэтому его определение должно было бы гласить кратко так: производительным является всякий труд, который производит прибавочную стоимость, непроизводительным—всякий труд, который не производит ее. Но вместо этого, Смит считает первый род труда «производительным» не потому, что он создает прибавочную стоимость, а потому, что он вообще «создает стоимость». Далее, он не противопоставляет труд, приносящий прибыль (вернее прибавочную стоимость), тому труду, применение которого не приносит капиталисту никакой прибыли, но сравнивает труд промышленного рабочего с трудом прислуги и находит действительное различие между их деятельностью в том, что первый воспроизводит в стоимости произведенного им предмета свою заработную плату, а последняя не воспроизводит ее.

Здесь явно признаются «производительными» два различных вида труда: во-первых, труд, который приносит «мастеру» (промышленному капиталисту) прибыль, а во-вторых, всякий вообще труд, который овеществляется в товаре и воспроизводит в нем свою заработную плату. Что при этом речь идет не только о неточности выражений, доказывает ссылка в примечании на последнюю главу четвертой книги, где Смит в полемике с физиократами признает производительным также тот труд, который не создает никакой прибавочной стоимости, но лишь возмещает свои собственные издержки. Это доказывается также словами, следующими за приведенною выше цитатою:

«Конечно, и труд этой последней (прислуги) имеет свою ценность и заслуживает вознаграждения, как и труд первых. Но дело в том, что труд рабочего *воплощается или овеществляется в каком-нибудь материальном предмете, в подлежащей продаже вещи*, которая продолжает существовать хоть некоторое время после того, как закончен обращенный на нее труд. Это—известное количество труда, как бы накопленное и отложенное про запас с тем, чтобы быть использованным, если будет необходимо, при каком-нибудь другом случае. На такой предмет или, что то же самое, на цену такого предмета можно потом, если понадобится, привести в движение новое количество труда,

равное тому, какое первоначально было затрачено на этот предмет. *Наоборот, труд прислуги не воплощается ни в каком определенном предмете, ни в какой такой вещи, которую потом можно было бы продать*...

Труд некоторых наиболее почтенных классов общества, как и труд прислуги, также не производит никакой ценности; он также не воплощается ни в каком предмете или вещи, которые могли бы быть проданы и продолжали бы существовать после того, как закончен труд» [1]).

Напротив, в других местах Смит метко отмечает, что сущность капиталистического производства состоит в создании прибавочной стоимости или,—как выражается Смит, не отличающий прибавочной стоимости, как отдельной категории,—прибыли. Дальше в той же главе он подчеркивает, что промышленный капиталист применяет и считает производительным только такой труд, который не только возмещает ему истраченный в процессе производства капитал, но, кроме того, приносит еще прибыль:

«Если кто-либо использует известную часть своих запасов в качестве капитала, он, конечно, *рассчитывает, что она воспроизведется с прибылью в его пользу;* он поэтому затрачивает эту часть на содержание производительных рабочих, которым эта часть служит доходом, выполнив функции капитала по отношению к своему владельцу. Если он использует какую-либо часть своих запасов для содержания людей, не принадлежащих к числу производительных рабочих,—*эта часть тем самым устраняется из состава капитала и поступает в состав запасов, предназначенных для непосредственного потребления владельца»* [2]).

Маркс, сопоставляя наиболее важные выводы Смита в указанной главе и анализируя лежащие в их основе представления, подробно разбирает эти противоречия с историко-диалектической точки зрения. Понятие производительного труда, встречающееся у представителей различных более ранних экономических школ, представляется ему не чем-то случайным, не только вопросом абстракций и определений, но идеологическим отражением различных ступеней хозяйства:

---

[1]) Там же, стр. 180.

[2]) Там же, стр. 182.

это—историческая категория. На каждой ступени «производительным» считается тот труд, который наиболее соответствует условиям существования господствующего способа хозяйства и его очевидным тенденциям. Поэтому воззрения Смита также в известной мере обусловлены исторически. Его определение производительного труда, как «создающего прибавочную стоимость», как труда, который в обмене на переменную (затрачиваемую на заработную плату) часть промышленного капитала не только воспроизводит эту часть, но, сверх того, доставляет капиталисту добавочный доход,—тесно связано с его взглядом на возникновение прибавочной стоимости. И подобно тому, как взгляд Смита на прибавочную стоимость является в известной мере лишь распространением физиократической концепции прибавочной стоимости на капиталистическо-промышленное производство, так и в своем определении производительного труда он лишь следует направлению, данному физиократами, «освобождая его от ложных представлений, т.-е. разрабатывая его внутреннее содержание». Маркс метко объясняет эту связь и, прослеживая дальнейшие выводы, вытекающие из этого взгляда, определяет производительный труд, как такой труд, который вступает в непосредственный обмен с капиталом и вообще впервые превращает средства производства в капитал. Напротив, непроизводительным является труд, который обменивается не на капитал, но непосредственно на доход, то-есть на заработную плату, предпринимательскую прибыль, поземельную ренту и проценты с капитала. Или, другими словами: *производительным является такой труд, который покупается капиталистом на часть его капитала и применяется в производстве с целью получить прибавочную стоимость; напротив, непроизводителен тот труд, который доставляет кому-нибудь услуги или потребительные стоимости для его потребностей и оплачивается из его доходов.*

«Где труд,—говорит Маркс,—частью сам себя оплачивает, как, например, земледельческий труд крепостного крестьянина, частью же прямо обменивается на доход, как мануфактурный труд в городах Азии, там не существует капитала и наемного труда в смысле буржуазной политической экономии. Следовательно, определения эти взяты не из материальной формы труда, не из природы его продукта, не из акта труда, как конкретного труда, а из определенных общественных форм, из тех

общественных отношений производства, в которых этот труд осуществляется» [1]).

Но в резком противоречии с этим взглядом стоит другой взгляд, который считает производительным всякий без различия труд, создающий товары; ибо последний взгляд не только игнорирует производство прибавочной стоимости, этот фундамент капиталистического хозяйства, но считается с моментом общественной полезности или возможности находить сбыт; так, например, Смит усматривает непроизводительность труда прислуги в том, что он не воплощается «ни в каком определенном предмете, ни в какой вещи, которую потом можно было бы продать», и обыкновенно исчезает в самый момент своего действия.

Напротив, первый взгляд совершенно отвлекается от того, реализуется ли и насколько реализуется труд, создающий прибавочную стоимость, в каких-нибудь предметах, полезных или бесполезных, легко или с трудом находящих себе сбыт. Капиталист так же мало интересуется полезностью применяемого им труда, как и потребительною стоимостью его продукта. С его точки зрения, как и с точки зрения капиталистического хозяйства, вопрос вообще состоит только в том, доставляет ли труд прибавочную стоимость. Поэтому труд какого-нибудь клоуна, который на службе у своего антрепренера отпускает плоские шутки и тем доставляет ему прибыль, вполне производителен, хотя он, конечно, не воплощается ни в каких предметах, имеющих продолжительное существование, но «немедленно исчезает в самый момент своего совершения». Напротив, труд деревенского портного, которого крестьянин приглашает на один день к себе на дом для шитья брюк, непроизводителен, ибо этот портной не производит для крестьянина никакой прибавочной стоимости, а лишь предмет потребления, удовлетворяющий его потребностям.

«Для того, чтобы производить товары, труд должен быть полезным трудом, должен производить какую-нибудь потребительную стоимость, реализоваться в потребительной стоимости. И только этот труд, реализуемый в товарах, в потребительных стоимостях, обменивается на капитал. Это само собою подразумевается. Однако не этот конкретный характер

---

[1]) Указан. сочин. стр. 205.

труда, не его потребительная стоимость, как таковая, не то, что он представляет собою, например, работу кузнеца, сапожника, прядильщика, ткача и т. д.,—не это составляет его специфическую потребительную стоимость для капитала, не это кладет на него в системе капиталистического производства клеймо производительного труда. Его специфическую потребительную стоимость для капитала создает не его данный полезный характер, равно как и не специальные полезные свойства продукта, в котором он овеществляется; эта стоимость обусловливается характером этого труда, как *творческого элемента по отношению к меновой стоимости*,—она создается абстрактным трудом, но не потому, что он представляет собою определенное количество всеобщего труда, а потому, что он представляет *большее количество абстрактного труда, чем то, которое содержится в цене труда, т.-е. в стоимости рабочей силы*» [1]).

Поэтому производительность или непроизводительность труда зависит не от его вещественного результата, а от того, доставляет ли он прибавочную стоимость: это свойство, которое проистекает не от содержания труда, не от его результата и полезности последнего, а от определенной общественной формы, в которой он осуществляется. Как говорит Маркс, в различии между производительным и непроизводительным трудом находят свое выражение определенные исторические общественные условия производства, почему это понятие производительности изменяется в зависимости от различных форм хозяйства.

Но капиталистический способ производства покоится на производстве прибавочной стоимости, без которой он не может ни существовать, ни выполнять свои общественные функции. Если бы это производство прибавочной стоимости прекратилось, то тем самым немедленно прекратилось бы также существование всего современного хозяйственного строя. Поэтому при теперешней системе хозяйства производительным может считаться только такой труд, который делает возможным дальнейшее существование и развитие этой системы.

В особом приложении Маркс в блестящей форме развивает дальше эти свои взгляды, излагая более подробно условия

---

[1]) Указан. сочин. стр. 326—327.

производительности капитала и различные формы обмена труда на капитал и доход.

Но если понятие производительного труда определяется характером данной формы производства, то нелепо отвлекаться от этого характера и вместо вопроса о том, что такое производительный труд с точки зрения капитала, с точки зрения теперешней системы хозяйства, подставлять вопрос о том, что такое вообще производительный труд (т.-е. производительный труд сам по себе, независимо от формы своего осуществления и процесса производства). В этом случае ответ необходимо сведется к общему месту, что производителен всякий труд, который приносит какую-либо пользу, при чем каждый может по своему усмотрению понимать под «полезным» то, что ему угодно.

Несмотря на это, последователи Адама Смита, особенно же немецкие либеральные вульгарные экономисты, большею частью ставили вопрос именно в последней форме. Неспособные мыслить исторически и рассматривать капиталистическую форму хозяйства, как особую, исторически обусловленную фазу хозяйственного развития, имеющую свои собственные принципы и законы, зараженные, кроме того, мелким цеховым высокомерием, эти экономисты превращают вопрос о том, что производительно при теперешней форме хозяйства, в крайне общий вопрос о том, что «производительно» вообще, то-есть независимо от всяких исторически данных условий производства и хозяйственной жизни. Этот вопрос столь же поучителен, как вопрос о том, что такое желудок «сам по себе», вне связи с остальными членами человеческого тела и независимо от его функции пищеварения.

Конечно, на такой неопределенный, призрачный вопрос ответ может гласить только так: производителен всякий труд, который что-либо создает,—пустая тавтология, которая не становится лучше от философских разглагольствований об «этике труда» и от указания на то, что труд, разумеется, должен быть полезным. При дальнейшем рассмотрении этого слова «полезный» обнаруживается, что один понимает под ним индивидуальную пользу, «благо индивидуума», другой же, напротив того, так называемую общую или общественную пользу (пользу для страны или государства), а под последнею, в свою очередь, интересы своего собственного класса.

Маркс зло высмеивает это понятие «производительного труда», показывая на примере отдельных последователей Смита, к каким смехотворным премудростям приходят они в своих логических упражнениях. Вот господин Жермен Гарнье, французский переводчик книги Смита «Wealth of nations» (Богатство народов). Он толкует слово «полезный» в чисто-индивидуалистическом духе и понимает под ним такие результаты труда, которые доставляют наслаждение или удобства. Следовательно, подмастерье по парфюмерной части в высшей степени производительный рабочий не потому, что доставляет своему предпринимателю прибыль, но потому, что дает возможность господам à la Гарнье наслаждаться приятными ароматами и испытывать эстетическое наслаждение. Разумеется, с этой точки зрения труд проститутки также в высшей степени «производителен». Для Мальтуса, этого «раба Божия», интересующегося не столько эстетическими наслаждениями, сколько материальными приобретениями, производительным является тот труд, который создает богатство. Еще более забавно объяснение господина Ганиль. По его словам, производителен всякий труд, который оплачивается и, превращая свою заработную-плату в средства потребления, тем самым способствует производству. Поэтому в высшей степени производителен также «труд, доставляющий удовольствие»; ибо работающие в этой области актеры, музыканты и т. п. большею частью изрядно потребляют. Дестютт де-Траси считает наиболее непроизводительным классом землевладельцев, которые сами не ведут хозяйства, а самым производительным—промышленных капиталистов. Сэй же, например, изрекает глубокую истину, что производителен всякий труд, имеющий какой-нибудь результат, но наиболее производителен такой труд, продукты которого имеют продолжительное существование или, как он выражается, потребляются не сейчас же после своего изготовления.

«Капитал» Маркса не только теоретико-экономическое произведение, но одновременно и историко-экономическое. Взгляд, что экономические законы не имеют одинаковой силы для всех ступеней хозяйственного развития, что, напротив, каждая эпоха хозяйства имеет свои особенные тенденции и условия существования, побуждает Маркса в его анализе капиталистической системы хозяйства постоянно возвращаться опять к

формам ее возникновения и одновременно прослеживать ее дальнейшее развитие в будущем. Поэтому многие места «Капитала», особенно где Маркс занимается возникновением современной промышленности, содержат в высшей степени интересные исторические очерки. Но еще несравненно ярче выступает этот исторический характер в разбираемой более ранней концепции труда Маркса. Критический разбор теоретических направлений, проложенных старыми экономическими школами, давал, конечно, гораздо лучшую возможность объяснить и показать зависимость экономических теорий от характера хозяйства различных эпох, чем то систематическо-теоретическое изложение, которое Маркс избрал впоследствии для своего «Капитала». Таким образом, многие места настоящего первого тома «Теорий прибавочной стоимости» действительно представляют применение марксова понимания истории к политической экономии.

Анализируя таким образом зачатки нашей теперешней системы хозяйства, Маркс не только показывает нам ее исторические основы, но одновременно заостряет наше понимание экономических условий нашего социалистического движения, как классовой борьбы. И этоособенно полезно теперь, когда повсюду—в других странах еще больше, чем в Германии,—резкий классовый характер социалистического движения может быть затемнен различными общими культурными и гуманитарными тенденциями. Марксовская критика английских экономических теорий ясно показывает, как в них буржуазное классовое сознание возмущается против отмирающего феодализма, как даже у талантливейших представителей английской политической экономии восемнадцатого века ярко выраженный буржуазный инстинкт в своих воззрениях далеко опережает теоретическое познание. Наше теперешнее движение может избежать шатаний и временных блужданий, может сохранить свою самостоятельность и способность к действию лишь в том случае, если оно сохранит сознание своего специфического, исторически обусловленного классового характера. По моему мнению, самое важное—хотя и не единственное—значение нового сочинения Маркса заключается в том, что оно вновь энергично указывает нам на эту обусловленность нашего движения, что оно заставляет нас под поверхностью повседневных явлений прослеживать тенденции экономического развития. И потому я настоятельно

рекомендовал бы изучать его всем сотоварищам по борьбе, для которых временные, повседневные лозунги еще не исчерпывают всей премудрости, которые стремятся к более глубокому пониманию классовой борьбы. Труд, которого это изучение потребует, вознаградит себя.

Густав Экштейн.

Рикардо в критическом освещении Маркса [1].

1. Метод.

В предисловии к своим «Principles» Рикардо говорит: «Если принципы, которые автор считает правильными, действительно будут признаны такими, то задачу проследить их во всех их главных следствиях возьмут на себя другие, более талантливые писатели» (цитир. по переводу Н. Рязанова).

Более талантливым, на долю которого выпала эта задача, оказался Карл Маркс, и этим он был обязан прежде всего превосходству своего метода.

Адаму Смиту необходимо было прежде всего наметить область новой науки и описать ее явления. При этом он группировал и систематизировал их и пытался свести к более простым принципам. Вполне естественно, что на этом пути он не мог притти к строго выдержанному единому воззрению, что его принципы противоречат друг другу; последнее только затушевывалось тем, что он не дал им точной формулировки. Рикардо сделал значительный шаг вперед по сравнению с методом своего учителя, признав основным положением своей науки закон стоимости и стремясь доказать, что все явления этой науки не только не противоречат указанному закону, но могут даже быть выведены из него, как из объясняющего их принципа. Громадный прогресс Рикардо по сравнению со Смитом можно сравнить с тем открытием в астрономии, которым законы Кеплера были сведены к принципу тяготения. Но свой наивысший триумф астрономия торжествовала только тогда, когда, доказав, что известные небесные явления обусловлены

[1]) Neue Zeit, 1905—06. B. II.

силою тяготения, она не удовлетворилась этим и перешла к тому, чтобы из этого принципа реконструировать все строение мира, благодаря чему, например, еще до открытия планеты Нептуна была доказана необходимость ее существования; подобно этому, и политическая экономия нашла свое наиболее яркое выражение лишь тогда, когда Маркс развил всю совокупность ее явлений из ее основного принципа, из закона стоимости.

Метод Маркса многократно толковался неправильно. В нем видели произвольную конструкцию, смешивая его метод изложения с методом исследования. Лишь проследив различнейшие явления политической экономии вплоть до их общего корня, до закона стоимости, Маркс смог приступить к тому, чтобы развить эти явления из указанного закона, подобно тому, как Лаплас мог построить в идее новую систему мира только после того, как было доказано, что вся совокупность небесных явлений представляет проявление силы тяготения.

С особенною яркостью должна была обнаружиться сущность метода Маркса тогда, когда он приступил к принципиальному разбору наиболее выдающегося из своих предшественников, с которым он имеет общую исходную точку зрения, но от которого значительно отклоняется в дальнейшем развитии. Уже по этой причине можно было ожидать с большим нетерпением выхода второго тома «Теорий прибавочной стоимости», содержащего критику системы Рикардо, и этот том не обманул возлагавшихся на него ожиданий.

2. Стоимость определяется рабочим временем. Цена производства.

Основу системы Рикардо образует, как известно, закон стоимости, согласно которому стоимость товара определяется количеством труда, необходимого для его производства. Но уже при формулировке этого закона Рикардо не вполне ясно выражает, что он собственно понимает под стоимостью. Он говорит о стоимости и меновой стоимости, об относительной и абсолютной или реальной стоимости, не проводя, однако, последовательно этих различий. Более того, в дальнейшем изложении его первоначальный взгляд, по которому содержащаяся в товаре трудовая стоимость должна лишь обнаружи-

ваться в меновой стоимости, уступает место более поверхностному взгляду, по которому сущность стоимости исчерпывается в обмене.

Вообще, понятиям Рикардо часто недостает надлежащей точности, хотя он значительно превосходит в этом отношении Смита. При его методе, это не давало себя особенно чувствовать. Но для того, чтобы органически развить из закона стоимости всю систему политической экономии, необходима была совершенно точная формулировка, как ее дал Маркс.

Само собою ясно, что для стоимости товара определяющим является не только то количество труда, которое непосредственно затрачено на его производство. Напротив, в нем также воспроизводится стоимость сырого материала, вспомогательных средств, орудий труда и т. п., словом, всего того, что Маркс объединил именем постоянного капитала. Но Рикардо некритично смешал это существенное для производства различие между переменным капиталом, затраченным на заработную плату, и прочим постоянным капиталом с другими различием, взятым из сферы обращения,—различием между оборотным и основным капиталом. Вследствие этого ему не удалось также дать точную формулировку двух последних категорий. В другом месте Маркс уже показал, какие ошибки возникли отсюда при исследовании обращения капитала [1]). Еще более роковым должно было, понятно, оказаться это смешение для исследования образования стоимости. Именно оно привело Рикардо к тому, что он совсем упустил из виду сырой материал и вспомогательные средства, не укладывавшиеся у него вполне ни в одну из этих двух категорий. Оно же сделало для него невозможным понимание сущности прибавочной стоимости, ибо, сосредоточив все свое внимание только на различиях обращения капитала, он упустил из виду всю важность отношения между оплаченным трудом и неоплаченным, между переменным капиталом и прибавочною стоимостью. Поэтому он просмотрел также значение длины рабочего времени для нормы и массы прибавочной стоимости и рассматривал рабочий день, как данную и постоянную величину.

Не выступает у него с полною ясностью и сущность прибавочной стоимости, как неоплаченного труда, доставленного

---

[1]) «Капитал», т. II. Изд. 1919 г., стр. 193 и след.

рабочим и присвоенного капиталистом. Это происхождение прибыли и ренты было развито только социалистическими учениками Рикардо.

Только тем обстоятельством, что Рикардо неясно понимал органический состав капитала и смешивал оборотный капитал с переменным, объясняется также следующее: он не заметил, что произведенная отдельным капиталом прибавочная стоимость находится в определенном отношении к его переменной части, но не к общей его величине, что поэтому образование прибавочной стоимости из неоплаченного труда на первый взгляд как будто противоречит признаваемому им равенству нормы прибыли. Это уравнение прибылей не представляло для него вопроса, он даже не исследовал, насколько оно согласуется с законом стоимости, он наивно принимал его, как данный факт. Лишь Маркс показал, что здесь заключается мнимое противоречие, которое не может быть преодолено при изолированном рассмотрении отдельного капитала. Только конкуренция, которая властно гонит капитал в те сферы приложения, где производится прибавочная стоимость, превышающая средний уровень, и изгоняет его из тех сфер, где имеет место противоположное, приводит к отклонению индивидуальной прибыли от прибавочной стоимости и тем самым к принципиальному различию между индивидуальною стоимостью данного сорта товаров и его рыночною стоимостью [1]).

---

[1]) Удивительно, что это развитие нормы прибыли у Маркса и отклонение рыночной стоимости от индивидуальной стоимости неоднократно объявляли противоречащим первому тому «Капитала»; дело изображали таким образом, что Маркс якобы уничтожил свой собственный закон стоимости, будучи вынужден сам признать его полную неприменимость в капиталистическом мире. Так, например, Бернштейн с большим одобрением цитирует следующее бессмысленное место из Туган-Барановского: «Или товарные цены суть конкретное выражение ценности,—и, в таком случае, ценность не может совпадать с трудовой затратой, так как цена не совпадает с трудовой затратой; или же товарные цены не суть конкретное выражение ценности,—и в таком случае понятие меновой ценности теряет всякий определенный смысл, так как меновую ценность нельзя иначе мыслить, как основание цены. В первом случае учение о ценности Маркса оказывается неверным; во втором случае оно утрачивает какое бы то ни было соотношение с реальными фактами товарного обмена, оно становится бессодержательным». (Цитир. по русск. изд. «Теоретические основы марксизма». 4-е изд. 1918 г. стр. 117.) Такими же аргументами можно было бы легко «доказать» ложность

Правда, и от самого Рикардо не вполне ускользнуло, что не все явления образования цен могут быть прямо сведены к формулированному им закону стоимости. Смит, исходя из своего второго взгляда на стоимость товара, как на сумму необходимых для его производства заработной платы, прибыли и ренты, утверждал, что только повышение заработной платы постоянно приводит к вздорожанию продукта. Рикардо опроверг это положение, доказав, что при известных условиях повышение заработной платы может повести даже к понижению рыночной стоимости. В этом случае он очень близко подходит к истине, не сознавая, однако, всю важность и принципиальное значение своего открытия. Так, например, он говорит:

«Если товары, продаваемые за 5.000 фунтов стерлингов, произведены капиталом, равным по величине тому, которым производятся товары, стоимостью в 10.000 фунтов стерлингов, то прибыли будут в обоих случаях равны; но прибыли не были бы равны, если бы цены товаров не изменялись в зависимости от повышения или понижения нормы прибыли».

Этим положением Рикардо признает зависимость товарных цен от повышения или понижения нормы прибыли; но он делает это в такой неясной и неопределенной форме, что сам не замечает, как наносит этим удар постоянно отстаиваемому им взгляду, по которому рыночные цены товаров представляют лишь выражение их трудовых стоимостей.

То, что Рикардо не оценил все значение подобного ограничения закона стоимости, вытекало уже из исходного пункта исследования. Рикардо, как упомянуто, исходил не из вопроса о том, каким образом уравнение нормы прибыли происходит на основе закона стоимости, или,—что более соответствовало бы его методу исследования,—каким образом оно согласуется с этим законом; его интересовало прежде всего исследование вопроса о влиянии повышения заработной платы на рыночную стоимость продукта. Но при этом он заранее затруднил себе разрешение этого вопроса, рассматривая его в совершенно неправильной связи.

Мы видели, что Рикардо неизвестно было различие между постоянным и переменным капиталом, что он знал лишь раз-

---

и ненужность законов математического маятника, которым прямо не подчиняется ни один физический маятник.

личие между основным и оборотным, при чем, однако, он часто смешивает оборотный капитал с переменным. При этом ему должен был невольно навязываться вопрос о влиянии состава капитала на стоимость продукта; но, вследствие своей неправильной терминологии и понятий, он смешал этот вопрос с вопросом о значении для образования стоимости различной скорости обращения капиталов; кроме того он заранее устранил важнейший пункт в разрешении этого вопроса, превращение прибавочной стоимости в прибыль и уравнение нормы прибыли; поэтому его попытка разрешить вопрос могла только повести к той путанице понятий, которая господствует в четвертом разделе первой главы.

Там Рикардо утверждает, что в результате происшедшего в ходе исторического развития разделения капиталов на такие, в которых преобладает основная часть, и на такие, в которых преобладающую роль играет заработная плата, закон стоимости видоизменился. По мнению Рикардо,—здесь он не критично следует за Смитом,—стоимость товара разлагается на три формы дохода: заработную плату, прибыль и, в некоторых случаях, ренту. Постоянный капитал, стоимость которого вновь появляется в продукте, здесь также совершенно забывается. Так как, по мнению Рикардо, рабочий день есть постоянная величина, то определенное число рабочих доставляет всегда одну и ту же массу стоимости. Если же возрастает часть стоимости, приходящаяся на долю рабочих, т.-е. заработная плата, то это может произойти лишь за счет прибыли (при чем опять забывается часть, падающая на ренту). Следовательно, повышение заработной платы вызывает всегда понижение нормы прибыли. Здесь Рикардо опять не замечает, что норма прибыли определяется отношением прибавочной стоимости не к заработной плате, а ко всему капиталу, что, следовательно, норма прибыли падает и тогда, когда этот капитал возрастает быстрее, чем производимая им прибавочная стоимость. Итак, при общем повышении заработной платы капиталы различного состава будут приносить очень различную прибыль. Для того капитала, который содержит сравнительно незначительную сумму заработной платы, прибыль уменьшилась бы сравнительно немного; напротив, для капитала, содержащего более значительную сумму заработной платы, прибыль могла бы быть совершенно уничтожена. Но тогда конкуренция вызвала бы усиленный

прилив капитала, преимущественно в форме кредита, в наиболее прибыльные сферы производства и отлив их из безприбыльных или убыточных. Таким образом образуется новая, более низкая всеобщая норма прибыли: одни стоимости повысятся, другие упадут.

Рикардо не пришло в голову исследовать, не является ли это отклонение «относительных стоимостей» от трудовых стоимостей более общим явлением, и не предполагает ли уравнение нормы прибыли принципиально подобное отклонение. Напротив, он считал это бросающееся в глаза явление столь несущественным, что в дальнейшем изложении совершенно игнорировал его.

Рикардо, не проводя различия между прибавочною стоимостью и прибылью, не мог правильно развить обе эти категории; в особенности он должен был притти к совершенно ложным взглядам насчет природы нормы прибыли. Как значительно было у него смешение понятий в этом вопросе, видно между прочим из того, что он в одном месте прямо говорит об отраслях производства, в которых прибыли «пропорциональны капиталу, а не количеству затраченного труда». Этим действие всеобщей нормы прибыли, то-есть равного отношения между прибылью и всем капиталом, ограничено у него только некоторыми отраслями производства.

Как указано, это ошибочное объяснение прибыли приводит Рикардо к тому, что он считает сумму заработной платы и прибыли величиною постоянною, поэтому повышение заработной платы всегда вызывает уменьшение прибыли и тем самым нормы прибыли. Он не замечает, что норма прибыли может повышаться или падать в результате падения или повышения ренты, что масса прибыли зависит не только от нормы прибавочной стоимости, но и от числа употребляемых рабочих, что даже при данной норме прибавочной стоимости норма прибыли зависит от органического состава капитала и от соотношения стоимости различных его частей, что, наконец, различия в обращении, не влияя на норму прибавочной стоимости, влияют, однако, на норму прибыли.

3. Абсолютная земельная рента. Родбертус.

Уравнение прибылей и вместе с тем превращение стоимостей в цены производства предполагает развитую капитали-

стическую организацию хозяйства, господство свободной конкуренции. Последняя время от времени гонит капитал из тех отраслей производства, где стоимость товаров стоит ниже их цены производства, то-есть где органический состав капитала выше среднего уровня, в те отрасли, где имеет место противоположное. Последние отрасли с более низким органическим составом капитала обыкновенно не в состоянии помешать притоку новых капиталов, и потому не могут удержать исключительно для себя прибавочную стоимость, поскольку она превышает норму прибыли. Они вынуждены поделиться ею с другими капиталистами, если только не могут устранить действия свободной конкуренции по отношению к какому-нибудь средству производства, необходимому для данной отрасли. Но именно такое ограничение действия свободной конкуренции имеет место во всей добывающей промышленности благодаря частной собственности на землю. Земля предоставляется капиталу для эксплоатации только за особое вознаграждение. Но так как в сельском хозяйстве, как и в горном деле, состав применяемого капитала низкий, то-есть живой труд применяется в сравнительно большом количестве, то стоимость здесь выше цены производства, и эта разница может быть предложена собственнику земли в виде вознаграждения за разрешение эксплоатировать ее; она образует источник абсолютной земельной ренты. Так как Рикардо неизвестно принципиальное различие между стоимостью и ценою производства, то абсолютная земельная рента была ему вообще непонятна, и он ограничился теорией дифференциальной ренты, то-есть объяснил различие ренты на неодинаково плодородных участках земли, оставив без всякого объяснения природу самой ренты, как таковой. По его мнению, наихудший из обрабатываемых участков не приносит никакой ренты, хотя такой вывод не вытекал даже из его собственных предпосылок. В третьем томе «Капитала» Маркс уже показал, что и наихудший из подвергаемых обработке участков может давать дифференциальную ренту, благодаря последовательному приложению все менее доходных капиталов на этом наихудшем участке или на лучшем [1]).

---

[1]) Здесь необходимо напомнить, что еще раньше экономисты вроде Мальтуса признавали существование дифференциальной ренты на наихуд-

Как указано, Рикардо и его школа игнорировали и должны были игнорировать абсолютную земельную ренту, Родбертус же, напротив, сделал попытку объяснить абсолютную земельную ренту на основе закона стоимости и таким образом построить новую теорию ренты. Поэтому, прежде чем приступить к критике теории ренты Рикардо, Маркс подвергает разбору взгляды Родбертуса.

Последнему при исследовании закона стоимости бросилось в глаза, что прибавочная стоимость, которую он называет общим именем «рента», возрастает не в отношении ко всему затраченному капиталу, а лишь пропорционально к его переменной составной части; под последнею он, однако, понимает не только заработную плату, то-есть оплату живой рабочей силы, но также изнашивание основного капитала, орудий труда, машин и т. п. Следовательно, только стоимость сырых и вспомогательных материалов, называемая им «стоимостью материалов» (Materialwert), входит в процесс образования стоимости, не создавая прибавочной стоимости. С другой стороны, при исчислении нормы прибыли не обращается никакого внимания на состав капитала, но лишь исчисляется отношение между произведенною «рентою» и всем капиталом. Если норма прибыли таким образом дана, то повсюду, где в производство входит только переменный капитал, остается еще разница между общею суммою «ренты» (прибавочной стоимости), произведенной в данной отрасли производства, и прибылью, приходящеюся на ее долю согласно всеобщей норме. Но так именно обстоит дело в добывающей промышленности; ибо последняя «не нуждается в продукте предшествующего ей производства, как в материале, но сама начинает производство; в сельском хозяйстве частью капитала, аналогичною материалу, является сама земля, которая, однако, по учению всех теорий, ничего не стоит». Следовательно, в сельском хозяйстве остается часть стоимости продукта, достающаяся собственнику земли в качестве земельной ренты.

В этих рассуждениях бросается в глаза прежде всего ошибочное включение изнашивания основного капитала в его переменную составную часть. Но даже, исходя из такой точки зре-

---

шем из обрабатываемых участков, так как и необрабатываемый участок может давать доход в качестве выгона для скота, пастбища и т. п.

ния, Родбертус, рассуждая последовательно, должен был бы притти к взгляду, что зависимость прибавочной стоимости от части капитала, неодинаковой в различных сферах приложения, вообще противоречит равенству нормы прибыли, поскольку предполагается, что товары обмениваются по своим стоимостям. Но Родбертус не сделал такого вывода, ибо, подобно Рикардо, он рассматривал норму прибыли, как данную величину, не видел в ней никакой проблемы и его интересовал только один вопрос: объяснение абсолютной земельной ренты.

Но в действительности, часть стоимости, падающая на возмещение орудий труда и т. п., принадлежит не к переменному, а к постоянному капиталу; поэтому, если даже признать правильность остальных рассуждений Родбертуса, то разница в постоянной части сельско-хозяйственного капитала и промышленного капитала только количественная, и здесь, как и там, постоянный капитал существует. Но предпосылки Родбертуса ложны также постольку, поскольку он предполагает, что сельскому хозяйству не приходится доставать сырой материал; игнорирование им значения сырого и вспомогательных материалов в сельском хозяйстве объясняется только тем, что он был ограничен кругозором померанского землевладения, тогда еще в значительной степени отличавшегося натуральным хозяйством. На самом же деле в добывающей промышленности указанный элемент стоимости отсутствует только в промышленности, извлекающей продукты из недр земли (горное дело), но он отсутствует также в транспортной промышленности, которая, несмотря на это, не доставляет никакой особой ренты. В известной мере рассуждения Родбертуса могли показаться правильными только благодаря тому, что он противопоставлял сельское хозяйство, как целое, промышленности, которая получает сырые продукты от первого, в то время как сельское хозяйство само производит свои сырые и вспомогательные материалы и потому не должно никому возмещать их стоимость. Но, будучи последовательным, Родбертус должен был бы обратить внимание также на то, что сельское хозяйство в свою очередь обязано промышленности своими орудиями труда.

Таким путем Родбертус пришел к открытию, что прибавочная стоимость, произведенная отдельными капиталами, пропорциональна не самим этим капиталам, а лишь их переменным составным частям; этим открытием он близко подошел к истине,

но все же не нашел ее, ибо не рассуждал последовательно и применил свое открытие только к объяснению одного определенного явления, земельной ренты, вместо того, чтобы вывести из его основных положений закон стоимости.

Марксова же теория абсолютной земельной ренты не только дает ее объяснение на основе закона стоимости, но одновременно показывает ее историческую обусловленность, условия, при которых она появляется, и влияния, которым она подчиняется.

Оставляя в стороне исключительный случай, когда земля сосредоточена в немногих руках и имеется в недостаточном количестве, благодаря чему продукты земли могут достигнуть монопольной цены, абсолютная земельная рента может существовать лишь тогда и до тех пор, пока органический состав сельско-хозяйственного капитала ниже, чем состав промышленного капитала, вследствие чего в сельском хозяйстве производится излишек стоимости сверх нормы прибыли. До введения машинного производства в промышленность живой труд играл в последней еще бо́льшую роль, чем в добывающей промышленности. С тех пор это отношение совершенно изменилось; но в последнее время, с расцветом сельско-хозяйственной химии и проникновением машинного производства также в область сельского хозяйства, наступает перемена; разница между стоимостью и ценою производства в сельском хозяйстве уменьшается, уменьшается вместе с нею и абсолютная земельная рента. Но последняя определяется также высотою всеобщей нормы прибыли; ведь эта норма входит, как один из определяющих факторов, в цену производства продуктов земли. Следовательно, с понижением нормы прибыли идет рука об руку повышение абсолютной ренты. Все влияния, вызывающие понижение нормы прибыли, одновременно повышают земельную ренту, если даже они одновременно не повышают в еще большей степени общую сумму прибавочной стоимости, создаваемой в добывающей промышленности.

Но для появления абсолютной земельной ренты необходимо еще второе предварительное условие. Собственность на землю должна выступать в форме, противоречащей владению капиталом, она должна представлять преграду приложению последнего. Там, где это не имеет места, как в крестьянском хозяйстве, где собственник сам обрабатывает свою землю, или

в колониях, где земля еще не присвоена в частную собственность, или присвоена в минимальных размерах, или же где капиталисты ведут свои плантации, как всякое другое капиталистическое предприятие,—там не может быть речи об абсолютной ренте в капиталистическом смысле слова.

Это, однако, не значит, что абсолютная рента может быть объяснена из монополии, которая фактически в странах капиталистического хозяйства не существует. Требуется только, чтобы частная собственность на землю ставила преграду ее капиталистической эксплоатации—притоку капиталов. Будет ли эта преграда осуществлена и использована в полной мере, то-есть сможет ли землевладелец присвоить себе всю разницу,—это зависит от обстоятельств.

Как мы видели, эта преграда приложению капитала к сельскому хозяйству не остается без влияния на образование цен. Она вызывает вздорожание сырых продуктов и одновременно понижение цен продуктов промышленности. Ибо благодаря тому, что более высокая прибавочная стоимость, созданная в сельском хозяйстве, удерживается в последнем, а не распределяется между всем остальным капиталом, всеобщая норма прибыли понижается, а вместе с нею понижаются и цены производства.

4. Стоимость определяется средним рабочим временем. Дифференциальная рента.

Из предыдущего изложения вытекает, что капиталисты заинтересованы в повышении нормы прибыли и тем самым в возможно более низком органическом составе капитала, землевладельцы же заинтересованы в низкой норме прибыли и еще более в том, чтобы разница между ценою производства сырых продуктов и их стоимостью была возможно больше, то-есть чтобы капитал в сельском хозяйстве сохранял возможно более низкий состав, чтобы ручной труд играл в нем возможно большую роль, а постоянный капитал—возможно меньшую.

Но эта тенденция перекрещивается и уничтожается другою, более сильною. До сих пор мы говорили о стоимости или цене производства отдельных сортов товаров. Но эта стоимость или цена производства есть сама продукт конкуренции. Последняя распределяет совокупный капитал общества между различ-

ными отраслями производства в зависимости от общественной потребности в соответствующих товарах. Общая стоимость данного сорта товаров определяется всем затраченным на его производство рабочим временем, его цена производства—всем затраченным здесь капиталом. Индивидуальная же стоимость или цена производства отдельного товарного экземпляра, представляющая соответствующую часть этой общей суммы, регулируется средними условиями производства.

Те капиталисты, которые работают менее рационально по сравнению с средним уровнем их профессии, получают только часть обычной прибыли, те же, которые работают при помощи более производительных капиталов, получают сверхприбыль. Поэтому каждый отдельный капиталист старается повысить производительную силу своего собственного капитала, то-есть применять возможно более сберегающие труд приемы, возможно более вытеснять переменный капитал постоянным. Поэтому производителю, не проникающему глубже внешних явлений конкуренции, кажется, что именно заработная плата есть «faux frais», бесполезное бремя производства; вместе с тем тот факт, что более производительный капитал доставляет бо́льшую массу товаров, вследствие чего падает цена отдельного товара, рождает в нем веру, что произвольным понижением цен он может увеличить сбыт и тем самым свою прибыль. Но повсюду, где господствует свободная конкуренция, она стремится к уравнению прибылей и вытесняет капиталы из отраслей с более низкою доходностью в более доходные, тем самым вынуждая капиталистов постоянно заботиться о замене переменного капитала постоянным. Таким образом стремление повысить свою индивидуальную прибыль приводит к понижению нормы прибыли в целом. От этой тенденции не может также уклониться капитал, применяемый в добывающей промышленности. Но хотя эта тенденция и приводит к понижению абсолютной земельной ренты, но на первых порах она доставляет землевладельцу двойную выгоду: во-первых, он часто получает долю от сверхприбыли арендатора, во-вторых, капиталы, приложенные к земле, сообщают последней прирост стоимости, который по истечении срока аренды бесплатно достается землевладельцу.

Там, однако, где свободное действие конкуренции ограничено тем, что определенные элементы производства не могут

быть созданы в произвольном количестве или произвольного качества, не может иметь место также уравнение прибылей: некоторые из них останутся ниже среднего уровня, некоторые — выше. Наиболее важною отраслью, где так обстоит дело, является добывающая промышленность. Исходя из нее, Рикардо рассматривает указанное явление; поэтому он видит его односторонне, под неправильным углом зрения, не понимая его всеобщего значения. Рикардо знает тольк одну форму земельной ренты, а именно сверхприбыли, возникающие в сельском хозяйстве вследствие этого ограничения свободной конкуренции.

В своих рассуждениях о земельной ренте он исходит из воображаемой страны, где имеются участки земли различной плодородности, еще никем не присвоенные. При этом он собственно имеет перед глазами американские условия. Конечно, уже Кэри доказал, что именно там развитие пошло совсем иным путем. Но Рикардо полагает, что в подобной стране были бы присвоены прежде всего самые плодородные участки земли, и, пока они будут в изобилии, не будет вообще никакой земельной ренты. Фактически при таких условиях не было бы и капиталистического производства. По мнению Рикардо, прирост населения вынудит переходить постепенно также к обработке неплодородных участков земли, но это может произойти только тогда, когда повышение спроса на продукты земли повысит их цену настолько, что она будет возмещать, сверх затрат капитала, и обычную прибыль. Поэтому цена определяется индивидуальною стоимостью тех продуктов, которые производятся при наименее благоприятных условиях. Продукты, произведенные при более благоприятных условиях, доставляют излишек, ренту. «Рента есть всегда разница между доходностью равных количеств капитала и труда».

Рикардо приходит к этому выводу, потому что он следует мальтусовой теории народонаселения, согласно которой последнее постоянно давит на свои средства существования; потому что он исходит из ложной предпосылки, что обработка земли начинается с более плодородных участков и переходит к менее плодородным; потому что он не рассматривает в целом всю проблему уравнения цен продуктов. произведенных при различных условиях, но берет своим исходным пунктом лишь отдельный вопрос; потому что, наконец, он рассматривает

товар и стоимость в их изолированном виде, а не как результат общественного процесса производства.

Развитие может пойти по пути, предположенному Рикардо, но это отнюдь не необходимо; более того, это было бы исключением. Сельское хозяйство в своем поступательном развитии обращается то к более плодородным, то к менее плодородным участкам земли, сами эти свойства почвы изменяются в зависимости от приемов производства и от количества прилагаемого капитала. Точно также количество произведенных продуктов земли иногда может соответствовать потребности, но иногда может превышать ее или отставать от нее. Но именно при тех условиях, какие предполагает Рикардо, не наступит то следствие, которого он ожидает. Если цена определяется хлебом, производимым при наихудших условиях, то, как мы видели, наихудший участок или, вернее, наименее доходный капитал также даст еще ренту. Законы Рикардо применимы, наоборот, только к тому случаю, который он как раз отрицает, к случаю, когда цена диктуется издержками производства при особенно благоприятных условиях, то-есть когда имеется относительное перепроизводство продуктов земли, тогда значительная часть их будет продана ниже их индивидуальной стоимости, цена может упасть до уровня цены производства, так что на самом худшем участке земли исчезнет вся абсолютная рента, а на многих лучших участках она будет реализована только отчасти. Полное исчезновение абсолютной ренты вряд ли вообще возможно при предполагаемых Рикардо условиях капиталистического производства, ибо землевладелец не позволит обрабатывать его землю без всякого вознаграждения, но, может, конечно, случиться, что арендная плата будет уплачиваться даже тогда, когда уже нет более никакой ренты, например, при поселении наемных рабочих на маленьких парцеллах, когда арендная плата поглощает как возможную прибыль, так и часть заработной платы. Там, где землевладелец сам обрабатывает свою землю, особенно в крестьянском хозяйстве, не приходится вообще говорить о ренте, но вместе с тем и о капиталистическом производстве.

К дифференциальной ренте рассуждения Рикардо в общем применимы, хотя не во всем правильны. В особенности его предположение, что производство должно всегда обращаться к худшим земельным участкам, не только исторически ложно,

но не имеет значения для его собственной теории ренты. Ее законы одинаково применимы как при повышении, так и при понижении производительности участков, взятых под обработку.

Но так как Рикардо видел в дифференциальной ренте единственно возможную форму ренты вообще, то он должен был приходить к неправильным выводам всякий раз, когда дело шло о законах ренты вообще. Так, например, Рикардо находит, что улучшения в сельском хозяйстве всегда приводят к уменьшению денежной ренты, независимо от того, состоят ли эти улучшения в лучшем использовании почвы благодаря более рациональным системам плодосмена, или же они вызваны удешевлением или улучшением постоянного капитала. Это также верно по отношению к дифференциальной ренте... Но благодаря удешевлению или улучшению постоянной части капитала изменяется его органический состав, размеры его переменной части увеличиваются, следовательно, к сырому материалу прилагается большее количество живого труда и прибавляется бо́льшая стоимость, в то время как издержки производства остаются без изменения; поэтому увеличивается разница между этими двумя величинами, то-есть абсолютная рента. Таким образом и при указанном предположении общая сумма ренты может остаться без изменения или даже возрасти.

Рикардо рассматривает только указанный случай, когда один лишь постоянный капитал уменьшается в своей стоимости; но он не исследует в общем виде вопроса о том, как влияют на высоту ренты различные изменения в составе капитала, вызванные колебаниями цены его составных частей. И здесь Рикардо не удалось разрешить проблему, потому что он исходил от специального случая, а не рассматривал вопроса с принципиальной стороны.

Этот недостаток дает себя чувствовать также при рассмотрении вопроса, имевшего для Рикардо особенную важность, а именно, перехода земледелия к все более худшим участкам. Этим явлением Рикардо объясняет постоянно продолжающееся падение нормы прибыли, которое иным образом для него необъяснимо. Отожествляя прибавочную стоимость с прибылью, он из падения прибыли заключает, что оно возможно только в результате повышения заработной платы, вызванного вздорожанием жизненных припасов. Последнее же является есте-

ственным следствием падения производительности сельского хозяйства. Следовательно, по мере дальнейшего прогресса общества норма прибыли падает, заработная же плата, а в особенности земельная рента, постоянно возрастают. Здесь Рикардо не замечает, что при его предпосылках возрастание дифференциальной ренты при уменьшающейся производительности земледелия даже на лучших участках постоянно сопровождается уменьшением массы общего продукта по отношению к затраченному капиталу определенной величины. Вследствие вздорожания жизненных припасов увеличивается заработная плата; из затраченного капитала величиною, например, в 100, бо́льшая часть падает на переменный капитал, при помощи которого, однако, можно занять лишь меньшее число рабочих и переработать меньшее количество сырого материала. Если одновременно возрастает также стоимость составных частей постоянного капитала—а это необходимо принять по отношению как к сельскому хозяйству, так и к горному делу, ибо продукты здесь часто опять входят в производство в виде сырых и вспомогательных материалов или в форме основного капитала,—то число занятых рабочих испытает двойное уменьшение: с одной стороны, заработная плата увеличилась; с другой стороны, уменьшившийся в процентном отношении постоянный капитал замещает лишь часть применявшихся ранее сырых и вспомогательных материалов или машин. Уменьшается не только масса продукта по отношению к затраченному капиталу, но также рента по сравнению с ее размерами в первом случае, в то время как Рикардо полагает, что вздорожание составных частей постоянного капитала должно, наоборот, привести к дальнейшему повышению ренты.

Но и независимо от этого, рассуждения и объяснения Рикардо насчет падения нормы прибыли ложны не только с точки зрения исторической, ибо этому падению не препятствовало также удешевление продуктов земли, но и с точки зрения теоретической: как уже было показано, норма прибыли не идентична с нормою прибавочной стоимости, прибыль исчисляется не на переменный, а на весь капитал. Это падение нормы прибыли происходит оттого, что под давлением конкуренции доля постоянного капитала всегда увеличивается за счет переменного, промышленность и одновременно также сельское хозяйство постоянно становятся более производительными. Правда, при-

бавочная стоимость возрастает по отношению к затраченной заработной плате, но она падает по отношению ко всему затраченному капиталу.

5. Стоимость определяется общественно-необходимым рабочим временем. Кризисы.

В одном месте Рикардо говорит: «Труд миллиона человек в промышленности создает всегда одну и ту же стоимость, но не всегда одно и то же богатство». Это утверждение совершенно неправильно, так как Рикардо опять забывает постоянный капитал, который, правда, не создает никакой новой стоимости, но стоимость которого всегда вновь появляется в продукте. Поэтому, чем больше постоянный капитал входит в процесс труда, тем больше, даже при неизменной длине рабочего дня, не только масса произведенных потребительных стоимостей, которые Рикардо называет богатством, но и произведенная стоимость. Если рабочее население останется даже в стационарном состоянии и изменится только органический состав капитала, то и тогда ежегодно производимая в промышленности масса стоимости будет постоянно возрастать. И, действительно, применяемый капитал непрерывно возрастает. Рикардо понимает этот процесс совершенно неправильно, полагая, что накопление капитала происходит таким образом, что доход «потребляется производительными рабочими вместо непроизводительных», или, иными словами, что прибавочная стоимость превращается в переменный капитал. Здесь Рикардо опять-таки упускает из вида постоянный капитал, который при накоплении возрастает даже быстрее переменного. Следовательно, это накопление предполагает не только увеличение рабочего населения или возможность удлинения рабочего дня, но и наличность составных частей постоянного капитала, который должен быть вновь образован. Накопление в одних отраслях промышленности предполагает такое же накопление во многих других отраслях. Но если бы даже превращение дохода в капитал, обусловленное, конечно, сущностью капиталистического производства, и не происходило вовсе, то существовал бы тем не менее фонд для накопления, о котором Рикардо совсем не знает. Основной капитал, машины, постройки и т. п., входит целиком в процесс труда, но обыкновенно его стоимость воспроизводится

не в течение одного года; возмещение этой стоимости распределяется на целый ряд лет, по истечении которых соответствующие элементы основного капитала должны быть возобновлены и закуплены «in natura». В промежуточное же время, из года в год, накопляется стоимость, которая употребляется на расширение производства и может быть затрачена на оборотный капитал, стоимость которого постоянно возвращается к капиталисту.

Так возрастает производство благ и стоимостей. Вопрос только в том, не имеет ли этот процесс свой предел, не может ли наступить перепроизводство товаров и капиталов.

Рикардо отрицает возможность всеобщего перепроизводства, при чем он пользуется аргументацией Сэя, согласно которой продукты всегда обмениваются на продукты, каждая покупка обусловливает продажу, и наоборот, спрос и предложение всегда покрывают друг друга. Перепроизводство возможно только в отдельных отраслях промышленности, так что нарушается правильная пропорция в запасах товаров. Но равновесие будет опять восстановлено спасительным действием свободной конкуренции, которая извлечет капиталы из этих отраслей и направит их в те, где произведено слишком мало продуктов.

Потребности общества фактически безграничны; ибо, хотя «спрос на хлеб ограничен числом потребляющих ртов», но, например, потребность в мебели и в всевозможных предметах роскоши фактически безгранична.

Все эти рассуждения обнаруживают поразительную наивность. Рикардо изображает дело так, как бутто речь идет о действительных потребностях людей вообще, как будто капиталистическое общество имеет своею целью удовлетворение потребностей, как будто производители непосредственно обмениваются между собою средствами, служащими для удовлетворения этих потребностей. Капиталистический строй превращается в пастушескую идиллию. Для Рикардо эта иллюзия была еще возможна, ибо в раннюю эпоху капитализма все его противоречия не успели еще проявиться так ясно и резко. Но трудно понять, каким образом можно еще поныне отстаивать эту точку зрения.

Рабочее время, вложенное отдельными производителями в товар, не придает последнему никакой стоимости, если оно не является общественно-необходимым временем, то-есть если оно

не затрачено на удовлетворение общественной потребности. Но размеры этой потребности, в свою очередь, зависят от величины стоимости. Ибо в суровой действительности капиталистического мира спрос, например, на предметы питания определяется не размерами желудка, как наивно думают Смит и Рикардо, а размерами кошелька. Решающее значение имеет не потребность вообще, но лишь платежеспособная потребность. Здесь таким образом получается порочный круг: стоимость зависит от общественной потребности, последняя же—от величины стоимости. В этом часто усматривали внутреннее противоречие марксова учения о стоимости, хотя Маркс на самом деле открыл здесь основное противоречие капиталистического способа хозяйства. Действительно, ни один капиталист не знает, реализуют ли произведенные им товары свою цену, возместят ли они издержки производства плюс прибыль. Он может только строить на этот счет предположения большей или меньшей вероятности. Он выносит товары на рынок по определенной цене, диктуемой ему издержками производства, то-есть косвенно стоимостью, и должен ждать, найдут ли они своего покупателя. Если покупателя нет, капиталист, быть может, откажется от части прибыли или даже от всей прибыли; более того, если ему предстоят платежи, он продаст их ниже собственных издержек, действительная рыночная стоимость товара составит лишь часть его индивидуальной стоимости.

«В действительности, индивидуальный труд, который выражается в особых потребительных ценностях, становится всеобщим трудом, и поэтому общественным, лишь тогда, когда они фактически обмениваются пропорционально продолжительности содержащегося в них труда. Общественное рабочее время заключается в этих товарах, так сказать, в скрытой форме и обнаруживается только в процессе обмена... Следовательно, всеобщий общественный труд не есть заранее данное условие, но результат, который только получается» [1]).

На основе капиталистического производства это разительное противоречие устраняется тем, что один товар выступает, как воплощение общественного рабочего времени, как деньги, на которые каждый индивидуальный товар должен быть обменен

---

[1]) Маркс «К критике политической экономии». Перев. П. Румянцева, изд. 1907 г., стр. 27.

для того, чтобы доказать свой общественный характер. Поэтому, вопреки мнению Рикардо, деньги никоим образом не функционируют только, как средство обращения, для более удобного обмена благ. Это—мерило, которое прилагается к каждому товару для того, чтобы узнать, насколько он содержит в себе общественно-необходимый труд. Деньги таким образом делают возможным обращение благ на капиталистической основе, но они не могут уничтожить то огромное противоречие, что индивидуальный труд первоначально независимых друг от друга производителей в то же время должен быть трудом общественным [1]).

Дело таким образом обстоит совсем не так идиллически, как рисует его Рикардо, говоря, что продукты обмениваются друг на друга, а деньги играют только роль посредника. Для товара вся трудность заключается именно в превращении его в деньги. Hic Rhodus, hic salta. Лишь своею способностью превращаться в деньги товар выражает свой характер, как стоимость; до тех пор он представляет лишь потенциальную стоимость. С ним дело обстоит так же, как и с бесчисленными газетными фельетонами, которые ежегодно пишутся, но остаются в редакционной корзине. Лишь малая часть их принимается в какую-нибудь газету и появляется в свет.

---

[1]) Вполне естественно, что экономисты, исходящие из буржуазной точки зрения и считающие аксиомою, что буржуазное капиталистическое хозяйство свободно от внутренних противоречий, не понимают теории, вскрывающей эти противоречия, и усматривают противоречия в ней самой. В их глазах хороша та теория, которая отвлекается от всяких определенных экономических условий и тем самым, конечно, от всех противоположностей и противоречий. По их мнению, капитализм, как и всякая другая форма хозяйства, преследует исключительно цель возможно более рационального удовлетворения потребностей. Вся разница между различными формами хозяйства состоит только в их различной способности достигать этой цели. Разумеется, с мощным повышением производительности, которое приносит с собою капитализм, достигнута высшая ступень совершенства. Кризисы—это только случайные недостатки, могущие быть устраненными. Понятно, что подобная теория удовлетворяет того, кто хочет видеть только то, что соответствует буржуазному сознанию. Но трудно понять, каким образом и социалисты могут обращаться к этой бессодержательной теории и видеть в сделанном Марксом открытии внутренних противоречий капитализма противоречия его теории. Ср. Bernstein, Allerhand werttheoretisches, «Dokumente des Sozialismus», B. V. S. 557.

Если предварительный расчет капиталиста оказался ошибочным,—а сделать правильный расчет становится все труднее и труднее,—или же во время производства изменился спрос, то значительному количеству товаров не удается перескочить в денежную форму; наступит в больших размерах обесценение товаров и капитала, начинается кризис.

Правда, Рикардо не отрицает возможности частичного перепроизводства. Но он не понимает его значения, Ибо, при крайне искусственном и чувствительном организме капиталистической хозяйственной системы всякое значительное нарушения равновесия влечет за собою целую революцию. Если, например, в текстильной промышленности наступает переполнение рынка, то прядильщик уже не может сбывать свой продукт ткачу; вследствие этого уменьшается также потребление им шерсти, льна или шелка, угля и прочих вспомогательных материалов, машин и построек; во всех этих отраслях промышленности начинается застой, увольнение рабочих, понижение заработной платы. Одновременно сокращается и потребление капиталистов и рабочих, переполнение рынка наступает также в отраслях, производящих средства потребления, кризис из частичного становится всеобщим. Следовательно, аргумент о возможности только частичного перепроизводства является очень слабым утешением, ибо частичное перепроизводство должно необходимо превратится во всеобщее.

Невозможность всеобщего перепроизводства Рикардо объясняет тем, что человеческие потребности безграничны, и каждый человек может достать средства для их удовлетворения, повышая свое собственное производство.

Здесь таким образом отожествляется не только покупатель с продавцем, но и производитель с потребителем. Но, не говоря уже о том, что значительное число потребителей вообще ничего не производит, уже одно только отнощение наемного рабочего к капиталисту предполагает, что рабочие, т.-е большая часть потребителей, не являются потребителями значительной части своего продукта, а именно средств и материалов труда; оно же, далее предпологает, что рабочие являются потребителями, т.-е. покупателями, лишь постольку, поскольку они производят прибавочную стоимость. Поэтому нелепо отожествлять производителя с потребителем По мнению Рикардо, достаточно самому производить стоимости, чтобы можно было

получать за них другие. При этом он отвлекается от всяких определенных форм капитализма. Он смешивает продукт со стоимостью и упускает из вида, что рабочий не владеет средствами производства и производит не для себя, но ради прибыли своего нанимателя. Это выступает особенно ярко, если свести его аргумент к простейшей форме и поставить вопрос: почему рабочие сами не производят необходимых для них товаров? Ведь у сапожника нет сапог как раз тогда, когда магазины переполнены этим товаром, и т. п. Пределы капиталистическому производству определены только самим капиталом, в то время как масса производителей остается ограниченной и, по самому характеру капиталистического производства, должна оставаться ограниченною средним уровнем потребностей. Отсюда тенденция капитализма расширять рынок всевозможными средствами, во что бы то ни стало. Рикардо, будучи последовательным, отрицает необходимость такого расширения; но теперь об этом уже не приходится спорить [1]).

Все эти внутренние противоречия капиталистической системы впервые проявляются в сфере обращения. Уже на основе простого товарного обращения кризисы возможны благодаря тому, что продажа и покупка далеко не обязательно совпадают, и деньги могут быть удержаны и накоплены в виде сокровища. Здесь это явление еще более или менее случайно, но на капиталистической основе оно становится регулярным.

Все противоречия этой системы выступают таким образом, что обе фазы товарного обращения, покупка и продажа, расчленяются. Когда деньги служат при этом только средством обращения, то они могут быть удержаны в том случае, если процесс воспроизводства наталкивается на затруднения, потому ли, что рыночные цены товаров вследствие каких-нибудь обстоятельств падают ниже их цены производства, так что воспроизводство капитала, по возможности, ограничивается, или же потому, что какие-нибудь элементы постоянного капитала

---

[1]) Лишь понимание имманентных противоречий закона стоимости, достигающих полного развития в капиталистическом мире, дает возможность понять не только хозяйственные кризисы, но и все отчаянные попытки капиталистического мира освободиться от этих противоречий, всю нашу торговую, таможенную и колониальную политику, направленную к искусственному расширению рынка, и картели, направленные к его искусственному регулированию.

имеются в недостаточном количестве. В этом случае воспроизводство наталкивается на технические и в то же время на экономические затруднения, так как стоимость и цена указанных элементов возросли. Подобный случай может наступить вследствие плохих урожаев или же в результате чрезмерной затраты капитала на машины и т. п., вызванной надеждой на слишком быстрое расширение воспроизводства,— расширение, для которого потом не оказалось необходимых предварительных условий.

Но деньги могут также функционировать, как средство платежа, как кредитные деньги, когда они действуют в двух различных видах, как мерило стоимостей и как реализация стоимостей. Но из этой функции денег опять-таки сама собою вырастает возможность кризисов, если в промежуточное время произошли изменения в стоимости или в цене соответствующих товаров, или же если происходит задержка в реализации. В этих случаях наступает заминка в кругообороте денег, и весь ряд сделок, находящихся в зависимости от первой сделки, не может быть оплачен.

«Весь процесс накопления сводится прежде всего к расширенному производству, которое, с одной стороны, соответствует естественному росту населения, а, с другой стороны, образует внутреннюю основу для явлений, обнаруживающихся в кризисах. Мерилом этого расширенного производства является сам капитал, данная стадия условий производства и безграничное стремление капиталистов к обогащению и капитализации, но мерилом его отнюдь не является потребление, которое заранее ограничено, так как, с одной стороны, бо́льшая часть населения,—рабочий класс—может расширять свое потребление лишь в очень узких пределах; с другой же стороны, по мере развития капитализма спрос на труд относительно уменьшается, хотя абсолютно и возрастает. Сюда присоединяется также то, что все эти выравнивания носят случайный характер, и хотя пропорциональность в приложении капиталов к отдельным отраслям выравнивается при помощи постоянного процесса, но уже само постоянство этого процесса предполагает постоянную диспропорциональность, которую он должен постоянно, нередко даже насильственным путем, выравнивать» [1]).

---

[1]) Ср. Marx, «Theorien über den Mehrwert», II, 2. S. 263.

В указанном месте Маркс не дает законченной теории кризисов, да и полемика с Рикардо не давала к тому никакого повода. По отношению к Рикардо ему надо было только показать возможность и форму кризисов. Действительный их характер мог быть изображен лишь на основе развитых законов конкуренции и кредита и действительной структуры общества, которое никоим образом не исчерпывается двумя классами: рабочими и промышленными капиталистами [1]).

Заключение.

В предшествующем изложении я пытался дать очерк хода мыслей Маркса в его критике Рикардо. В рамках настоящего очерка можно было дать только скудный остов идей; но я буду вполне удовлетворен, если этот очерк побудит прочесть новый посмертный труд Маркса. Всякий интересующийся вообще теоретическими исследованиями прочтет эту книгу с огромным наслаждением. Нигде, пожалуй, своеобразие метода исследования и изложения Маркса не выступает так ярко и рельефно, как здесь, где он в полемике противопоставляет этот метод родственному, но отличному от него воззрению Рикардо и где он на многочисленных примерах показывает, что точная формулировка закона стоимости приводит также к количественному анализу хозяйственных явлений [2]). Именно, с точки зрения методологической ясности, изложение земельной ренты, особенно абсолютной ренты, в этом сочинении превосходит изложение третьего тома «Капитала». Там Маркс поставил

---

[1]) Очень интересная попытка развить марксову теорию кризисов на основе закона стоимости сделана О. Бауэром («Neue Zeit», XXIII, 1, Heft 5—6).

[2]) Легко оценить правильность насмешливого замечания Бернштейна (указ соч., стр. 559): «Ныне мы можем исследовать законы образования цен более прямым путем, чем фокусничание с метафизическою вещью, именуемою стоимостью». Этим Бернштейн хочет показать ненужность исследований закона стоимости, полагая, что их бесплодность уже доказана его предшествующими рассуждениями. Но превосходство марксовой теории обнаруживается именно в том, что она дает нам объяснение явлений нашей хозяйственной жизни, в то время как, например, теория предельной полезности представляет только теоретическое украшение, об эстетической ценности которого можно, конечно, быть различных мнений.

вопрос, согласуется ли существование абсолютной земельной ренты с законом стоимости. Он, следовательно, рассуждал в духе метода Рикардо. В «Теориях» он развивает абсолютную ренту именно из закона стоимости; достаточно сравнить оба изложения, чтобы убедиться, насколько более плодотворным является метод последнего сочинения, не говоря уже о том, что здесь изложение особенно оживляется благодаря полемике с Родбертусом.

Изложение дифференциальной ренты здесь также подробнее, глубже, а нередко и лучше, чем в «Капитале», и это не только благодаря полемике с Рикардо, но особенно потому, что эта форма ренты рассматривается здесь в связи с абсолютною рентою и на ее основе. Правда, здесь зато отсутствует весь разбор дифференциальной ренты II, возникающей в результате приложения в добывающей промышленности добавочных капиталов неодинаковой производительности. Рикардо лишь мимоходом коснулся этой формы, почему и не было повода к полемике с ним; с другой же стороны, эта форма ренты не так необходима для понимания других форм, чтобы в данном месте ее разбор был бы так же необходим, как разбор абсолютной ренты. Однако, не только в области теории ренты, но и в различных других вопросах изданный труд представляет желанное дополнение к главному теоретическому труду Маркса, особенно в исследовании проблемы кризисов. Конечно, на этом сочинении заметно, что самому Марксу не суждено было дать ему окончательную отделку; в нем встречается немало повторений, в то время как некоторые вопросы рассматриваются лишь кратко и в афористической форме.

Кроме критики основных положений системы Рикардо, в этом сочинении имеется целый ряд экскурсов, посвященных отдельным вопросам и историческому положению теории Рикардо. Так, например, подробно разбирается отношение Андерсона и Смита к теории ренты, вопрос о влиянии машин на процесс производства и создания стоимости в освещении Рикардо и Бартона и некоторые другие вопросы. Но как ни интересен разбор всех этих вопросов, отдельные частности отступают на задний план перед отличительною особенностью, проходящею через всю книгу, перед ее методологическим значением.

Не один только метод объясняет превосходство Маркса над Рикардо, не говоря уже об индивидуальных особенностях

обоих исследователей, от которых мы здесь отвлекаемся. Второй фактор громадного значения—это изменение точки зрения исследователя.

Каждая эпоха ставит свои собственные проблемы, т. е. вскрывает явления, которые не укладываются в рамки обычных объяснений и не могут быть согласованы традиционным способом с комплексом родственных и уже известных фактов. Но естественная сила духовной инерции приводит к тому, что, пока только возможно, делаются попытки более или менее насильственно втиснуть новые явления в старые категории; это продолжается до тех пор, пока не появляется исследователь с достаточно свободным от предубеждений взглядом, который видит недостаточность прежних попыток объяснений и начинает перестраивать науку на новой основе. Но к тому времени масса и число новых явлений оказываются уже значительно возросшими, и вопрос в том,—каким именно явлениям исследователь в первую очередь уделит свое внимание? Но в этом он не совсем свободен. Формулировка проблем представляет задачу науки, постановка же их предшествует ей; здесь действуют не ее собственные законы и правила, но исследователь находится под сильнейшим влиянием своих личных чувств, своей индивидуальной судьбы, воспитания и жизненного положения, своей принадлежности к определенному классу.

Рикардо был банкиром и жил в эпоху юности капитализма, под опьяняющим впечатлением огромного повышения производительности общественного труда. Ему, как и Смиту, целью хозяйства казалось создание возможно большего богатства, и его исследование имело своею целью установить, какие условия должны быть даны для того, чтобы возможно больше способствовать этой цели производства богатства. Он видел, что капитализм дал для достижения этой цели такие средства, которых не давала ни одна из прежних форм хозяйства, и потому капитализм казался ему завершением экономических стремлений человечества; а так как внутренние противоречия этой системы хозяйства в его время резко еще не выступали, то он мог не заметить их, тем более, что, исходя из своих предпосылок, он даже не искал их. Кризисы, современником которых он был, он все еще мог объяснять наступлением случайных обстоятельств, которые, как казалось, не присущи капитализму, как таковому; крупные кризисы на мировом рынке нача-

лись лишь позднее. Не проникли еще в сознание общества и соответствующие капитализму классовые противоречия. Поэтому Рикардо мог отрицать возможность кризисов, не замечая, что цель капиталистического производства—не удовлетворение потребностей, а прибавочная стоимость; он мог затушевывать классовый характер капитала, противопоставляя его живому труду, как труд накопленный, но не как силу, ставшую самостоятельною и противостоящую рабочему.

Хотя Рикардо был таким образом ограничен буржуазным кругозором, но он никоим образом не был апологетом буржуазии. Как истый человек науки, он выводил из своих теоретических взглядов следствия, не заботясь о том, какому классу или какой клике они пойдут на пользу. Этим он существенно отличался от своего современника Мальтуса, этого сикофанта класса землевладельцев. Маркс воздает величайшую дань уважения и восхищения искренности и теоретическому беспристрастию Рикардо, в противоположность пошлой манере Мальтуса, не то что не беспристрастного, но даже очень пристрастного к определенному классу.

Приступая к изучению экономических проблем, Маркс был философом и историком, прошедшим школу Гегеля, но вместе с тем радикальным демократом, который не оставался слеп к все усиливающемуся классовому антагонизму между капиталом и трудом. Он ставил вопрос не о цели хозяйства вообще, но о тенденциях развития исторически данной системы хозяйства, капитализма. Тем самым он стал на независимую, беспристрастную точку зрения. Он больше, чем кто бы то ни было из его предшественников, признал историческое оправдание и необходимость капитализма, но вместе с тем и присущие ему разрушительные тенденции и противоречия.

Поэтому он мог, как никто другой, вполне оценить величайшую заслугу Рикардо перед наукою и в то же время показать его историческую обусловленность, его ошибки,

Рудольф Гильфердинг.

Теории прибавочной стоимости от Рикардо до Джонса [1].

Появление третьего тома «Теорий прибавочной стоимости» раз навсегда документально покончит с одною старою легендою. Когда появился третий том «Капитала», буржуазные экономисты утверждали, что объяснение уравнения нормы прибыли стоит в противоречии с теорией трудовой стоимости первого тома. По их словам, Маркс, исходя из своей теории стоимости, не мог объяснить указанную проблему, и ему самому, с его сильным логическим умом, это должно было быть известно. В дальнейшем ходе своего исследования он почувствовал невозможность дать разрешение проблемы, но так как он обещал сделать это, то он при помощи диалектических фокусов третьего тома дал мнимое решение. Честь открытия этого глубокого взгляда принадлежит итальянскому профессору *Лориа*. Господин *Бем-Баверк* перенес этот взгляд в вольном переводе на немецкий язык, и долгое время он был «communis opinio», общим мнением многих профессоров политической экономии. Конечно, изучение трех томов—только все вместе они дают возможность понять марксову экономию, в то время как один только первый том неизбежно должен вызвать неполное, даже ложное представление—должно было показать всякому непредубежденному читателю, что все произведение во всех своих отдельных исследованиях, в подробном анализе прибавочной стоимости и ее нормы, в различии между постоянным и переменным, основным и оборотным капиталом, в исследовании условий обращения, направлено именно к разрешению той проблемы, которую поставил уже Рикардо

[1]) «Neue Zeit» (1910—1911. B. II).

и вокруг которой большею частью вращалась вся послерикардовская политическая экономия. Но предположение, что Маркс третьего тома сам опроверг Маркса первого тома, было слишком удобно, теория трудовой стоимости, благодаря своим социологическим выводам, была слишком ненавистна буржуазной экономии, чтобы одним только логическим доказательством можно было покончить с этою легендою. Не было обращено также никакого внимания на мимоходом сделанное Энгельсом в предисловии к третьему тому замечание, что уже в период 1863—1867 годов Маркс не только подготовил к печати первый том, но имел также готовые проекты последних двух томов «Капитала». Теперь Каутский, на основании рукописи «Теории прибавочной стоимости», может неопровержимо доказать в подробностях, что руководящие идеи второго и третьего томов были развиты Марксом в рукописи еще *до* выхода в свет первого тома. В предисловии Каутский опубликовывает план, взятый из одной рукописной тетради 1862 года; в нем Маркс набрасывает те выводы, которые ныне составляют третий том «Капитала». Этим будет раз навсегда покончено с пересудами о том, что самая гениальная идея Маркса, а именно объяснение равной нормы прибыли на основе теории трудовой стоимости,—объяснение, освободившее теорию от противоречия, которое ставило под вопрос ее самое, является лишь какою-то отговоркою и вынужденною уловкою. Ведь теперь следующие слова Каутского установлены документально и неопровержимо, даже для самого придирчивого критика:

«Во всяком случае, уже наброски для первого и третьего томов достаточно показывают, что ко времени их составления план «Капитала» был у Маркса готов во всех своих основных чертах... Тогда (в 1862 году), за пять лет до появления первого тома, весь «Капитал» был уже продуман до конца не только в общем очертании своих идей, но также в том плане изложения, как он впоследствии и вышел в свет» (Предисловие, стр. IX).

Это доказательство задним числом очень полезно, так как его принудительная сила не требует даже понимания хода развития экономической теории вообще и марксовской—в частности; но кроме того разбираемый нами здесь том может показать внимательному читателю, как сильно занимала проблема нормы прибыли мысль экономистов со времени Рикардо.

Третий том «Теорий» охватывает период от Рикардо до Маркса. Здесь отсутствуют подробные теоретические доказательства, и потому историческое изложение носит более законченный характер, чем в прежних томах. Экономисты, разбираемые в этом томе, представляют тем больший интерес, что они образуют переход к экономической системе марксизма—с одной стороны, и к вульгарной экономии—с другой. Этот переход приковывает к себе внимание уже потому, что как раз этот период политической экономии почти совершенно предан забвению и описание его бросает отчасти совершенно новый свет на ход развития после Рикардо.

Постановка вопроса у Маркса примыкает непосредственно к Рикардо, и центральным является здесь вопрос: как можно на основе теории стоимости объяснить равенство нормы прибыли, которое ведь глубоко противоречит закону, что стоимость определяется трудом. Каждая строчка разбираемого тома доказывает, что именно разрешение этой проблемы Маркс поставил задачею своей критики предшествовавшей политической экономии. Уже Рикардо поставил эту проблему, но потом опять отложил ее в сторону, не разрешив ее. В чем состояла проблема?

Как известно, в различных отраслях производства состав капитала, который Маркс называет органическим, очень различный. В одной отрасли производства предприятие в 1 миллион марок должно затратить 800.000 марок на постройки, машины, сырые материалы и т. п. и 200.000 марок на заработную плату для оплаты 2.000 рабочих. Наоборот, в другой отрасли производства для вещественных элементов капитала требуется только 200.000 марок, но зато в ней заняты 8.000 рабочих, получающих 800.000 марок заработной платы. Из теории стоимости непосредственно вытекает тот вывод, что при равном уровне эксплоатации труда—если, например, в обоих отраслях производства каждый рабочий работает одинаковое время для воспроизводства своей заработной платы и производства прибавочной стоимости для капиталиста—прибавочная стоимость, произведенная 8.000 рабочих, в четыре раза больше, чем произведенная 2.000 рабочих. Но тогда и прибыль, то-есть прибавочная стоимость, рассчитанная на весь капитал в 1 миллион, будет в такой же мере различна, что противоречит закону, согласно которому капиталы равной величины

должны доставлять равную прибыль. Маркс разрешил это затруднение, показав в третьем томе «Капитала», как конкуренция капиталов за сферы их приложения приводит к такому распределению капиталов между различными отраслями промышленности, что товары продаются не по своей стоимости, но по своим ценам производства. В нашем примере капиталист I к концу периода производства будет иметь стоимость в 1.200.000 марок, а капиталист II в 1.800.000 марок; первый реализует прибыль в 20 процентов, второй—в 80 процентов. Но это поведет только к тому, что некоторое число капиталистов I перенесут свои капиталы в сферу производства II; в результате в первой сфере производства предложение уменьшится, во второй увеличится; это будет продолжаться до тех пор, пока оба капиталиста не будут иметь одинаковые условия вознаграждения для своих капиталов. Последнее будет иметь место в том случае, когда вся произведенная ими общая прибавочная стоимость в 1 миллион распределена будет равномерно на весь общий капитал в 2 миллиона, то-есть, когда оба продадут свои товары по 1.500.000 марок; таким образом на равные капиталы в 1 миллион они оба получат равную прибыль в 50 процентов.

Рикардо остановился на факте равенства прибыли. Отклонение цен он объявил лишь исключением из правил закона стоимости. Поэтому у него осталось совсем необъясненным, каким образом может появиться такое исключение, которое логически представляет прямую противоположность правилу. По этой причине исключение должно было казаться противоречием, отрицанием правила. Тем более, что по мере развития промышленной революции органический состав капитала все более повышался, различие органического состава в различных отраслях производства становилось все больше, так что общею нормою стало отклонение от закона стоимости, а не его применение. Закон стоимости уже не регулировал цен, следовательно, оказался вообще ложным. И потому прибыль не могла проистекать из труда или только из труда, она не имела к нему непосредственного отношения, а проистекала из капитала, безразлично—из его вещественных составных частей или из труда.

Когда перед мыслителем его задача ставится лишь в несовершенной форме, когда подлежащая разрешению проблема выступает в сознании лишь в несовершенном виде, тогда и

предпосылки остаются несовершенными и недостаточными. Ибо процесс действительного мышления другой, чем он выступает в научном изложении. В последнем из ряда предпосылок вытекают в дедуктивном изложении выводы. Действительное же мышление исходит из следствий, данных в действительности, чтобы, восходя от них, найти условия их появления. В *процессе* мышления предпосылки и следствия, в изложении выступающие раздельно, объединены, и лишь тогда, когда в сознании имеется вся совокупность следствий,—именно они представляют явление, подлежащее объяснению, то-есть проблему,—мышление доходит до всей совокупности предпосылок. В мышлении постановка проблемы и ее разрешение взаимно обусловлены, и если проблема понята лишь несовершенным образом, то и предпосылки остаются несовершенными и недостаточными. И это в двояком отношении: во-первых, предпосылки и расчленение их на отдельные логические части носят несовершенный характер и, во-вторых, из предпосылок делаются не все те выводы, которые implicite содержатся в них. Так случилось с Рикардо; благодаря тому, что он оставил без разрешения проблему превращения стоимости в цены производства, его теория стоимости и прибавочной стоимостей также осталась несовершенною и потому противоречивою. Лишь тогда, когда Маркс поставил себе проблему объяснения действительных цен не как исключений из теории стоимости, но на основе последней, удалось очистить теорию стоимости от ее противоречий, развить ее полностью и найти все посредствующие звенья, объясняющие превращение стоимостей в цены производства. Но сама проблема была поставлена развитием техники и вызванным им колоссальным ростом постоянного и, в частности, основного капитала по сравнению с переменным. Это был новый факт, к которому политическая экономия должна была приспособиться.

Но именно Рикардо, который в своем неутомимом искании истины сам объяснил образование действительных цен, как исключение из его теории стоимости и, следовательно, как нечто противоречащее ей, поставил эту проблему своим последователям. Из нее исходят и противники его и ученики. С *Мальтуса* начинается реакция. Но реакция в науке состоит в том, что логическое противоречие в системе на самом деле не устраняется, но скрывается, безразлично, есть ли это

противоречие мыслей друг с другом или противоречие мыслей с явлениями, которые, будучи познаны, суть также мысли. Трудности устраняются лишь мнимым образом, будучи отодвинуты в другую связь мыслей, где они исчезают, конечно, лишь для того, чтобы открыть дорогу еще более глубоким идейным противоречиям, которые, однако, еще не поняты, как таковые, или же являются обычными и естественными для ненаучных мыслителей. Мальтус представляет тип подобного реакционера в науке. Он последовательно исходит из непоследовательности Рикардо, с целью устранить не эти последние, но правильные предпосылки Рикардо.

Теория прибавочной стоимости Рикардо обнаруживала то противоречие, что в ней капитал, то-есть накопленный труд, обменивается непосредственно на живой труд. Капиталист уплачивает рабочему «стоимость труда». Но стоимость 10-часового труда, очевидно, составляет стоимость 10 часов; итак, если капиталист уплачивает рабочему стоимость его труда, то не остается никакого места для прибавочной стоимости. Маркс показал, что рабочий продает не свой труд, но свою рабочую силу, стоимость которой равняется труду, содержащемуся в средствах существования рабочего. Если рабочему требуются для его содержания средства существования стоимостью в 5 часов, а на службе у капиталиста он работает 10 часов, то он создает стоимость 10 часов, из которой 5 достаются капиталисту в качестве неоплаченной прибавочной стоимости. Правда, уже Рикардо усмотрел в «стоимости труда» стоимость средств существования рабочего, но он не устранил противоречий своей формулировки. С них-то и начинает Мальтус.

«Возникновение прибавочной стоимости; способ, которым Рикардо объясняет уравнение цен производства в различных сферах применения капитала, как видоизменение самого закона стоимости; постоянное смешение у него прибыли с прибавочною стоимостью (прямое их отожествление)—таковы те пункты, из которых исходит Мальтус в своей критике. Мальтус не разрешает этих противоречий и смешения понятий, но воспринимает их от Рикардо, чтобы, опираясь на них, опровергнуть основной закон стоимости Рикардо и т. д. и притти к выводам, приятным для его покровителей, т.-е. землевладельцев и их клики» («Теории прибавочной стоимости», III, стр. 2, немецк. издание).

Таким образом Мальтус приходит к отрицанию теории стоимости и впадает в меркантилистическое представление, что прибыль возникает лишь из надбавки к цене, которую капиталисты делают сверх издержек производства. Следовательно, на свою заработную плату рабочие могут покупать у капиталистов только часть товара, ибо капиталист прибавляет к заработной плате свою прибыль. При заработной плате в 100, капиталист продает товар за 110. Итак, 10 остаются в его руках непроданными. Ему не поможет, если он продаст их другим капиталистам. Ибо если капиталист А продает капиталисту В товар в 100 за 110, то В также продает свой товар А с такою же надбавкою. Мальтус разрешает это затруднение, вводя класс покупателей, которые оплачивают товары по их номинальной стоимости, с своей стороны не продавая товаров. Прибыль получается таким путем, что из общего продукта продается возможно меньше рабочим и возможно больше этому классу, который платит наличными деньгами, сам не продавая, который покупает для потребления. Итак, это—непроизводительные потребители: землевладельцы, получающие ренту и на нее покупающие товары у капиталистов. Но одних землевладельцев мало. Необходимо прибегнуть к искусственным средствам. Таковы большие налоги, множество лиц, имеющих государственные и церковные синекуры, значительный государственный долг и время от времени дорого стоящие войны. Таковы «спасительные средства» Мальтуса.

Маркс следующим образом характеризует хозяйственно-политические мотивы, определяющие теорию Мальтуса:

«Выводы Мальтуса сделаны вполне правильно из его основной теории стоимости; но эта теория, в свою очередь, удивительным образом соответствовала его задаче, апологетике существующего английского строя, лендлордизма, «государства и церкви», пенсионеров, сборщиков податей, церковной десятины, государственного долга, биржевых маклеров, шпиков, попов и лакеев («national expenditure»); рикардианцы боролись против них, как против пережитков, невыгодных и вредных для буржуазного производства. Рикардо бесстрашно защищает буржуазное производство, поскольку оно означает, по возможности, беспрепятственное развитие социальных производительных сил, нисколько не заботясь о судьбе носителей производства, независимо от того, капиталисты ли это или рабочие.

Он твердо верил в исторические права и необходимость этой ступени производства. Насколько ему недоставало исторического понимания прошлого, настолько же он жил в историческом фокусе своего времени. Мальтус также хочет возможно более свободного развития капиталистического производства, но лишь поскольку нищета его главного носителя, рабочего класса, представляет условие этого развития. Но вместе с тем это производство должно приспособляться к «потребностям потребления» аристократии и ее прислужников в государстве и церкви, оно должно служить материальным базисом для устарелых притязаний представителей интересов, унаследованных от феодализма и абсолютной монархии. Мальтус хочет буржуазного производства, поскольку оно не революционно, поскольку оно создает не новый момент в истории, но «более широкий и удобный материальный базис» для «старого общества» (стр. 50, нем. изд.).

С собственным учением Мальтуса рикардианцы легко разделались. Его теория прибыли была опровергнута одним из них [1]) следующими словами:

«Рассуждения Мальтуса постоянно вызывают у нас вопрос, должны ли мы желать расширения производства или препятствовать ему. Если кто-нибудь нуждается в покупателе, господин Мальтус рекомендует ему дать кому-нибудь деньги, чтобы тот купил у него его товары» (стр. 62, нем. изд.).

Но труднее было разрешить противоречия, которые Мальтус указал в самой теории Рикардо, направив их против нее же. На этом пункте рикардовская школа в конце концов потерпела крушение, хотя, работая над этим, она сама дала целый ряд положений, которые открывали возможность окончательного разрешения проблемы. Характеристику этих рикардианцев Маркс дает на примере *Джемса Милля:*

«Милль был первый, кто изложил теорию Рикардо в систематической форме, хотя лишь в весьма абстрактных очертаниях. Он стремился к формально-логическим выводам. Поэтому с него начинается также разложение рикардовской школы. У учителя новое и значительное развивается среди «на-

---

[1]) Это анонимный автор книги: «An inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand and Necessity of Consumption, lately advocated by Mister Malthus etc». London, 1821.

воза» противоречий, он насильно извлекает законы из явлений, полных противоречия. Сами противоречия, лежащие в основе, свидетельствуют о богатстве живой подпочвы, из которой пробивается теория. Иначе обстоит дело у его ученика. Для него сырым материалом служит уже не действительность, а новая теоретическая форма, в которую учитель влил ее. Отчасти теоретические возражения противников новой теории, отчасти нередко встречающееся парадоксальное отношение этой теории к реальной действительности побуждали его делать попытки опровергнуть первые и объяснить последнее. При этой попытке он сам запутывается в противоречиях, и в своих стараниях разрешить их одновременно знаменует начинающееся разложение теории, которую он догматически защищает» (стр. 94, нем. изд.).

Эти замечания вместе с тем представляют меткую характеристику доктринерского догматизма, в который так легко впадают вульгаризаторы всех новых теорий.

Главные трудности, с которыми школа Рикардо должна была бороться, состояли в следующем: во-первых, следовало объяснить, каким образом обмен капитала на труд происходит в согласии с законом стоимости; эту трудность не сумели преодолеть ни буржуазные, ни социалистические рикардианцы; ее устранил лишь Маркс, доказав, что обмениваются не капитал и труд, а капитал и рабочая сила. Вторая трудность состояла в том, что *равные по величине капиталы*, каков бы ни был их органический состав, приносят *равную прибыль*. Эта проблема общей нормы прибыли представляет вместе с тем проблему превращения стоимостей в цены производства.

«Трудность проистекала оттого, что *равные по величине капиталы* неодинакового состава—все равно, происходит ли последний от неодинакового соотношения между постоянным и переменным, основным и оборотным капиталом, или от неодинакового периода обращения—приводят в движение *неравные* массы непосредственного труда, а потому могут присвоить себе в процессе производства неравные массы неоплаченного труда, то-есть неравную прибавочную стоимость или прибавочный продукт; следовательно, неравную прибыль, если прибыль есть не что иное, как прибавочная стоимость, рассчитанная по отношению к стоимости всего авансированного капитала. *Если же прибавочная стоимость есть нечто дру-*

гое, чем (неоплаченный) труд, то труд вообще не есть «основа» и «мера» стоимости товаров.

Сам Рикардо усмотрел встречающиеся здесь трудности, хотя и не в их всеобщей форме, и констатировал их, как *исключения* из правила стоимости. При помощи этих исключений *Мальтус* опроверг самое правило, ибо исключения превратились в правило. *Торренс*, также полемизируя против Рикардо, ставил эту проблему, по крайней мере, когда он говорит, что *равные капиталы приводят в движение неравные массы труда, но тем не менее производят товары равной «стоимости», так что стоимость определяется не трудом.* То же у *Бэлей* (Bailey). Джемс *Милль*, в свою очередь, принял исключения, констатированные Рикардо, при чем они нисколько не смущали его, за исключением одного случая. *Противоречие* правилу он усмотрел только в одной *причине уравнения* прибылей капиталистов. Этот случай следующий: некоторые товары остаются в процессе производства (например, вино в подвалах), без применения к ним труда; в продолжение некоторого периода они предоставлены игре определенных естественных процессов. Но тем не менее это время считается приносящим прибыль. Время, когда труд к товарам не применяется, рассматривается, как рабочее время. (То же имеет место вообще, когда идет речь о более *длинном периоде обращения.*) *Милль*, так сказать, «обманом» вывернулся из затруднительного положения, говоря, что время, когда вино, например, стоит в подвалах, может считаться временем, когда оно всасывает труд, *хотя*, согласно предположению, это в действительности не имело место. Иначе следовало бы сказать, что прибыль создается «временем», а ведь время, как таковое, лишь «звук пустой». К этой галиматье (которая, однако, психологически «углубленная», снова является у Бем-Баверка в виде основы его «теории прибыли с капитала». Р. Г.) примыкает *Мак-Куллох* или, вернее, он с своею обычною скрытою манерою плагиатора воспроизводит ее в общей форме, где скрытая бессмыслица явно выступает и благополучно устранен последний остаток системы Рикардо и вообще всякого экономического мышления» (стр. 212 и след. нем. изд.).

Мак-Куллох выходит из затруднения, называя «действия» средств производства трудом и говоря, что они так же создают стоимость, как труд человеческий. Итак, естественные свой-

ства потребительных стоимостей, например, производимую машиною механическую работу, он приравнивает к общественным отношениям людей, выступающим в их деятельности в процессе производства.

«Рикардо, как все крупные экономисты, — говорит Маркс, приписывая, вероятно, сознанию своих предшественников свои более развитые и ясные взгляды,—рассматривает труд, как *человеческую*, еще более как *социально*-определенную человеческую деятельность, как единственный источник стоимости. От остальных экономистов Рикардо отличается именно тем, что рассматривает стоимость товаров, как простых «представителей» общественно-определенного труда. Все эти экономисты более или менее ясно,—Рикардо яснее других,— видят в меновой стоимости *вещей* простое выражение, специфическую общественную форму производительной деятельности людей, нечто *toto genere* отличное от вещей и их употребления, как вещей,—безразлично, идет ли речь о потреблении промышленном или непромышленном. Действительно, стоимость есть для них лишь выраженное в вещах отношение производительной деятельности людей, рабочих друг к другу» (стр. 218, нем. изд.).

Считая производящим стоимость «труд вообще», безразлично, будет ли то труд машин, животных или людей, следовательно, все действия средств производства, Мак-Куллох смешивает естественные свойства вещей с общественными свойствами товаров, то-есть смешивает потребительную стоимость со стоимостью, и тем самым впадает в тот фетишизм, который лежит в основе мнимой науки вульгарных экономистов.

Последним рикардианцем Маркс называет Джона Стюарта *Милля*. Он также страдает смешением прибавочной стоимости с прибылью. Его попытка доказать учение Рикардо, что высота прибыли находится в обратном отношении к высоте заработной платы, приводит Маркса к исследованиям, которые относятся к теории комбинации и будут нами рассмотрены в другой связи.

Одновременно с развитием буржуазной экономии растет также отрицание ее в *социалистических и коммунистических системах*. Но в план произведения Маркса входит только та группа социалистов, которые, оставаясь на почве учений Рикардо, стараются развить из них социалистические или хотя

бы пролетарские выводы. Из таких социалистов Маркс называет трех: автора анонимного памфлета «The source and remedy of the national difficulties», появившегося в Лондоне в 1821 году, *Равенстона* (Ravenstone) и *Годскина* (Hodgskin). Этой группе Маркс дает следующую характеристику:

«Для противоположных течений, вызванных к жизни теориею Рикардо—на (основе) ее собственных предпосылок,— характерно следующее:

По мере своего развития (а это развитие, поскольку речь идет об основных принципах, находит свое наиболее яркое выражение у Рикардо), политическая экономия все более изображает труд, как единственный элемент стоимости и единственного создателя потребительной стоимости, а развитие производительных сил, как единственное средство к действительному умножению богатства; возможно большее развитие производительных сил труда,—как экономический базис общества. Это, действительно, базис капиталистического производства. Сочинение Рикардо, доказывая, что ни земельная собственность, ни капиталистическое накопление и проч. не нарушают закона стоимости, занимается, собственно говоря, тишь тем, чтобы устранить все противоречия или явления, повидимому, противоречащие этому пониманию. Но по мере того, как труд признается единственным источником меновой стоимости и активным источником потребительной стоимости, в той же мере теми же экономистами и, в частности, также Рикардо (еще более Торренсом, Мальтусом, Бэлей и другими), «капитал» рассматривается, как регулятор производства, как источник богатства и цель производства; труд же, напротив, как наемный труд, носителем и действительным орудием которого необходимо является паупер; этот взгляд был еще подкреплен теорией народонаселения Мальтуса. Рабочий принадлежит к простым издержкам производства и орудиям производства, он ограничивается минимумом заработной платы, которая должна упасть ниже этого минумума, как только рабочие имеются в «излишнем» для капитала числе. В этом противоречии политическая экономия выразила лишь сущность капиталистического производства или, если угодно, наемного труда, отчужденного от самого себя труда, по отношению к которому созданное им богатство выступает, как чужое богатство, его собственная производительная сила,

как производительная сила его продукта, его обогащение, как его собственное обнищание, его общественная мощь, как мощь общества над ним. Но эту определенную специфическую, историческую форму общественного труда, как она выступает в капиталистическом производстве, эти экономисты объявляют всеобщею единственною формою, естественною, истинною, а эти производственные отношения—абсолютно (не исторически) необходимыми, естественными и разумными отношениями общественного труда. Всецело ограниченные кругозором капиталистического производства, они заявляют, что противоречивая форма, в которой здесь выступает общественный труд, столь же необходима, как сама эта форма, освобожденная от этого противоречия. В одно и то же время они объявляют единственным источником богатства, с одной стороны, труд в его абсолютной форме, ибо для них наемный труд тожествен с трудом вообще, а с другой стороны, капитал в такой же абсолютной форме, нищету рабочих и богатство тех, кто не работает; благодаря этому они постоянно движутся в абсолютных противоречиях, нисколько того не подозревая. *Сисмонди* создал эпоху в политической экономии благодаря тому, что усмотрел это противоречие. «Труд *или* капитал»— в этом выражении Рикардо ярко выступает противоречие и та наивность, с которою оно выражено в форме идентичности.

Но ясно было, что то же реальное развитие, которое дало буржуазной экономии эту теоретически резкую формулировку, развивает содержащиеся в ней же реальные противоречия, а именно противоречие между ростом богатства «нации» в Англии и ростом нищеты рабочих. Так как, далее, эти противоречия нашли в теории Рикардо и друг. теоретически яркое, хотя и бессознательное выражение, то было естественно, что умы, ставшие на сторону пролетариата, восприняли это противоречие, которое теоретически было уже подготовлено для них. Вы говорите, что труд есть единственный источник меновой стоимости и единственный активный создатель потребительной стоимости. С другой стороны, вы говорите, что капитал есть все, рабочий же—ничто, или только часть издержек производства капитала. Вы сами себя опровергли. Капитал есть не что иное, как надувательство рабочего. Труд есть все.

Таково, действительно, последнее слово всех сочинений, защищающих пролетарские интересы с точки зрения Рикардо,

на основе его собственных предпосылок. Как мало постигает он в своей системе идентичность капитала и труда, так же мало понимают они выраженное в них противоречие. Поэтому наиболее значительные среди них, как, например, Годскин, воспринимают все экономические предпосылки самого капиталистического производства, как вечные формы, и хотят устранить лишь капитал, этот базис и одновременно необходимое следствие» (стр. 307 и след. нем. изд.).

Одновременно эти сочинения представляют также прогресс в экономической теории. Автор памфлета последовательно сводит *прибавочную стоимость* к *прибавочному труду*, в противоположность к последователям и противникам Рикардо, которые цепляются за его смешение прибавочной стоимости и прибыли. Он делает тот вывод, что капитал излишен, а прибавочный труд должен быть устранен. Ибо нация богата тогда, «когда труд продолжается шесть часов вместо двенадцати; богатство—это время, которым можно располагать, и только».

Равенстон подробнее определяет относительную прибавочную стоимость, которая зависит от степени развития производительной силы труда. Отсюда он делает вывод: увеличение производительной силы труда лишь увеличивает чужое богатство, господствующее над ним, т.-е. капитал.

Наконец, *Годскин* защищает закон: капитал непроизводителен. Производительность труда не зависит от наличной массы капитала. Он старается доказать, что действие, приписываемое обращающемуся капиталу, запасу товаров, есть действие «существующего (coexis-tierende) труда». У него уже встречается, хотя и в неясной форме, зародыш понимания фетишизма, который приписывает *вещам* действие, соответствующее общественным *отношениям*.

После социалистов Маркс рассматривает группу из трех авторов:—Джорджа Рамзая, Шербулье и Ричарда Джонса, общая черта которых заключается в том, что они, в отличие от классиков, рассматривают капиталистическую форму производства и, следовательно, капитал, уже не как *абсолютную* форму производства, а лишь как «случайное» *историческое* условие. Рамзай имеет ту заслугу, что проводит ясное различие между постоянным и переменным капиталом, различие, имеющее решающее значение для понимания возникно-

вения прибавочной стоимости, но он сохраняет за этими составными частями капитала названия основного и оборотного капитала, взятые из области обращения. Ему неясно возникновение прибавочной стоимости; он не понимает превращения прибавочной стоимости в прибыль и, следовательно, стоимости в цену производства. Необходимыми условиями производства Рамзай объявляет, с одной стороны, материал средств производства и средства труда, называемые им основным капиталом, и, с другой стороны, живой труд. Напротив, то обстоятельство, что средства существования рабочего принимают вообще форму «оборотного капитала», он считает простым «ухищрением», которое обязано своим существованием «жалкой нищете народных масс». Условием производства является труд, но не наемный труд. «Рамзай хочет серьезно—что другие экономисты делают лишь на словах—превратить капитал в часть национального богатства, которое употребляется или должно быть употреблено для усиления производства. Он объявляет наемный труд и, следовательно, капитал—социальную форму, *представляющую средства воспроизводства на базисе наемного труда*—несущественными и вызванными лишь нищетою народных масс» (стр. 383, нем. изд.). Те же мысли развивает в своей критике *Шербулье*, находившийся под влиянием Сисмонди; в частности, у него встречается ряд метких замечаний о тенденции к концентрации и об уравнении нормы прибыли. Но наиболее выдающимся из этой группы и вообще одним из интереснейших экономистов после рикардовской эпохи является *Ричард Джонс*. В своем понимании истории он—непосредственный предшественник Маркса.

[illegible]

V.

Накопление капитала и кризисы.

Отто Бауэр.

Накопление капитала [1].

Накопление и потребительная сила.

Часть выжатой прибавочной стоимости капиталисты ежегодно превращают в капитал. Они затрачивают часть прибавочной стоимости на расширение старых предприятий и на основание новых, т.-е. на расширение их производственного аппарата и подвластной им рабочей армии. Это превращение части прибавочной стоимости в капитал Маркс называет *накоплением капитала*. Чем дальше заходит развитие капитализма, тем меньше та часть прибавочной стоимости, которая потребляется капиталистами, и тем больше та часть ее, которая накопляется ими. *Норма накопления*, т.-е. отношение накопляемой части прибавочной стоимости ко всей прибавочной стоимости, возрастает.

В то время, как накопление капитала безгранично шествует вперед, в то время, как производственный аппарат общества расширяется, и товарная масса, производимая в предприятиях капиталистов, колоссально увеличивается,— *потребительной силе* капиталистического общества поставлены узкие границы. Покупательная сила *рабочего класса* возрастает медленнее, чем капитал, ибо с развитием производительных сил падает стоимость рабочей силы и уменьшается доля рабочего класса в стоимости, воплощенной в общественном продукте. Но покупательная сила *класса капиталистов* также растет медленнее, чем капитал. Капиталисты тем меньше могут потреблять, чем больше они накопляют. Поэтому потребительная сила капиталистического общества постоянно отстает от без-

---

[1]) «Neue Zeit» 1912/13, B. I.

гранично развивающихся производительных сил. Это внутреннее противоречие капиталистического способа производства ведет к *падению нормы прибыли*. Это противоречие проявляется в опустошительных *кризисах*, при которых товарная масса, выброшенная на рынок из расширенного производственного аппарата, напрасно ищет покупателей.

Объяснение кризисов несоответствием между накоплением капитала и потребительной силой общества впервые было развито *Сисмонди*, затем его переняли *Мальтус*, *Кальмер* и *Родбертус*. У Сисмонди это объяснение составляет существенную составную часть его критики капитализма; для Мальтуса и Кальмера оно является предпосылкой их доказательства того, что капиталистическое общество нуждается «в третьих лицах», чтобы вообще иметь возможность сбывать свои товары, что оно нуждается в третьих лицах, которые потребляют, ничего не производя.

Объяснение падения нормы прибыли диспропорциональностью между накоплением капитала и ростом рабочего класса дали впервые *памфлет* 1821 г., *Годскин* и *Рамзай*.

Защитники капитализма боролись против этого учения.

Они отрицали возможность всеобщего перепроизводства. С возрастанием производства товаров,—говорили они,—растет и покупательная сила производителей. Кризисы могут возникать только от диспропорциональности между отдельными отраслями производства, а не от всеобщего перепроизводства. В этом отношении ничего не может изменить и тот факт, что рабочий должен делиться стоимостью своего продукта с капиталистом. Ибо, чем меньше могут потреблять рабочие, тем больше становится покупательная сила капиталистов: вся величина спроса на товары остается таким образом неизменной, независимо от того, увеличивается ли или падает доля рабочего в стоимости продукта. Столь же безразлична для общей суммы спроса и норма накопления. Если она возрастает, то покупается, правда, сравнительно меньше потребительных благ, но зато больше средств производства. Так рассуждали *Рикардо*, *Мак Куллох* и *Сэй*.

Падение нормы прибыли, как и кризисы, нельзя объяснять перенакоплением. Падение нормы прибыли объясняется только тем, что все возрастающие трудности снабжения средствами существования повышают стоимость рабочей силы и

понижают норму прибавочной стоимости. Падение нормы прибыли сводится таким образом к неизбежным законам природы: к перенаселению и к падению плодородия почвы. Эти мысли подчеркивали, в особенности, *Рикардо* и *Джон Стюарт Милль*.

Маркс окончательно покончил с этими возражениями школы Рикардо-Сэя, но в то же время дал совершенно новое понимание опирающегося на Сисмонди учения о внутреннем противоречии капиталистического накопления. Он разделил капиталистическое производство на две части: *на производство средств производства и на производство потребительных благ*. Он доказал, что воспроизводство капитала лишь тогда может протекать беспрепятственно, когда между этими двумя отраслями производства существуют определенные количественные соотношения. Но эта гармония может установиться в капиталистическом обществе только, как «результат процесса уничтожения существующих дисгармоний». Кризисы являются поэтому не случайным исопутствующими явлениями, вызванными случайной же диспропорциональностью производства, а неизбежными фазами воспроизводства капитала, ибо только через них могут установиться необходимые количественные отношения между обеими отраслями общественного производства. Но падение нормы прибыли даже при полной пропорциональности производства происходит не вследствие неизбежных законов природы, а в результате того факта, что капитал растет быстрее, чем приводимая им в движение рабочая сила, которая одна только производит прибавочную стоимость.

Схемы второго тома «Капитала», в которых Маркс дал условия равновесия между обеими отраслями производства, оказали огромное влияние на *русскую экономическую литературу*. Она обсуждала вопрос о том, является ли капитализм и для России «неизбежною необходимостью», должна ли и Россия, как думали *западники*, перенять экономические, социальные и политические учреждения Западной и Средней Европы, или же она может сохранить свое национальное своеобразие и самобытность, как полагали *славянофилы;* русская литература, выражаясь социалистически, ставила следующий вопрос: является ли и для России концентрация капитала, пролетаризация народной массы и классовая борьба между буржуазией и пролетариатом предпосылкам социализма, как

учили *социал-демократы*, или же Россия может, не проходя через капитализм, построить социалистическое общество на основе мира, т.-е. крестьянской земельной общины, как думали *народники* и их преемники, социалисты-революционеры? В этом споре обсуждался и вопрос о том, может ли капитализм вообще распространяться за пределы Западной и Средней Европы и не потерпит ли развитие капиталистического производства на Востоке крушение ввиду невозможности сбыть товары, произведенные расширившимся производственным аппаратом. Руководствуясь марксовыми схемами, марксисты в борьбе с народниками показывали, что капитализм может еще сильно расширяться и что производственный аппарат может еще колоссально увеличиться без того, чтобы капиталисты ощущали недостаток в рынке для своих товаров, так как равновесие между производством средств производства и производством потребительных благ все снова и снова восстанавливается капиталистическим механизмом. Спор между марксистами и народниками в России решен историей. Но теперь Роза *Люксембург*, конечно, с совершенно другой целью, опять подымает тезис об ограниченности капитализма. Ее книга: «*Накопление капитала. К вопросу об экономическом объяснении империализма*» (Берлин, 1913) [1] дает новое понимание проблемы, которая со времен Сисмонди все снова и снова всплывает на поверхность.

Предположим сперва простое воспроизводство: вся прибавочная стоимость потребляется и никакая часть ее не накопляется. В таком случае все производство представляется, по Марксу, в следующей схеме:

I. Отрасли, производящие средства производства:

Постоянный капитал (c) + переменный капитал (v) + прибавочная стоимость (m).

II. Отрасли, производящие потребительные блага:

Постоянный капитал (c_1) + переменный капитал (v_1) + прибавочная стоимость (m_1).

Отрасли, производящие средства производства, должны купить у отраслей, производящих потребительные блага, средства существования: во-первых, для пропитания их рабочих на сумму v и, во-вторых, для потребления их капитали-

[1]) Вышла в 1921 г. на русском языке, в переводе Ш. Дволайцкого.

стов на сумму m, всего, стало быть, на сумму $v+m$. С другой стороны, *отрасли, производящие потребительные блага,* должны купить средства производства у отраслей, изготовляющих эти последние, на сумму c, для обновления своего постоянного капитала. Обмен между обеими группами совершается беспрепятственно, когда $c_1 = v + m$. Это—условие равновесия при простом воспроизводстве.

Другое дело — при воспроизводстве в расширенном масштабе. Здесь все производство представляется в следующей схеме:

I. Отрасли, производящие средства производства:

Постоянный капитал (c) + переменный капитал (v) + потребленная часть прибавочной стоимости (k) + накопленная часть прибавочной стоимости (a).

II. Отрасли, производящие потребительные блага:

Постоянный капитал (c_1) + переменный капитал (v_1) + потребленная часть прибавочной стоимости (k_1) + накопленная часть прибавочной стоимости (a_1).

Здесь возникают затруднения. Отрасли, производящие средства производства, покупают средства существования на сумму $v + k$, и на эту же сумму отрасли, производящие потребительные блага, покупают у них средства производства для обновления своего постоянного капитала. Что происходит *с a и* a_1? Прежде всего *a* овеществлено в средствах производства; кто может их купить? a_1 воплощено в потребительных благах; куда их сбыть? Здесь Роза Люксембург прибегает к старой гипотезе «третьих лиц». Она полагает, что *подлежащая накоплению часть прибавочной стоимости вообще не может быть реализована, если капиталистическое производство не может сбыть избыточных стоимостей вне своей сферы—некапиталистически производящим мелкой буржуазии и мелкому крестьянству.* Этим объясняется стремление капитала к расширению своих рынков. Отсюда стремление разрушить натуральное хозяйство, превратить всюду простое товарное производство в капиталистическое и сделать весь мир рынком для капиталистической промышленности; отсюда, стало быть, *империализм!* Но лишь только рынки сбыта не поддаются больше расширению, капитализм не может больше сбыть большую часть своих товаров. Он задыхается в им самим созданном

богатстве. Тогда бьет его последний час... Такова основная мысль товарища Люксембург. Посмотрим теперь, правильна ли она.

Накопление и рост населения.

Всякое общество, численность населения которого возрастает, должно ежегодно расширять свой производственный аппарат. Эта необходимость существует для социалистического общества будущего точно так же, как и для капиталистического общества настоящего, как она существовала для простого товарного производства или для крестьянского хозяйства прошлого, которое производило для своих собственных потребностей.

Предположим, что в социалистическом обществе численность населения возрастает ежегодно на 5%. Обществу в следующем году придется прокормить на 5% больше людей, чем в текущем. Поэтому общество должно: 1) уже в текущем году произвести определенное количество потребительных благ, которое необходимо для прироста населения в следующем году, оно, стало быть, должно, например, построить столько жилых домов, чтобы весь запас квартир увеличился на 5%, и расширить запашку настолько, чтобы запас хлеба возрос после следующей жатвы на 5%; 2) оно уже в этом году должно произвести такое количество средств производства, чтобы в следующем году иметь возможность предоставить в распоряжение рабочей армии, увеличившейся на 5%, необходимые рабочие помещения и средства труда. Общество каждый год должно затрачивать часть своего труда на производство потребительных благ и средств производства, которые потребуются для прироста населения в следующем году.

То же самое должно делать и капиталистическое общество. Но здесь расширение производственного аппарата и запаса средств существования связано с накоплением капитала. Часть прибавочной стоимости превращается в капитал, причем одна часть накопленной прибавочной стоимости присоединяется к переменному капиталу, а другая часть—к постоянному капиталу. Капиталисты производят это накопление для увеличения своей прибыли; но общественный результат этого накопления заключается в том, что прирост населения находит готовыми необходимые ему потребительные блага и сред-

ства производства. В увеличении переменного капитала выражается создание средств существования для прироста населения; в увеличении постоянного капитала—создание для прироста населения рабочих помещений и средств труда.

Но в то время как в социалистическом обществе органы, планомерно направляющие производство, заботятся о том, чтобы расширение производственного аппарата и увеличение запаса средств существования шли в ногу с ростом населения, капиталистическое общество не имеет подобных органов. Накопление капитала зависит здесь от произвола капиталистов. Поэтому оно может отставать от роста населения, или обгонять его. Посмотрим прежде всего, *как должно совершаться накопление капитала, чтобы оно сохраняло равновесие с ростом населения.* Если мы уясним это, то нам нетрудно будет понять, к каким результатам должно привести нарушение этого состояния равновесия.

Предположим, что численность населения увеличивается ежегодно на $5^0/_0$. Если равновесие сохранилось, то и переменный капитал должен увеличиваться ежегодно на $5^0/_0$. Постоянный капитал растет быстрее, чем переменный,—насколько быстрее, это определяется достигнутой в данный момент степенью развития техники. Предположим, что постоянный капитал увеличивается ежегодно на $10^0/_0$. Тогда мы получаем, например, следующий ряд:

ТАБЛИЦА I.

	Постоянный капитал.	Переменный капитал.
1-ый год	200.000	100.000
2-ой »	220.000	105.000
3-ий »	242.000	110.250
4-ый »	266.200	115.762

Чтобы упростить исследование, предположим прежде всего, что норма прибавочной стоимости остается неизменной. Пусть она равняется $100^0/_0$. Масса прибавочной стоимости в каждом году столь же велика, как и масса переменного капитала. Какая часть прибавочной стоимости накопляется и какая потребляется? Накопляется часть, достаточная для увеличения переменного капитала на $5^0/_0$ и постоянного капитала на $10^0/_0$. Пусть прибавочная стоимость составляет в первом году, на-

пример, 100.000. Тогда для увеличения постоянного капитала (с 200.000 до 220.000) употребляется 20.000, а для увеличения переменного капитала (со 100.000 до 105.000) 5.000. Всего, стало быть, накопляется 25.000, а потребляется 75.000. За четырехлетний промежуток времени развитие представится в следующем виде:

ТАБЛИЦА II.

	Прибавочная стоимость.	Потребляется	Присоединяется к постоян. кап.	Присоединяется к перем. кап.
1-ый год . . .	100.000	75.000	20.000	5.000
2-ой » . . .	105.000	77.750	22.000	5.250
3-ий » . . .	110.250	80.539	24.200	5.511
4-ый » . . .	115.762	83.374	26.600	5.788

Каждый год 5% прибавочной стоимости отнимается от потребления капиталистов и затрачивается на увеличение переменного капитала. Но, кроме того, часть прибавочной стоимости должна быть употреблена на увеличение постоянного капитала. Но так как прибавочная стоимость растет в той же пропорции, что и переменный капитал, а постоянный капитал быстрее переменного, то к постоянному капиталу должна присоединяться из году в год возрастающая часть прибавочной стоимости. Норма накопления (отношения подлежащей накоплению части прибавочной стоимости ко всей прибавочной стоимости) выразится таким образом в следующих цифрах:

ТАБЛИЦА III.

	Норма накопленная (в круглых цифрах).
1-ый год	25%
2-ой »	26%
3-ий »	27%
4-ый »	28%

В предположении неизменной нормы прибавочной стоимости, воспроизводство в расширенном масштабе при прогрессирующем росте органического состава капитала возможно лишь тогда, когда норма накопления из году в год возрастает. *Если равновесие между накоплением и приростом населения сохраняется, то рост нормы накопления должен находиться в определенном* (festen) *количественном отношении к росту населения и к росту постоянного капитала.* Что это действительно так, показывают цифры нашего примера. Кто привык вести

расчеты в общих числах, без особого труда найдет уравнение, выражающее это количественное отношение.

Мы рассматривали до сих пор рост всего капитала. Исследуем теперь, как весь капитал должен распадаться на две упомянутых выше крупных отрасли производства — на производство средств производства и потребительных благ.

Предположим, что производство в первом году представляется в следующем виде:

		Отрасли, произв. средства произв. (I)	Отрасли, произв. потребит. блага. (II)	Все производство.
	Постоян. капит. (c) .	120.000	80.000	200.000
	Перемен. капит. (v) .	50.000	50.000	100.000
	Потребленная часть прибавочной стоимости (k)	37.500	37.500	75.000
Накоплен. часть приб. стоимости.	Подлежит присоединению к постоян. капиталу (α) . . .	10.000	10.000	20.000
	Подлежит присоединению к перемен. капиталу (β) . . .	2.500	2.500	5.000
	Сумма . .	220.000	180.000	400.000

Каким же образом должен распределяться капитал во втором году? Производительное приложение накопленной в каждой из обеих сфер производства прибавочной стоимости в следующем году в той же самой сфере производства невозможно, ибо прогресс к более высокому органическому составу капитала требует передвижки капитала из отраслей, производящих потребительные блага, в производство средств производства. Мы, следовательно, должны рассчитать, *какую часть прибавочной стоимости, накопленной в отраслях, производящих потребительные блага, нужно перенести в производство средств производства* с целью расширения этой отрасли.

Согласно таблицам I и II, мы во втором году должны иметь:

Переменный капитал	105.000
Потребленная часть прибавочной стоимости	77.750
Часть прибавочной стоимости, подлежащая присоединению к переменному капиталу	5.250
Сумма	188.000

Отсюда следует, что стоимость продукта отраслей, производящих потребительные блага, во втором году должна составлять 188.000, ибо только на эту сумму стоимостей могут быть выменены средства потребления.

В отраслях, производящих потребительные блага, в первом году накопляется 10.000 α (постоянного капитала) и 2.500 β (переменного капитала). Если стоимость продукта отраслей, производящих потребительные блага, составит во втором году 188.000, то от накопленной в них в первом году прибавочной стоимости в отраслях, производящих потребительные блага, может быть приложено лишь 5.334 α + 1.333 β; остаток должен быть перенесен в отрасли, производящие средства производства [1]).

Итак, мы для второго года получаем:

		Отрасли, произв. средства произв. (I)	Отрасли, произв. потребит. блага. (II)	Все производство.
	Постоян. капит. (c) .	134.666	85.334	220.000
	Перемен. капит. (v) .	53.667	51.333	105.000
	Потребленная прибавоч. стоимость (k) .	39.740	38.010	77.750
Накоплен. приб. стоимость.	Подлежит присоединению к постоянному кап. (α) . .	11.244	10.756	22.000
	Подлежит присоединению к переменному капит. (β) . . .	2.683	2.567	5.250
	Сумма . .	242.000	188.000	430.000

---

[1]) Эти числа получены следующим образом: во втором году стоимость продукта отраслей, производящих потребительные блага, составляет

$$c + 2v + m = 188.000.$$

Так как норма прибавочной стоимости 100%, т.-е. $v = m$, то:

$$c + 2v = 188.000.$$

Прирост постоянного капитала в производстве потребительных благ с первого года на второй составляет: $c - 80.000$; прирост переменного капитала: $v - 50.000$. Если одинаковая часть от α и от β переносится в отрасль, производящую средства производства, то мы получаем:

$$(c - 80.000) : (v - 50.000) = 10.000 : 2.500.$$

Решив эти уравнения, мы получаем $v = 51.333$, $c = 85.334$.

Такими же расчетами мы высчитываем данные для следующих лет. Мы получаем таким образом следующий ряд:

ТАБЛИЦА IV.

	c		v		k		α		β		
1-ый год											
I . . .	120.000	+	50.000	+	37.500	+	10.000	+	2.500	=	220.000
II . . .	80.000	+	50.000	+	37.500	+	10.000	+	2.500	=	180.000
	200.000	+	100.000	+	75.000	+	20.000	+	5.000	=	400.000
2-ой год											
I . . .	134.666	+	53.667	+	39.740	+	11.244	+	2.683	=	242.000
II . . .	85.334	+	51.333	+	38.010	+	10.756	+	2.567	=	188.000
	220.000	+	105.000	+	77.750	+	22.000	+	5.250	=	430.000
3-ий год											
I . . .	151.048	+	57.576	+	42.070	+	12.638	+	2.868	=	266.200
II . . .	90.952	+	52.674	+	38.469	+	11.562	+	2.643	=	196.300
	242.000	+	110.250	+	80 539	+	24.200	+	5.511	=	462.500
4-ый год											
I . . .	169.124	+	61.738	+	44.465	+	14.186	+	3.087	=	292.600
II . . .	96.876	+	54.024	+	38.909	+	12.414	+	2.701	=	204.924
	266.000	+	115.762	+	83.374	+	26.600	+	5.788	=	497.524

Цифры, которые Маркс берет во втором томе «Капитала» для представления процесса воспроизводства, выбраны произвольно и не свободны от противоречий. Это объясняется тем, что Энгельс нашел эту часть марксова труда незаконченной в литературном наследстве нашего учителя. Но если он изложил ход своих мыслей не в безукоризненном виде, то это отнюдь не значит, что самый ход этих мыслей неправилен. Роза Люксембург довольствуется указанием на произвольности марксовых схем и склонна верить, что без этих произвольностей вообще нельзя было бы построить схемы. Мы предпочитаем искать для марксова хода мыслей подходящее наглядное пояснение и вести наше исследование по схеме, освобожденной от произвольных элементов. Поэтому мы здесь *построили схемы, которые—раз приняты предпосылки—не содержат в себе ничего больше произвольного, и величины которых с железной необходимостью вытекают друг из друга.*

Произвольны только предпосылки, взятые для первого года, а именно, что постоянный капитал составляет 200.000, а переменный капитал 100.000, что переменный капитал распределен поровну между обеими сферами производства, что норма

прибавочной стоимости равна 100% и что норма накопления одинакова в обеих сферах производства. Далее, произвольно допущение, что постоянный капитал возрастает ежегодно на 10%, а переменный капитал на 5%. Но если эти предпосылки приняты, то все цифры, представленные в схеме, вытекают из них с математической необходимостью. Развитие не может протекать иначе, пока норма прибавочной стоимости остается неизменной и поскольку норма накопления остается одинаковой для обеих сфер производства. Наша схема дает таким образом безупречную основу для исследования проблемы, поставленной товарищем Люксембург.

Реализация прибавочной стоимости.

Руководствуясь таблицей IV, исследуем, может ли товарная масса, овеществленная в накопленной части прибавочной стоимости ($\alpha + \beta$), найти себе сбыт в самом капиталистическом мире, или она, как думает товарищ Люксембург, может быть сбыта лишь вне капиталистического мира.

В отраслях, производящих средства производства, в первом году изготовляются товары стоимостью в 220.000. Кто покупает эти товары?

Прежде всего капиталисты отраслей, производящих средства производства, сами нуждаются в средствах производства. Часть этих потребностей они покрывают, затрачивая средства производства, произведенные в их собственных предприятиях, для обновления или для расширения этих последних. Так, угольные копи сами употребляют уголь для отопления своих паровых котлов, железоделательные заводы сами применяют железо для обновления или расширения своего производственного аппарата. Другую часть потребностей они покрывают путем покупок друг у друга внутри отраслей, производящих средства производства. Так, железоделательный завод покупает уголь у угольной копи, горное предприятие покупает машины у машиностроительного завода, машиностроительный завод покупает железо у железоделательного завода. Но как велика вся потребность отраслей, производящих средства производства, в новых средствах производства? Прежде всего должен быть восстановлен постоянный капитал, потреблен-

ный в производстве; для этой цели капиталисты отраслей, производящих средства производства, должны затратить средств производства стоимостью в 120.000. Но сверх того капиталисты затратят для расширения существующих или для основания новых предприятий накопленную ими в первом году прибавочную стоимость. Если они захотят применить в следующем году капитал, увеличенный на 12.500, то они уже в этом году должны строить новые рабочие помещения, покупать новые машины и увеличивать запас сырых материалов, чтобы рабочие, которых они хотят взять на работу в начале следующего года, нашли уже готовыми необходимые средства труда. Для этой цели они должны купить друг у друга средства производства стоимостью в 10.000. Всего, стало быть, из средств производства стоимостью в 220.000, произведенных в сфере I, внутри этой сферы находят себе сбыт: во-первых, 120.000 для обновления производственного аппарата, и во-вторых, 10.000 для расширения производственного аппарата в следующем году. Но что же происходит с оставшимися средствами производства стоимостью в 90.000?

Прежде всего капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, должны купить средств производства стоимостью в 80.000 для обновления средств производства, потребленных в производстве в первом году. Но сверх того капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, должны уже в этом году строить рабочие помещения, покупать машины, увеличивать запас сырых материалов, потому что они в следующем году намерены продолжать производство в расширенном масштабе. С этой целью сфера II покупает у сферы I средства производства стоимостью в 5.334. Всего, стало-быть, капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, покупают средств производства, необходимых для производства потребительных благ, на сумму в 85.334. Непроданными таким образом остались теперь лишь средства производства стоимостью в 4066. Где они находят себе сбыт?

Капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, переносят часть накопленной в первом году прибавочной стоимости в отрасли, производящие средства производства: они либо сами основывают фабрики, в которых производятся средства производства, либо посредством банков передают накопленную ими прибавочную стоимость капиталистам отрас-

лей, производящих средства производства [1]), для приложения ее в этих отраслях, либо покупают акции обществ, производящих средства производства. Если производственный аппарат сферы I расширится таким образом в следующем году, то элементы этого производственного аппарата (рабочие помещения, машины, сырье) должны быть куплены уже в этом году. Отрасли, производящие средства производства, продают поэтому товары стоимостью в 4.666 тому капиталу, который накоплен в отраслях, производящих потребительные блага, но который прилагается в отраслях, производящих средства производства. Капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, покупают, стало-быть, на-ряду со средствами производства стоимостью в 85.334, которые затрачиваются на производство потребительных [2]) благ, еще средства производства стоимостью в 4.666, предназначенные для производства средств производства.

Итак, средства производства, произведенные в первом году, сбываются следующим образом:

1. Капиталистам отраслей, производящих средства производства.	
a) на обновление производственного аппарата в I . . .	120.000
b) на расширение производственного аппарата в I . . .	10.000
Итого	130.000
2. Капиталистам отраслей, производящих потребительные блага:	
a) для обновления производственного аппарата в II . . .	80.000
b) для расширения производственного аппарата в II . . .	5.334
c) для расширения производственного аппарата в I . . .	4.666
Итого	90.000

Этим самым вся товарная масса, произведенная в сфере I, сбыта без остатка.

Как же происходит сбыт потребительных благ? Для упрощения исследования допустим пока, что весь рабочий класс живет в фабричных квартирах (т.-е. в квартирах, принадлежащих промышленным капиталистам) и покупает все необходимое только в фабричных лавках (т.-е. лавках, принадлежа-

---

[1]) В подлиннике, очевидно, ошибка: напечатано вместо Produktionsmittelindustrien—Konsumtionsmittelindustrien. *Прим. ред.*

[2]) В подлиннике, очевидно, опечатка: вместо Konsumtionsgüter напечатано Produktionsgüter. *Прим. ред.*

щих промышленным капиталистам). В этом случае все произведенные средства потребления попадают в руки промышленных капиталистов, при чем одна часть потребляется ими самими, а другая часть продается ими рабочим.

В первом году стоимость товаров, произведенных в отраслях, производящих потребительные блага, составляет 180.000. Из этих товаров часть применяется в самих отраслях, производящих потребительные блага. Прежде всего сами капиталисты этих отраслей потребляют товаров стоимостью в 37.500. Сверх того, капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, должны сбыть часть своих товаров своим фабричным лавкам, чтобы продать их рабочим сферы II. Как велика должна быть эта часть? В первом году доход рабочих в II составлял 50.000, во втором году он будет составлять 51.333. Следовательно, капиталисты II должны из продукта первого года 51.333 передать в свои фабричные лавки, дабы запас, предназначенный для пропитания рабочих во втором году, был уже заготовлен. Таким образом из продукта сферы II внутри самой этой сферы было сбыто 37.500 + 51.333 = 88.833.

Капиталисты отраслей, производящих средства производства, должны покупать товары у отраслей, производящих потребительные блага. Для своего собственного потребления они нуждаются в товарах стоимостью в 37.500. Кроме того, они должны купить товары для своих фабричных лавок. Доход рабочих сферы I составляет в первом году 50.000. Прибавлением сюда накопленной части прибавочной стоимости он во втором году повышается до 52.500. Таким образом капиталисты I должны в первом году купить для своих фабричных лавок 52.500 из годового продукта II, чтобы эти лавки могли покрыть потребности рабочих I. Вся потребность капиталистов, производящих средства производства, в потребительных благах составляет, следовательно, 37.500 + 52.500 = 90.000.

Наконец, капиталисты II затрачивают часть накопленной ими прибавочной стоимости на постройку новых предприятий, производящих средства производства. Эти предприятия также должны устроить фабричные лавки. Эти последние должны купить часть потребительных благ, произведенных в первом году, чтобы они могли покрыть потребности рабочих, занятых в этих предприятиях во втором году. Они покупают потребительных благ стоимостью в 1.167.

Итак, потребительные блага, произведенные в первом году, сбываются следующим образом:

1. Капиталистам отраслей, производящих средства производства:	
a) для их собственного потребления	37.500
b) для фабричных лавок	52.500
Итого	90.000
2. Капиталистам отраслей, производящих средства потребления:	
a) для их собственного потребления	37.500
b) для фабричных лавок в II	51.333
c) для фабричных лавок в I	1.167
Итого	90.000

Следовательно, вся товарная масса, произведенная в сфере II, также сбывается. Вместе с тем мы видим из данного изложения, что капиталисты отраслей, производящих потребительные блага, покупают у отраслей, производящих средства производства, этих последних стоимостью в 90.000 и продают им потребительных благ на ту же стоимость. Обращение между обеими сферами заключается в том, что потребительные блага стоимостью в 90.000 обмениваются на средства производства той же стоимости. Таким образом оказывается реализованной стоимость всего продукта обеих сфер, следовательно, и вся прибавочная стоимость.

Мы предполагали до сих пор, что продажа товаров производится самими промышленными капиталистами, что промышленные капиталисты сами делают запасы товаров и продают их рабочим. Но в существе всего процесса ничего не изменится, если эта функция будет перенесена на особый капитал; если на место товарного капитала промышленных капиталистов станет *товарно-торговый* капитал. В этом случае имеют место следующие изменения: во-первых, вместо фабричных лавок товары покупаются купцами; во-вторых, часть товарного капитала находится не в руках промышленных капиталистов, а в руках купцов; первые делятся с последними своей прибавочной стоимостью, и по мере того, как это происходит, вместо спроса на товары, предъявляемого промышленными капиталистами, выступает спрос со стороны купцов. Совокупная потребительная сила общества этим обстоятельством совершенно не затрагивается. Вся прибавочная стоимость реализуется в этом случае.

Руководствуясь таблицей IV, можно подобным же образом убедиться в том, что стоимость всего продукта обеих сфер сбывается без затруднений не только в первом году, но и в каждом из последующих годов, что реализуется и совокупная прибавочная ценность. Следовательно, допущение товарища Люксембург, что накопленная часть прибавочной стоимости не может быть реализована,—не верно. Как же это возможно, что товарищ Люксембург пришла к этому ложному утверждению?

Мы допустили, *что капиталисты уже в первом году покупают те средства производства, которые приводятся в движение приростом рабочего населения во втором году, и что капиталисты уже в первом году покупают те потребительные блага, которые они продают приросту рабочего населения во втором году*, что, следовательно, часть продукта труда первого года покупается с тем, чтобы дать ей применение, как добавочному производительному капиталу, во втором году. Если бы мы не сделали этого допущения, то реализация прибавочной стоимости, произведенной в этом году, действительно, была бы невозможна. Тогда были бы проданы:

Из средств производства:	
для обновления постоянного капитала в I . . .	120.000
для обновления постоянного капитала в II . . .	80.000
Итого	200.000
Из потребительных благ:	
капиталистам I	37.500
рабочим I	50.000
капиталистам II	37.500
рабочим II	50.000
Итого	175.000

В этом случае, действительно, не поддаются сбыту средства производства стоимостью в 20.000 и потребительные блага стоимостью в 5.000. В действительности как раз часть прибавочной стоимости $(\alpha + \beta)$, предназначенная для накопления, не могла бы быть реализована.

Роза Люксембург полагает, что накопленная часть прибавочной стоимости не может быть реализована. *В первом году* она действительно не реализуется, раз вещественные элементы добавочного производительного капитала (новые рабочие поме-

щения, машины, сырье, потребительные блага для прироста количества рабочих) покупаются лишь во второму году. Но в конце концов они все же *должны* быть куплены если не в первом, то во втором году, ибо без них расширение производственного аппарата, т.-е. производительное приложение вновь образовавшегося капитала, невозможно. И лишь только они покупаются, как реализуется до сих пор еще скрытая часть прибавочной стоимости, произведенной в первом году.

Сам Маркс представляет кругооборот капитала следующим образом:

$$Д - Т \begin{cases} Сп. \\ Р \end{cases} \ldots\ldots П \ldots\ldots Т_1 - Д_1$$

Разложим $Т_1$ на три части: $Т + т + т_1$, где Т равно издержкам производства $(c + v)$, т — потребленной части и $т_1$ — накопленной части прибавочной стоимости. Тогда мы получим следующую картину:

$$Д - Т \begin{cases} Сп. \\ Р \end{cases} \ldots\ldots П \ldots\ldots \begin{pmatrix} Т \\ + \\ т \\ + \\ т_1 \end{pmatrix} - \begin{pmatrix} Д \\ + \\ д \\ + \\ д_1 \end{pmatrix}$$

По окончании процесса производства, кругооборот распадается на три частичных процесса. Разумеется, может случиться, что время, необходимое для превращения произведенных товаров в деньги, различно для каждого из трех частичных процессов. Пока закончен лишь процесс Т—Д, вообще еще нет никакой прибавочной стоимости, реализованы только издержки. Когда закончен процесс $(Т + т) - (Д + д)$, реализована лишь потребленная, а не накопленная часть прибавочной стоимости. Накопленная часть прибавочной стоимости может быть реализована лишь в тот момент, когда $Т_1$ превратилось в $д_1$, т.-е. когда проданы те товары, в которых овеществлена подлежащая накоплению часть прибавочной стоимости, те товары, которые образуют материальные элементы добавочного производительного капитала следующего периода производства.

Итак, случай реализации только потребленной, а не накопленной части прибавочной стоимости, действительно, может иметь место: он наступает тогда, когда $(Т + т)$ уже превратилось в *$(Д + д)$, но $т_1$ еще не превратилось в $д_1$*. Но этот случай

является лишь *преходящей фазой* во всем кругообороте. По мере того, как происходит производительное приложение вновь образованного капитала, реализуется и накопленная часть прибавочной стоимости. Следовательно, если (Т+т) превратилось в (Д+д) уже в первом году, в то время как $т_1$, произведенное в том же году, может быть превращено в $д_1$ лишь в следующем году, то в первом году реализуется, конечно, лишь потребленная часть прибавочной стоимости; часть прибавочной стоимости, произведенная в первом году и предназначенная для накопления, не остается, однако, нереализованной: она также реализуется, но лишь в течение второго года.

Прибавочный продукт, произведенный в первом году, состоит из двух частей: во-первых, *из потребительных благ* для капиталистов и, во-вторых, из *материальных элементов добавочного производительного капитала*. Когда продана первая составная часть, то реализована потребленная часть прибавочной стоимости; когда продана вторая составная часть, то реализована накопленная часть прибавочной стоимости. Невозможно *сперва* реализовать часть прибавочной стоимости α и *затем* только создать потребительные блага для капиталистов; реализация как раз и совершается в продаже первой составной части прибавочного продукта. Столь же невозможно *сперва* реализовать часть прибавочной стоимости $(\alpha+\beta)$ и *затем* только покупать материальные элементы добавочного производительного капитала; реализация $(\alpha+\beta)$ как раз и совершается в продаже второй составной части прибавочного продукта. Следовательно, нет ничего странного в том, что Роза Люксембург не может реализовать в первом году $(\alpha+\beta)$, раз она принимает, что капиталисты покупают материальные элементы добавочного производительного капитала лишь во втором году. Реализация $(\alpha+\beta)$ и производительное применение прибавочного продукта, в котором овеществлено $(\alpha+\beta)$—две стороны одного и того же явления, они могут произойти только *одновременно*.

Вся трудность возникает лишь тогда, если принять, что время продажи товаров, в которых воплощена накопленная часть прибавочной стоимости, длиннее времени продажи остальных товаров. В действительности время оборота отдельных капиталов и его расчленение на время покупки, производства и продажи весьма различны. Чтобы представить воспроизвод-

ство капитала в простой схеме, Маркс должен был отвлечься от этих различий и принять, что годовой продукт сбывается в пределах года. Но если мы даже не обратим внимания на эту предпосылку марксовой схемы, мы все же не пришли бы ни к какому другому результату, как к той не неожиданной истине, что часть прибавочной стоимости, произведенной в одном году, реализуется лишь в течение следующего года.

Товарищ Люксембург думает, что товары, в которых воплощено ($\alpha + \beta$), должны быть проданы вне капиталистического мира, чтобы была возможна реализация овеществленной в них прибавочной стоимости. Но что же это за товары? Ведь это—те средства производства, которые нужны капиталистам для расширения их производственного аппарата, и те потребительные блага, которые употребляются на прокормление прироста рабочего населения. Если бы эти товары были выброшены за пределы капиталистического мира, то в следующем году вообще не было бы возможно никакое производство в расширенном масштабе; нельзя было бы произвести ни средств производства, необходимых для расширения производственного аппарата, ни средств существования, необходимых для прокормления возросшего количества рабочих. *Исключение этой части прибавочного продукта из капиталистического рынка не только сделало бы возможным накопление, как думает Роза Люксембург, напротив того, оно сделало бы невозможным всякое накопление.*

В действительности и накопленная часть прибавочной стоимости реализуется в капиталистическом обществе. Реализация происходит, конечно, шаг за шагом, постепенно. Так, например, средства существования, которые употребляются для прокормления добавочных рабочих во втором году, как правило, производятся и продаются производителями крупно-торговому капиталу уже в первом году; стало быть, часть прибавочной стоимости, овеществленная в этих средствах существования, реализуется уже в первом году. Реализация другой части этой прибавочной стоимости происходит лишь в течение второго года, вместе с продажей этих средств существования крупными торговцами мелким и этими последними рабочим. Поскольку это так, наша схема дает подлинную картину действительности. Всех частностей этого процесса схема обнять, конечно, не может. Хотя кругообороты отдельных капиталов

поглощают и перекрещивают друг друга, но факт остается: реализация $(\alpha + \beta)$ и производительное приложение вновь образованного капитала происходят одновременно, иначе говоря, первая совершается во втором и посредством него. В этом смысле наша схема является верным отражением действительности. Это доказывает, что и часть прибавочной стоимости, подлежащая накоплению, реализуется в самой капиталистической сфере.

Недостаточное накопление и перенакопление.

Наша схема (таблица IV) предполагает, во-первых, что количество рабочих возрастает ежегодно на 5%, во-вторых, что переменный капитал возрастает в такой же пропорции, что и количество рабочих, и, в-третьих, что постоянный капитал растет настолько быстрее переменного, насколько этого требует технический прогресс. При этих предпосылках нет ничего удивительного, что в реализации прибавочной стоимости не возникает никаких затруднений. Потребительная сила рабочих растет в этом случае с такой же быстротой, как их численность. Потребительная сила капиталистов возрастает столь же быстро, так как с количеством рабочих возрастает и масса прибавочной стоимости. Потребительная сила всего общества растет, следовательно, с такой же быстротой, как стоимость, воплощенная в продукте. Накопление не вносит в это никаких изменений; оно лишь означает, что требуется меньше потребительных благ, но больше средств производства, чем при простом воспроизводстве. *Расширение поля производства,* составляющее предпосылку накопления, дано здесь ростом населения.

Однако, это состояние равновесия между накоплением и ростом населения может сохраниться лишь в том случае, если норма накопления повышается с такой быстротой, что переменный капитал, несмотря на увеличение органического состава капитала, растет так же быстро, как население (таблица III). Если возрастание нормы накопления отстает от требуемой величины, то рост переменного капитала отстает от увеличения ищущего работы населения. Состояние, которое наступает при этом, мы можем назвать состоянием *недостаточного накопления* (или недонакопления—Unterproduction).

Первым следствием недостаточного накопления является образование *промышленной резервной армии*. Часть прироста населения остается безработной. Безработные пролетарии оказывают давление на заработную плату. *Заработная плата падает, норма прибавочной стоимости возрастает*. Так как в обществе, состоящем только из капиталистов и пролетариев, безработные пролетарии не могут найти никакого иного дохода, кроме заработной платы, то последняя будет до тех пор падать, а норма прибавочной стоимости до тех пор возрастать, пока все рабочее население найдет занятия, несмотря на относительно уменьшившуюся величину переменного капитала. Изменившееся распределение стоимости продукта, которое вследствие этого наступает, вызвано тем фактом, что с возрастанием органического состава капитала, в котором находит свое выражение технический прогресс, падает *стоимость рабочей силы* и образуется, следовательно, *относительная прибавочная стоимость*.

Если норма прибавочной стоимости повышается, то при неизменной норме накопления увеличивается и подлежащая накоплению часть прибавочной стоимости. Возрастает, следовательно, и масса прибавочной стоимости, которая идет на увеличение переменного капитала. Ее возрастание должно итти по указанному пути до тех пор, *пока снова не восстановится равновесие между ростом переменного капитала и ростом населения*.

Я называю отношение накопленной части прибавочной стоимости во всей прибавочной стоимости *капиталистической нормой накопления*, а отношение накопленной части прибавочной стоимости к стоимости всего продукта (переменный капитал + прибавочная стоимость)—*общественной нормой накопления* [1]). Механизм, посредством которого все снова и снова уничтожается недостаточное накопление, мы можем таким образом представить в следующем виде: если общественная норма накопления слишком мала, то возникает промышленная резервная армия; заработная плата падает; норма прибавочной стоимости подымается; вследствие этого возрастает также — даже при неизменной капиталистической норме на-

---

[1]) Там, где я до сих пор говорил о норме накопления, я всюду имел в виду капиталистическую норму накопления.

копления—общественная норма накопления, ибо при равной капиталистической норме накопления общественная норма накопления возрастает вместе с нормой прибавочной стоимости. Под давлением промышленной резервной армии, норма прибавочной стоимости, а вместе с ней и общественная норма накопления возрастают до тех пор, пока последняя не будет достаточно велика, чтобы, несмотря на возрастание органического состава, увеличить переменный капитал столь же быстро, как и рабочее население. Когда это имеет место, промышленная резервная армия рассасывается, и равновесие между накоплением и ростом населения снова восстанавливается.

Итак, капиталистический способ производства в самом себе несет механизм, который снова согласовывает накопление, отстающее от роста населения, с этим ростом. Но это согласование происходит за счет рабочего класса. Оно осуществляется путем повышения нормы эксплоатации. Прогресс к более высокому органическому составу капитала все снова и снова вызывает недостаточное накопление; возрастанием нормы прибавочной стоимости оно снова и снова преодолевается. Оно является *периодически возвращающеюся*, но все же лишь *преходящей фазой промышленного цикла.*

Если общественная норма накопления возрастает, то она, в конце концов, достигает такого пункта, когда переменный капитал растет быстрее, чем народонаселение. Состояние, которое наступает в этом случае, мы называем состоянием перенакопления; но, подобно недостаточному накоплению, и перенакопление является все же лишь преходящей фазой промышленного цикла.

Маркс описывает состояние перенакопления следующим образом: «Если бы капитал возрос по сравнению с рабочим населением настолько, что нельзя было бы ни удлинить абсолютное рабочее время, доставляемое этим населением, ни расширить относительное прибавочное рабочее время (последнее, помимо того, было бы невыполнимо при тех обстоятельствах, когда спрос на труд столь значителен, следовательно, когда существует тенденция к повышению заработной платы), т.-е. если бы возросший капитал производил лишь такую или даже меньшую массу прибавочной стоимости, чем до своего увеличения, то оказалось бы абсолютное перепроизводство капитала, т.-е. возросший капитал $К + \Delta К$ произвел бы прибыли не

больше или даже меньше, чем капитал К до своего увеличения на $\triangle$ К. В обоих случаях произошло бы сильное и внезапное понижение общей нормы прибыли, но на этот раз вследствие такой перемены в составе капитала, причиной которой было бы не развитие производительной силы, но повышение денежной стоимости переменного капитала (вследствие повышения заработной платы) и соответствующее ему уменьшение отношения прибавочного труда к необходимому труду» [1]. Этот пункт обозначает *абсолютную границу накопления*. Если он достигнут, то согласование накопления с приростом населения осуществляется через опустошительный кризис с бездействием колоссальных капиталов, с массовым разрушением ценностей и с быстрым падением нормы прибыли.

В действительности согласование может произойти еще раньше, чем достигнута абсолютная граница, описанная Марксом. Если норма накопления слишком велика, то промышленная резервная армия быстро рассасывается, заработная плата поднимается, норма прибавочной стоимости падает, вместе с ней падает общественная норма накопления, а уже вследствие этого снова замедляется рост переменного капитала. Уже вследствие этого может произойти согласование накопления с приростом населения.

Кроме того, норма прибыли при состоянии перенакопления понижается очень быстро. Вследствие прогрессирования к более высокому органическому составу капитала, норма прибыли падает даже тогда, когда между накоплением и ростом населения существует равновесие. Она падает еще быстрее, когда прогресс к более высокому органическому составу совпадает с падением нормы прибавочной стоимости, что имеет место в случае перенакопления. «Кризис наступает в тот момент, когда только что описанные тенденции к понижению нормы прибыли одерживают победу над тенденциями, которые приводили к повышению цены и прибыли вследствие возрастания спроса» [2]. Во время кризиса и следующей за ним промышленной депрессии, накопление существенно замедляется; рост переменного капитала теперь опять отстает от роста населения.

---

[1]) Маркс. «Капитал», т. III, ч. I. Москва, 1907 г., стр. 227.

[2]) Гильфердинг. «Финансовый капитал», Москва, 1918, стр. 380.

Следовательно, и перенакопление, подобно недостаточному накоплению, все снова и снова устраняется самим механизмом капиталистического способа производства. При капиталистическом способе производства существует *тенденция к приспособлению накопления капитала к росту населения.* Это приспособление достигается, лишь только переменный капитал увеличивается столь же быстро, как и рабочее население, а постоянный капитал настолько быстрее, насколько этого требует развитие производительной силы. В социалистическом обществе общественные органы, направляющие производство, сознательно и планомерно заботились бы о том, чтобы рост общественного производственного аппарата был бы согласован с ростом населения. В капиталистическом обществе это согласование также должно произойти, но оно может здесь произойти не иначе, как через посредство крупных кризисов с безработицей, понижением заработной платы и возрастающей эксплоатацией—с одной стороны, и бездействия капитала, разрушения стоимостей и падающей нормы прибыли—с другой стороны.

Тенденция к согласованию накопления с ростом населения господствует над международными отношениями. Страны с длящимся перенакоплением прилагают большую и все возрастающую часть накопляемой в каждом году прибавочной стоимости за границей. Таковы, например, Франция и Англия. Страны с длящимся недостаточным накоплением привлекают к себе капитал из-за границы и снабжают последнюю рабочей силой. Таковы, например, аграрные страны Восточной Европы. *Увеличение производительного капитала в самой стране всегда остается ограниченным ростом находящегося в его распоряжении рабочего населения:* переменный капитал не может долгое время возрастать быстрее, чем население; постоянный может расти быстрее переменного лишь в пропорции, определенной степенью развития производительных сил. Отсюда становится понятным и волнение капиталистов по поводу уменьшения количества рождений: замедление прироста населения суживает границы, которые поставлены росту их капитала.

Если рассматривать капиталистическое мировое хозяйство, как целое, то тенденция к согласованию накопления с ростом населения проявляется в промышленном цикле. Высокая конъюнктура есть перенакопление. Оно само себя уничтожает

в кризисе. Следующая за последним депрессия есть недостаточное накопление. Депрессия сама себя уничтожает тем, что создает условия для возврата к высокой конъюнктуре. *Периодическое возвращение расцвета, кризиса и депрессии является эмпирическим выражением того факта, что механизм капиталистического способа производства самостоятельно уничтожает перенакопление и недостаточное накопление, что накопление капитала все снова и снова приспособляется к росту населения.*

Отдельный капиталист думает, что величина «сберегаемой» им части прибавочной стоимости зависит только от степени его «воздержания». В действительности капиталисты при каждом кризисе убеждаются в том, что их накоплению поставлены объективные границы, что капитал лишь настолько может увеличиться, насколько общество может расширять свой производственный аппарат. На данной ступени развития производительных сил объективные границы накопления определяются ростом рабочего населения. Накопление предполагает расширение поля производства, а поле производства расширяется вследствие роста населения. «Размножение населения выступает в качестве основы накопления, как постоянного процесса» [1]). Если бы рост населения вообще прекратился, то переменный капитал долго увеличиваться не мог бы; накопление было бы тогда возможно лишь постольку, поскольку развитие производительных сил требует добавочного постоянного капитала, чтобы дать занятия количественно неизменившейся массе рабочих.

Товарищ Люксембург знает, что накоплению капитала поставлены объективные границы. Но она определяет эти границы неправильно. Товарищ Люксембург полагает, что в капиталистическом обществе, которое не могло бы сбывать своих товаров в крестьянские или мелкобуржуазные районы, накопление капитала было бы вообще невозможно. Этот взгляд не верен. Каждое общество с растущим населением должно расширять свой производственный аппарат. Расширение производственного аппарата при капиталистическом способе производства принимает особую форму накопления капитала. Это накопление совершается беспрепятственно, пока оно только остается в определенном количественном отношении, с одной стороны,

---

[1]) Marx, «Theorien über den Mehrwert», II, 2, стр. 224.

к росту населения, с другой стороны,—к развитию производительной силы, которая выражается в прогрессе к более высокому органическому составу капитала. Конечно, развитие все снова и снова выводит накопление за пределы этих границ, но накопление все снова и снова вводится в свои границы благодаря периодически возвращающимся хозяйственным кризисам. Результат нашего исследования состоит, стало быть, в следующем: во-первых, накопление капитала возможно и в изолированном капиталистическом обществе, поскольку оно только не выходит за пределы данных в соответствующее время границ; во-вторых, оно самостоятельно возвращается к этой границе благодаря самому механизму капиталистического способа производства.

Как апологию капитализма, эту трактовку вопроса рассматривать нельзя. Ибо в то время, как апологеты капитала хотят доказать безграничность накопления (вместе с производством возрастает автоматически и потребительная сила), мы вскрываем границы, которые поставлены накоплению. В то время, как апологеты хотят доказать невозможность общих кризисов, мы показываем, что законы накопления могут осуществляться не иначе, как через общие кризисы, в результате которых наступают безработица, понижение заработной платы, увеличивающаяся нищета масс, растущее озлобление и возмущение рабочего класса.

Объяснение империализма.

Товарищ Люксембург объясняет империализм следующим образом. В изолированном капиталистическом обществе превращение прибавочной стоимости в капитал было бы невозможно. Оно становится возможным потому, что класс капиталистов постоянно расширяет свой рынок для сбыта той части прибавочного продукта, в которой воплощена накопленная часть прибавочной стоимости, в страны, еще не производящие капиталистически. Для этой цели служит империализм.

Это объяснение, как мы видим, не верно. Накопление возможно и необходимо и в изолированном капиталистическом обществе. И часть прибавочного продукта, воплощенная в накопленной части прибавочной стоимости, не может быть продана крестьянству и мелкой буржуазии колоний, потому

что она нужна в своей капиталистической родине для расширения производственного аппарата.

Но в этом неправильном объяснении все же скрыто здоровое зерно истины. Если накопление в изолированном капиталистическом обществе не невозможно, то оно все же имеет свои границы. Империализм, действительно, служит для расширения этих границ.

Прежде всего накопление ограничено ростом рабочего населения. А империализм в колоссальных размерах увеличивает рабочую массу, вынужденную продавать капиталу свою рабочую силу. Он действует в этом направлении, разрушая старые способы производства колониальных областей и вынуждая этим самым миллионы людей либо эмигрировать в капиталистические страны, либо порабощать себя на собственной родине прилагаемому там европейскому или американскому капиталу. Так как величина накопления при данном органическом составе капитала определена ростом наличного рабочего населения, то империализм, действительно, есть средство расширения границ накопления.

На-ряду с ростом населения, величина накопления определяется развитием производительных сил, прогрессом к более высокому органическому составу. Это развитие также может быть усилено империализмом, во-первых, потому, что он усиливает, главным образом, развитие отраслей производства с выше, чем средним, органическим составом капитала; во-вторых, потому, что он доставляет капиталу материальные элементы производства, находящиеся вне его родины, и сильно способствует этим самым развитию производительных сил и росту производительности труда.

Согласование накопления и роста населения осуществляется в периодических кризисах. При каждом кризисе огромные массы товаров остаются непроданными, и значительная часть производительного капитала лежит без всякого движения. Преодоление кризисов облегчается, если удается выбросить большие массы товаров на новые рынки. Эту возможность также пытается доставить капиталу империализм.

Итак, если империализм не есть средство, которое вообще делает возможным накопление, то это все же средство, чтобы раздвинуть его границы и облегчить преодоление кризисов, возникающих периодически от перенакопления. Это стремление.

действительно, есть один из корней империализма, но не единственный корень его.

По мнению товарища Люксембург, капитализм вообще не мог бы существовать без непрерывной экспансии. Если расширению его рынков поставлены пределы, то он не может реализовать бо̀льшую часть прибавочной стоимости. Он сам собою падает.

На наш взгляд, капитализм мыслим и без экспансии. Но без экспансии или с экспансией,—капитализм все равно идет к своей собственной гибели. Если экспансия для него возможна, то он приводит в возмущение рабочие массы вооружениями, растущим налоговым гнетом, военными катастрофами. Если пути к экспансии ему заказаны, то границы накопления суживаются, кризисы становятся более частыми, более длительными и более опустошительными. Как в том, так и в другом случае все возрастающая часть народных масс приходит к сознанию, что ее жизненные интересы несоединимы с дальнейшим существованием капиталистического способа производства.

Капитализм разобьется не о механическую невозможность реализовать прибавочную стоимость. Он падет от восстания, на которое он толкает народные массы. Капитализм рухнет не тогда, когда последний крестьянин и последний мелкий буржуа будут на всем земном шаре превращены в наемных рабочих и когда, следовательно, для капитализма не останутся больше добавочные рынки; нет, он падет гораздо раньше от все возрастающего «возмущения рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самым механизмом капиталистического процесса производства».

А. Паннекук [1]).

Теоретические заметки о причине кризисов.

1. Периодический характер производства.

В вопросе о причинах кризисов речь идет о двух различных явлениях, которые должны рассматриваться отдельно. Во-первых, речь идет о периодическом подъеме и падении производства в форме промышленного цикла; и этот первый вопрос гласит: каким образом силы, проистекающие из капиталистического способа производства, необходимо должны вызывать периодическое движение? Второй вопрос заключается в том, почему в этом волнообразном движении падение происходит в критической форме, неожиданно, в виде краха. Обыкновенно, когда говорят о причинах кризисов, имеют в виду этот последний вопрос; кредит, деньги в качестве платежного средства, торговый капитал, спекуляция играют при этом известную роль, сообщая падению катастрофический характер. Но основной вопрос состоит в том, почему подъем и падение регулярно сменяют друг друга; это—вопрос о причине периодичности, как таковой.

В природе периодические движения появляются тогда, когда отклонение от состояния равновесия вызывает силу, которая толкает тело обратно к этому состоянию; эта сила тем больше, чем больше само отклонение. Не происходит ли дело аналогичным образом с периодичностью производства? На первый взгляд ответ должен быть, пожалуй, утвердительный. Ведь и здесь говорят о перепроизводстве и недопроизводстве; и если какой-нибудь товар произведен в слишком большом количестве, то немедленно появляется сила, стремящаяся устранить это

---

[1]) «Neue Zeit», 1912—1913, Band I.

отклонение, а именно понижение цены, вызывающее ограничение производства. Цены суть регуляторы производства; при всяком отклонении производства от спроса, изменение цен толкает его обратно к соответствию с последним. Аналогия, казалось бы, полная; производство в целом поочередно то превышает общественную потребность, то падает ниже ее; в этом высшем и низшем состояниях появляется сила, которая толкает его обратно к среднему положению, к состоянию равновесия, когда оно в точности покрывает потребность; отсюда должно возникнуть, как при маятнике или при пружине, периодическое движение.

Но при более близком рассмотрении обнаруживается, что эта аналогия лишь кажущаяся. Так как маятник при своем возвращении к состоянию равновесия развивает все бо́льшую скорость, то он пролетает через это состояние и удаляется от него в противоположную сторону; отсюда возникают колебания маятника в ту и другую сторону. Если же размер производства какого-либо товара благодаря понижению его цены уменьшается до нормального уровня, нет никаких оснований ожидать, что это изменение будет продолжаться дальше и приведет к столь же значительному отклонению в противоположную сторону. Правда, и в общественных процессах выступают замедляющие силы, но здесь не может быть речи о сохранении наличного движения или изменения благодаря силе инерции, что играет в физике главную роль. Здесь дело происходит таким образом, как если бы маятник находился в вязкой жидкости, где он не может приобрести никакой скорости; выведенный из состояния равновесия, он просто медленно возвращается к нему обратно, постепенно все более замедляя свой ход. Подобным образом колебания цен в результате отклонений производства от потребности приводят не к постоянным колебательным движениям, а к устранению указанных отклонений; само состояние равновесия состоит здесь лишь в среднем итоге, в среднем положении всех этих колебаний.

Итак, волнообразное движение производства не может, подобно явлениям природы, объясняться силами, которые возрастают по мере отклонения от состояния равновесия. Правда, подобные силы существуют, но благодаря отсутствию силы инерции они приводят не к периодическим движениям, а к простым медленным приспособлениям. Решающие причины

должны лежать в другом месте. Для того, чтобы найти их, необходимо только иметь в виду, каким образом силы должны действовать для того, чтобы вызывать волнообразный ход движения. Среднее состояние производства не есть состояние равновесия; здесь все еще имеется какая-то сила, ибо в противном случае это состояние должно было бы сохраняться; в период подъема тоже действует какая-то сила, которая толкает производство вверх, в период же падения, наоборот, действует сила, толкающая его вниз. Пока продолжается подъем, имеется, очевидно, повышательная сила, а в продолжение всего периода падения действует сила понижательная; только благодаря этому возможна периодическая смена. Определяющими моментами движения являются здесь не больший или меньший размер производства, не отклонение вверх или вниз от среднего производства, а подъем и падение, движение вверх и вниз. Откуда же проистекают силы, сопровождающие эти моменты, покажет нам рассмотрение всего процесса капиталистического воспроизводства.

2. Воспроизводство капитала.

Во втором томе «Капитала» Маркс изобразил в виде схемы условия постоянного воспроизводства капиталистического процесса. Для того, чтобы каждый капиталист находил всегда на рынке элементы для производства (сырые материалы, машины, средства потребления для себя самого и для рабочих) и чтобы каждый мог всегда продавать свои продукты, между различными сферами производства должна существовать определенная пропорция. Для случая простого воспроизводства и при упрощающем расчеты предположении, что весь постоянный капитал возобновляется в течение одного периода производства, эта пропорция выражается для двух основных сфер производства следующею схемою:

I. 4000c + 1000v + 1000m = 6000 средств производства.
II. 2000c + 500v + 500m = 3000 средств потребления.

В этой схеме принято разделение капитала на $^4/_5$ постоянного и $^1/_5$ переменного, норма прибавочной стоимости равна 100 процентам; вся прибавочная стоимость потребляется. Согласно схеме, рабочие и капиталисты из обоих подразделений

I и II находят средства потребления, которые они хотят купить на свои суммы v и m, как раз в продукте 3000 подразделения II; с другой стороны, средства производства, затраченные в обоих подразделениях (4000+2000), возмещаются продуктом 6000 подразделения I. При правильной пропорции между обоими подразделениями (а также, разумеется, между более мелкими подразделениями, т.-е. между отдельными отраслями производства), весь продукт находит себе сбыт. Необходимый обмен между различными сферами совершается при помощи определенного, сравнительно незначительного количества денег, фигурирующих в качестве средства обращения. Так как в действительности основной капитал (машины и проч.) передает продукту свою стоимость лишь постепенно, а потом сразу возобновляется из накопленных денежных сумм, то необходимо, чтобы в течение каждого года возобновлялась в среднем одинаковая часть основного капитала.

Необходимо обратить внимание, что здесь речь идет лишь о *пропорции*. Числа схемы могут быть какие угодно—большие или маленькие,—в вышеуказанном примере единица может обозначать 10 марок, 1000 марок или 100.000 марок; в каждом из этих случаев сбыт обеспечен. Как известно, Туган-Барановский придал этому факту бессмысленную форму, утверждая, что при капитализме производство не зависит от потребления и может бесконечно увеличиваться, совершенно не считаясь с ограниченною потребительною потребностью людей, в виде бесцельного механизма, вечно вращающегося для себя самого и возрастающего до колоссальных размеров. Действительный смысл указанного факта тот, что само потребление выступает в качестве *элемента процесса производства*. Капиталистическое производство не есть производство для удовлетворения потребности, данной *извне*. Потребность создается и определяется самим производством; это—потребность капиталистов в элементах производства, потребность рабочих в средствах существования, приобретаемых ими на их заработную плату, потребность капиталистов и всех классов, живущих за счет прибавочной стоимости, в средствах существования и предметах роскоши. Потребность не есть определенная величина, какою она являлась бы в том случае, если бы целью и масштабом производства была действительная потребность людей; капитализм знает только спрос, т.-е. платежеспособную потребность, и деньги

для этого должны получаться—хотя нередко сюда присоединяется также образование сокровищ—из самого производства. Спрос повышается и падает вместе с самим производством, как это особенно ярко проявляется при повышательной конъюнктуре.

Итак, размер производства можно сравнить с невесомым телом, которое само по себе не стремится ни вверх, ни вниз и может оставаться на любой высоте. Для размера производства не существует *никакого состояния равновесия*, к которому оно стремилось бы обратно в случае отклонений; каков бы ни был размер производства, в нем самом не существует никакой силы, которая стремилась бы увеличить или уменьшить его до какого-нибудь другого уровня; производство, при любом его размере, может находиться в состоянии равновесия. Поэтому достаточно незначительной внешней силы, достаточно второстепенных влияний, чтобы заставить производство либо расширяться во все большем масштабе, либо все более сокращаться. В период повышательной конъюнктуры стремления капитала к возрастанию и доверия со стороны капиталистов достаточно для того, чтобы все более расширять производство; если же прибыль понижается и доверие поколеблено, то наступает обратное движение: сокращение размеров производства.

Разумеется, размер производства остается при этом ограниченным естественными или общими социальными условиями. Оставляя в стороне естественный материал, который практически можно пока иметь в неограниченном количестве, мы увидим, что одна граница производства лежит в капитале, ибо (c+v) не может превышать общую сумму имеющегося в наличности капитала; другая же граница заключается в наличном рабочем населении, ибо (v+m), т.-е. вновь создаваемая стоимость, пропорциональна указанной массе населения.

Для расширенного производства цифры приведенной схемы уже не подходят: там пропорция другая. Маркс рассмотрел и этот случай в своем изложении накопления и расширенного производства.

В своем первом примере Маркс предполагает («Капитал», т. II, стр. 487 нем. изд. или 502 русск. изд. 1919 г. под редакцией В. Базарова и И. Степанова):

I. 4000c + 1000v + 1000m = 6000 средств производства.
II. 1500c + 750v + 750m = 3000 средств потребления.

Если капиталисты подразделения I потребляют половину своей прибавочной стоимости, а другую половину накопляют, при чем последняя разделяется на 400c и 100v, то из 6000 средств производства, за вычетом 4000 + 400c для I и 1500c для возобновления постоянного капитала II, останутся свободными только 100 средств производства для расширения подразделения II. Следовательно, капиталисты II должны накоплять 150 своей прибавочной стоимости (с распределением их на 100c + 50v), а остальные 600 они должны потреблять. Таким же образом дело пойдет и дальше: в то время как капиталисты I накопляют всегда половину прибавочной стоимости, оказывается, что капиталисты II вынуждены всегда накоплять $^3/_{10}$ своей прибавочной стоимости, при чем в обеих сферах размер производства увеличивается ежегодно на $^1/_{10}$. На первый взгляд кажется, что капиталисты II связаны здесь в распределении своей прибавочной стоимости; но это происходит только потому, что в схеме приняты заранее определенные цифры. На самом же деле все капиталисты могут накоплять произвольную часть своей прибавочной стоимости, и в каждом случае производство должно распределяться между обеими сферами так, как это необходимо для правильной пропорции. Предполагая, например, для упрощения, что в обеих сферах одно и то же отношение $c : v = 4$ и что $m = v$, и принимая, что повсюду накопляется половина m, мы получим, что размер II относится к размеру I, как $v + {}^1/_2\ m + {}^1/_5 \times {}^1/_2 m$ относится к $c + {}^4/_5 \times {}^1/_2 m$, т.-е. как 4 к 11. Соответствующая схема будет следующая:

I. $4400c + 1100v + 1100m\ (= 550m_1, + 440m_c + 110m_v) = 6600$ сред. произв.
II. $1600c + 400v + 400m\ (= 200m_1, + 160m_c + 40m_v) = 2400$ сред. потребл.

Итак, капиталисты I и их рабочие должны купить от подразделения II $1100v + 550m_1 + 110m_v = 1760$ средств потребления; капиталисты же II должны купить от подразделения I $1600c + 160m_c = 1760$ средств производства; весь продукт, следовательно, находит себе сбыт, и в следующем году производство может происходить в масштабе, увеличенном на $^1/_{10}$ [1].

[1]) Роза Люксембург в своем недавно появившемся труде «Накопление капитала» (русский перевод которого вышел в 1921 г.) приходит при обсуждении этого же вопроса к противоположным заключениям. Она усматривает здесь проблему, оставленную Марксом без разрешения, внутреннее противоречие расширенного воспроизводства,

Но как осуществляется это обращение на практике? Для более наглядного упрощения предположим, что для всех товаров существует один и тот же период производства и обращения, скажем, один год. Итак, в течение года все производят при помощи закупленного запаса, к концу года все сходятся, обмениваются своими товарами и запасаются на весь следующий год элементами производства, а равно средствами существования. Этот обмен производится при помощи денег, и притом незначительного количества денег, ибо он распадается на многочисленные единичные акты покупки и продажи. Маркс неоднократно изображал этот процесс реализации при помощи некоторого количества денег, переходящих из рук в руки; таким путем все капиталисты замещают свой постоянный капитал, а именно капиталисты I покупают друг у друга на 4400, а капиталисты II покупают у капиталистов I на 1600; подобно этому, на потребление рабочих авансируется 1100 + 400, и на эту сумму покупаются средства потребления из товарного запаса II. Следовательно, из фонда средств производства продано 6000, из фонда средств потребления 1500; или, так как капиталисты I получили от капиталистов II на 500 более, чем они уплатили последним, то они могут закупить на 500 средства потребления лично для себя, и последняя цифра увеличится до 2000. Обе группы имеют еще непроданные товары, в которых воплощается как раз прибавочная стоимость, которая, после продажи, могла бы быть накоплена. Но каждая группа должна продать прежде, чем она будет иметь в своих руках прибавочную стоимость и сможет затратить ее на новые предприятия, а, с другой стороны, эти новые затраты представляют как раз предварительное условие для продажи.

Здесь, повидимому, имеется противоречие, которое может быть выражено вопросом, кто же явится покупателем товаров, в которых воплощена прибавочная стоимость? Но это противоречие только кажущееся, противоречие такого же рода, как указанное Каутским в его книге «Экономическое учение Карла Маркса», и заключающееся в том, что сапожник, портной, булоч-

---

заключающееся в вопросе: откуда берутся покупатели для товаров, в которых содержится прибавочная стоимость? Мы считаем взгляд Розы Люксембург ошибочным, схема воспроизводства показывает, что здесь нет никакой проблемы (ср. наш отзыв об указанном труде в «Bremer Bürgerzeitung», 1913, 29/30 Januar).

ник стоят друг против друга со своими товарами, в которых они взаимно нуждаются, и только вмешательство денег может разорвать этот порочный круг. И здесь капиталисты I и II нуждаются ведь, в конце концов, в непроданных еще товарах и купят их друг у друга, если только это обращение сможет быть пущено в ход. В действительной жизни капиталисты не откладывают с трепетом своих новых операций до тех пор, пока они не продадут всех запасов и не будут иметь в своих руках прибавочную стоимость в форме денег; они считают, что прибавочная стоимость имеется в наличности уже тогда, когда она приняла форму товара, ибо они знают, что в нормальных условиях товары будут проданы. Они имеют также определенный денежный запас для авансирования и, действительно, в случае надобности, они авансируют часть прибавочной стоимости, потребляемую ими самими. Возможно, что лично они уже продали товарный запас, в котором воплощена меновая стоимость, купцу, так что капиталист I имеет деньги еще прежде, чем капиталисты II купили этот запас. Основываются новые предприятия, деньги отпускаются отчасти банками, покупаются машины у капиталистов I, которые, получив часть своей прибавочной стоимости в виде денег, кладут их в банк и тем самым опять пополняют денежные запасы последнего; таким образом, по существу, они вкладывают реализованную ими теперь прибавочную стоимость в те фабрики, которые купили их продукт. Благодаря тому, что всякий значительный запас капитала выступает большею частью в виде банковского капитала, из которого берутся постоянно деньги для новых предприятий и куда постоянно вливается реализуемая прибавочная стоимость,—движение товаров в нормальных случаях может не встречать на практике никаких препятствий. И в этом случае накопления все продукты находят себе сбыт. После того, как все капиталисты продали свои товары и закупили элементы нового производства, последнее продолжается в следующем году в размере, увеличенном на 10 процентов:

I. $4840c + 1210v + 1210m\ (= 605m_1 + 484m_c + 121m_v) = 7260$ сред. произв.
II. $1760c + 440v + 440m\ (= 220m_1 + 176m_c + 44m_v) = 2640$ сред. потребл.

Увеличиваясь в той же пропорции, т.-е. каждый год на 10 процентов сравнительно с предыдущим годом, производство может продолжаться и дальше, не находя себе предела.

Ясно, что то же самое имеет место при менее простых предпосылках; цифровые примеры становятся труднее и сложнее, но принципиально ничто не изменяется. Предположим, например, что состав капитала в II иной, чем в I; в I $c = 4_v$, во II $c = 2v$. Если капиталист накопляет по-прежнему половину прибавочной стоимости, увеличивая этим свой капитал, то соответствующий цифровой пример будет следующий:

I. $7000c + 1750_v + 1750m (= 875m_1 + 700m_c + 175m_v) = 10500$ сред. произв.
II. $2400c + 1200v + 1200m (= 600m_1 + 400m_c + 200m_v) = 4800$ сред. потреб.

Здесь $(v + m_1 + m_v)$ I $= 2800$ и $(c + m_c)$ II $= 2800$; следовательно, спрос и предложение друг друга покрывают. Но если в следующем году производство будет вестись в I при помощи $7700c + 1925v$, а во II при помощи $2800c + 1400v$, то правильная пропорция будет нарушена; подразделение II увеличивается слишком быстро. В действительности, капитал будет тогда перенесен из одной группы в другую; следовательно, в таком случае накопляемая прибавочная стоимость не может оставаться в своей собственной группе, а должна быть распределена иным образом. В таком случае и первоначальные отношения должны быть иные, и этим отношениям будут соответствовать приблизительно следующие цифры:

I. $7528c + 1882v + 941m_1 + 941m_2 = 11292$ средств производства.
II. $2560c + 1280v + 640m_1 + 640m_2 = 5120$ средств потребления.

I. $941m_2$ } $= 1581$ общее накопление { $1123 = 898c + 225v$ затрачивается в подраздел. I.
II. $640m_2$ } { $458 = 305c + 153v$ затрачивается в подраздел. II.

Необходимые средства производства:

$$(7528c + 898c) \text{ I} + (2560c + 305c) \text{ II} = 11291.$$

Необходимые средства потребления:

$$(1882v + 941m_1 + 225v) \text{ I} + (1280v + 640m_1 + 153v) \text{ II} = 5121.$$

В обоих подразделениях прирост капиталов точно пропорционален первоначальным капиталам; таким образом и в такой пропорции производство может продолжаться и дальше, если к концу каждого года накопленная прибавочная стоимость будет распределяться между обеими сферами в правильной пропорции.

Можно было бы еще более усложнить предпосылки, приняв, например, в обоих подразделениях различную норму прибавочной стоимости или постоянно меняющуюся норму прибавочной стоимости, или же постоянно меняющееся отношение между c и v, выражающее рост органического состава капитала. Как бы ни были усложнены эти примеры, по существу они не дадут ничего нового.

Таким образом оказывается, что и при постоянно расширяющемся капиталистическом производстве сбыт не находит никаких затруднений, если только сохраняется правильная пропорция. Но пропорция эта *различна*, в зависимости от нормы увеличения размеров производства.

3. Влияние простого товарного производства.

Итак, можно представить себе капитализм, который постоянно расширяется, не будучи связан с окружающим миром, если только он в состоянии привлекать все большее количество человеческого материала, например, превращая людей, которые вели раньше самостоятельное хозяйство, в составные части капиталистического производства. В действительности капиталистический мир окружен не только натуральным хозяйством, которое можно здесь сравнить с пустым пространством и для которого капитализм тоже не существует. Между ними обоими, в качестве окружающей капитализм рамки, находится некапиталистическое товарное производство, с которым капитализм ведет обмен; рамку мы понимаем здесь не в географическом смысле, а в качестве определенного образа. Процесс воспроизводства капитала остается неполным и его изображение неправильным, если не принять во внимание это товарное производство [1]). В этой рамке находят себе место различные ступени товарного производства, из которых наиболее близки к

---

[1]) В книге Р. Люксембург «Накопление капитала» также уделено внимание значению этого обмена с некапиталистическими производителями. Конечно, там этому явлению дается другое обоснование: по мнению Р. Люксембург, этот обмен необходим для разрешения вышеупомянутого внутреннего противоречия расширенного производства. Но, как видно из нашего изложения, подобного противоречия не существует, в виду чего такое обоснование необходимости для капитализма подобной среды ошибочно.

капитализму те сферы производства, которые производят только для рынка, в то время как на крайней границе находятся отдельные люди и целые народы, которые ведут натуральное хозяйство и на-ряду с этим отдают на мировой рынок только единичные продукты; как ни разнообразны указанные ступени, но для принципиального понимания влияния некапиталистического производства достаточно ввести в нашу схему капиталистического воспроизводства простое товарное производство, работающее только на мировой рынок. Итак, на-ряду с прежними обеими сферами капиталистического производства мы предполагаем две сферы простого товарного производства: одну—для средств производства и другую—для средств потребления; мы принимаем, что в стоимости продукта $^1/_5$ часть составляет перенесенную стоимость употребленных средств производства (p), а $^4/_5$ созданы новым трудом (a); на последнюю сумму мелкие производители потребляют соответствующее количество средств потребления.

В качестве примера мы берем цифры:

Ia.	4400c +	1100v +	1100m =	6600	}	средства производства.
Iб.		220p +	880a =	1100	}	
IIa.	2800c +	700v +	700m =	4200	}	средства потребления.
IIб.		280p +	1120a =	1400	}	

Употребленные средства производства (4400c + 220p) I и (2800c + 280p) II замещаются новыми средствами производства 6600 + 1100. Употребленные средства потребления (1100v + + 1100m + 880a) I и (700v + 700m + 1120a) II замещаются новыми средствами потребления 4200 + 1400. Это—единственное условие, которому должны удовлетворять указанные цифры. Соотношения между Iб и Ia, между IIб и IIa зависят от состояния техники и от экономической структуры общества и, хотя оно постоянно изменяется вместе с развитием техники, но для каждого определенного момента оно дано. Чем большее количество сырых материалов, содержащихся в c (например, зерно, хлопок-сырец, пряжа), произведено в крестьянском или мелкобуржуазном хозяйстве, тем больший размер имеют подразделения б. Мы приняли, что из средств производства $^1/_7$, а из средств потребления $^1/_4$ доставляются простым товарным производством.

И здесь цифры могут обозначать бо́льшие или меньшие абсолютные величины; и здесь размер производства не дан извне и может быть больше или меньше, при чем ни один продукт не останется непроданным, если только будет сохранена правильная пропорция. И здесь, следовательно, возможно произвольное расширение производства. Но к прежде данным условиям здесь прибавляется еще одно, новое. Прежде, при чисто капиталистическом производстве, условие состояло в том, что капитал (c + v) и масса рабочих (v + m) должны увеличиваться в достаточной мере; лишь по мере их увеличения производство может расширяться. Теперь является *новое условие*, а именно сферы Iб и IIб должны расширяться в той же мере, и, следовательно, рамка простого товарного производства, находящегося в обмене с капитализмом, *постоянно увеличивается в своих размерах*. Благодаря тому, что расширение производства исходит от капитала и накопление последнего является движущею силою и определяет темп расширения, эти условия сводятся к тому, что: 1) необходимо принять меры к достаточному увеличению пролетариата; поэтому, при недостаточности естественного прироста из других классов общества, необходимо прибегнуть к иммиграции; 2) должны быть открыты все новые источники для получения сырых материалов и все новые *рынки для сбыта* капиталистических продуктов. Для каждого отдельного капиталиста первая задача, покупка сырых материалов, вряд ли представляет трудности, но тем труднее для него вторая задача, сбыт его продуктов; благодаря этому, необходимость постоянного расширения указанной рамки выступает в сознании капиталистов, как трудность получения новых рынков для сбыта.

Это безостановочное расширение товарного производства за счет натурального хозяйства, вовлечение все большего числа индивидуумов и народов в единый механизм мирового производства, эта *экономическая экспансия* является для капитализма необходимостью и потому управляет также капиталистическою политикою. Разумеется, мы должны и здесь изменить цифры приведенного примера, если желаем представить это расширение масштаба всего производства в схематическом виде. Предположим те же технические условия, что и раньше, и накопление половины прибавочной стоимости. К концу каждого года, когда, согласно нашему упрощенному предположению,

происходит всеобщий обмен, размер сфер *б* должен увеличиться на $^1/_{10}$ посредством вовлечения в мировой рынок продуктов, которые раньше не являлись товарами, и производителей, которых мировой рынок впервые снабжает теперь средствами производства и потребления.

Схема товарного производства одного года будет следующая:

Ia.	$4000c + 1000v + 500m_1 + 500m_2 = 6000$	средства производства.
Iб.	$182p + 727a = 909$	
IIa.	$2000c + 500v + 250m_1 + 250m_2 = 3000$	средства потребления.
IIб.	$182p + 727a = 909$	

Схема обмена, доставляющего элементы производства для будущего года, следующая:

Ia.	$4000c + 1000v + 500m_1 + (400c + 100v) = 6000$	средства производства.
Iб.	$200p + 800a = 1000$	
IIa.	$2000c + 500v + 250m_1 + (200c + 50v) = 3000$	средства потребления.
IIб.	$200p + 800a = 1000$	

Средства производства требуются в количестве $(4000c + 400c + 200p)$ I $+ (2000c + 200c + 200p)$ II $= 7000$; средства потребления требуются в количестве $(1100v + 500m_1 + 800a)$ I $+ (550v + 250m_1 + 800a)$ II $= 4000$. В течение второго года производство идет в размере, увеличенном на $^1/_{10}$:

Ia.	$4400c + 1100v + 550m_1 + 550m_2 = 6600$	средства производства.
Iб.	$200p + 800a = 1000$	
IIa.	$2200c + 550v + 275m_1 + 275m_2 = 3300$	средства потребления.
IIб.	$200p + 800a = 1000$	

К концу года должны быть привлечены новые массы продуктов, а именно $20p + 80a = 100$ Iб средства производства и $20p + 80a = 100$ IIб средства потребления; это необходимо для того, чтобы капиталисты сбыли все свои продукты и запаслись элементами производства для нового расширения производства.

Конечно, это постоянное расширение не должно означать, что рамка самого простого товарного производства увеличивается. Ибо технико-экономическое развитие, вызывающее в пределах капитализма постепенное изменение соотношения $c : v$, приводит также к тому, что область самого капитализма

все более расширяется за счет указанной рамки, и внутренняя граница этой рамки отодвигается все дальше либо путем замены примитивных орудий труда машинами, либо путем превращения самостоятельных производителей в домашних рабочих.

4. Причины колебаний конъюнктуры.

Как видно из изложенного, в самом факте повышения и падения конъюнктуры нет, по существу, ничего особенно удивительного: абсолютный размер производства является в широких пределах неопределенным и произвольным. Но необходимо объяснить появление поворотных пунктов: почему каждое из указанных движений рождает через некоторое время силы, которые задерживают его и возвращают в обратную сторону? Сила, действующая в период падения производства, нам вполне ясна: это—стремление капитала к возрастанию. В период депрессии собирается капитал, отчасти спасшийся от предыдущего кризиса, отчасти накопленный из прибавочной стоимости. Этот капитал стремится к приложению, что выражается в низком проценте на капитал, он требует расширения производства; благодаря этому основываются новые предприятия, и тем самым начинается движение вверх. Изложенное выше теоретическое положение, что размер производства является неопределенным, ибо спрос определяется самим производством, выступает здесь практически в той форме, что всякое новое предприятие вызывает новый спрос на средства производства и средства потребления и тем самым вызывает дальнейшее основание новых предприятий. Всеобщее доверие и оптимистическая жажда предпринимательства, господствующие в период повышательной конъюнктуры, нередко изображаются в таком виде, как будто каждый предприниматель просто дает себя увлечь общему настроению и бессмысленно бежит за толпою, как настоящее стадное животное, как то бывает при биржевых спекуляциях; за эту свою глупость он платится впоследствии, в период кризиса. Но здесь оказывается, что речь идет не просто о каком-то духовном заражении, лишенном всякой материальной основы; если другие предприниматели основывают предприятия, то тем самым создается материальная основа для создания новых предприятий. Сила, увеличивающая размер производства в период повышательной конъюнктуры,

заключается в уровне цен, которые, благодаря возрастающему спросу, стоят выше нормальных издержек производства и потому повышают также норму прибыли.

Это движение вверх можно рассматривать, как один из эпизодов нормального всеобщего прогрессивного движения общественного производства, изображенного нами в схеме расширенного производства. Остается только поставить вопрос о том, откуда появляются силы, которые через некоторое время задерживают это движение вверх и возвращают его в обратную сторону. Эти силы мы найдем в указанных выше условиях, которые должны сопровождать расширенное производство и отсутствие которых задерживает развитие. Эти условия в своей отрицательной форме суть недостаток в рабочих, недостаток в сырых материалах, недостаток в рынках для сбыта.

Сюда может присоединяться еще четвертое обстоятельство, ибо движение благоприятной конъюнктуры не есть просто эпизод всеобщего расширения производства на основе накопления. Оно происходит быстрее, ибо производство расширяется не в той мере, в какой капитал возрастает путем накопления, а в той мере, в какой лежавший раньше без употребления капитал вкладывается в производство. Для того, чтобы производство расширялось и дальше в том же масштабе, капитал должен возрастать в той же пропорции; но когда лежавший раньше без употребления капитал приходит к концу, сомнительно, будет ли это в достаточной мере возмещено накоплением новой прибавочной стоимости, ибо ведь одновременно требуется все большее количество денег для обращения. В этом случае, следовательно, на место прежнего избытка капитала постепенно появляется его недостаток, выражающийся в повышении процента на капитал.

Разумеется, во всех этих четырех случаях речь идет не об абсолютном недостатке. Еще задолго до возможного появления последнего наступают относительный недостаток, постепенно возрастающие затруднения, которые понижают норму прибыли и постепенно ухудшают возможность возрастания капитала (мы оставляем здесь в стороне вопрос—ответ на который представляет некоторые затруднения—о том, не присоединяется ли сюда также понижение нормы прибыли, как результат повышения органического состава капитала). Ослабление безработицы в период хорошей конъюнктуры позволяет про-

фессиональным союзам—даже при наличности еще достаточного числа рабочих—повышать заработную плату; если это повышение больше, чем повышение цен, то оно означает уменьшение нормы прибавочной стоимости. Далее, производство сельскохозяйственных сырых материалов не может обыкновенно увеличиваться с быстротою, соответствующею требованиям высокой конъюнктуры: их цены повышаются [1]). Необходимость расширять рынок и искать более отдаленных областей для сбыта удлиняет время обращения и увеличивает издержки обращения (при чем необходимость в соответствующем увеличении капитала усугубляет недостаток в деньгах), следовательно, понижает и прибыль; и, наконец, когда рынок уже не может расширяться дальше таким же темпом, наступает застой в сбыте. Оба последних препятствия проистекают из связи капиталистического товарного производства с некапиталистическим.

Таким образом подъем конъюнктуры приводит с собою затруднения, выражающиеся в понижении нормы прибыли. Это понижение должно необходимо вызвать ограничение жажды предпринимательства, поскольку последнее уже не вызвано недостатком капитала. Это означает, что темп расширения производства *замедляется.* И это замедление становится причиною дальнейших изменений. Закон, содержащийся в схеме воспроизводства и обнаруживавший до сих пор свою благоприятную для капиталистов сторону, а именно возможность безграничного расширения производства, обращается теперь против этих же капиталистов. Ибо схема предписывает также определенную пропорциональность, которая *различна для каждого темпа расширения.* Следовательно, замедление этого темпа приводит к тому, что *необходимая пропорция производства нарушается.*

Значение нарушений пропорциональности производства, как причины кризисов, признавалось и изображалось различными учеными. Туган-Барановский даже делает из этого единственную основную причину промышленного цикла. Он показывает, что, благодаря основанию новых предприятий наугад, без внимания к спросу и исключительно для потребно-

---

[1]) Все эти моменты, как и другие, сопровождающие колебания конъюнктуры и играющие роль в качестве действующих сил, подробно рассмотрены в «Финансовом капитале» Гильфердинга. Поэтому все подробности могут быть здесь опущены.

стей спекуляции, должна, в конце концов, отсутствовать какая бы то ни было пропорциональность; далее он показывает, как кризисы служат насильственному восстановлению правильной пропорции [1]). У него отсутствие пропорциональности является в известном смысле случайным, или, вернее, случайностью было бы установление правильной пропорции. Из этого объяснения не видно, почему эти диспропорциональности не дали себя почувствовать еще раньше и не привели еще раньше к застою в делах. Гильфердинг ищет причину наступающей диспропорциональности в том, что в сферах производства с самым высоким органическим составом технический прогресс больше, чем в других сферах, и потому они сильнее привлекают новый капитал [2]). Нам кажется сомнительным, является ли, действительно, всеобщим законом это основное предположение, что новые изобретения делаются больше всего там, где техника уже достигла наибольшего развития. Да и нет надобности прибегать к этому объяснению, так как, кроме указанной нами всеобщей причины нарушения пропорциональности, а именно, чрезмерного количества средств производства, существует еще специальная причина перепроизводства средств производства, указанная различными авторами и рассмотренная также Гильфердингом: это—воспроизводство основного капитала.

Воспроизводство основного капитала происходит беспрепятственно, если в течение каждого года возобновляется одинаковая часть его, т.-е. если сумма, которая откладывается, как стоимость, перенесенная на продукт (т.-е. на покрытие изнашивания), и сумма, расходуемая на новые закупки, для общества, как целого, совпадают. Но на практике это условие не выполняется. Именно, благодаря промышленному циклу, возобновление основного капитала не происходит равномерно в течение каждого года. В период повышательной конъюнктуры повсюду ставятся новые средства производства; в эти первые годы их продолжительной жизни их производство сокращается. Относительное участие производства средств производства в общем производстве должно быть

---

[1]) Ср. Tugan-Baranowski. «Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England», S. 250,251. Русское издание: Туган-Барановский. «Промышленные кризисы», 1914 г., стр. 291 и след.

[2]) Hilferding, 324—325. Русский перевод: Гильфердинг. «Финансовый капитал», перевод И. Степанова, изд. 1912 г., стр. 389 и след.

в годы подъема выше, чем в среднем, если бы даже расширение производства продолжалось тем же темпом. Поэтому в этой сфере производства должно наступить затруднение в сбыте, коренящееся в диспропорциональности. Конечно, это затруднение нельзя причислять к первоначальным причинам кризисов, ибо оно уже предполагает периодичность производства; если бы последняя не была неизбежна по другим причинам, можно было бы себе представить, что возобновление основного капитала происходило бы равномерно во все годы; но теперь оно действует, как сила, усугубляющая в значительной степени действие других сил, создающих кризис.

Нарушение пропорциональности, в котором мы усмотрели следствие расширения производства, означает, что обмен продуктов уже не может происходить полностью; это означает, что часть продуктов остается *непроданною*. Но на этом дело не кончается. Закон, содержащийся в схеме воспроизводства и гласящий, что спрос и производство самым тесным образом связаны, осуществляется теперь в обратном виде, чем раньше. Если из-за невозможности продать часть продуктов какая-нибудь фабрика остановилась, это означает уменьшение спроса, невозможность сбыта для дальнейших продуктов, которые были бы предназначены для этой фабрики и для ее рабочих. Ограничение производства означает уменьшение спроса, а тем самым и *дальнейшее ограничение производства*. Итак, одного только замедления темпа расширения производства достаточно для того, чтобы повернуть все производство назад и на место расширения производства поставить все продолжающееся его сокращение. При этом сила диспропорциональности еще крайне обостряется, ибо при суживающемся производстве необходимо совершенно другое распределение, чем в случае его расширения. Здесь обнаруживается другая сторона независимости размера производства от внешних причин, которые определяли бы его; он может не только все более увеличиваться, но также все более уменьшаться и сжиматься. Сила, уменьшающая его, это—падение цен и тем самым прибыли в результате падающего спроса. Как период подъема отличается недопроизводством по сравнению со спросом, так в период падения имеется перепроизводство. Оно носит всеобщий характер, ибо производство следует за падающим спросом; поэтому взгляд апостолов гармонии, согласно которому перепроизводство мыслимо только,

как нарушение пропорции (это, конечно, как мы видели, также может иметь место), и всегда означает недопроизводство в какой-либо другой отрасли, совершенно ложен.

Нам нет надобности подробно останавливаться на том, как проявляется на практике действие и противодействие этих сил и явлений в период падения производства, ибо это падение лишь редко происходит постепенно. Благодаря привходящим влияниям кредита и спекуляции, падение происходит большею частью в виде быстрого краха, в форме кризиса. Механизм этого процесса неоднократно описывался, и здесь нам нет надобности заниматься им.

Здесь необходимо отметить следующее: промышленный цикл не есть колебание вокруг какого-нибудь среднего состояния, определяемого—какой-нибудь потребностью. Это—смена быстрого расширения производства еще более быстрым его ограничением, протекающим большею частью в форме кризиса; каждое из этих движений затихает, а потом направляется в обратную сторону благодаря только тому, что оно создает вспомогательные силы, действующие, как легкий толчок, на невесомое или опускающееся тело. Поэтому вопрос о том, с какою быстротою эти силы действуют, зависит в значительной мере от привходящих обстоятельств. В зависимости от того, тормозят ли общие причины жажду предпринимательства или же поощряют ее, иной раз (как в восьмидесятых годах) подъем производства встречает такие значительные препятствия, что всеобщая депрессия лишь с трудом преодолевается; в другой же раз (как в последние десятилетия) всякий кризис является лишь преходящим моментом, прерывающим постоянное процветание. Каутский указал [1]) на производство золота, как на одну из причин этих больших колебаний конъюнктуры. Наше изложение может еще сильнее подтвердить правильность такого объяснения, ибо оно показывает, что появление на рынке все новых и более значительных количеств золота, выступающих в виде спроса на товары, в то время как сами они ничего не продают, должно действовать в высшей степени поощряющим и оживляющим образом на все производство.

---

[1]) K. Kautsky. «Die Wandlungen der Goldproduction und der wechselnde Charakter der Teurung». Русский перевод: Каутский. «Золото, деньги и дороговизна» под редакц. Д. Далина. Изд. Книга 1918 г.

VI.

Проблемы распределения.

Н. Бухарин.

Политическая экономия без ценности (социальная теория распределения) [1].

Марксово учение о ценности всегда было камнем преткновения для буржуазной политической экономии. Бем-Баверк только высказал чувства и мысли своих коллег-профессоров, когда он согласился с тем, что экономическую систему Маркса нельзя поколебать, раз признана правильность ее основ. Поэтому буржуазная наука должна была приложить самые усиленные старания, чтобы построить свою политическую экономию на других основах (поскольку она вообще еще могла дерзнуть на систематическое построение в области этой науки). Этой цели должна была служить теория предельной полезности. Для теоретического исследования эта теория оказывается безусловно никуда негодной; не лишена она и внутренних противоречий. Но она все же была единственной теорией ценности, которую буржуазная наука могла противопоставить теории Маркса. Отсюда и то сочувствие, которое она встретила.

Но все более резко выступающая недостаточность этой теории должна была навести на мысль вообще отказаться от фундаментальной теории и сделать попытку конструировать политическую экономию без теории ценности. В действительности это не больше, как последовательное развитие теории предельной полезности, ибо она уже больше не рассматривала меновую ценность, как самостоятельную категорию, а целиком вернулась к моменту полезности, т.-е. к потребительной ценности.

Бывший марксист Туган-Барановский сделал эти выводы и потрудился над созданием политической экономии, которая

[1]) «Neue Zeit», 1913/14. B. I. Статья называется по-немецки «Eine Oekonomie ohne Wert» непередаваемая игра слов, («Политич. экономия без ценности» и в то же время «Ничего не стоющая политическая экономия»).

не учитывает элемента ценности. В своей недавно вышедшей работе «Социальная теория распределения» [1]) он довел эту попытку, начатую им в его прежних работах, до конца.

Посмотрим, каким успехом увенчалась его попытка.

Уже Рикардо рассматривал проблему распределения, как основную проблему политической экономии [2]). На эту проблему, равно как и на проблему ценности, обратили серьезнейшее внимание множество выдающихся исследователей новейшего времени. В наше время, в период самой обостренной классовой борьбы, в период образования гигантских классовых организаций и возникновения совершенно новых явлений в лице капиталистических монополий (трестов, синдикатов и т. д.), теоретическое решение проблем распределения выдвигается на первый план самым ходом развития [3]). Поэтому попытка обобщающего освещения этих вопросов на основании нового фактического материала была бы действительным шагом вперед, если бы в исследовании новизна материала сочеталась с ясностью теоретической мысли. К сожалению, это отнюдь не методоместа у Туган-Барановского. Ему удается возвести в имеетлогический принцип путаницу в понятиях некоторых господ, как, например, путаницу г-на Струве, которая заключается в смешении понятий потребительной ценности и меновой ценности, *продукта* и его *ценности*.

Абстрагируя от социально-исторических отношений данного хозяйственного строя, значительное большинство современных теорий распределения считает возможным решение поставленной ими проблемы; вопрос о распределении сводится обыкновенно к вопросу об обмене ценностями, как к таковому.

Эту постановку вопроса принимает господствующая в настоящее время в официальной науке *австрийская школа*. Но и у Маркса проблема распределения находится в тесной связи

---

[1]) Изд. Berlin, Julius Springer. Русское изд. «Социальная теория распределения», СПБ. 1914.

[2]) См. «Начала политической экономии», предисловие.

[3]) Замечательно, что уже в русской литературе возникло течение, которое объявляет конституирование теории распределения вообще невозможным. Подобного рода мнение отстаивает г. Струве. К нему примыкает г. Шапошников (см. его «Теорию ценности и распределения», Москва, 1912, стр. 11); тот же самый научный скептицизм мы находим у Булгакова («Философия хозяйства», стр. 289).

с проблемой ценности, так как он рассматривает заработную плату, как цену рабочей силы. Однако у Маркса (и в этом состоит его бессмертная заслуга) все экономические категории рассматриваются с точки зрения социальной и исторической; поэтому меновой акт между капиталистом и рабочим сам по себе предполагает наличность классовых противоречий и классовой борьбы. *Туган-Барановский* отстаивает здесь совершенно особую точку зрения. Защищая свою «собственную» теорию ценности, которая представляет не что иное, как смешение Бем-Баверка и Маркса, он конструирует и собственную теорию распределения, в которой он выступает как против Бем-Баверка, так и против Маркса: Туган-Барановский принципиально отклоняется от них как в самой постановке вопроса, так и в методе его решения. В противоположность Бем-Баверку и Марксу, он полагает, что между проблемами распределения и ценности нет никакой необходимой логической связи, что можно быть сторонником любой теории ценности, ни в малейшей мере не затрагивая какой бы то ни было теории распределения, ибо между общественными классами происходит борьба за участие в общественном *продукте*. Таким образом новизна метода Туган-Барановского состоит в том, что *вопросы распределения* рассматриваются совершенно обособленно от проблем *обмена ценностей*, — исключительно с точки зрения соотношения сил между классами капиталистического общества. Куда эта «новизна» приводит, мы еще увидим. Но прежде всего необходимо установить некоторые методологические требования, которые мы должны поставить всякой теории капиталистического распределения.

Предметом политической экономии является исследование отношений, которые возникают между людьми в их борьбе с природой; все общество рассматривается, с этой точки зрения, как известный «производственный организм» (Маркс); в качестве исходной точки его развития выступают взаимоотношения между человеком и внешним миром, степень господства над последним и «общественные производительные силы»; с развитием последних изменяются взаимные отношения людей в процессе труда, или, по терминологии Маркса, «производственные отношения».

Продукт труда распределяется, но формы этого распределения даны всегда *исторически* и мыслятся всегда в их изме-

нении. Мы различаем, во-первых, организованное распределение, когда продукт распределяется либо самим обществом, либо общественной властью (что г. Струве обозначил бы, как «истинное хозяйство») и, во-вторых, неорганизованное распределение, когда общественное хозяйство выступает как своеобразная комбинация отдельных, «единичных» хозяйств [1]); здесь распределение выступает в форме *обмена* («псевдораспределение», по Струве) [2]).

В распределении находят свое выражение определенные общественные отношения труда, в частности в обмене, т.-е. в движении товаров из одного отдельного хозяйства в другое, находит свое выражение факт всеобщего сотрудничества людей [3]). Эти формы распределения всегда соответствуют определенным производственным отношениям и, кроме того, выступают, как формы их постоянного воспроизводства. Так, например, основным отношением капиталистического производства является отношение между капиталистом и рабочим, а соответствующая ему форма распределения выражается в появлении рабочей силы, как товара на товарном рынке. Только благодаря последнему обстоятельству обмен принимает форму *капитализма*. Если на рынке нет товара, именуемого рабочей силой, то это показывает, что форма распределения соответствует лишь простому товарному производству, но отнюдь не капиталистическому. Наоборот, поскольку операция Д—Рс. («деньги—рабочая сила») дана, как составная часть в метаморфозах Д—Т, постольку мы имеем специфическую форму *капиталистического* распределения, которая свойственна единственно только *капиталистическому производству* [4]). Таким образом, капиталистическому производству соответствует в качестве исторической формы

---

[1]) Характерные признаки такого общественного хозяйства, которое состоит из индивидуальных хозяйств, изложены очень хорошо у Родбертуса.

[2]) См. «К критике некоторых основных проблем и положений политической экономии», «Жизнь», 1900 г., III и IV.

[3]) Это превосходно изложено Марксом в главе о «товарном фетишизме».

[4]) «В отношении между капиталистом и наемным рабочим денежное отношение, отношение покупателя и продавца, становится отношением имманентно присущим самому производству. Но это отношение в основе своей зиждется на общественном характере производства, а не способа обмена; последний, напротив, вытекает из первого». («Капитал», т. II. Москва, 1919 г., стр. 93).

распределения капиталистический обмен, то-есть распределение посредством отношений ценностей, а не вещей, и притом обмен, где в качестве товара выступает и рабочая сила. Итак, *чтобы понять процесс распределения в его капиталистической форме, мы обязательно должны помнить два вышеупомянутых факта: 1) распределение происходит при посредстве ценностных отношений; 2) рабочая сила становится товаром*. Это и есть те требования, которые нужно ставить всякой теории капиталистического распределения.

Как же в этом отношении обстоит дело с теорией Туган-Барановского?

В результате своих исследований заработной платы и прибыли он приходит к следующей формулировке: высота заработной платы и прибыли определяется, во-первых, общественной производительностью труда, так как этим самым дается количество продуктов, подлежащих распределению, и, во-вторых, долей участия рабочих и капиталистов (*в продукте*); самые эти доли, со своей стороны, определяются взаимным соотношением сил. В этом, собственно, и состоит новая теория, взятая в ее основных моментах.

Мы видим, стало-быть, что оба упомянутых условия *не* выполнены: здесь не принята во внимание ни ценность вообще, ни ценность рабочей силы в частности. И сразу заметно, что подобного рода формулировка не объясняет заработной платы и прибыли, как таковых, то-есть как специфически исторических форм. Ведь легко видеть, что производительность труда при *всех* исторических формациях оказывает одинаковое влияние на «доход», выраженный в *продуктах*; совокупная масса продуктов увеличивается вместе с ростом производительности труда и уменьшается вместе с ее падением, независимо от того, предполагаем ли мы первобытно-коммунистическое, феодальное или капиталистическое производство. Точно так же во *всяком* обществе, разделенном на классы, соотношение сил, как фактор, определяющий долю противоположных классов, действует одинаковым образом; ибо, где имеются классы, там происходит и классовая борьба за долю участия в совокупном общественном продукте, и легко понять, что результаты этой борьбы определяются «соотношением общественных сил».

Современная борьба за участие в общественном продукте обладает специфическим свойством: это—борьба за экономи-

ческие *ценности*. Абстрагирование от ценности было бы поэтому абстрагированием от подлинно типичной черты современной формы хозяйства.

Маркс говорит:

«Потребительная ценность при товарном производстве вообще не представляет вещи «qu'on aime pour lui même» (которую любят ради ее самой). Потребительные ценности вообще производятся здесь лишь потому и постольку, что и поскольку они являются материальным субстратом, носителями меновой ценности» («Капитал», т. I, ср. русск. пер., изд. 1909, стр. 151).

В другом месте «Капитала» Маркс дает блестящую характеристику капиталистического метода эксплоатации: «Капитал не изобрел прибавочного труда. Всюду, где часть общества имеет монополию на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен присоединить к рабочему времени, необходимому для содержания себя самого, излишнее рабочее время, необходимое для того, чтобы произвести средства существования для собственника средств производства, при чем безразлично, будет ли этот собственник афинский καλὸς κ'ἀγαθός, этрусский теократ, civis romanus, норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лэндлорд или капиталист. Впрочем, само собою понятно, что если в какой-нибудь общественно-экономической формации преобладающее значение имеет не меновая ценность, а потребительная ценность продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из самого характера соответственного производства не вытекает безграничной потребности в прибавочном труде» (l. c., ср. цит. русский перевод, стр. 198).

Это место «Капитала» особенно ясно показывает, что распределение ценности следует строго отличать от простого распределения продуктов. *Мы совершенно не могли бы понять такое важное явление, как накопление капитала*, если бы мы приняли в расчет только распределение продукта, как *потребительной ценности*, мы, следовательно, оказались бы совершенно не в состоянии понять процесс постоянно расширяющегося воспроизводства капиталистических отношений. Развитая экономическая теория должна быть в состоянии, исходя из основного понятия ценности, понять все явления хозяйственной жизни. Маркс уже в «Нищете философии»,

как особую заслугу Рикардо, выдвигал то, что он «констатирует правильность своей формулы, выводя ее из *всех* хозяйственных процессов и объясняя таким образом все явления... Это именно и обращает его учение в научную систему». (К. Маркс, «Нищета философии», перевод В. Д. Ульриха, СПБ, 1905 г.).

Мы приходим таким образом к следующему заключению: чтобы объяснить капиталистические распределительные отношения, недостаточно, как это делает Туган-Барановский, сослаться на классовую борьбу, *необходимо показать, как эта борьба классов, делящих между собой общественный продукт, находит свое выражение в всеобщей категории товарного хозяйства—в ценности*, т.-е. как эта классовая борьба выступает в форме борьбы между покупателем и продавцом товара, именуемого «рабочей силой». Без этого объяснения мы не имеем никакой теории *капиталистического* распределения, мы имеем лишь ряд утверждений обще-социологического характера, которые пригодились бы для самых разнообразных экономических форм. Таким образом теория Туган-Барановского оказывается в действительности в комическом положении, в положении «социальной» теории, которая не объясняет, однако, никаких *определенных* социальных отношений; напротив того, в ее рамки, как показано, можно вставить совершенно различные социальные структуры.

Таково общее возражение против теории Туган-Барановского,—возражение, которое, конечно, не отрицает выдвигаемого этой теорией влияния обоих факторов (общественной производительности труда и классовой борьбы), но которое в то же время достаточно ясно показывает, что новая теория оказалась совершенно не в состоянии объяснить особенности капиталистического распределения [1]).

Перейдем теперь от этих общих рассуждений к более конкретной критике теории заработной платы и прибыли.

---

[1]) Рыбак рыбака видит издалека. Один из новейших немецких «критиков» марксизма, творец своей «собственной» теории либерального социализма, Фр. Оппенгеймер, в такой же мере, как и его русский «товарищ по борьбе», не способен понять, что капитализм является особой формой *товарного производства* и что для его понимания необходим анализ категорий *товарного производства*. См. его книгу «Soziale Frage und Sozialismus» с подзаголовком «Eine kritische Auseinandersetzung mit der marxistischen Theorie». Особенно интересна в этом отношении глава «Робинзон—капиталист».

Мы уже установили, что в анализе капиталистического распределения надо прежде всего принять во внимание, что рабочая сила при капиталистическом способе производства выступает, как товар. Другими словами, «доход» рабочего реализуется посредством менового акта, объектом которого является единственный товар, имеющийся у пролетария, лишенного средств производства,—его рабочая сила.

Поэтому «участие рабочего в продукте» выступает здесь в форме цены за этот товар. Мы видели выше, что именно это обстоятельство существенно и характерно для капитализма. Отсюда и вытекает точка зрения Маркса, который рассматривает долю рабочего в ее исторической форме, в форме цены или ценности рабочей силы. Но наш критик очень строг, и марксова теория кажется ему, само собой разумеется, недостаточной, ибо она, по его мнению, рассматривает проблему распределения, как общую проблему ценности,—и наталкивается на неразрешимые трудности... А именно, с точки зрения трудовой ценности, на которой стоит Маркс, нельзя объяснить явления заработной платы. Почему, если труд создает ценность, рабочий получает не весь продукт, а только его часть? Для объяснения этого необходимо выйти за пределы общей теории ценности и ввести социальные элементы, которым трудовая ценность принципиально столь же чужда, как и теория предельной полезности [1]).

Г. Туган-Барановский ставит таким образом следующую дилемму: либо «теория трудовой ценности», либо «социальные элементы». Но Маркс отнюдь не удовлетворяется *общей* постановкой проблемы. Поскольку он отличает рабочую силу от всех прочих товаров, постольку он говорит об «историческом и моральном», т.-е. о *социальном* элементе [2]).

Таким образом теория трудовой ценности отнюдь не вступает в конфликт с «социальными элементами» в смысле классовой борьбы; напротив того, она предполагает эти последние.

---

[1]) Туган-Барановский. «Основы политической экономии». 2-е издание, стр. 354.

[2]) «В противоположность другим товарам, определение ценности рабочей силы включает в себя моральный и исторический элементы («Капитал», т. I, стр. 135, русск. перевод) ...«исторический или социальный элемент, обусловливающий ценность труда»... («Заработная плата, цена и прибыль», русск. перевод в издании Львовича, стр. 59).

У Маркса меновой акт между капиталистом и рабочим уже рассматривается, как проявление классовых отношений.

Всякое длительное увеличение потребностей рабочего класса и вытекающее отсюда повышение ценности рабочей силы осуществляются исключительно только путем пролетарской классовой борьбы; это повышение и сопровождающие его явления протекают следующим образом: если возросшая заработная плата (результат успешной классовой борьбы) продолжается сравнительно долго, то данная рабочая сила превращается в качественно другую рабочую силу; параллельно с этим происходит и другой процесс: данная заработная плата, как *цена* рабочей силы, становится *ценностью* последней; уровень, около которого происходят дальнейшие колебания заработной платы, становится выше. Возросшая ценность рабочей силы соответствует таким образом ее возросшей квалификации [1]); поскольку предполагаются увеличенные привычные потребности, постольку рабочая сила должна обладать более высокой ценностью; но этим самым дано и качественное изменение этой рабочей силы; процесс абсолютного улучшения положения рабочего класса, стимулируемый классовой борьбой, сопровождается непрерывным развитием способности к труду.

Кроме того, мы видим, «что борьба за повышение заработной платы является только следствием предшествовавших перемен, что она есть неизбежный плод предшествовавших изменений в массе производимых продуктов, в производительной силе труда, в ценности труда и денег, в напряженности труда рабочего, соответствующих колебаний рыночных цен, обусловленных колебаниями спроса и предложения и различными фазами промышленного круговорота...» [2]).

Итак, мы видим, что учение Маркса не только вскрывает социальные основы капиталистического распределения (монополизацию средств производства, которая вынуждает рабочего продавать свою рабочую силу, и классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией), но и показывает, как эта борьба

---

[1]) Этого обстоятельства не следует упускать из вида при рассмотрении вопроса о безработице. Иначе связь между трудовой теорией ценности в применении к проблеме рабочей силы и учением о классовой борьбе не найдет достаточного объяснения.

[2]) «Заработная плата, цена и прибыль», русск. перевод, стр. 58.

находит свое выражение в форме «купли-продажи». Именно потому, что у Маркса определение ценности рабочей силы «включает в себя исторический и моральный элементы», социальная связь между доходом капиталистов и рабочих не только сохраняется, но и находит должное объяснение на основе общих условий капиталистических производственных отношений. Маркс исследует именно *заработную плату*, т.-е. категорию капиталистического хозяйства, в то время как заработная плата в изложении Туган-Барановского, напротив того, может быть понята, как «доля», приходящаяся любому эксплоатируемому классу. Отсюда следует, что для объяснения заработной платы *общей* теории ценности недостаточно. Нужно безусловно принять во внимание все своеобразие товара «рабочая сила», которое состоит, главным образом, в том, что ценность этой рабочей силы—даже если мы отвлечемся от тех причин, которые изменяют ценность всех прочих товаров—претерпевает изменение и что это изменение—если рассмотреть вопрос с социальной стороны—обусловлено классовой борьбой пролетариата. Но если общей теории ценности оказывается *недостаточно* для теории заработной платы, то отсюда отнюдь не следует, что последняя не нуждается в *фундаменте*, покоящемся на теории ценности. Напротив того, никакая теория заработной платы, как установлено выше, не может быть построена без выполнения этого условия. Но, быть может, теория заработной платы невозможна и в том случае, если принять, что рабочая сила является товаром и что ее продажа подчинена закону ценности, господствующему над всеми товарами. Туган-Барановский держится именно этого взгляда. «Попытку Маркса, — говорит он, — дать теорию заработной платы на основе трудовой теории ценности нужно признать совершенно неудавшейся» [1]). По мнению нашего экономиста, это обстоятельство нужно приписать тому, что «рабочая сила» совершенно не подходит под категорию товара в обычном смысле этого слова и что она поэтому отнюдь не подчинена тем законам, которые имеют силу по отношению ко всем товарам. Ее производство прежде всего, по мнению Туган-Барановского, не хозяйственный процесс: «Все остальные товары представляют

---

[1]) Туган-Барановский. «Основы политической экономии», 2-е изд. стр. 354.

внешние продукты или средства хозяйственной деятельности человека, хозяйственные объекты. Рабочая сила человека, это—сам человек, т.-е. не объект, а субъект хозяйства» [1]).

Однако тот факт, что человеческая личность в капиталистическом обществе не является «самоцелью», никак нельзя опровергнуть ламентациями. Здесь господствует «цинизм в отношениях» между капиталом и трудом; рабочая сила выступает в форме товара, как определенное средство производства, и самый процесс капиталистического производства в его движении и полном общественном масштабе точно так же является своеобразным процессом производства и воспроизводства рабочей силы, т.-е. не людей, как таковых, но как наемных рабочих капитала [2]); своеобразие этого процесса производства заключается в том, что здесь не затрачивается никакого нового живого труда, а переносится прошлый труд, овеществленный в продуктах потребления рабочих. В своем стремлении дискредитировать метод, рассматривающий заработную плату, как цену рабочей силы, Туган-Барановский по отношению к рабочей силе объявляет недействительным не только закон издержек производства, но и закон спроса и предложения, и это с его точки зрения весьма логично, так как он исходит из своей собственной посылки, что рабочая сила не есть товар. Но его теория с большим трудом может быть согласована с действительностью.

«Из этой доктрины естественно получался вывод, что рабочие союзы не могут улучшить положения рабочих классов, так как рабочие союзы бессильны увеличить национальный капитал или уменьшить предложение рабочих рук в стране» [3]).

Если согласиться с этим, то не может быть больше никакой речи о законе спроса и предложения. Таков вывод г. Туган-Барановского. Однако ошибка его состоит в том, что он слишком узко толкует закон спроса и предложения. Ведь истинная цель рабочих организаций в действительности состоит в том,

---

[1]) Туган-Барановский. «Основы политической экономии». Изд. 1917 г., стр. 380.

[2]) «Итак, с общественной точки зрения класс рабочих — даже вне непосредственного процесса труда—является такой же принадлежностью капитала, как и мертвый рабочий инструмент» («Капитал», т. I, стр. 535).

[3]) Туган-Барановский. «Основы политической экономии». Изд. 1917 г., стр. 386.

что они в интересах рабочих стараются активно воздействовать на отношение спроса и предложения. Организация рабочих действует, как сокращение предложения рабочих рук, напротив того, дезорганизация их действует, как увеличение этого предложения.

Туган-Барановский приводит еще один аргумент в связи с изложенным выше утверждением, что рабочая сила не есть товар: «Если возрастает цена какого-либо другого средства производства,—читаем мы у него,—то капиталистический мир борется с этим путем увеличения производства соответствующего средства производства... Но если возросла заработная плата, то капиталистический мир не в силах ответить на это так, как он отвечает на возрастание цен всякого другого товара» [1]).

Этот «капиталистический мир», по мнению Туган-Барановского, оказывается совершенно бессильным: «Правда, повышение заработной платы могло бы побудить фабриканта ввести новые машины и, таким образом, сократить число занятых рабочих. Однако замена рабочих машинами возможна далеко не всегда, а лишь в некоторых случаях и является далеко не общим правилом» [2]). Таким образом г. Туган-Барановский (который упрекает Маркса, что он «упустил» социальный момент превосходства сил капиталистов) допускает, что капитал почти бессилен в его борьбе с рабочим классом; он полагает, что замена рабочих машинами возможна «лишь в некоторых случаях». Между тем эта «возможность» совершенно не представляется необычной для капиталиста [3]). Как раз наоборот: вытеснение рабочего машиной и возникновение промышленной резервной армии, как неоспоримый факт экономической действительности, всегда имели место и имеют место и теперь. Это—процесс, необходимо связанный с капиталистическим производством; это—не случайность и не исключение, а одна из самых характерных его черт. Недаром «проблема бедности и безработицы» беспокоит даже патентованных социалистоедов, как постоянная угроза «социальному миру».

---

[1]) Туган-Барановский. «Основы», I изд., стр. 547—548.

[2]) Туган-Барановский «Основы», I изд., стр. 547—548.

[3]) См. рецензию Н. Шапошникова на книгу Туган-Барановского в «Критическом обозрении» за сентябрь 1909 г., стр. 52.

Но г. Туган-Барановский вообще утверждает, что закон трудовой ценности, равно как и закон издержек производства не имеет никакого значения для рабочих.

Это утверждение одевается в форму критики (физиологического и культурного) «минимума средств существования», в том числе и теории Маркса; критикуя эту последнюю, как теорию «культурного минимума» [1]), он выступает против нее со следующим возражением. Эта теория, по его мнению, является искажением «истинных причинных соотношений», потому что «английский рабочий получает высокую плату не потому, что он ест бифштекс, а потому он ест бифштекс, что он получает высокую заработную плату... Повышение уровня жизни английского рабочего было следствием повышения его заработной платы, а не наоборот, не повышение платы явилось результатом повышения его уровня жизни... Сказать, что размер заработной платы определяется необходимыми издержками производства рабочей силы, это значит, ровно ничего не сказать, так как издержки эти могут быть в высшей степени различны в зависимости от уровня жизни рабочих, определяемого, в свою очередь, заработной платой. Объяснение вращается, следовательно, в кругу» [2]).

Объяснение Туган-Барановского, даваемое им с этой точки зрения, есть прежде всего не что иное, как «circulus vitiosus» (порочный круг). Ведь мы знаем, что уровень заработной платы, по его мнению, в противоположность всем прочим товарам, устанавливается на основе совершенно иных факторов, а именно на основе производительности общественного труда и доли рабочего класса, определяемой классовой борьбой. Но, во-первых, производительность труда сама в высшей степени зависит от высоты заработной платы, так как рост заработной платы вынуждает капиталистов улучшать технику производства и вместе с тем увеличивать производительность труда; во-вторых,

---

[1]) Здесь уместно заметить следующее. Изложив так называемый «железный закон заработной платы», г. Туган-Барановский непосредственно за этим говорит: «Что касается Маркса, то не подлежит сомнению, что он также стоял на почве учения о минимуме средств существования». Таким образом создается впечатление, что Маркс был сторонником пресловутого «закона». Однако Маркс сумел оценить теоретическую ценность этого закона.

[2]) Туган-Барановский. «Основы», I изд., стр. 362.

степень развития классовой борьбы пролетариата зависит от состояния его потребностей. (Известно, как Лассаль жаловался на «проклятое отсутствие потребностей»). Итак, мы у Туган-Барановского находим то «движение в кругу», в котором он упрекает Маркса. Но вернемся к самой теории Маркса. Туган-Барановский упускает из вида два обстоятельства. Во-первых, что Маркс рассматривает категорию ценности рабочей силы *исторически*. «Самые естественные потребности, как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д., различны в зависимости от различных климатических и других особенностей природы той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения сами представляют продукт истории и зависят по большей части от культурного уровня страны, между прочим, и от того, при каких условиях, а, следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих» [1]).

Мы видим, стало-быть, что «жизненные притязания» и «привычки» представляются историческим «prius'ом», а уже одно это обстоятельство разрушает порочный круг.

«Отчего,—спрашивает, однако, дальше Туган-Барановский,— культурный минимум существования в Америке выше, чем в Англии? Именно в этом и заключается весь вопрос, оставляемый названной доктриной совершенно без ответа» [2]).

Однако, «названная доктрина» отвечает и на это: если мы хотим определить конечные причины, то явление, подлежащее объяснению, можно в последнем счете свести к ступени развития производительных сил. Но нас интересует здесь другая сторона, а именно, нам кажется необходимым поставить в связь размер ценности рабочей силы с характерными свойствами последней. Ответ тогда будет совершенно ясен и для неспециалиста: рабочая сила (точнее, ценность рабочей силы) в Америке выше, чем в Англии, потому, что американские и английские рабочие силы представляют собой две качественно различные величины; это—два *различных* товара, которые обладают неодинаковой потребительной ценностью и которые при их воспроизводстве требуют *неодинакового* количества общественно-необходимого

---

[1]) Карл Маркс. «Капитал», т. I, стр. 135, русск. перевод.

[2]) Туган-Барановский, l. c., стр. 361.

труда. Труд, затрачиваемый американцем, представляет собой труд более сложный, и для воспроизводства его рабочей силы требуется бóльшее количество и бóльшее разнообразие средств потребления, так что средства воспроизводства рабочей силы в Америке достигают более высокой ценности, чем в Англии. Здесь мы подошли ко второму обстоятельству, которое упустил Туган-Барановский, а именно к связи между потребностями (а, следовательно, ценностью рабочей силы) и ступенью развития этой рабочей силы. Каким образом получилось, что рабочая сила в Америке приобрела гораздо бóльшую ценность, чем в Европе, это—вопрос, совершенно отличный от разбираемого,—вопрос, ответ на который кроется в конкретных исторических условиях недавно заселенной колониальной страны. Эти соображения освобождают теорию «культурного минимума» от упрека, «что она отсылает от Понтия к Пилату».

Но как же объясняет сам Туган-Барановский высоту заработной платы?

Как установлено выше, величина заработной платы определяется у него 1) общественной производительностью труда и 2) долей рабочего класса в совокупном общественном *продукте*. Первое утверждение неоспоримо, но второе звучит несколько странно. Не следует забывать, что счет ведется в *продуктах*. Но если мы берем капиталистическое хозяйство в целом, на чем настаивает г. Туган-Барановский, то общественный доход выражается в сумме качественно различных продуктов. Кроме того, надо заметить, что потребление рабочих по качеству потребляемого совершенно отлично от потребления капиталистов. Схематически это можно представить следующим образом (мы для простоты оставляем в стороне «долю» средств производства).

Совокупный общественный продукт охватывает 4 куска шелка + 5 тонн ржи, из коих рабочие потребляют 4 тонны ржи, а капиталисты 4 куска шелка + 1 тонну ржи.

Теперь надо заметить, что «доля общественного дохода», которую рабочие получают, как заработную плату, представляет собой $^1/_4$ или $^1/_2$, $^2/_3$,... $\frac{x}{n}$ этого дохода, т.-е. известную дробь от совокупного общественного дохода, как некоторой единицы. Но как же выразить 4 тонны ржи, как часть целого комплекса (4 куска шелка + 5 тонн ржи). Совершенно очевидно,

что это невозможно по той простой причине, что мы имеем здесь перед собой несоизмеримые, качественно различные вещи.

Итак, Туган-Барановский,—если остаться при прежнем примере,—при помощи своей остроумной теории может только установить, что рабочие получают 4 тонны ржи; но он никак не может сказать, какую «долю» совокупного продукта составляют эти 4 тонны ржи, так как 5 тонн ржи + 4 куска шелка невозможно разделить на 4 тонны ржи.

Только с меновыми ценностями мы можем производить подобные действия деления [1]). Именно это беспомощное смешение *ценности* и *продукта* является у г-на Туган-Барановского последним словом критической мудрости—«очисткой» от Маркса.

Таким образом его формулировка теории заработной платы не дает никакого объяснения заработной платы как «доли» *наемного рабочего;* более того, она сводится к чистой тавтологии, к повторению вопроса другими словами. И это происходит благодаря тому новому великолепному методу, который заключается в игнорировании в политической экономии ценности.

Последовательное применение этого метода мы находим и в теории *прибыли.*

«Прибыль составляет нечто постороннее самому процессу производства, факт социального происхождения, связанный с определенным распределением в обществе имущества» [2]).

---

[1]) По той же причине следует признать несостоятельными приведенные Туган-Барановским примеры, которые должны служить доказательством пропорциональной зависимости между производительностью труда и высотой заработной платы. Ведь обе эти величины выражены у него в деньгах: мы узнаем, например, что средний годовой заработок фабричного рабочего в Америке за пятидесятилетний период (от 1850 г. до 1900 г.) возрос с 1200 крон до 2125 крон, в то время как «ценность» годового продукта, приходящегося на одну рабочую силу, увеличилась с 5162,50 до 11885 крон. Выводить отсюда заключение, что «возросла как заработная плата, так и производительность труда, при чем, однако, производительность труда возросла больше», непозволительно, если понимать под заработной платой реальную заработную плату. Ибо, во-первых, по увеличению денежной заработной платы нельзя заключать о пропорциональном или каком бы то ни было другом возрастании реальной заработной платы, а, во-вторых, на основании одной только ценности продукта ничего нельзя утверждать о производительности труда. Мы здесь опять имеем ребяческое смешение ценности и продукта.

[2]) Туган-Барановский. Цит. соч., 1917 г., стр. 447.

Если в исследовании заработной платы оказалось, что *долю* рабочих нельзя рассматривать, как долю в *продукте*, то это еще легче заметить в анализе прибыли. Капиталист, этот, по выражению Маркса, «персонифицированный капитал», строит все свои расчеты на операциях с меновыми ценностями. Поскольку капиталистическое производство является производством ради производства (что сам Туган-Барановский особенно подчеркивает), постольку оно прежде всего представляет собой *производство ценностей*, и рычагом его является стремление к накоплению ценностей *капитала*. Понимание этого процесса накопления есть необходимая предпосылка для понимания структуры всего капиталистического общества. Поэтому, если абстрагирование от цены было абсурдом при исследовании *заработной платы*, то это тем более абсурд при объяснении *прибыли*.

Но г. Туган-Барановский отнюдь не боится этого возражения и в одной статье, помещенной в «Русской Мысли» (за 1910 г.), отвечает на него следующим образом: «Возможно это (абстрагирование от цены. Н. Б.) и необходимо (sic!) потому, что прибыль, как характерная и нормальная категория капиталистического строя, возникает не на рынке, не в сфере обмена, а за пределами рынка, в сфере отношений производства». Это утверждение Туган-Барановского звучит, правда, в высшей степени по-марксистски, но в действительности оно безусловно неправильно. В «сфере производства» прибыль возникает лишь потенциально (по Марксу в производстве образуется прибавочная ценность, которая реализуется, как *прибыль*, лишь в процессе обращения, следовательно, на основе рыночных отношений).

Замечательно, что Туган-Барановский приходит тут в резкое противоречие... с самим собой. Желая ограничить явления распределения от явлений обмена, он писал: «Если мы говорим о явлениях производства и обмена, то мы предполагали самый процесс; под явлениями же распределения мы понимали конечный результат этого процесса по отношению к его участникам...» Прибыль есть факт *распределения;* следовательно, она, по Туган-Барановскому, должна была возникнуть как *результат* процесса производства и *обмена*. Но вот Туган-Барановский хочет доказать, что «возможно и необходимо» абстрагировать от ценности, и он таким образом моментально отказывается от своего основного взгляда на распределение,

как на «результат процесса», и горячо утверждает противоположное: прибыль возникает теперь не в *конце*, а в начале этого процесса. Это жонглирование понятиями иногда весьма удобно, но оно отнюдь не свидетельствует о теоретической ценности нового «учения о прибыли». В той же самой статье, несколько дальше, Туган-Барановский учит, что «капиталистическая прибыль может появляться в формах, совершенно не связанных с товарной ценой. Возьмем, например, натуральный заем и т. д.» (стр. 108). Далее приводится подобный же пример: фермер, который уплачивает рабочим натурой. «При чем тут теория ценности!»—восклицает Туган-Барановский. Уважаемый профессор опять забывает свое (несомненно, правильное) толкование прибыли, как «характерной и нормальной категории капиталистического хозяйства»—иначе он не мог бы говорить о займе в предметах потребления... «Но мне могут сказать,—продолжает автор,—что я предполагаю во всех этих случаях натуральное хозяйство, между тем как капиталистическое хозяйство есть хозяйство меновое. Это совершенно верно. Но верно и то, что в основе менового хозяйства лежит все же не обмен, а производство» (там же). Можно было бы прибавить сюда еще одно «но». «Верно и то, что в основе *всякого* мыслимого хозяйства—даже хозяйства на Марсе—лежит производство». Но здесь речь идет не об этом, а о том факте, что присвоение просто прибавочного *продукта* совершенно не характерно для капитализма, и объяснение Туган-Барановского, вследствие этого, не дает никакого объяснения капиталистических отношений.

Итак, каким образом возникает прибыль, как приращение ценности? Анализируя критику Тюнена, даваемую Бем-Баверком [1]), Туган-Барановский находит, что объяснения Тюнена вполне удовлетворительны. Его объяснение (которое согласуется с объяснением Тюнена) можно передать следующим образом: пусть количество пряжи до введения какой бы то ни было соответствующей машины равно А; далее, пусть количество, присоединившееся к нему после введения машины, будет а; тогда вся сумма пряжи равна А+а. Если мы присоединим сюда орудия труда (в данном случае нашу машину) и обозначим их через в, то мы получим для совокупного обще-

---

[1]) Бем-Баверк. «Капитал и прибыль»

ственного продукта следующее выражение: А+а+в; по мнению Туган-Барановского, общественный продукт увеличился таким образом на а+в, т.-е. на эту сумму увеличились общественные доходы; увеличение расходов равно в; но так как а+в>в (сумма всегда больше одного из слагаемых), то отсюда следует, что и «ценность увеличения общественного продукта, вызванная введением новых средств производства, не может не превышать ценности этих средств производства» [1]).

«Очевидно, что прядильная машина плюс добавочное количество пряжи (производимое при помощи этой машины) представляет собой по своей ценности нечто бо́льшее, чем самая эта машина, ибо добавочное количество пряжи, во всяком случае, имеет некоторую ценность» (там же).

Но если мы рассмотрим эти выводы поближе, то мы заметим, что ценность появляется у Туган-Барановского неожиданно, как deus ex machina, как крайнее средство. Неравенство а+в>в *лишь* тогда очевидно, когда говорят о машине и пряже, как об определенных физических телах; здесь машина плюс некоторое количество пряжи действительно больше, чем машина без пряжи; но с точки зрения ценностных отношений приведенное выше неравенство нужно еще доказать, ибо равенство физических предметов отнюдь не является равенством их ценностей (здесь рассматриваются два различных хронологических момента, где те же самые потребительные ценности произведены при различных условиях производства; во втором случае мы имеем улучшенную технику). Г. Туган-Барановский пытается опровергнуть и это возражение.

«Конечно,—говорит он в своей статье,—если бы сравнивать ценность машин и машин *плюс* пряжа за разные моменты времени и предположить при этом, что ценность машин за рассматриваемое время изменилась, то ценность машин могла бы оказаться и более высокой, чем ценность суммы машин и пряжи. Но такое предположение методологически недопустимо. В тексте исследуется нормальный случай воспроизводства общественного продукта при новых технических условиях, а отнюдь не на случай колебания товарных цен» [2]).

---

[1]) Туган-Барановский. «Основы», стр. 425.

[2]) «Социальная теория распределения», «Русская Мысль» за 1910 г., стр. 112. Примечание.

Этим примечанием г. Туган-Барановский совершенно отказывается от своей точки зрения, так как именно новые технические условия вызывают эти «колебания цен». Г. Струве зло замечает по этому поводу следующее: «Ни одна теория ценности, не считая явно метафизической теории трудовой ценности [1]), не может оставлять в стороне случайные колебания цен... Это соединение слов (случайные колебания цен)— двойная бессмыслица при предположении новых технических условий, которые увеличивают количество продукта, ибо количество продукта, по основному смыслу учения о предельной полезности, существенно для оценки» [2]). Здесь г. Струве прав.

Однако, если бы правда в *этом* случае и была на стороне Туган-Барановского, то его положение отнюдь не было бы спасено. В самом деле, еще раньше, чем он пришел к неравенству $а+в>в$, он должен был для вычисления увеличения «дохода» вычесть А из $(А+а+в)$ (первая величина представляет собой общественный продукт до введения машины, а вторая— совокупный общественный продукт после введения машины). В результате вычитания он получает в качестве разности $а+в$, что, однако, с точки зрения вычисления ценностей, само собой разумеется, неправильно, так как А в уменьшаемом $(А+а+в)$ *меньше*, чем вычитаемое А, ибо рост производительности труда (или, с точки зрения теории предельной полезности, увеличение количества продукта) в самом производстве пряжи уменьшил меновую ценность той же потребительной ценности А. Итак, если мы даже оставим неизмененной ценность машин, то г-ну Туган-Барановскому все же не удается объяснить приращение ценности, т.-е. прибыль [3]).

---

[1]) Мы не будем здесь останавливаться на том глубокомыслии, которое выступает у самого г-на Струве в его «критике» теории трудовой ценности. Мы еще дальше увидим пример этого глубокомыслия.

[2]) Струве. «Теория распределения Туган - Барановского», «Русская Мысль», 1911 г., т. I.

[3]) Во втором издании своих «Основ» г. Туган-Барановский делает еще одну попытку оправдать свою точку зрения. «Это возражение»,— пишет он,—«основано на следующем недоразумении. Я рассматриваю нормальный процесс общественного воспроизводства при новых технических условиях. При переходе от производства при старых технических условиях к производству в новых технических условиях происходит умножение продукта. Но затем... никакого дальнейшего умножения продуктов... я предполагать не должен. Я и беру один из последующих

Ошибочность критики Тюнена, даваемой Бем-Баверком, Туган-Барановский объясняет тем, что Бем-Баверк рассматривает прибыль под углом зрения частного хозяйства; в современном раздробленном производстве с высокоразвитым разделением труда продукт, по мнению Туган-Барановского, отличен от затраченных средств производства. Наоборот, если мы возьмем все общественное хозяйство, совокупность всех средств производства и совокупный общественный продукт, то расходы и приходы выразятся качественно в одних и тех же, а количественно и в различных продуктах.

Но и это утверждение Туган-Барановского неправильно. Обыкновенно происходит так, что продукт—если мы предполагаем переход к новой технике—не остается качественно одним и тем же; это становится особенно ясно, когда мы берем сравнительно продолжительный промежуток времени. Кроме того, этот аргумент Туган-Барановского предполагает стационарное состояние общественных потребностей; подобного рода допущение, однако, лишено всякого основания и находится в прямом противоречии с действительностью: процесс роста капиталистического производства находит свое выражение, между прочим, и в быстром увеличении разнообразия потребительных ценностей [1]).

оборотов общественного капитала. В статье прихода имеется а + в; в статье расхода—лишь в. Из какой бы теории ценности ни исходить... мы должны признать ценность единицы продукта в данном случае неизменной». «Весьма возможно,—меланхолически добавляет г. Туган-Барановский,—что это объяснение также не удовлетворит моих критиков. Но ничего не поделаешь. Ведь самые очевидные истины могут наталкиваться на непонимание» (стр. 425, примечание). Все сказанное выше было бы совершенно правильно, если бы г. Туган-Барановский действительно сравнивал обороты капитала после введения машин. Но тогда не было никакого излишка в «доходах». Разница а + в ведь получается после вычитания А из (А + а + в), т.-е. путем сравнения двух оборотов, из коих один имел место до, а другой после введения машин. Это, нам кажется, достаточно ясно.

[1]) Против этого можно сделать и общее возражение. Даже если бы г-ну Туган-Барановскому удалось доказать увеличение ценности для всего общественного хозяйства (что ему, однако, *не удалось*), то проблему все же нельзя было бы считать решенной. Не *всегда* можно смотреть на «целое», как совершенно правильно говорит Бем-Баверк, возражая Тюнену, ведь надо же объяснить и факт *индивидуальной* прибыли. Факт индивидуальной нормы прибыли (Zinsfuss) самим Туган-Барановским

Но последуем дальше за почтенным г. профессором.

«Поскольку,—пишет г. Туган-Барановский,—дело идет о капиталистическом производстве, прибыль представляет собой (мы охотно хотели бы знать, где прибыль существует *вне* капиталистического производства. Н. Б.) доход, соотносительный заработной плате. Поэтому те же объективные факторы, которые устанавливают высоту заработной платы, должны устанавливать и сумму прибыли, поступающей в распоряжение капиталистов» (стр. 439).

Мы уже выше выяснили абсурдность понятия «доля» рабочих и капиталистов и не будем больше к этому возвращаться. Но мы хотели бы здесь обратить внимание на следующий «необыкновенно важный» тезис, с которым выступил г. Туган-Барановский и которым он очень гордится.

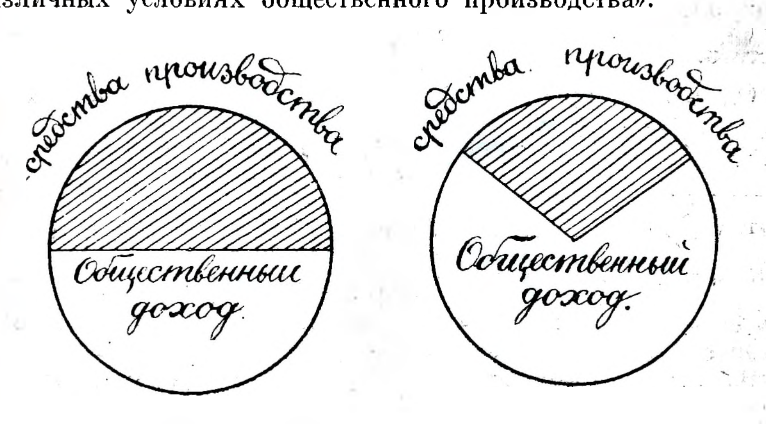
«Прибыль и заработная плата, — пишет он на стр. 440 «Основ»,—могут одновременно повыситься не только по своим абсолютным размерам, как сумма продуктов, поступающих в распоряжение капиталистического (?) и рабочего класса, но и как *доли* общественного продукта». (Подчеркнуто Туган-Барановским). «Для современной политической экономии,—продолжает Туган-Барановский,—которая не пошла в этом отношении дальше Рикардо, одновременное повышение долей в общественном продукте капиталистов и рабочих... должно казаться совершенной невозможностью. Но эта кажущаяся невозможность возникает лишь вследствие того, что современная наука рассматривает весь общественный продукт, как состоящий лишь из предметов потребления» [1]).

Но в действительности, по мнению г. Туган-Барановского, имеет место следующее: общественный продукт состоит из двух частей, из коих одна распределяется между общественными классами, а другая затрачивается на воспроизводство средств производства и не достается ни одному общественному классу, как доход.

не оспаривается. Но у него нет никакого места между приростом общественной ценности и приростом ценности индивидуального капиталиста: вследствие этого факт индивидуальной прибыли вообще не находит объяснения.

[1]) При чтении последних слов можно подумать, что второй том «Капитала» еще не был напечатан в 1912 году, когда вышли «Основы» Туган-Барановского.

«Если мы будем помнить,—говорит он,—что ценность всего совокупного общественного дохода никогда не достигает ценности всего общественного продукта, то нам будет понятна возможность одновременного возрастания и прибыли и заработной платы, как долей общественного продукта (стр. 441)... Общая сумма общественного продукта возрастает. Этот избыточный продукт соответственно увеличивает общую сумму общественного дохода, и, благодаря этому, все общественные доходы могут одновременно возрасти *на счет сокращения доли средств производства* (стр. 441, подчеркнуто нами. Н. Б.). Оставляя в стороне удивительно непостоянную терминологию Туган-Барановского (то продукт, то ценность), мы хотели бы привести то графическое представление, которым пользуется Туган-Барановский для пояснения своего только что изложенного тезиса. Пусть даны два круга, которые «должны изображать собой продукты одинаковой затраты общественного труда при различных условиях общественного производства».

Рост производительности труда вызывает сокращение общественных расходов на воспроизводство средств производства; зачерченная часть круга уменьшается, а белая часть соответствующим образом увеличивается. Отсюда, по Туган-Барановскому, вытекает возможность одновременного возрастания прибыли и заработной платы, как долей общественного продукта.

В этом состоит убедительная аргументация Туган-Барановского, но убедительная только на первый взгляд, ибо, по своему действительному содержанию, утверждения автора покоятся на той же самой ошибке, которая лежит в основе сделанного

г. Струве «открытия» основной антиномии теории трудовой ценности» [1]).

Г. Туган-Барановский утверждает, что количество *труда*, затрачиваемое на производство средств производства, падает по отношению к количеству труда, затрачиваемому на производство всего общественного продукта. В этом факте, по его мнению, находит свое выражение рост производительности труда.

Чтобы выяснить этот вопрос, воспользуемся математической формулой. Так как здесь речь идет о трудовых ценностях, то мы можем применить терминологию Маркса. Обозначим постоянный капитал (средства производства) через c, переменный капитал (предметы потребления рабочих) через v, и, наконец, прибавочную ценность через M. Туган-Барановский утверждает тогда, что отношение $\frac{c}{c+v+M}$ должно убывать вместе с ростом производительности труда, или иначе $\frac{c+v+M}{c}$ должно возрастать.

Однако, нетрудно доказать как раз обратное, а именно, что величина $\frac{c+v+M}{c}$ *падает* с ростом производительных сил.

---

[1]) Мы передаем здесь формулировку самого Струве; анализируя закон падения нормы прибыли ($\frac{M}{c+v}$), г. Струве устанавливает следующие «антиномии»: I. Свободный продукт или чистый доход общества, величина которого является мерой производительности общественного труда, растет прогрессивно по отношению к совокупному общественному капиталу. 2. Падение нормы прибыли обусловливается прогрессивным возрастанием постоянного капитала, т.-е. тем фактом, который образует технико-экономическую основу возрастания производительности труда («Жизнь», февраль 1900 г.).

Назвав эту «антиномию» «абсурдом», г. Струве лишь обнаружил абсурдность своего собственного суждения. Он просто смешивает потребительную ценность с меновой. M (прибавочная ценность) падает по отношению к $c+v$, как меновая ценность, но как потребительная ценность она растет с необыкновенной быстротой.

Во всяком случае, когда мы говорим о потребительных ценностях, то нет уж больше никакой речи о дроби $\frac{M}{c+v}$. но рост производительных сил и падение нормы прибыли все же не находятся ни в каком противоречии друг к другу.

Разложим для этого нашу формулу на $\frac{c}{c} + \frac{v+M}{c}$. Рассматривая эту сумму поближе, мы приходим к выводу, что первое слагаемое представляет собой постоянную величину, равную единице ($\frac{c}{c} = 1$), а второе представляет собой отношение величины живого труда к величине мертвого труда. Но процесс роста производительности труда проявляется как раз в относительном уменьшении величины живого труда благодаря тому, что на производство средств производства затрачивается относительно больше, а на непосредственное производство предметов потребления относительно меньше труда, становится возможным достигнуть огромного увеличения количества последних.

Итак, дробь $\frac{v+M}{c}$ убывает, а если это так, то убывает и все выражение $\frac{c+v+M}{c}$. Старая, уже многократно разъясненная ошибка—смешение продукта с его ценностью (ошибка, которую Туган-Барановский, как мы видели, возвел в принцип), привела нашего автора к ошибочному, но с помпой возвещенному открытию.

Та же самая «принципиальная» путаница привела Туган-Барановского и к блестящему завершению его теории прибыли, к тому достойному удивления выражению «прибыли на капитал», которое позволяет ему с душевным спокойствием делить сумму разнообразнейших вещей (напр., холста, пшеницы, шелка, колбасы и т. д.) на сумму других разнородных вещей (напр., прядильных машин, каменного угля, доменных печей и т. д.). Ставя самые продукты на место их ценности в отношении друг к другу, творец новой «социальной теории распределения» необходимо должен был притти к этой бессмыслице. Но как раз в этом и состоит его столь гордо провозглашенный новый метод, введение которого Туган-Барановский назвал «очисткой марксизма от ненаучных элементов».

Таково, следовательно, новое теоретическое «построение» г. Туган-Барановского. Заключающиеся в нем «старые» элементы заимствованы из системы Маркса и представляют собой нечто действительно ценное; напротив того, все, что наш остроумный критик обозначил как «очистку» марксизма от его не-

научных элементов», не имеет ровно никакой ценности. Стремление отделить борьбу социальных сил в процессе распределения от форм этого распределения дает повод к такого рода схемам, которые столь бессодержательны, что в них может себе найти место какая угодно форма распределения: абстрагирование от элемента ценности неминуемо ведет к высшей степени бессмысленному методу арифметических действий с разнородными предметами, результатом чего служит ряд совершенно наивных ошибок. Эти же операции с потребительными ценностями не только затемняют понимание особых специфических форм присущего капитализму присвоения прибавочного продукта: они делают неразрешимыми и вопросы о происхождении прибыли, о накоплении капитала и о движении капиталистического общества в целом.

В этом заключается поистине плачевный результат новой теории. Но г. Туган-Барановский выдвигает практическую ценность своей теории. Однако, хотя его теория и содержит изрядный «гран этики», но она ничего не дает для практики борющегося пролетариата.

Л. Будин.

Математические формулы против Маркса.

(Закон падения нормы прибыли) [1].

I.

В предисловии к своей новой книге «Theoretische Grundlagen des Marxismus» [2]) Туган-Барановский говорит:

«Появление новой книги, посвященной критике марксизма, нуждается, быть может, в известном оправдании. Публика, повидимому, утомлена бесконечным спором «ортодоксальных» марксистов и «ревизионистов», в котором приняли самое горячее участие и буржуазные экономисты, не принадлежащие ни к одной из этих партий. Тем не менее, критика марксизма не может прекратиться до тех пор, пока названный спор не получит окончательного разрешения, так как марксизм представляет собой слишком важное явление и как научная теория и как социальное движение, чтобы не стоять в центре научного исследования нашего времени. Вот почему «современная полемическая литература есть литература о Марксе», как недавно выразился один выдающийся теоретик и вместе противник марксизма» [2]).

Настоящая книга предназначена была, повидимому, дать эту столь необходимую «окончательную» критику теории Маркса, но этой цели она не достигла: ей не удалось «окончательно» завершить эту полемику, и в этом отношении труд Туган-Барановского оказался потраченным «напрасно». Повидимому, «современной полемической литературе» суждено еще надолго оставаться литературою о Марксе.

---

[1]) «Neue Zeit» 1906/07. B. I.

[2]) Цитир. по русск. изданию: Туган-Барановский. «Теоретические основы марксизма». 4-е изд. 1918 г., стр. V.

Критика Туган-Барановского охватывает всю теорию Маркса, как философию, так и политическую экономию. Возражения Туган-Барановского против философской части теории Маркса не заслуживают особого внимания, за исключением того, что его критика симптоматична для общего философского движения наших дней, нашедшего свое адэкватное выражение в лозунге «назад к Канту» и вообще «назад». Они представляют, далее, интерес благодаря тому, что бросают некоторый свет на экономические воззрения Туган-Барановского, и если не объясняют, то извиняют некоторые его утверждения, иначе совершенно необъяснимые. В этом нет ничего удивительного, ибо странно было бы найти Туган-Барановского в числе «философов»; при виде того, что бо́льшая половина его книги посвящена исследованию материалистического понимания истории, чувствуешь почти искушение спросить: «Как попал Саул в пророки?»

Иным характером отличается его критика экономической теории Маркса. Туган-Барановский—экономист по призванию и по справедливости считается звездою первой величины на ревизионистском небе. Можно было поэтому ожидать, что часть его книги, посвященная критике экономической теории Маркса, даст материал для размышлений, и это ожидание оправдалось. Уже по своей форме его книга существенно отличается от обычной критики Маркса последних лет. Действительно, эта часть книги является образцом ясности, сжатости, точности, в отличие от обычной критики Маркса и,—как мы должны с сожалением отметить,—от первой части книги, которая также страдает неопределенностью языка, свойственной вообще антимарксистской литературе. Ясность стиля указывает обыкновенно на ясность мысли, и наоборот. Трудно найти более яркое доказательство правильности этого наблюдения, как сравнив обе части этой книги. К каким бы выводам мы ни пришли об экономических теориях Туган-Барановского, нельзя отрицать, что он—мастер своей науки. Это обнаруживается именно в его ошибках. Может показаться парадоксом, но все-таки верно, что только ученый такой теоретической подготовки и такой силы мысли мог быть вынужден внутреннею логикою разбираемой проблемы к таким крайне абсурдным утверждениям, к каким неоднократно приходит Туган-Барановский, как мы скоро увидим.

Самый оригинальный пункт критики Туган-Барановского состоит в том, что он отрицает теорию падения нормы прибыли. Это приводит его к самой абсурдной позиции, какую только можно себе представить. С точки зрения обычной критики Маркса, это было совершенно излишне. Ведь Маркс не является автором указанной теории. Напротив, она почти так же стара, как сама наука политической экономии. Маркс дал лишь соответствующее объяснение этому явлению, которое было отмечено задолго до него и вошло в идейную сокровищницу науки. Не было никакой надобности нападать на эту теорию, в которой нет ничего специфически марксистского. С другой стороны, обычная критика Маркса испугалась бы длинного списка авторитетов, признавших правильность этой теории.

Иначе поступает Туган-Барановский. С проницательностью крупного ученого он видел, что, прежде чем атаковать с успехом неприемлемые для него построения марксизма, необходимо опрокинуть эту теорию; с смелостью отчаяния он взялся за эту задачу, не устрашившись силы неприятельских позиций. Он вполне открыто говорит об этом: «Теория прибавочной стоимости может быть опровергнута только тогда, когда будет доказано, что распределение общественного дохода между различными общественными классами не вытекает из понятия прибавочной стоимости и что всеобщая норма прибыли как в своем статическом состоянии, так и в своих изменениях совершенно независима от состава общественного капитала. В последующем мы постараемся доказать это».

Туган-Барановский принадлежал когда-то к школе Маркса и отлично знает, что система Маркса представляет собою гармонически связанное целое, как ни одна другая система. Нельзя частично защищать или отвергать ее. Если теория падения нормы прибыли, представляющая лишь одно звено в цепи теории Маркса, является ложною, то должна оказаться неправильною вся теория прибыли, и не только теория прибыли, но и теории о развитии и конечной судьбе капиталистической системы. Туган-Барановский пришел к критике марксовой теории, вероятно, обратным путем: он пришел к заключению, что судьба капиталистического хозяйственного строя будет, вероятно, иная, чем то предсказывал Маркс. Понимая, что это предсказание конечной судьбы капитализма представляет строгое следствие и логический вывод из теории Маркса о действии и раз-

витии капиталистического хозяйственного строя, он пришел к выводу о ложности учения Маркса как о статическом состоянии этого строя, так и о его изменениях. Отсюда его нападки на всю систему и на все ее части. Он начинает с попытки доказать, что образование нормы прибыли, это существенное следствие закона стоимости, происходит в капиталистическом строе несогласно с формулировкою Маркса. Затем он хочет доказать, что общее развитие капитализма не соответствует требованиям марксовой теории стоимости, при чем он утверждает и пытается доказать, что норма прибыли обнаруживает тенденцию не к падению, а, наоборот, к повышению. Затем он переходит к предсказанию Маркса о конечной гибели капиталистического хозяйственного строя в результате присущих закону стоимости внутренних противоречий и надеется доказать, что это предсказание не лучше обосновано, чем теории о действии и развитии капиталистического строя и о господствующем в нем распределении стоимости.

Этот метод доказательства характерен как для Туган-Барановского, так и для данной проблемы. Пестрая куча антимарксистской литературы последних лет с несомненностью доказала одно, а именно, свою собственную недостаточность. Если эти громады критики не могли задавить под своею страшною тяжестью теорию Маркса и теперь понадобилась для этого новая книга, то очевидно, что в этой литературе был какой-то порок. Проблема требовала, повидимому, другого и более сильного метода критики. И если кто-нибудь мог взяться за такую задачу, то именно Туган-Барановский с его талантом и темпераментом. Если появление новой книги могло вообще быть оправдано, то лишь в том случае, если бы она оказалась в состоянии решить вопрос раз навсегда. Она должна была дать абсолютное, математическое опровержение учения Маркса. Тогда затраченный труд вознаградил бы себя. Таким образом Туган-Барановский конструировал три ряда математических формул, или схем, которые должны доказать его идеи относительно трех частей марксовой теории капитала и капитализма.

Первая серия формул имеет наименее существенное значение. Она должна показать, что из «статического состояния» капиталистического строя не вытекает марксова теория стоимости и прибавочной стоимости. Эта серия состоит из двух групп цифр, изображающих производство и распределение

социального дохода в виде денежных сумм и в виде трудовых стоимостей. Общественное производство состоит из трех подразделений: 1) производство средств производства; 2) производство средств потребления для рабочих и 3) производство средств потребления для капиталистов. Сперва Туган-Барановский делает общее предположение, что в этих трех подразделениях общественного производства органический состав капитала различный: он наивысший в сфере производства средств производства и самый низкий в производстве средств потребления для капиталистов. Принимая далее, что весь общественный капитал состоит из 500 единиц и что средний органический состав равняется 60 с и 40v (следовательно, 300 единиц составляют средства производства, а 200—фонд потребительных благ, из которого уплачивается заработная плата), мы получим следующее распределение капитала между тремя группами производства. В первой группе затрачен капитал, скажем, в 240, из которых 180с и 60v (в этой группе состав капитала наивысший, 75с и 25v). Во второй группе имеем капитал в 160, а именно 80 с и 80v (т.-е. состав капитала 50с и 50v). Капитал третьей группы равняется 100 и состоит из 40с и 60v (здесь состав капитала самый низкий: 40с и 60v). Принимая далее, что средняя норма прибыли равна 25, мы, на основании закона равенства прибылей, получим следующую таблицу для производства и распределения общественного дохода в денежных единицах (в миллионах марок):

I. Производство средств производства

$$180P+60A+60R=300.$$

II. Производство средств потребления для рабочих

$$80P+80A+40R=200.$$

III. Производство средств потребления для капиталистов

$$40P+60A+25R=125.$$

Буквы P, A и R обозначают здесь средства производства (постоянный капитал, по-немецки Productionsmittel), заработную плату (переменный капитал, по-немецки Arbeitslohn) и ренту (прибавочную стоимость, по-немецки Rente).

Далее Туган-Барановский дает другую таблицу, которая должна выразить тот же общественный доход в «трудовых стои-

мостях», т.-е. в количествах труда, который содержится в продуктах. Эта таблица основана на теории Маркса, что уравнение прибылей—обыкновенно говорят о законе равной прибыли на капитал—происходит таким образом, что продукты тех сфер производства, где органический состав капитала выше, чем в среднем для всего общественного капитала, продаются сравнительно дороже своей действительной стоимости; напротив того, продукты других сфер производства, где органический состав капитала ниже среднего, продаются ниже своих действительных стоимостей. Таблица дает следующие цифры (в тысячах рабочих годов):

I. Производство средств производства

$$225P+90A+60R=375.$$

II. Производство средств потребления для рабочих

$$100P+120A+80R=300.$$

III. Производство средств потребления для капиталистов

$$50P+90A+60R=200.$$

Успешно справившись с трудною задачею построить эти схемы «по Марксу», автор приходит к следующим выводам: «Сравнение обеих схем показывает, что все пропорции распределения различны в зависимости от того, выражены ли они в денежных ценах или в трудовых ценностях. Так, в первой схеме общественный переменный капитал составлял 200/625=32 процента цены совокупного общественного продукта, в то время как в трудовых ценностях он составляет 300/875=34 процента трудовой ценности того же продукта. Норма прибыли, вычисленная по денежным ценам, равняется 25 процентам. В трудовых же ценностях она составляет 200/675=30 процентов».

Все это, конечно, верно (хотя не вполне точно). Однако не было никакой необходимости затрачивать так много труда на выработку этих схем. Ибо полученные результаты уже заранее заключались в сделанных автором предпосылках проблемы. Раз автор предположил, что в тех сферах производства, где состав капитала выше или ниже среднего уровня, имеется бо́льшая часть общественного капитала, чем в какой-нибудь другой сфере, с соответственно более низким или более высоким составом капитала, так что они взаимно не уравнивались,

то тем самым он принял, что воспроизводство и распределение общественного капитала и дохода, будучи выражены в денежных единицах, должны иметь иной вид, чем если они выражены в том, что Туган-Барановский называет «трудовыми ценностями». Мы не возражаем против предпосылок Туган-Барановского; наоборот, мы считаем их вполне правильными. Но вся эта проблема так проста и самоочевидна, что нужды не было тратить так много усилий на попытку доказать ее. Если бы автор понял это, он одновременно увидел бы, что вся эта проблема не имеет ничего общего с марксовою теориею стоимости. Он должен был бы увидеть, что все это не имеет ни малейшего отношения к теории стоимости Маркса. Последняя совершенно не знает «трудовых ценностей» в том смысле, в каком употребляет это слово Туган-Барановский. Приходится поэтому удивляться следующим его тирадам по поводу этих схем:

«Мы видим, таким образом, что общественная или всеобщая норма прибыли различна, в зависимости от того, вычисляется ли она по денежным ценам или товарам или же по трудовым ценностям. Но какая из этих двух норм прибыли имеет реальное значение? Очевидно, вычисленная по денежным ценам, так как образование цен в действительности происходит на основе товарных цен. *Следовательно, доказано*, что по отношению к совокупной общественной прибыли и всеобщей норме прибыли прибавочная ценность играет не бо̀льшую роль, чем по отношению к прибыли и норме прибыли отдельных капиталистов в отдельных отраслях производства. *Всеобщая норма прибыли была бы совсем другая, чем она есть в действительности, если бы она определялась прибавочною стоимостью*».

Несмотря на то, что Туган-Барановский не избежал преувеличений, он сам, повидимому, не слишком верит в *доказательную* силу своих таблиц; его главную опору составляют две другие схемы, долженствующие доказать ложность закона падения нормы прибыли и невозможность чисто экономического краха капитализма.

Мы могли бы немедленно перейти к рассмотрению этих двух схем, но предварительно нам необходимо обратить внимание на ошибки в конструкции изложенных выше схем. Мы это делаем не потому, что придаем какое-нибудь значение этим схемам или таблицам, а потому, что они показывают, как ложно понимает Туган-Барановский относящийся сюда основной пункт

теории Маркса. Недостаток схемы тот, что из нее не видно, откуда автор берет норму прибыли в 25 процентов; ведь он не говорит нам ни слова о норме эксплоатации и прибавочной стоимости, а между тем, по Марксу, от этой нормы зависит норма прибыли, и следовательно, также средняя норма прибыли. Только благодаря тому, что Туган-Барановский забыл, что, по Марксу, норма прибыли может существовать только тогда, когда уже заранее дана норма прибавочной стоимости, он мог притти к этой конструкции, абсолютно несоединимой с учением Маркса. Возьмем пример: при норме эксплоатации в $66^2/_3$ процента (в этом случае цифры наиболее близко подходят к результатам Туган-Барановского), таблица должна была бы принять следующий вид:

$$\begin{aligned} \text{I.}\quad & 180K+60V+64R=304\ ^{1)}. \\ \text{II.}\quad & 80K+80V+42^2/_3R=202^2/_3. \\ \text{III.}\quad & 40K+60V+26^2/_3R=126^2/_3. \end{aligned}$$

Различие между этими схемами и схемами Туган-Барановского состоит в том, что первые конструированы в согласии с теориею Маркса, чего нельзя сказать о последних. Эти схемы принимают во внимание норму эксплоатации ($66^2/_3$ процента). Из этой нормы эксплоатации *вытекает* средняя норма прибыли в $26^2/_3$ процента. Стоимости трех подразделений капитала, с их дальнейшими подразделениями, составляют $280+213^1/_3+140=633^1/_3$. Но эти продукты, подчиняясь закону равной нормы прибыли, продаются, как видно из нашей таблицы, за суммы $304+202^2/_3+126^2/_3=633^1/_3$.

Наши цифры взяты так же произвольно, как и цифры Туган-Барановского. Но они построены в согласии с учением Маркса и имеют целью разъяснить смысл этого учения, не претендуя, конечно, на какую-нибудь доказательную силу. Иначе обстоит дело у Туган-Барановского. Вопреки его мнению, его схемы конструированы не только *не* «в согласии с Марксом», но даже противоречат основному закону марксовой теории, согласно которому норма прибыли и, следовательно, также средняя норма прибыли есть *результат, а не исходный пункт*. Туган-Барановский не *находит* свою норму прибыли, как то требуется

---

[1]) Буква К обозначает постоянный капитал, буква V—переменный.

Марксом, а *принимает* ее. При таком понимании теории Маркса, он мог бы, вероятно, принять любую норму прибыли, одновременно с любым способом распределения общественного капитала, с любою производительностью труда и нормою его эксплоатации. Мы не имели права пройти мимо такого прискорбного непонимания теории Маркса. Мы вынуждены были уделить внимание этой совершенно беспомощной попытке опровергнуть закон стоимости Маркса

II.

Теперь перейдем к схемам, которые должны доказать неправильность закона падения нормы прибыли. Проблема, которая должна быть разрешена с помощью схем, заключается в следующем: каким образом может и должна возрастать норма прибыли в то время, как капитал, благодаря возрастающей производительности труда, накопляется? Туган-Барановский предпосылает схемам следующее вступление:

«Весь процесс начинается, очевидно, с изготовления добавочных средств производства. Вторым его фазисом (который, впрочем, лишь теоретически может быть обособлен от третьего и в действительности совпадает с этим последним) является производительное потребление этих добавочных средств производства. В третьем фазисе увеличенная масса изготовленного продукта поступает в общественное производство и потребление, ценность единицы общественного производства устанавливается на основе новых условий производства и все общественное производство приходит в соответствие с новыми условиями техники» [1]).

Этот процесс должен быть показан в схемах, дабы мы могли усмотреть, какое влияние оказывает на норму прибыли повышение состава капитала в результате увеличивающейся производительности труда. Туган-Барановский поясняет конструкцию этих схем следующими словами:

«При построении нижеследующей схемы я предположил, что капиталисты одновременно затрачивают половину своей прибыли на изготовление добавочных средств производства, а затем вновь сами потребляют всю свою прибыль. Число ра-

---

[1]) Там же, стр. 148—49.

бочих принято неизменным. Далее предположено, что введение новых технических приемов повышает производительность труда на 25% (т.-е. на столько же увеличивается количество производимых продуктов). В то же время я принимаю, чтобы не казаться сторонником «железного закона заработной платы», что и рабочие выигрывают от поднятия производительности общественного труда: их реальная заработная плата возрастает на 10%. Выводя свой закон падения нормы прибыли, Маркс предполагал, что реальная заработная плата не испытывает перемены. При моем допущении процент прибыли должен, очевидно, упасть еще сильнее и действие закона Маркса обнаружится в още более резкой форме»[1]).

Затем следуют сфемы «*воспроизводства общественного капитала при повышении производительности общественного труда*».

ПЕРВЫЙ ФАЗИС.

I. Производство средств производства.

$$250P+125A+125R=500.$$

II. Производство предметов потребления рабочего класса.

$$100P+50A+50R=200.$$

III. Производство предметов потребления капиталистического класса.

$$50P+25A+25R=100.$$

ВТОРОЙ ФАЗИС.

I. Производство средств производства.

$$222{,}2P+88{,}9A+88{,}9R=400.$$

II. Производство предметов потребления рабочего класса.

$$97{,}8P+39{,}1A+39{,}1R=176.$$

III. Производство предметов потребления капиталистического класса.

$$180P+72A+72R=324.$$

---

[1]) Там же, стр. 149.

ТРЕТИЙ ФАЗИС.

I. Производство средств производства.

$$177{,}8P+72{,}2A+144R=400.$$

II. Производство предметов потребления рабочего класса.

$$78{,}2P+34{,}4A+63{,}4R=176.$$

III. Производство предметов потребления капиталистического класса.

$$144P+63{,}4A+116{,}6R=324$$ [1]).

Далее у Туган-Барановского следует объяснение этих схем:

«Первый фазис заканчивается изготовлением добавочных средств производства на сумму 100 милл. р. (половины всей суммы прибыли этого года, равной 125+50+25, т.-е. 200 м. р.). Таким образом, ценность постоянного капитала второго фазиса превышает таковую же первого фазиса на 100 м. р. В третьем фазисе ценность постоянного и переменного капитала изменяется соответственно новым техническим условиям производства.

«Количество средств производства, произведенных в конце первого фазиса, остается неизменным и в третьем фазисе (так как добавочный продукт, создаваемый повышением производительности труда, не накопляется, но входит в состав потребительного фонда общества). Но общее количество общественного продукта с конца второго фазиса возрастает, а трудовая ценность единицы общественного продукта понижается на 20% (ибо производительность труда повысилась, согласно предположению, на 25%). Так как в конце первого фазиса средств производства произведено на 500 м. р., то в третьем фазисе, благодаря падению трудовой ценности единицы продукта, то же количество средств производства должно иметь трудовую ценность, выражаемую 400 м. р. Число рабочих остается во всех фазисах неизменным. Если бы рабочие располагали в третьем фазисе лишь тем же количеством предметов потребления, как и в первом фазисе, то трудовая ценность переменного

[1]) Там же, стр. 149—150.

капитала 3-го фазиса понизилась бы на 20%, т.-е. спустилась бы до 160 м. р. Но так как, согласно предположению, реальная заработная плата рабочих повышается в третьем фазисе на 10%, то переменный капитал 3-го фазиса выразится суммой $160 \times {}^{11}/_{10} = 176$ м. р.

«Трудовая ценность всего общественного продукта третьего фазиса должна превышать на 100 м. р. трудовую ценность продукта первого фазиса, так как на 100 м. р. повысилась в конце 1-го фазиса трудовая ценность средств производства, которая и должна перейти без перемены в изготовленный продукт, а число рабочих, занятых во всех фазисах, остается неизменным.

«Капитал третьего фазиса равен 400 (постоянный капитал) +176 (переменный капитал), следовательно, 576. Прибыль капиталистов мы узнаем, вычтя из ценности всего общественного продукта ценность затраты капитала. Прибыль 3-го фазиса равна, следовательно, 900—576=324 м. р. Процент прибыли до введения новых средств производства был $33^1/_3\%$ $\left(\frac{200}{600}\right)$, а после этого—приблизительно 56% $\left(\frac{324}{576}\right)$, т.-е. несмотря на повышение реальной заработной платы рабочих, процент прибыли значительно возрос» [1]).

Поэтому Туган-Барановский считает правильным следующий закон движения нормы прибыли:

«Развитие производительной силы общественного труда имеет тенденцию не понижать, а повышать процент прибыли. Этот последний закон, как тенденция, есть весьма важный момент капиталистического развития». Правда, другие «тенденции вполне или отчасти уничтожают действие тенденции процента прибыли к повышению. Но эта последняя тенденция сохраняет свое реальное значение, будучи ничем иным, как капиталистическим способом выражения того факта, что количество прибавочного продукта, находящегося в распоряжении общества, относительно и абсолютно возрастает» [2]).

Это кажется таким простым и убедительным, что приходится только удивляться, как это никто до Туган-Барановского не напал на эту очевидную истину. Почему это все экономисты,

---

[1]) Там же, стр. 150—151.

[2]) Там же, стр. 153 и 154.

предшественники знаменитого Тугана, не подумали о составлении таких простых арифметических уравнений? Как могли все великие ученые, начиная с давнего времени до сего дня, «мучиться», употребляя выражение Маркса, над объяснением факта, который вообще никогда не существовал? Прежде, чем принять эту аргументацию, на первый взгляд столь правильную, мы должны рассмотреть ее поближе.

Прежде всего обратимся к цифрам автора. Тщательно рассмотрев их, мы найдем, что якобы значительное повышение прибыли появилось благодаря особенному бухгалтерскому фокусу. Действительно, приведенные цифры показывают, что капиталист не получил такой большой прибыли, какая фигурирует в итогах. Мы заметим, что 500 единиц средств производства, произведенных в первой фазе (когда имело место сбережение) и затраченных во второй фазе, уменьшились в третьей фазе до 400. Как мы видели, Туган-Барановский объясняет это тем, что в результате возросшей производительности все стоимости испытали соответствующее понижение (Туган-Барановский, повидимому, не догадывается спросить, почему же, если понижение стоимостей точь-в-точь соответствует повышению дохода, капиталисты стараются «сберегать» стоимости, которые начинают опять таять, едва только они их «сберегли»?) Его капитал понижается до 576, включая и прибавку в 10% к заработной плате. Но когда автор приходит к своим итогам, он совершенно забывает о понижении стоимости и принимает общий продукт третьей фазы равным 900, мотивируя это тем, что общий продукт, полученный нами, а именно 800, должен был увеличиться на 100 сбереженных единиц. Но ведь эти 100 единиц уже давным-давно растаяли вследствие понижения стоимостей! Это, поистине, странный способ бухгалтерии: на одной стороне главной книги стоимости понижаются, а капитал одновременно возрастает; на другой же стороне те же самые стоимости принимают опять прочные формы, причисляются прямо к прибылям, так что прибыли возрастают, и дело, повидимому, дает блестящие доходы! На самом же деле, в третьей фазе стоимость продукта, по цифрам самого Туган-Барановского, должна быть только 800, а прибыль—только 224. Это значительно понизило бы норму прибыли, а именно с 56 процентов до 39, и таким образом она не на много превышала бы первоначальную норму в $33^1/_3$ процента.

Но главная ошибка Туган-Барановского лежит не в его цифрах. Если бы даже последние были безукоризненны, его доказательства не перестали бы быть ложными. Его ошибка лежит скорее в его методе; последний позволяет ему делать предположения и принимать цифры по своему усмотрению, лишь бы только они были математически безукоризненны, и доказывать ими социальные явления; но он совсем забывает, что социальные законы, не говоря уже о социальных явлениях, не могут быть доказываемы логическими и математическими формулами и расчетами.

Что прежде всего бросается нам в глаза в «предположениях» нашего автора, так это та легкость, с которою он принимает, что общественный продукт превращается либо в капитал, либо в фонд потребления капиталистов. Он первоначально принимает общественный капитал равным 600 единицам (безразлично, миллионам, биллионам или маркам) и делит его на 400 постоянного капитала и 200 переменного, составляющего, таким образом, $33^1/_3$ процента. В один прекрасный день капиталисты решают, что их капитал должен быть увеличен, а для этого они должны «сберегать» половину своей прибыли за текущий год. Со стороны дельных капиталистов это решение весьма похвально, и возразить кое-что можно только против дальнейших рассуждений автора. Повидимому, это решение капиталистов относится только к данному году, а уже в следующем году они потребляют всю свою прибыль, возросшую за это время до 324 единиц; они, повидимому, не желают «сберегать» из своих увеличившихся «доходов». Но теперь выдвигается вопрос: что же побуждало капиталистов к такому странному поведению? Почему они отказывали себе тогда, когда их доход был сравнительно незначительный, а теперь, когда он увеличился, они целиком потребляют свою прибыль? Очевидно, что к этому их толкают не интересы дела. Но еще более подозрительным становится их поведение, когда мы видим, что во второй и третьей фазе они затратили не только свои возросшие прибыли, но даже затронули свой вложенный в дело капитал и одну часть его промотали своим расточительным образом жизни. Ибо, действительно, мы видим, что их первоначальный капитал уменьшился: до решения «сберегать» их капитал составлял 600 единиц, а после «сбережения» только 576!

Но наше удивление по поводу поведения капиталистов еще более усилится, когда мы откроем, что речь идет не только о перемене их настроения после первой сделанной ими попытки «сберегать»; их расточительность объясняется не реакцией против пуританского образа жизни, навязанного им решением сберегать; нет, именно страсть к расточительству представляет реальный мотив и скрытое намерение их фарисейского решения «сберегать». Мы видим, что, едва только они сберегли 100 добавочного капитала, как они уже затрачивают их на то, чтобы увеличить до огромных размеров свой фонд потребления, вместо того, чтобы пускать их в дело. И, как бы желая показать, что они готовы совершить этот «самоубийственный» акт любою ценою, они затратили в производстве предметов роскоши, для своей непроизводительной цели, одну часть своего первоначального капитала, которая имела гораздо лучшее приложение. Вместо того, чтобы затратить на дело, приносящее доход, 525 единиц своего капитала (250+125+100+50) и лишь 75 (50+25) для своих личных целей, как они это делали в первой фазе,—они во второй фазе затратили из своего капитала, возросшего на 100 единиц, лишь 448 на дело, приносящее доход, и целых 252 единицы на производство своего собственного фонда потребления.

Указанные схемы имеют еще одну, удивляющую нас, особенность, тесно связанную с упомянутыми уже особенностями, а именно, во всех трех подразделениях производства состав капитала показан одинаковый. Десятью страницами раньше, когда то было ему выгодно (при исследовании образования равной нормы прибыли), Туган-Барановский отлично знал, что в трех подразделениях производства состав капитала неодинаковый. Тогда он знал, что в современных капиталистических процессах производства состав капитала наивысший в первом подразделении и самый низкий в третьем; но теперь он, повидимому, совсем забыл об этом. И это не простая случайность, что теперь состав капитала неожиданно уравнен во всех подразделениях. Это уравнение имеет определенную цель; оно должно сделать возможным приложение сбереженного добавочного капитала к производству предметов роскоши для потребления капиталистов, вместо того, чтобы затрачивать его—как то обыкновенно делают капиталисты—на увеличение капитала, служащего для производства машин и других

средств производства. Если бы автор принял по-прежнему различный состав капитала, более или менее соответствующий действительным фактам, то слишком рискованным показалось бы его предположение, что сбереженный добавочный капитал затрачивается на производство средств потребления для капиталистов. Кроме того, это внесло бы в его маленькие схемы такую революцию, что все его дело испортилось бы. Но, что хуже всего, тогда оказались бы ложными все его расчеты, и он не мог бы получить более высокую норму прибыли даже на бумаге, какие бы цифры он ни брал. Для «схем» имеет поэтому существенное значение то обстоятельство, что в них забыты различия состава применяемого капитала в трех подразделениях производства.

Еще одна странность: увеличение средств производства в третьем подразделении может, конечно, привести к повышению производительности труда только в этом же подразделении; а между тем, по Туган-Барановскому, оно приводит к изменению состава капитала и во всех других подразделениях, благодаря удешевлению продукта и т. п. Но откуда, собственно, происходит увеличение прибыли в других подразделениях? Ведь производительность труда в этих подразделениях не повысилась, конечно, от введения новых машин или методов производства в третьем подразделении! Или, быть может, Туган-Барановский хочет сказать, что для повышения нормы прибыли достаточно повышения органического состава капитала, даже без одновременного повышения производительности труда?

Дальнейшего нашего внимания заслуживает то обстоятельство, что прибавка к реальной заработной плате в 10 процентов весьма незначительна. При этом мы пользуемся случаем отметить полемические «методы» Туган-Барановского. По его словам, Маркс в своих доказательствах падения нормы прибыли исходит из предположения, что заработная плата рабочих остается в стационарном состоянии. Он же, Туган-Барановский, не верит в железный закон заработной платы. Напротив, он полагает, что рабочий должен получить свою долю в великом преуспеянии, вызываемом увеличением капитала, а потому его реальная заработная плата увеличивается на 10 процентов. От этого, по его словам, его позиция по отношению к Марксу еще укрепляется. Но в действительности Маркс в

своей аргументации никогда не исходил из подобного предположения. Сам Маркс не более, чем Туган-Барановский, верил в железный закон заработной платы в такой форме. Дабы не усложнять без надобности расчеты, он пользовался в своих объяснениях такими цифрами, которые не принимают во внимание увеличение реальной заработной платы. Но этим обстоятельством он никогда не пользовался в своей аргументации, да в этом не было у него надобности. Капиталисты Туган-Барановского также повысили заработную плату рабочих не из уважения к какой-нибудь абстрактной теории или от доброты сердечной, а лишь для того, чтобы спасти от сумы самих себя... В высшей степени замечательно и поучительно, что, согласно схемам, уплата повышенной заработной платы рабочим представляет для капиталистов чистую экономию! Если бы капиталисты не повысили заработную плату своих рабочих, их капитал сократился бы до 560, вместо 576. Уплаченные рабочим добавочные 16 единиц каким-то чудом оказались экономией для капиталистов. После этого неудивительно, что эти господа постоянно толкуют о тожестве интересов капитала и труда. Но удивительно, что капиталисты не повысили заработную плату своих рабочих на 25 процентов, чем они, по крайней мере, спасли бы свой капитал от сокращения!?

Здесь мы подходим к корню всех зол. Схемы ложны в своей концепции и неправильны в своем применении. Маркс, как известно, говорит, что состав капитала повышается благодаря *возрастанию* капитала и *причине* этого возрастания. Сберегаемый капиталистом капитал вкладывается в производство для того, чтобы посредством увеличения числа машин и других средств производства удовлетворять требованиям конкуренции, и таким образом постоянный капитал увеличивается по отношению к переменному в то время, как число рабочих остается, в лучшем случае, прежнее. Капитал, следовательно, возрастает, отсюда гигантские накопления капитала последнего времени. И это происходит у капиталистов всех подразделений. Притом в бо́льшей степени в производстве средств производства (включая транспортные средства), чем в каком-либо другом подразделении. Поэтому накопление капитала в этом подразделении больше и состав капитала выше. Оба эти явления идут параллельно. Между тем, согласно схемам, сберегаемый капитал уходит только в одну сферу производства, и при-

том в ту, где, по словам самого же автора, накопление капитала наименьшее и где капитал в виде общего правила убывает, а не накопляется. Этим весь капиталистический строй ставится на голову. Согласно этим весьма умно придуманным схемам, капиталисты, если бы они продолжали «сберегать», исчезли бы скоро с лица земли, так как капитал их все уменьшается. Теперь мы открыли, наконец, секрет их странного поведения. Они поступают очень умно, не желая продолжать эксперимент «сбережений», обошедшийся им так дорого. Странно только, почему они вообще предприняли этот эксперимент? Нет, величайшее из чудес, над которыми человечество ломало себе когда-нибудь голову, заключается в следующем: *каким образом капиталисты приобрели свой капитал? путем ли сбережения или отказом от сбережения?*

В то время как вопрос о приобретении капитала представляет огромнейшие трудности, вопрос о том, как сохранять его в неприкосновенности, ясен, как день. Счастливым владельцам капитала надо только раз навсегда усвоить себе, что они не должны сберегать. Но если бы какому-нибудь смелому капиталисту все же пришла охота сберегать, схемы Туган-Барановского будут служить грозным предостережением против таких попыток для капиталистов всех позднейших поколений. Эти схемы рассказывают повесть о честолюбии капиталистов, которое вызвало их разорение и необходимо привело бы к полному уничтожению капитала и исчезновению породы капиталистов,—несмотря на все их благодеяния по отношению к рабочим,—если бы капиталисты не отказались во-время от своего честолюбия, удовольствовавшись прежним состоянием и ведя бездеятельный, но роскошный образ жизни восточных потентатов...

И все это говорится при виде огромного возрастания капитала в капиталистическую эпоху, и особенно в последние годы! Поистине, при виде такой аргументации нам приходится только удивляться!

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ · МОСКВА ·
1922